

**Политический консенсус в XXI веке:
противодействие идеологии терроризма
и обеспечение безопасности**

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Институт социальных наук
Социологическая лаборатория региональных проблем и инноваций

ОБЩЕСТВЕННАЯ ПАЛАТА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ
Комиссия по науке и образованию

**Политический консенсус в XXI веке:
противодействие идеологии терроризма
и обеспечение безопасности**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

УДК 316.485.26
ББК Ф3(0)63
П50

*Сборник научных трудов подготовлен
в рамках мероприятий, посвященных противодействию
терроризма и экстремизма в XXI веке*

Научный редактор:
д-р социол. наук, проф. *Т. И. Грабельных*

П50 **Политический консенсус в XXI веке: противодействие идеологии терроризма и обеспечение безопасности** : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [науч. ред.: Т. И. Грабельных]. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. – 366 с.

ISBN 978-5-9624-1535-2

Научные материалы отражают природу и условия достижения политического консенсуса в XXI в. в свете проблем противодействия идеологии терроризма и обеспечения безопасности. Базовые концептуальные положения научных трудов были апробированы на Межрегиональной научно-практической конференции «Культура политического консенсуса и толерантность в деятельности управленческих и общественных структур в условиях современных угроз и вызовов» (г. Иркутск, 10 апреля 2017 г.). Авторы акцентируют внимание на современных стратегиях, методах и практиках противодействия терроризму и экстремизму в начале нового столетия. В работе широко освещаются модели общественного развития в условиях угроз, вызовов и рисков в контексте реализации принципов политического консенсуса и толерантности. Результаты социологических исследований показывают место и роль политического консенсуса в деятельности управленческих и общественных структур как вектора развития гражданского общества в России.

Издание предназначено для научно-образовательного сообщества, ведущих субъектов регионального развития, представителей органов власти и общественности, молодежи, а также для всех, кто интересуется технологиями политического консенсуса в России и мире в современную эпоху.

УДК 316.485.26
ББК Ф3(0)63

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
РАЗДЕЛ 1. СОВРЕМЕННЫЕ СТРАТЕГИИ, МЕТОДЫ И ПРАКТИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ И ЭКСТРЕМИЗМУ В XXI ВЕКЕ	
Бобков А. И., Решетников В. А. Археоавангард как технология противодействия распространению идеологии терроризма в россий- ском обществе	9
Романов Г. И., Путь А. В. Перспективы развития терроризма в России и проблемы противодействия	15
Васильев М. А. Противодействие терроризму в среднеазиат- ском регионе с учетом современных стратегий и тактик деятельности террористов	26
Деренко Н. В. Анализ результатов исследовательского проекта «Коррупция в вузах: решение проблемы через самоанализ и позитив- ную практику»	30
Бояркина В. В. Отражение элементов террористической направленности в современных мультфильмах (в аспекте влияния на мировоззрение детей).....	42
Косолапова Ю. А. Актуальные проблемы противодействия идеологии терроризма в фокусе международных и национальных кон- ференций 2016–2017 гг.	44
Лукьянов К. Ю. Проблемы коммуникативной безопасности в обществе риска (в аспекте противодействия идеологии терроризма)	46
Плюснина Т. А. Основные меры по борьбе с терроризмом в РФ в период с 2006 по 2017 гг.	49
Пустобаева В. И. Совершенствование механизмов информа- ционного взаимодействия по вопросам сохранения культурного наследия в российских городах	52
Родак О. И. Демографические угрозы в концепции националь- ной безопасности России.....	54
Гончар А. С., Костяева М. О., Кушкова А. Д. Мнения и оцен- ки населения и экспертов по вопросам противодействия идеологии терроризма в 2015–2017 гг. (по результатам вторичного анализа мате- риалов социологических исследований).....	58
Горовая А. В. Анализ и оценка информированности молодежи об угрозах терроризма для общества (на примере крупных и малых российских городов).....	60
Егорова М. А. Эффективность деятельности правоохранитель- ных структур в условиях обострения террористической угрозы	63
Пленкова А. О. Ислам и терроризм	65
Евстропьева А. Г. Религиозный фанатизм как основа проявле- ния засилия «общества театра».....	67

Бахтаиров Д. С. Психологическая подготовка сотрудника к работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья	72
Полюшкевич А. В. Терроризм в условиях социальных рисков	76
Батянова А. И. Страхование от риска терроризма	81

РАЗДЕЛ 2. МОДЕЛИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ УГРОЗ,
ВЫЗОВОВ И РИСКОВ: РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ
ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНСЕНСУСА И ТОЛЕРАНТНОСТИ

Ушаков С. В. Перспективы территориального развития в рамках политического консенсуса	85
Попова М. В. Роль территориального бренда в построении гражданского общества	90
Полюшкевич М. А. Бренд территории как условие социального партнерства (на примере города Ангарска)	95
Грицких Н. В. Основные причины уязвимости моногородов в условиях нарастающих социально-экономических угроз	99
Гусельникова Т. О. Экономическая безопасность в условиях современных угроз (на примере промышленных предприятий Иркутской области)	101
Скуденков Е. В. Экономический кризис и социальное самочувствие населения	104
Васина Е. С. Категория «личной экономической безопасности» для студенческой молодежи в России	109
Борисова Ю. В. Влияние конкурентоспособности территории на ее маркетинговый потенциал	111
Петров С. А. Стратегическое управление городом в условиях общественных рисков	116
Скуденков В. А. Мифологическое моделирование экономических притязаний в обществе риска	119
Понятовская Е. А. Управление карьерой государственного служащего в условиях общественного риска	122
Мамурков Е. В. Управление социальными угрозами: представления и реальность	128
Иванов Р. В. Толерантность в виртуальной среде	131
Беляева Е. С. Политическая толерантность и социальное самочувствие	136
Бойченко К. Р. Воспитание личности в семье в условиях современных угроз и вызовов	140
Гуринович Л. А. Представление студентов об особенностях формирования безопасной среды вуза посредством системы социальной и воспитательной работы	143
Заварзин С. П., Заварзин Н. С. Социокультурное развитие Иркутской области	145
Борисова К. Д. Культура межличностного общения студенчества: воспитание толерантности у студентов университета в сложных	

социально-политических условиях современной российской действительности	148
Гамерник Е. В. Развитие межкультурных коммуникаций как следствие повышения культуры политического консенсуса в России (на примере сферы туризма).....	151
Крюкова У. В. Межкультурный обмен в условиях политической нестабильности	153
Бенчарова Ю. П. Туризм как фактор глобализационного развития: проблемы и последствия	155
Крупенёва К. А. Толерантность населения к миграции молодежи из других стран (Россия – Европа).....	159
Мамонова А. Д. Роль общественности в развитии спорта в регионе (на примере Иркутской области)	161
Николаева Е. В. Основные векторы ГМП в условиях нарастания угроз и вызовов.....	163
Костяева М. О., Кушкова А. Д., Заборская А. Н., Гончар А. С. Отношение к Чужому в повседневной жизни	166
Загородний В. Д., Аль-Мандиль А. М., Кожевников Н. Б., Раднаев Я. Д. Молодежные культуры и субкультуры Иркутской области	168
Мурашова Л. С. Влияние угроз и вызовов на состояние современного высшего образования.....	172
Аскерова В. О. Толерантность как регулятор общественных отношений в условиях реорганизации вуза.....	176
Прончина Д. К. О важности трудоустройства молодежи в условиях современных угроз и вызовов	180
Кольчугина М. В. Специфика подготовки кадров для социальной сферы региона в условиях нестабильности.....	183

РАЗДЕЛ 3. ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНСЕНСУС В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ СТРУКТУР КАК ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

Грабельных Т. И. Роль общественных советов в установлении «консенсусного» взаимодействия органов власти и общественности.....	186
Полюшкевич О. А. Социальная солидарность в условиях политического консенсуса	189
Пархоменко А. Н. Актуальность общественного контроля на современном этапе становления гражданского общества в России	195
Морева А. А. Реализация функций субъектов государственного управления с учетом мер противодействия коррупции (на примере службы записи актов гражданского состояния Иркутской области).....	197
Мясникова А. С., Гольцова Е. В. Телевидение и Интернет как каналы политической информированности населения: сравнительный анализ.....	200
Батьянова Л. Н. Формы социальной ответственности гражданских инициатив	204

Трескин П. А. Гражданское общество: мифы протеста или консенсуса?.....	207
Тульцова Е. В. Роль национально-культурных центров в достижении межнационального согласия в российском регионе (на примере Иркутской области).....	211
Пружинин А. Н. Толерантность молодежи: динамика и статика трансформаций.....	213
Батьянова Е. И. Политическая активность молодежи как условие профилактики экстремизма.....	217
Годван В. А. Духовная безопасность как принцип в деятельности управленческих и общественных структур.....	221
Александрова М. В. Образ жизни родителей в семьях с детьми как фокус внимания управленческих и общественных структур.....	224
Галкина А. В. Динамика преступности в свете проблем борьбы с коррупцией в России.....	227
Огнева И. Е. Толерантность к лицам, освобожденным из мест лишения свободы, как индикатор консенсусной культуры в условиях современных вызовов.....	230
Ковригина Г. Д. Культура политического консенсуса: паттерны восприятия.....	234
Аносов С. С. Оценка развития гражданского общества в культуре политического консенсуса.....	237

РАЗДЕЛ 4. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ РАЗРАБОТКИ
ИРКУТСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ
«КОНСЕНСУСНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ» РАЗНЫХ ЛЕТ

Грабельных Т. И. Культура политического консенсуса как важнейшее условие его реализации.....	243
Лесниковская Е. В., Грабельных Т. И. Социальное творчество как доминанта социального развития региона: интегративный аспект.....	250
Саблина Н. А. Особенности внутрисемейной толерантности как способа гармонизации семейных отношений в России.....	263
Башкатова Т. Б. Сущность и особенности проявления современного гуманизма.....	299
Грабельных Т. И., Широкова А. А. О состоянии гражданского общества в Иркутской области. 2008 г.	319
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	361

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее издание подготовлено по материалам Межрегиональной научно-практической конференции «Культура политического консенсуса и толерантность в деятельности управленческих и общественных структур в условиях современных угроз и вызовов» (10 апреля 2017 г.). В работе обозначена одна из связующих нитей в современных теориях социального мира – идея о необходимости реализации принципов политического консенсуса и толерантности в условиях угроз, вызовов и рисков и важности согласованного взаимодействия субъектов. Концепция согласия в политике отчетливо прослеживается во все времена социальной (политической) нестабильности, кризиса и несогласия в обществе. Со времен Римской Империи и до сегодняшнего дня термин «консенсус» входит в число базовых категорий, характеризующих отношения общества и государства. С середины XIX в. появляются первые социологические интерпретации консенсуса. В первой отечественной работе по культуре политического консенсуса¹ справедливо подчеркивается, что термин консенсус получил свое новое рождение в XIX в., в значительной степени благодаря О. Конту, который ввел его как объяснительное понятие в социологическую теорию. Именно с этого времени стали разрабатываться ключевые механизмы социального консенсуса. Сформировалась известная в России и за рубежом «школа консенсуса». В России понятие «консенсус» вошло в политический лексикон в конце 1980-х гг. в условиях глубочайшего кризиса власти². Как показывает исторический опыт, необходимость в переосмыслении и развитии данной категории всякий раз возникает в условиях нарастания внешних и внутренних угроз.

Во взглядах ученых и практиков на нынешнем рубеже развития цивилизации прослеживается мысль о формировании новой методологии, позволяющей проводить объективный анализ и оценку стратегий, методов и практик противодействия терроризму и экстремизму в XXI в. Учитывая современные векторы общественного развития, сборник научных трудов отражает ключевые проблемы развития гражданского общества в России. Категория «политический консенсус» прослеживается через совместную деятельность управленческих и общественных структур. В работе впервые представлены исследовательские разработки иркутской социологической школы «консенсусного взаимодействия» разных лет, отражающие различные аспекты социального развития России.

В фокусе внимания ученых, специалистов-практиков и общественности оказывается целый комплекс вопросов, требующих комплексного анализа: культура политического консенсуса и технологии противодействия идеологии терроризма в условиях современных угроз и вызовов; культура

¹ Грабельных Т. И. Культура политического консенсуса : дис. ... канд. социол. наук: 22.00.05 – политическая социология. М. : Моск. пед. гос. ун-т им. В. И. Ленина, 1993. С. 18–22.

² Там же. С. 89.

политического консенсуса и толерантность в деятельности общественных структур на региональном уровне; эффективность современных подходов в сфере воспитания детей и молодежи как условия повышения культуры политического консенсуса и толерантности в деятельности образовательных организаций, управленческих и общественных структур.

Научное издание состоит из 4 разделов: 1) «Современные стратегии, методы и практики противодействия терроризму и экстремизму в XXI в»; 2) «Модели общественного развития в условиях угроз, вызовов и рисков: реализация принципов политического консенсуса и толерантности»; 3) «Политический консенсус в деятельности управленческих и общественных структур как вектор развития гражданского общества в России»; 4) «Исследовательские разработки иркутской социологической школы «консенсусного взаимодействия» разных лет». В работе широко представлены студенческие труды, значительная часть из которых выполнена на базе социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ» в рамках основного научного направления Иркутского государственного университета на 2015–2019 гг. «Развитие социальных структур и социальных институтов в аспекте социальных взаимодействий России и современного мира» (научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Т. И. Грабельных).

Мы выражаем особую признательность всем авторам, принявшим участие в подготовке сборника.

РАЗДЕЛ 1. СОВРЕМЕННЫЕ СТРАТЕГИИ, МЕТОДЫ И ПРАКТИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ И ЭКСТРЕМИЗМУ В XXI ВЕКЕ

УДК 316.74:1

Бобков А. И., Решетников В. А.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

АРХЕОАВАНГАРД КАК ТЕХНОЛОГИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ИДЕОЛОГИИ ТЕРРОРИЗМА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Рассматривается понятие археовангарда в контексте противодействия распространения терроризма в российском обществе.

Ключевые слова: археовангард, терроризм, противодействие.

«Философия бомбы» столь эффективная в условиях господства квази-философии и квазирелигии, теряет себя, если кто-то посмеет начать философствовать в пустоте социального, тем самым наполняя его смыслом. «Без философии, без ее безумия человек задохнется в скорлупе своей субъективности. Историк лишает философию ее безумия. Философ – это «волонтер духа», способный разогреть себя до плазменного состояния своей самости. Историк видит в философии какие-то знания о мире. Но философия – это не знания, а один из важных органов самопорождения человека, орудие самосоздания человеком в себе человеческого» – так определяет смысл философской технологии Ф. И. Гиренок [4, с. 20].

Возрождение мудрости народа в философии происходит само собой. Поэтому террорист и возникает тогда, когда историк философии доказал ее «неэффективность» путем прерывания истока философии в мудрости народа. Он сумел извратить ситуацию так, что «Сентенции раздаются, словно сама мудрость народа; дефиниции, составляющие целую науку, следуют друг за другом, словно холодные четкие команды. «Принципы должны быть умеренными, законы – неумолимыми, смертные приговоры – окончательными». Это стиль гильотины» [7, с. 214]. Мудрость народа не в терроре, там масса. Но масса полагает, что ее террор не вызовет ответа со стороны народа, его просто нет как социального субъекта. Народ, окликнутый массой, не откликается. А это ведет интеллигенцию к отчаянию и поэтому к ее желанию путем террористических актов уже против массы превратить ее в доселе невиданный народ без антагонизмов. Если в данном контексте определить смысл идеологии терроризма, то это технология создания ситуации, «...когда теория овладевает массами» [9]. Материальная

сила, уничтожаемая материальной силой, это состояние бездуховного массового человека, созданного игнорированием религиозных традиций. Образ истории без религии, когда объект и только объект актуализирован, приводит к состоянию террористического эгоизма. «При капитализме же субъекты эмансипируются, полагают себя свободными от средневековых религиозных верований; взаимодействуя друг с другом, они ведут себя как рациональные утилитаристы, руководствующиеся исключительно эгоистическими интересами» – резюмирует С. Жижек [5, с. 21]. Агрессия изгоя, изверга, столь преследуемая традиционными типами веры, превращается в энергию повышенной социальной мобильности. Эгоизм и эгоцентричная идеология, направленная против народа, полагающая его несуществующим, рисует образ человека без традиции. «Подобно тому как философия находит в пролетариате свое *материальное* оружие, так и пролетариат находит в философии свое *духовное* оружие, и как только молния мысли основательно ударит в эту нетронутую народную почву, свершится эмансипация *немца в человека*» – отмечал Карл Маркс [9].

То есть до создания теории марксизма человеческого в человеке и не было. Народ «бесчеловечен», ибо не дает места идейной массе, но и она бесчеловечна до тех пор, пока не отречется от национального в пользу классового. Таков модернизаторский пыл любой идеологии. Поэтому говорить об этнорелигиозном терроризме весьма проблематично. Ведь этнос и терроризм требуют проживания человека в разных временах.

Во времени архаической традиции места массовому убийству соплеменников и чужаков нет. Это отсутствие объясняется Р. Жираром тем, что в силу господства в нем моносубъектной социальности, основным сосредоточением социального сознания в отношении социальной безопасности выступает месть, как феномен вызывающий социальное самоубийство. «Таким образом, месть – это бесконечный, нескончаемый процесс. Всякий раз, как она возникает в какой-то точке сообщества, она хочет распространиться и завладеть всем социальным организмом. Она может привести к настоящей цепной реакции с последствиями, которые, в обществе ограниченных размеров, очень скоро становятся фатальными. Умножение кар ставит под вопрос само существование общества» – определяет Р. Жирар [6].

Здесь сразу вспоминается казнь первомартовцев, против коей поступили возражения со стороны Л. Н. Толстого и В. С. Соловьева. В. С. Соловьев, в частности, отметил: «Настоящая минута представляет небывалый дотоле случай для государственной власти оправдать на деле свои притязания на верховное водительство народа. Сегодня судятся и, вероятно, будут осуждены убийцы царя на смерть. Царь может простить их, и если он действительно чувствует свою связь с народом, он должен простить. Народ русский не признает двух правд. Если он признает правду Божию за правду, то другой для него нет, а правда Божия говорит: «Не убий». Если можно допускать смерть, как уклонение от недостижимого идеала, убийство для самообороны, для защиты, то убийство холодное над безоружным пре-

тит душе народа. Вот великая минута самоосуждения и самооправдания. Пусть царь и самодержец России заявит на деле, что он прежде всего христианин, а как вождь христианского народа, он должен, он обязан быть христианином» [8]. Ему вторит Л. Н. Толстой, утверждавший: «Государь! По каким-то роковым, страшным недоразумениям в душе революционеров запала страшная ненависть против отца Вашего – ненависть, приведшая их к страшному убийству. Ненависть эта может быть похоронена с ним. Революционеры могли – хотя несправедливо – осуждать его за гибель десятков своих. Но Вы чисты перед всей Россией и перед ними. На руках Ваших нет крови. Вы – невинная жертва своего положения. Вы чисты и невинны перед собой и перед Богом. Но вы стоите на распутье. Несколько дней, и если восторжествуют те, которые говорят и думают, что христианские истины только для разговоров, а в государственной жизни должна проливаться кровь и царствовать смерть, Вы навеки выйдете из того блаженного состояния чистоты и жизни с Богом и вступите на путь тьмы государственных необходимостей, оправдывающих все и даже нарушение закона Бога для человека» [8]. Эти два умозаключения исходят как раз из понимания того, что соперничество интеллигенции и государства выводит общество из состояния модерна в состояние сконструированной этноархаики, где соперничество между бомбой и государственным аппаратом, заканчивается государством террора. И поэтому стратегия государства заключается в том, чтобы замещающей жертвой стал не поддавшийся идеологии терроризма субъект, а слепое насилие, ведущее к социальному самоубийству. Это обеспечивается только пониманием того, что светское государство, отказавшееся от разрушительного характера мести и религиозных ритуалов ее погашающих не поняла почему религия не исчезает. «Функция религии, в частности ритуалов, состоит в том, чтобы предотвращать соперничество, лежащее в основе подражания, посредством систематического осуществления предварительного, фактического насилия; другими словами, не давать возникнуть разногласиям в социальном порядке» – отмечает И. Ю. Шевченко [10, с. 111]. Отсюда следует, что беззащитное от социального самоубийства первобытное общество понимает, что это явление вызывает цепная реакция мести. А идеология терроризма пытается эту месть сделать основой социального порядка. И это непонимание есть результат приумножения непонимания социального порядка первобытных обществ и религиозных ритуалов, обозначающих профилактическое воздействие, направленное на погашение мести не только внутреннему, но и внешнему сопернику: «Ясно, что в мире, где малейшая ошибка может привести к чудовищным последствиям, человеческие отношения отмечены осмотрительностью, которая нам кажется чрезмерной, и требуют предосторожностей, которые нам кажутся непостижимыми. Становятся понятны долгие обсуждения перед всяким поступком, какого не предусматривает обычай. Легко разъяняется нежелание ввязываться в игру или соревнование известного типа, которые нам кажутся вполне безобидными. Когда людей

отовсюду осаждают непоправимое, они обнаруживают ту «благородную серьезность», рядом с которой наши суетливые повадки всегда выглядят несколько комично. Коммерческие, бюрократические или идеологические заботы предстают на этом фоне как суетность» [6].

Терроризм ни одной из традиционных религиозных систем не оправдывается, ибо его ориентация на убийство предусматривает отбрасывание общества в духовном и материальном развитии в современных условиях и гибель в условиях первобытных. Терроризм в странах ислама приводит к тому, что ни одно из государств исламского мира не обладает мощью серьезного геополитического игрока, за исключением Турции и Саудовской Аравии. Но если Турция совершила один из самых страшных актов террора в истории человечества (имеется в виду геноцид армян), то Саудовская Аравия была построена на основе квазирелигиозной идеологии терроризма, когда ей была предложена сконструированная этноархаика, предполагающая преследование инакомыслия. «В среде ваххабитов фанатизм принимал крайние необузданные формы. Убеждение, что их противники «неверные» и «многобожники» оправдывало жестокость по отношению к ним. Одновременно фанатизм спланировал и дисциплинировал ваххабитов, воодушевлял их на военные подвиги. Таким образом, создавались предпосылки для объявления священной войны (джихада) всем неваххабитам» – резюмировал свой анализ ваххабизма известный арабист А. М. Васильев [2, с. 111].

Для успешного противостояния идеологии терроризма следует понять, что наиболее мощной технологией противостоящей сконструированной этноархаике выступает археоавангардизм. Его смысловое отличие состоит в том, что идею материального понимания истории он заменяет на идею духовного преобразования субъекта, который в состоянии признать полисубъектную социальность в качестве необходимой силы освобождающей от агрессивной идеологии. Ведь в условиях пост-модерна возникла ситуация, когда посредничество между миром традиции и миром пост-модерна взял на себя террорист. «Как трикстер традиционного общества является медиатором между сферами сакрального и профанного, так антигерой-террорист есть определенный посредник между мирами традиционализма (исламский терроризм как носитель сакральности) и модерна-постмодерна (рафинированное секулярное современное общество лишённое сакральности). Напомним, что многие из лидеров исламского террористического движения, позиционируемые как авангард мирового терроризма, получили образование в европейских странах, некоторые из них жили на Западе, или же были обучены «террористическому ремеслу» под руководством американских и европейских наставников, так наиболее известная террористическая организация, Аль Каеда есть порождение спецслужб США» – отмечают С. Н. Борисов и О. С. Борисова [1, с. 259]. Примечательно, что образ трикстера возникает тогда, когда нет доверия и мудрецу и ребенку как образам воплощения мыслящего субъекта, т. е. наблюдается пост-модернистский кризис мышления. По мнению Д. А. Гаврилова,

«Трикстер – это неподконтрольная никому фундаментальная Сила, результат действия которой непредсказуем, даже для самого Трикстера. Трикстер – это провокатор и инициатор социо-культурного действия и изменения творения, которое выглядит как порча» [3, с. 360].

В связи с таким мощным культурным кризисом западного мира и других миров, испытывающих не только удары квазирелигиозного этноархаического терроризма, но и глобального терроризма транснационального капитала, необходимо более подробно разобраться в археоавангарде как социально-антропологической технологии торжества системы человеческого над антисистемой этноарахаической роботизации социального сознания. Диагностика антисистемы, порождающей терроризм, выглядит у Ф. И. Гиренка следующим образом: «Центрированный социумом человек должен быть в постоянном движении, в действии. Его работа не должна прекращаться ни на минуту. Даже во сне он должен работать. Его действия исключают всякую паузу, созерцание, размышление. Во всякое время он готов ко всему. В нем ценится эмоция риска, поиск нового, желание быть первым [4, с. 26]. В этих рамках социальности идеология терроризма выступает как желание власти присвоения, вместо власти производства. И то, и другое анонимно, ибо поименовать субъекта власти, значит привлечь его к ответственности. Для пост-модерна это недопустимо. Ведь постмодерн выбирает путь, когда не мыслит никто. Он создает состояние потерянного разума, когда постмодерн «...это отказ от ума, от необходимости думать самому. И, следовательно, отказ от непроявленного, от дословного, от необходимости иметь стыд и совесть» [4, с. 51]. А если не думает субъект власти, то орудие власти тоже не думает. А значит, почва для распространения идеологии терроризма вполне созрела.

Всему этому противостоит археоавангард. Он предотвращает то, что необходимо терроризму, а именно отказ от самости. Террорист стремится к максимальной публичности, как продукт эпохи пост-модерна. «Существование сводится к продуцированию изображения, обликов. Именно отсюда стремление террористов к своеобразной презентации своих действий, именно поэтому террористический акт непременно требует наличие зрителя, средств массовой информации, транслирующих происходящее на весь мир» – поясняют С. Н. Борисов и О. С. Борисова [1, с. 260]. Археоавангард же эту публичность и разрушает как технологию потери самости, он видит ее разрушительное действие и предотвращает его.

Как это происходит? По всей видимости, технология археоавангарда покоится на том, что потерянная идентичность в условиях коей и произрастает влечение к идеологии современного терроризма, не является таковой. Потеря идентичности в рамках данной концепции фиксируется как прекращение процесса осмысления самобытности. Террор не имеет успеха тогда, когда человек находится в центре мира, а не на его периферии. При этом он достиг этого состояния не за счет соперничества с другим, а за счет преодоления соблазна утвердить самобытность за счет стирания ее границ

путем насилия. Археовангард в противоречие постмодернизму ставит границы там, где постмодернизм их стер. Но его постановка границ это результат символического отказа «другому» в его возможности воздействовать на сознание. Идентичность в его концепции найдена давно и поддерживалась тем, что называется мыслью одинокого мудреца. Его религиозным опытом. опытом, направленным на преодоление искушения публичности. «В выборе между самостью и коммуникацией постмодернизм выбирает коммуникацию, а археовангард – самость. Думать самому – значит быть одиноким. Одиночество вредит социальности. В основе любой публичности лежит отказ от самости. Этот отказ закреплен постмодернизмом в точке неразличности истины и лжи, симулятивного и подлинного» – такова сущность технологии археовангарда, представленная Ф. И. Гиренком [4, с. 52].

Оказавшись в рамках общества постмодерна, субъект стремится достигнуть самой выгодной формы публичности. Попасть в центр внимания так, чтобы его насилие было тотальным, т. е. способным сделать публичным все. Поэтому он вполне понимает, что это насилие внешнее и означает насилие над другим путем насилия над своим собственным телом. Не случайно подрыв другого как цель терроризма, есть стирание границ собственного тела экстерриториальным способом. Имеет ли это исторический смысл? В постмодерне, в модерне и археовангарде нет. «Общество постмодерна не имеет границ и территорий. Оно состоит из коммуникаций. Общество археовангарда состоит из людей, раздавливаемых тяжестью публичного. Архе превращает внешние стимулы во внутреннюю мотивацию. В дисциплинированный энтузиазм человека», – проводит технологическую грань Ф. И. Гиренк [4, с. 52–53].

Поэтому до тех пор, пока мы будем смешивать сконструированную этноархаику и археовангард, определять границы самобытности путем постмодернистских технологий, применять понятие «этнорелигиозный терроризм», как некое фундаментальное понятие, – до тех пор мы не сможем найти эффективной технологии для профилактики распространения идеологии терроризма. Если утверждать тот факт, что состояние прекращения самобытного мышления и есть первооснова для распространения идеологии терроризма, то необходимым условием представляется утверждение отсутствия данного прекращения. Самобытное мышление длится тогда, когда очевидной вновь становится истина гласящая, что смысл истории не может быть найден только одним из социокультурных субъектов. Если же таковой субъект пытается утвердить себя в статусе единственного определителя смысла истории, то необходимо вновь провести стертые им границы самобытности. При этом необходимо помнить, что такие границы строятся не за счет экспансии или стирания границ самобытности другого, а за счет понимания той колоссальной работы, которая проделана была первобытным мышлением по их установлению с одной стороны и необходимости его реконструкции с другой.

При этом никто не стремится покончить с прогрессом, но вопрошать о цене материального прогресса необходимо. Если материальный прогресс

достигается за счет духовного регресса, то следует понять, что цена слишком высока. «Массовый убийца» масс – есть самоубийца, позволяющий этим массам в качестве мести совершить социальное самоубийство. Терроризм на сегодняшний день силен там, где государство имеет симулятивный суверенитет, а первобытные запреты социального самоубийства невозможны, в силу того, что усилен феномен сконструированной этноархаики, где много действий и мало мысли. Идеология терроризма убивает мысль крайней формой безумия, а мысль убивает идеологию терроризма обнаружением смысла там, где постмодерн запретил его искать.

Литература

1. Борисов С. Н., Борисова О. С. Философско-культурологический анализ современного терроризма // Науч. ведомости Белгор. гос. ун-та. 2007. № 9. С. 253–262.
2. Васильев А. М. Пуриране ислама? Ваххабизм и первое государство Саудидов в Аравии (1744/45–1818). М. : Наука, 1967. 264 с.
3. Гаврилов Д. А. К определению трикстера и его значимости в социо-культурной реальности // Философия и социальная динамика XXI в.: проблемы и перспективы : материалы I Всерос. науч. конф. (Омск, 15 мая 2006 г.). Омск : СИБИТ, ИПЭК, СРШБ (колледж). 2006. С. 359–368.
4. Гиренок Ф. И. Удовольствие мыслить иначе. М. : Акад. проект, 2008. 235 с.
5. Жижек С. Возвышенный объект идеологии / пер. с англ. В. Софронов. М. : Худ. журн., 1999. 236 с.
6. Жирар Р. Насилие и священное [Электронный ресурс]. URL: http://royallib.com/read/girar_rene/nasilie_i_svyashchennoe.html#61440 (дата обращения: 31.10.2016).
7. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / пер. с фр. И. Я. Волевича [и др.]. М. : Политиздат, 1990. 415 с.
8. Кельнер В. Е. 1 марта 1881 г. Казнь императора Александра II [Электронный ресурс]. URL: <http://coollib.com/b/166868/read> (дата обращения: 31.10.2016).
9. Маркс К. К критике Гегелевской философии права [Электронный ресурс]. URL: https://www.marxists.org/russkij/marx/1844/philosophy_right/01.htm (дата обращения: 28.10.2016).
10. Шевченко И. Ю. Архаическое и современное социального порядка: сакральное и насилие // Теория и практика обществ. развития. 2010. № 3. С. 109–114.

УДК 323.28(47)

Романов Г. И.

писатель, кандидат исторических наук, доцент

Путь А. В.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРОРИЗМА В РОССИИ И ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Рассматриваются перспективы развития терроризма в современном обществе. Автор предлагает пути решения проблем противодействия терроризма в российском обществе.

Ключевые слова: терроризм, противодействие, конфликт, угроза.

Государственный переворот на Украине, совершенный в феврале 2014 г. и последовавшая за ним гражданская война в Донбассе, война в Сирии, агрессия Запада против Ливии, целая череда «цветных революций»,

прокатившихся по азиатским странам, наглядно показали цели «однополярного мира». Того самого, что выстраивают США и страны Европейского Союза за последнюю четверть века, последовавшую за развалом СССР.

Запад, несмотря на объявленную им приверженность «идеалам демократии и свободы», фактически продолжает вести политику неокOLONиализма, бороться всеми силами и средствами за сохранение своего многовекового господства в мире и перераспределения в свою пользу природных ресурсов планеты. Данная задача обусловлена желанием государств «золотого миллиарда» обеспечить себе более высокий уровень благосостояния за счет стран «третьего мира», в том числе своих бывших противников и колоний.

Согласованная политика «Большой семерки», наличие мировых резервных валют в виде доллара и евро (в меньшей степени британского фунта, канадского и австралийского долларов, швейцарского франка) позволяли поддерживать в последние годы глобальное экономическое доминирование в мире, которое подкрепляется силовой составляющей в виде военного блока НАТО.

Объявленное президентом США Б. Обамой и подхваченное преемником Д. Трампом право «исключительности» американского государства подтверждает приверженность выдвинутой еще в 1946 г. бывшим премьер-министром У. Черчиллем концепции, согласно которой только одни англо-американцы должны управлять миром в качестве «богом избранного народа». Однако в последние годы господствующее веками политико-экономическое положение Запада стало серьезно оспариваться развитыми странами «третьего мира» – Китаем, Индией, Бразилией, Южной Африкой и некоторыми другими азиатскими, африканскими и латиноамериканскими государствами.

Сильную озабоченность США и ЕС за сохранение «статус кво» вызвала и выходящая из затянувшегося после распада СССР социально-экономического кризиса Россия. Это особенно наглядно показала короткая пятидневная война в «олимпийском» 2008 г. с Грузией, которая закончилась почти паническим бегством вооруженных формирований закавказской страны из оккупированной части Южной Осетии.

Создание на постсоветском пространстве ЕАЭС и ОДКБ, азиатского блока ШОС, и главным образом БРИКС, желание целого ряда стран присоединиться к этому экономическому блоку, который уже сейчас включает в себя половину населения мира и более трети его промышленных мощностей при огромных природных ресурсах, не могло не вызвать самого резкого противодействия Запада. Особенную активность здесь проявляют США, для которых сама перспектива появления столь мощного конкурента, и особенно некой третьей мировой резервной валюты, которая может не просто ослабить, но вытеснить из ряда сфер американский доллар, тиражируемый в последнее время во все возрастающих количествах ФРС (конгломератом частных банках, а отнюдь не государством), абсолютно нестерпима.

Однако использование прежнего военно-политического инструментария, привычного для западных стран, сейчас практически невозможно. Открытая война с Россией или Китаем, обладающими ядерным оружием и средствами его доставки приведет к глобальной катастрофе на всей планете, что в НАТО осознали еще во времена Карибского кризиса 1963 г. (взаимное самоубийство – «овер килл»). Тем более, что в отличие от СССР последних лет, Россия, согласно принятой в 2014 г. новой военной доктрине, не взяла на себя одностороннее обязательство не применять первой атомное ОМП. Китай вообще старается не информировать своих вековых противников, что на протяжении столетий проводили по отношению к нему грабительскую политику «открытых дверей», с британскими «опиумными войнами», Шанхайским септельменом и захватом европейцами ключевых морских портов Поднебесной под видом аренды, о своем ракетно-ядерном потенциале.

За последние два десятилетия США выработали, и, с поддержкой западных стран, которые при сильной информационной составляющей сейчас выдаются за мнение всего «мирового сообщества», политическую концепцию «управляемого хаоса», с помощью которой стараются всемерно ослабить своих политико-экономических конкурентов, укрепить расшатываемое господство Западной цивилизации в рамках «однополярного мира». Здесь главным инструментом служит развязывание вооруженных конфликтов во всех значимых и точках мира и, что самое страшное и циничное, делается ставка на расширение терроризма. Цели более чем прозрачны – дестабилизировать ситуацию в «болевых» точках мира, главным образом путем расширения ареала воинствующего исламизма, и, тем самым заставить своих оппонентов затрачивать силы и ресурсы в тушении специально раздутого «пожара». Старая латинская формулировка «разделяй и властвуй» как нельзя лучше отвечает принятой в госдепе США концепции.

Данная политика также направлена, причем это не скрывается, против главного противника западных интересов – Российской Федерации. Преследует цели геополитического окружения нашей страны с всемерным ослаблением ее военно-экономического потенциала. Экономика России сейчас находится под воздействием санкций (которые вряд ли будут ослаблены, и тем более отменены в не только в ближайшем времени, но и в самой отдаленной перспективе) и сильнейшем информационном и психологическим прессингом. Который ряд западных политиков уже открыто называет новой «холодной войной».

Цель для Запада определена четко – сохранение «однополярного мира», который обеспечит господство, и позволит преодолеть кризис, все негативные последствия которого США и ЕС постараются переложить на другие страны. Но кризисные тенденции сейчас переживаются не только в экономике, но и в социально-политической сфере, и их нарастание может навсегда покончить с доминированием цивилизации, которая с необычайной агрессивностью старается распространить на весь мир свои культурные «ценности». А таковые, в глазах многих народов, опирающихся на

привычный традиционализм и уклад жизни, таковыми отнюдь не являются. Недавние события в Париже, связанные с сатирическим журналом «Шарли Эбдо», опубликовавшем безнравственные карикатуры на пророка Мухаммеда, лишь ярче подчеркивают трагическое противоречие между декларацией неких мульти-культурных «достижений» и их силового и агрессивного навязывания другим народам.

За прошедшие последние двадцать лет США и другие страны НАТО совершили прямые акты военной агрессии против бывшей Югославии, Ирака, Афганистана и Ливии. Западными странами были инспирированы и поддержаны так называемые «цветные революции» на постсоветском пространстве (Украина, Грузия, Киргизия), на Ближнем Востоке и Северной Африке (Тунис, Ливия, Египет, Сирия), что еще больше дестабилизировало обстановку в этом и без того крайне взрывоопасном регионе.

Практически везде самое пристальное внимание западных спецслужб уделялось энергичному развитию радикального исламского терроризма любого толка, как универсального и социально-опасного политического инструмента, способного насадить в традиционном, следовательно, не поддающимся привитию западных культурно-толерантных «ценностей» обществе, атмосферу страха и ожесточенного гражданского противостояния.

Вот только результаты такого искусственного взращивания исламского терроризма вряд ли можно назвать позитивными, и в первую очередь для самих создателей, которые сейчас сами оказались втянуты в изнурительную борьбу с собственным порождением.

Свои первые опыты по поддержке и финансированию «Талибана» и «Аль-Кайды» – будущих террористических организаций – США произвели в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого века. Особенно активно взращивали первую, которая и пришла к власти насильственным путем в Афганистане, и, в конечном итоге, перешла к войне со своими недавними покровителями. Впрочем, такой же путь прошли практически все радикальные исламские террористические организации, созданные при поддержке США, управлять которыми заокеанская держава просто не смогла или не сумела – слишком велика оказалась разница в подходах к мироустройству и менталитете между западом и востоком. Так, например, в 2013 г. в «освобожденной» Ливии боевиками был убит американский посол. Пикантность ситуации заключается в том, что террористическая организация, совершившая преступление, в период войны против кадафистов напрямую поддерживалась и финансировалась США. В этой североафриканской стране (в прошлом тоже нашем союзнике) до сих пор не установлена «подлинная демократия» по европейскому образцу, продолжается кровопролитная гражданская война, и Ливия окончательно погрузилась в пучину кровавого хаоса клановой и племенной междоусобицы.

Поддержав в 2010 г. сирийскую оппозицию, США смогли развязать вооруженный конфликт и в этой стране (правительство Б. Асада также является нашим союзником в этом регионе). Однако помощь оппозиции

деньгами и оружием привела к тому, что «умеренных» («Аль-Нусра» и др.) просто подмяли под себя радикалы, создавшие крайне опасное для Запада и его арабских союзников на Ближнем Востоке (Катар, Саудовская Аравия, ОАЭ и прочие) «Исламское государство Ирака и Леванта».

Теперь помимо желания США и их европейские и ближневосточные союзники будут вовлечены в очередную и долгую войну. И без проведения кровопролитной наземной операции доступ транснациональных корпораций к очень дешевой иракской нефти (ради которой и была затеяна агрессия против Ирака, приведшая к захвату этой страны войсками НАТО и свержение С. Хусейна с последующей показательной казнью) будет или ограничен, или чрезвычайно затруднен. Так что поддержка исламских террористов оказалась слишком непредсказуемым делом, ведь общие цели совпадали лишь на очень коротком по времени первоначальном этапе, связанном только со свержением неугодного Западу политического лидера.

Исключением из этого правила, лишь подтверждающего его, явилась одна организация – «Армия освобождения Косово», числившаяся до 1998 г. самими США в списке террористических. Когда потребовалось сокрушить Югославию, единственного из исторических и естественных союзников России в «новой» Европе, то террористы-косовары моментально стали повстанцами и «борцами за свободу». Следует отметить, что правительство С. Милошевича предлагало ввести в Косове расширенный статус автономии, отринутый странами ЕС как «недостаточно демократичный», хотя сейчас Евросоюз наотрез отказывается Донецкой и Луганской республикам даже в сильно урезанном варианте подобной автономии. Бывший командующий АОК Х. Тачи предстал перед Гаагским трибуналом как военный преступник, но в виду того, что четыре десятка свидетелей, собиравшихся выступить против него с обвинениями в убийствах сотен сербских мирных жителей, были убиты или «свели» счеты с жизнью при крайне подозрительных обстоятельствах, был оправдан в виду «недостатка улик».

В начале 2014 г. при прямой и непосредственной поддержке США и ЕС на Украине произошел насильственный государственный переворот, начатый с «Майдана» требованиями оппозиции о евроинтеграции. Президент В. Янукович бежал из страны. К власти, при самом активном и непосредственном участии радикалов и откровенных нацистов из «Правого сектора» Д. Яроша, пришли олигархические и откровенно русофобские круги, которые сейчас проводят почти неприкрытую политику государственного терроризма, который Западом не то что, не осуждается, а даже приветствуется.

Развязанный вооруженный конфликт на юго-востоке страны перерос в гражданскую войну, геноцид русского населения принял самые крайние формы, включая бомбардировки кассетными и фосфорными боеприпасами и расстрелы мирного населения из систем РСЗО, с планомерным и целенаправленным уничтожением промышленной и гражданской инфраструктуры процветавшего ранее региона. Мишенью для украинских силовиков стали, главным образом, электростанции, центры водоснабжения, школы,

детские сады, медицинские и культурные учреждения, что привело к многочисленным жертвам среди мирного населения. Это вызвало массовый исход спасающихся от смерти сотен тысяч жителей Донбасса в Россию. Данный конфликт искусственно подогревается извне, главным образом США, которые не желают связывать себя никакими юридически обязывающими соглашениями. Так что рассчитывать на скорое и мирное урегулирование не приходится, ведь даже «Минские соглашения» при гарантиях Германии и Франции киевских правителей, и особенно их заокеанских покровителей, совершенно не устраивают. Более того, развязанная радикалами в Донбассе война может принять затяжной характер, и заключенное в феврале этого года «второе» МС будет нарушено, как и «первое» сентябрьское в прошлом году, или предложенная ОБСЕ еще в июне «Дорожная карта», согласно которой противоборствующие стороны должны были быть разведены.

Затягивание украинского конфликта может иметь для России негативные последствия в политической и экономической сфере, и, как следствие, также в социальной. А это, в свою очередь, создаст предпосылки для появления такого явления как терроризм. Дело в том, что последний есть не только продукт кризисных тенденций в обществе, внутренней борьбы в нем, но может быть принесен извне и активно поддерживаться заинтересованными в развале России странами НАТО. Именно интересами геополитики объясняется расширение этого военного блока на восток в 90-е гг., в то время, когда Россия просто не могла представлять какой-либо серьезной для Западного мира угрозы. Да и сейчас таковая существует лишь в разгоряченном воображении заокеанских и европейских политиков.

Все обстоит совсем иначе, и предпринятая сейчас против России кампания подготавливалась давно, и «майdan» на Украине лишь ускорил события. В недавно рассекреченном докладе ЦРУ «Глобальные тенденции. 2015 г.», написанном в 2000 г., целью США, стран НАТО и их союзников является провоцирование и разжигание внутренних конфликтов в России, с последующей «демократизацией» и «независимостью» ее отдельных частей. И, следовательно, ставки в такой «игре» очень высоки.

В период, начиная с 1995 г. и по настоящее время, терроризм в России имел четко выраженную радикальную исламистскую и сепаратистскую окраску, связанную, в первую очередь, с событиями в Чечне, и антитеррористической операцией там проводившийся. Однако процесс «умиротворения» этого региона свел к минимуму возможности поддержки извне чеченских сепаратистов, хотя обстановка на Северном Кавказе продолжает оставаться сложной. Вместе с тем, можно отметить, что недавние акты (взрывы в Волгограде, нападение боевиков в Грозном) носят скорее яркий демонстрационный характер, с целью оправдания вложенных в преступные террористические сообщества средств, получаемых ими через подставные фонды, что учреждены их покровителями.

Однако ситуация может скоро измениться, причем в гораздо худшую сторону. Дело в том, что терроризм может преследовать экономические цели, а это приведет к дополнительной нагрузке, бремя которой окажется

непосильной в условиях санкционного и политического давления Запада. Так, например, после взрывов в Волгограде было принято правительственное решение оснастить железнодорожные вокзалы детекторами. Количество вложенных денежных средств в эти сложные, зачастую неработающие устройства пассивной защиты подсчитать невозможно. Но речь может идти о многих миллионах долларов, которым лучше было бы найти более нужное применение.

В июне 2015 г. лидер радикального «Правого сектора» Д. Ярош заявил о готовности перейти к диверсиям на ГТС, по которым осуществляются поставки российского газа на запад. И хотя речь шла о собственно Украине, но что помешает его боевикам совершать диверсии на территории РФ? Тем более что в СМИ уже неоднократно сообщалось, что украинские радикалы засылаются в Россию с целью сбора разведывательной информации о социально значимых объектах (в частности один из таких «майдановцев» собирал данные о работе московского метрополитена).

И вот эту угрозу нашим спецслужбам следует воспринять серьезно, так как последствия таких террористических и диверсионных актов могут нанести не просто значительный, а громадный ущерб для нашей экономики, ибо будут иметь далеко идущие политические последствия. Приведу один пример – «патриарх» советских диверсантов, полковник и профессор И. Стаинов указывал, что уничтожение всего одной роты «тигров» требовало на фронте усилий тысяч красноармейцев, вылета сотни штурмовиков, кинжального огня десятков «сорокапятков» и Т-34... и соответственно гибели многих отважных бойцов. Вместе с тем, уничтожить ту же самую роту «тигров» мог всего один партизан с двумя брикетами тола, пустивший эшелон с танками под откос.

Экономический терроризм давно стал реальностью в мире, а официальный Киев всегда может откреститься от действий «Правого сектора», тем более, что фактически может шантажировать российское правительство этой угрозой. Так как завершение в декабре 2018 г. строительства «Турецкого потока» позволит «Газпрому» направить газ в Европу в обход Украины – последствия такого шага для ее экономики станут если не катастрофическими, то крайне негативными. Так что следует готовиться к худшему сценарию, тем более что само ЕС давно призывает к диверсификации поставок «голубого топлива», что полностью отвечает экономическим интересам США. Тем более, что в нахлынувшем из Украины миллионном потоке беженцев можно с легкостью отправить ни один десяток профессионально подготовленных диверсантов и террористов, прекрасно владеющих русским языком с рождения, имеющих с россиянами схожий менталитет и образ жизни, что сильно осложнит для спецслужб как их розыск, так и возможности противодействия.

Второй очаг терроризма находится в южном «подбрюшье» Сибири – странах Средней Азии, где исламский радикализм и фундаментализм, в условиях затянувшегося экономического кризиса, коррупции и клановости,

безработицы и нищеты, распространяется быстрыми темпами. Особенно в Таджикистане, где не затухает гражданская война, и Киргизии, где прошли две «цветные революции». Опасна и ситуация в соседнем Казахстане, куда уже хлынули большие деньги из Саудовской Аравии для поддержки фундаменталистов. А такое, в условиях почти неохраняемой границы с этой страной в несколько тысяч километров, может иметь для нас самые непредсказуемые и страшные последствия, первым проявлением которых стал недавний взрыв в метро Петербурга, приведший к большим человеческим жертвам. Вместе с тем, главная террористическая угроза для нашей страны заключается не в исламистах или украинских неонацистах, даже имеющих мощную финансовую подпитку от наших западных «коллег», а в самой возможности взрывного, неожиданного для всех, роста радикализма нашего общества, и молодежи в первую очередь. А ведь на это, тут давно нет никакого сомнения, будут направлены все усилия западного сообщества, ведь без глубокого социального раскола главного этноса, составляющего три четверти населения, развалить Российскую Федерацию вряд ли удастся в скором времени. И тут для наших геополитических противников имеются немалые возможности, а также и тот огромный исторический опыт, что был получен при распаде СССР. Нынешняя социально-экономическая ситуация, по оценке западных политиков и спецслужб, напоминает ту, что была во времена так называемой «перестройки» М. Горбачева 1985–1991 гг.

Уже идет новая «холодная война», пусть пока и не декларируемая, падение мировых цен на нефть до критического уровня, сильное недовольство населения Российской Федерации коррумпированным чиновничеством и низким уровнем жизни, межэтнические трения и проблемы, достаточно серьезно осложненные активноразвивающимися исламскими радикалами. Продолжение вооруженного конфликта на юго-востоке Украины и в Сирии, а перспектива такого варианта весьма вероятна, может сыграть ту же роль, что и «афганская» война.

Следует учитывать наличие многочисленной «пятой колонны», что было продемонстрировано весной прошлого года на массовой демонстрации в нашей столице, направленной на поддержку совершивших государственный переворот в Киеве «майдановцев» и неонацистов. Оппозиция представляет либеральную интеллигенцию прозападного толка, сторонников нетрадиционной сексуальной ориентации, продажных госслужащих и определенные слои маргиналов, имеет как собственные СМИ, так серьезные финансовые средства с влиятельной поддержкой некоторых банкиров и современной компрадорской буржуазии, а потому планируемый для нашей страны на Западе сценарий может иметь для россиян удручающие итоги.

В настоящий момент президент РФ В. Путин и правительство имеют от населения определенный кредит доверия, что связано с воссоединением Крыма и выполнением, пусть и в неполном объеме, социальных обязательств перед обществом. Однако народ нашей страны, в виду расплывчатости и неопределенности национальной идеи и ошутимого влияния «за-

падников» не готов нести тяготы и лишения, которые неизбежно будут возрастать из-за санкций и продолжающегося экономического кризиса. И с нарастанием давления со стороны Запада, оппозиция, получив определенную внутреннюю подпитку, как показывают последние события, начнет переходить к более радикальным требованиям. Жесткая позиция властей в этом вопросе вызовет определенные демарши западных стран, которые начнут подстрекать к действию экстремистов. Различного рода провокации всегда сопровождают подобные события (Болотная площадь), в которых с легкостью можно перейти и к прямым террористическим действиям (киевский Майдан). А появление политических террористов уже не просто неопределенная вероятность, а реальный факт. Достаточно вспомнить теракты московских неонацистов или действия «приморских партизан» декларирувавших «левацкую» приверженность.

Следует учитывать, что уязвимым местом может стать Сибирь – в США не скрывают, что будут всецело поддерживать любых сепаратистов, с целью раскола русского народа. Действуют при их помощи экстремистские сайты («Сибирский державный союз» и др.), ведется пропаганда отделения от России, одним из главных лозунгов которой – «Сибирь все еще остается колонией и продолжает кормить метрополию», т. е. Москву. Имеется даже знамя будущих Соединенных Штатов Сибири, напоминающее флаг США. Пока эта пропаганда не имеет достаточного влияния на умы наших сограждан, но все может измениться при целенаправленной поддержке из-за рубежа. Достаточно сказать, что 14 августа 2015 г. в Киеве прошел митинг в поддержку независимости Сибири от московского колониализма, и не без участия представителей США.

Призовем на помощь исторический опыт. Провальная и непопулярная война с Японией вызвала революцию 1905 г., сопровождаемую самой настоящей террористической вакханалией. Неудачно проходили действия в Чечне в начале 1995 г., правда, всплеск террора принял четко выраженную исламистскую окраску. Аналогии, конечно, неуместны, но воссоединение Крыма вызвало патриотический подъем, также как и поддержка населения Донбасса в его борьбе против новой киевской власти. Вот только «откат» неизбежен, а ожидание «настоящих реформ» может вызвать уже совсем иную реакцию населения. А это самое страшное – требование перемен, которые «требуют наши сердца» в конечном итоге и разрушило Советский Союз. Осмелюсь напомнить, что ровно сто три года тому назад Российская империя в патриотическом угаре вступила в войну с Германией, однако спустя три года усталость и разочарование привели к октябрю 17-го года. И самым популярным тогда стал лозунг «Долой» с всеобщим брожением умов и разрушением империи. Все это произошло при активном вмешательстве Запада, влияние которого на умы наших нынешних сограждан и сейчас не стоит недооценивать, тем более откровенно бравировать, как это делают некоторые наши политики.

В противном случае наша национальная безопасность окажется под угрозой не только с внешней стороны, но будет подорвана изнутри, что намного страшнее, и не малую роль в этом будут играть террористические акции самой разнообразной окраски. А в отсутствии объединяющих общество факторов и недоверия к власти, такое развитие событий может оказаться для Российской Федерации фатальным.

Что делать? Этот извечный и исконно русский вопрос как никогда остро встал перед нашим обществом в условиях нарастания террористической угрозы. На протяжении тридцати лет изучения феномена терроризма, я для себя сделал определенные выводы. Постараюсь привести их последовательно:

Во-первых; необходимо выработать четкую и понятную, приемлемую для трех четвертей населения страны, национальную идею, простую и понятную, как триединая формула Уварова в середине XIX в. или концепция Ленина-Сталина. Здесь требуется от наших философов и социологов обратить самое серьезное внимание на историческое наследие. Напрямую обратится к трудам Трубецкого, Сорокина, Солоневича и многих других известных мыслителей, что в своих работах, в том числе и религиозного характера, что особенно актуально для нашего восприятия, проводили весьма интересные и значимые параллели, как нельзя лучше связанные с современным состоянием ситуации.

Во-вторых; незамедлительно уделить самое пристальное внимание всех государственных и общественных органов на «брожение умов», особенно молодежи, наиболее подверженной радикализму. Требуется самое кропотливое и всеохватное разъяснение недопустимости экстремизма, следствием которого является терроризм. От СМИ требуется не «пиарить» теракты, как иной раз делается (а ведь этого и добиваются террористы), и не замалчивать их тем более, делать так чтобы подобные действия вызывали резкое неприятие всего общества. Особенно указывать реальных «заказчиков» и вдохновителей терактов, что под требованием каких-то «невнятных перемен» фактически играют на руку нашим геополитическим противникам, которые уже не раз пытались уничтожить российскую государственность.

В третьих; нужно помнить, что народ, который не знает своей истории, обречен на вымирание, и это отнюдь не шутка. Замена реальной истории мифом или убедительно звучащей «стряпней» не менее опасна чем терроризм, а то и более. А потому знание исторического прошлого должно прививаться всем гражданам нашей страны всесторонне, начиная со школ, а обязательность сдачи экзамена необходима для выпускников. И здесь от министерства образования требуется принятие самых неотложных и экстренных мер. Тоже знание нужно буквально требовать, даже в виде экзамена, от всех госслужащих и чиновников, ибо человек, не знающий истории собственной страны не имеет права управлять согражданами. И тем более знание истории требуется от прибывающих в нашу страну на ПМЖ всех будущих граждан, которым ни в коем случае нельзя давать возможности превращаться в замкнутую этно-конфессиональную группу со своими

внутренними порядками, ибо здесь произрастают будущие террористы. Закон в стране един и распространяется на всех!

В четвертых; необходимо расширить социальную базу поддержки правоохранительных органов, активнее привлекать граждан к борьбе против преступности в целом, и терроризма в частности. Национальная идея и общее дело как нельзя лучше отвечают постановке этой сложной задачи. Волонтерское движение показывает активность наших граждан, и этот порыв нельзя оставлять на откуп бюрократам, а сделать одной из постановочных задач государственной концепции. Тут следует напрямую обратиться и к советскому наследию, там есть что требуется незамедлительно возродить в новом качестве – добровольные народные дружины, оперативно-комсомольские отряды, товарищеские суды и многое другое, от чего так скоропалительно и поспешно наша власть отказалась. И совершенно зря, ибо это учит граждан быть ответственными за судьбу своей страны! Как показывает опыт борьбы с «великим» ИК «Народной воли», именно бдительность и самоотверженность, не побоюсь этих слов, обывателей позволила ликвидировать две подпольные типографии этой террористической организации (еще три были свернуты, когда террористы заметили «нездоровый» интерес соседей. Раскрыта динамитная лаборатория, еще две тоже были свернуты. Почти треть боевиков была схвачена простыми гражданами и полицейскими, проявившими должное внимание и личную храбрость, ведь народовольцы отчаянно сопротивлялись при этих «несанкционированных» арестах, и по моим подсчетам в результате кропотливой работы в архивах, убили и ранили 18 человек. Так только Степан Халтурин (взорвал Зимний дворец, погибло 11 и ранено 54 человека) и Николай Желваков (последний убил военного прокурора Стрельникова) при задержании отчаянно сопротивлялись, зарезали одного и ранили кинжалами трех обывателей, получил колотую рану подбежавший полицейский. Но все же были схвачены сбежавшимися жителями. Кстати, имя первого террориста носит одна из улиц Иркутска, а также есть улицы Перовской и Желябова, тех самых членов «Великого ИК» что организовали и осуществили целую серию кровавых терактов. Хочется задать вопрос городской Думе – доколе вы будете, господа, увековечивать террористов, или эта общая историческая беда вас не касается?

Ни в коем случае, затрагивая проблемы противодействия терроризму, я не могу, да и не в праве считать, что высказал весь круг задач. Я только очертил примерную область проблем, которые мы все можем ожидать, и с которыми следует бороться самым решительным образом, как гражданам нашей многонациональной страны. Терроризм есть особо опасная социальная болезнь всего общества, и лишь совместными усилиями государства и граждан с ней можно покончить. Без осознания этого, без принятия безотлагательных решений, мы можем упустить время и тогда встанем перед более сложными проблемами, могущими привести нашу страну к весьма серьезным последствиям.

Васильев М. А.

майор полиции,
преподаватель кафедры тактико-специальной и огневой подготовки
Восточно-Сибирского института МВД России

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИЗМУ В СРЕДНЕАЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ С УЧЁТОМ СОВРЕМЕННЫХ СТРАТЕГИЙ И ТАКТИК ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТЕРРОРИСТОВ

Рассматриваются методы противодействия терроризму в среднеазиатском регионе. Автор представляет основные террористические организации, существующие на данный момент в Средней Азии.

Ключевые слова: терроризм, противодействие, стратегия, тактика.

Терроризм – явление, характеризующее острый социальный конфликт в обществе и государстве. К глубокому сожалению, динамика и интенсивность развития террористической активности на территории постсоветского пространства за последнее десятилетие приобретает весьма угрожающие масштабы, охватывая достаточно значительные по масштабам территории. Включая в себя Кавказский и Среднеазиатский регионы.

Одним из регионов столкнувшимся с проявлениями терроризма, является республика Казахстан. Особенностью террористической деятельности является салафитская идеология, радикальных группировок исламского толка.

Для определения остроты возникшей проблемы, стоит понять, что развитие террористической деятельности носит весьма долгосрочный характер с особенностями присущими именно идеи «салафии» (идеалы первоначального, чистого ислама), создания теократического исламского государства. В первую очередь необходимо понять, что форма борьбы и отстаивания своих радикальных взглядов, носит не примеримый характер по отношению ко всем формам какого-либо инакомыслия, начиная от религиозных традиций и взглядов, заканчивая тем какую одежду вы носите и какую музыку вы слушаете. В данном случае для примера, стоит вспомнить события 2013 г. связанные с русским террористом Дмитрием Соколовым уроженцем города Красноярск. При своем последнем телефонном разговоре со своей матерью, которая пыталась убедить его сложить оружие и сдаться, он четко и достаточно уверенно сказал, что его борьба носит справедливый, божественный характер, и смерть за эти идеалы в бою с (неверными), это награда и дорога в рай. Также важно отметить, что основным критерием уничтожения людей, по словам Д. Соколова, является неверие в ту салафитскую идеологию, которую разделяют террористы.

Этапы появления, развития (проповедования) и переход к активной фазе террористической войны имеет ярко выраженные проявления в современной истории на примере Российской Федерации, Сирии, что очень важно для изучения, профилактики и антитеррористической деятельности органов власти республики Казахстан.

Динамика развития террористической активности, в острой фазе противодействия органам государственной власти Казахстана проблема весьма (молодая) с 2011 г., но за столь короткий промежуток времени становится настоящей проверкой на прочность для всей государственной системы республики.

Для понимания остроты проблемы и основных путей ее преодоления важно отметить, что появление террористической деятельности на территории государства имеет четко поставленную цель, ради которой не примеримая борьба с государством будет вестись до полного уничтожения или победы одной из сторон. Здесь необходимо отметить, что динамика и интенсивность террористической активности напрямую зависит от тех общественных, социально-экономических и политических процессах которые происходят в государстве. Ухудшение данных показателей, в первую очередь влияют на усиление деятельности террористических организаций на всех вышеуказанных этапах (появления, развития (проповедования) и переход к активной фазе террористической войны).

Человеческий ресурс в пополнении данных организаций становится практически безграничным и что важно понять, становится интернациональным. Яркий пример ИГИЛ, восстанавливающий свои потери за счет значительного потока новобранцев, в том числе и из Средней Азии, практически со всех регионов и стран, не только исповедующих Ислам.

Одной из особенностей террористической деятельности салафитского толка является то, что данные идеи выбрасываются в информационное пространство, в основном через интернет. Не требуя какого-либо живого общения между идеологами и аудиторией. То есть, в данном случае информация салафитской направленности, как приманка действует самостоятельно, способствуя распространению экстремистских идей в дистанционном режиме. Что дает возможность создания самостоятельных ячеек террористической направленности (джамаат), спустя достаточно небольшой период времени, данные (джамааты) будут искать возможность присоединения к более крупным организациям террористическо-салафитской направленности, либо самостоятельного развития и усиления террористической активности.

Вышеуказанные процессы наблюдаются не только в республиках Средней Азии, но и в Российской Федерации. Яркие примеры, когда выходцы из данных государств, стремятся примкнуть и принять активное участие в боевых действиях, в составе террористических организаций на территории Сирии и Афганистана.

Временный спад террористической активности, который стал наблюдаться в регионах Кавказа и Средней Азии, в связи с теми событиями, которые происходят в Сирии, не должен казаться представителям органов власти, что данная проблема снята с повестки дня и не требует особого внимания. Отношение к данным процессам должно всегда оцениваться, с высокой долей ответственности и понимания. Если террористическая дея-

тельность закрепились на территории государства, пускай даже в самых неорганизованных на первый взгляд формах, обозначило себя, поставило конкретные цели, то вероятность развития и проявление террористической активности с переходом к боевым действиям против государства, это лишь вопрос времени, который будет ждать своего часа, при выгодном для террористов стечении обстоятельств.

Данные процессы в первую очередь возможны при ослаблении проведения антитеррористических мероприятий, либо при полном попустительстве со стороны органов власти. Также необходимо развитие социально-экономических процессов. Ведь как показывает практика, люди пополняющие ряды террористических организаций в основном представители тех слоев населения, где процветает бедность, необразованность, полное отсутствие жизненных перспектив.

Развитие системы антитеррористической безопасности республик Среднеазиатского региона, должна постоянно модернизироваться и развиваться во взаимодействии с соседними государствами, в первую очередь это Российская Федерация, так как данные государства связывает протяженная более 5500 тыс. км (Казахстан) государственная граница, развитое социально-экономическое, военное и политическое сотрудничество. Планирование совместных мероприятий антитеррористического характера позволяет оперативно реагировать, на вызовы террористического характера на первоначальных этапах подготовки. А в случаях обострения ситуации, оказание консультативной и практической помощи в нейтрализации возникшей угрозы.

Как показывает современная реальность, подобные угрозы существуют на территории практически всех государств Средней Азии. Что делает данную проблему не мене важной и опасной, в виде действующих террористических организаций регионального и межрегионального значения, четко обозначивших свою главную задачу. Это смена существующих систем государственной власти, в вышеуказанных государствах, путем непримиримой идеологической и вооруженной борьбы. Подобные угрозы исходят от таких террористических организаций как:

1) «Исламское движение Узбекистана» – оперирует в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Узбекистане;

2) «Хизбут-Тахрир аль-Ислами» («Партия Исламского Освобождения») – оперирует в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Узбекистане;

3) «Братья-мусульмане» (JAMA' AT / HARAKATIKHWANal – MUSLIMEEN) – группировки этой организации представляют собой сеть автономных ячеек, действующих под различными названиями. В отношении ЦАР интерес представляют следующие:

4) «Общество социальных реформ» (ОСР – JAMIATAL – ISLAHAL _IJTIMAI) – имеет отделение в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане;

5) «Комитет исламского призыва» (LAJNATAL – DAWAAAL – ISLAMIIYA) – действует под эгидой ОСР;

- б) «ДааваИсламийя – радикальное крыло ОСР.»Комитет мусульман Азии» – функционирует при поддержке «ЛаббанФаундэйшн»; «Центр исламского развития» – действует в г. Ош, Кыргызстан; «Акромиды» – религиозное исламское течение Узбекистана, действует в Ферганской долине;»Адолатуошмаси» («Объединение Адолат») – религиозно – экстремистская организация, действующая в г. Наманган, Узбекистан; «Исломлашкарлари» («Воины Ислама») – действует в Узбекистане; «Товба» («Покаяние») – имеет сторонников и активистов в Кыргызстане и Узбекистане; «Движение Восточного Туркестана» – действует в Синьцзяне, Китай; «Национальный революционный фронт Восточного Туркестана» – экстремистская организация, преследующая цель создания на территории государств Центральной Азии государства уйгуров; «Организация освобождения Туркестана»; «Восточно-Туркестанская исламская партия»;
- 7) «Солдаты Халифата» активно действует в Казахстане;
- 8) «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ) примкнувшая в 2015 г. к ИГИЛ;
- 9) «Талибан» действует в Афганстане;
- 10) «Джамаат Таблиг» нелегально действует во всех республиках Средней Азии.

В данном случае приведена лишь небольшая часть организаций террористического толка, реально действующих в современных условиях, имеющих высокую степень мобильности и передвижения по всей территории Средней Азии. Степень угроз, которую они представляют, остается достаточно серьезной, так как принцип территориальности для представителей террористических организаций не имеет значения, не примиримая борьба должна вестись повсеместно, где не исповедуется салафитская идеология.

Поэтому на внутреннем пространстве Среднеазиатского региона, не должно остаться территорий, не охваченного внимание органов государственной власти, общественности и представителей традиционного духовенства всех религий исповедуемых в государстве. Важно понимать, что ухудшение социально-экономического положения в республиках, напрямую отразится на всплеске террористической активности, с возможным переходом к открытому вооруженному противостоянию.

Особую озабоченность оставляет южное направление – Ферганская долина республики Узбекистан, а также те группы граждан, которые на данный момент принимают участие в боевых действиях в составе террористических организаций на территории Сирии и Афганистана.

Литература

1. Добаев И. П., Немчина В. И. Истоки терроризма на Ближнем и Среднем Востоке и факторы, определяющие его современную активизацию [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoki-terrorizma-na-blizhnem-i-srednem-vostoke-i-factory-opredelyayuschie-ego-sovremennuyu-aktivizatsiyu>.

2. 90 % международных террористических организаций – исламистского толка, считают в ЦРУ // Интерфакс-Религия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=3249>.

3. Кулбаракон Р. Д. Проблемы терроризма в Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <http://conference.antiterror.rsbi.kz/index.php/doklads/36-kylbarakov>.

4. Макаров В. Сирия, терроризм и Средняя Азия // Ритм Евразии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ritm Eurasia.org/news--2015-10-16--sirija-terrorizm-i-srednjaja-azija-20089>.

УДК 6.74:378

Деренко Н. В.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА «КОРРУПЦИЯ В ВУЗАХ: РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ЧЕРЕЗ САМОАНАЛИЗ И ПОЗИТИВНУЮ ПРАКТИКУ»

Статья содержит результаты социологического исследования, проведенного в 1999 г. в рамках гранта Фонда «Евразия» № М99-0233 за счет средств, представленных Агентством по Международному Развитию Соединенных Штатов Америки (AID).

Ключевые слова: коррупция в вузах, социологическое исследование мнений студентов, абитуриентов и их родителей.

Исследовательский проект «Коррупция в вузах: решение проблемы через самоанализ и позитивную практику» выполнялся в 1999 г. в г. Иркутске по гранту Фонда «Евразия». Фонд заказал соответствующие исследования в 20-ти регионах Российской Федерации, результаты были обобщены и опубликованы в материалах фонда в Европе и мало известны иркутянам.

Коллектив ученых Иркутской государственной экономической академии (в данной статье приводятся названия вузов г. Иркутска, действовавшие в 1999 г.), включающий экономистов, юристов, социологов, политологов и психологов, весной 1999 г. проводил исследования с целью подвергнуть объективной экспертизе целый комплекс проблем, возникавших в высшей школе из-за проявлений субъективизма, протекционизма, мздоимства, появившихся в условиях перехода системы образования в сферу услуг.

Началась эта многоплановая работа с полномасштабного социологического исследования, предполагавшего анонимное анкетирование трех категорий участников образовательного процесса: студентов (включая абитуриентов и выпускников), преподавателей вузов г. Иркутска, родителей студентов и абитуриентов. Коллектив социологов преследовал цель выявить формы коррупции и других нарушений законодательства об образовании, наиболее присущие вузам.

Безусловный интерес представляла и хотя бы приблизительная оценка масштабов этих криминальных явлений, размежевание «фольклора», будоражающего общественное мнение, и реальной ситуации. Исследователи проверяли гипотезу о том, что примерно 80 процентов (четыре из пяти!) абитуриентов, которые ежегодно не могут преодолеть сито отборочных ис-

пытаний, формируют свою версию событий – мол, без взятки не поступишь, или слишком сложны варианты вступительных работ и т. д.

Исследование выполнено сотрудниками кафедры философии и социологии и лаборатории социально-экономических исследований ИГЭА. Исполнители: Н. М. Токарская, д-р экон. наук, профессор, руководитель социологической группы; И. С. Карпикова, Б. Л. Токарский, Т. Г. Бахматова, Л. Н. Сеницына, А. А. Марасанова, Е. И. Нефедьева. Далее приводится краткий анализ результатов опроса.

В выборочную совокупность были включены 5 государственных вузов г. Иркутска: Иркутский государственный университет (ИГУ), Иркутская государственная экономическая академия (ИГЭА), Иркутский государственный педагогический университет (ИГПУ), Иркутский государственный лингвистический университет (ИГЛУ), Иркутская государственная сельскохозяйственная академия (ИГСХА). Общее количество опрошенных составило 1205, из них студентов – 878 чел., преподавателей – 162 чел., родителей – 165 чел. Объем выборки и представительство в ней большинства вузов города обеспечило репрезентативность проведенного исследования.

В ходе исследования изучались не только вопросы распространенности коррупции в вузах, но и некоторые проблемы жизнедеятельности вузов, прямо или косвенно связанные с коррупцией в высшей школе. Кроме того, немаловажным являлся вопрос понимания того, что из себя представляет коррупция как социальное явление, поскольку в обществе не существовало четкого понимания этого явления.

Так, на вопрос «Какое из определений понятия «коррупция» представляется Вам наиболее правильным» были получены различные варианты ответов (см. табл. 1), единодушия в определении понятия «коррупция» не наблюдалось.

Говоря о наиболее распространенных формах коррупции в обществе (такой вопрос был задан преподавателям), на первое место была поставлена взятка (45,6 % опрошенных), далее – протекционизм (21,0 %) и в гораздо меньшей степени – лоббизм (5,0 %).

Таблица 1

Определение респондентами понятия «коррупция»
(в % к общему числу опрошенных)

Варианты ответов	Студенты	Преподаватели	Родители
1. Подкуп должностных и иных лиц с целью использования их служебного положения	31,7	32,7	38,8
2. Подкуп должностных или иных лиц с целью использования их авторитета и иных возможностей	11,9	8,1	13,4
3. Корыстное оказание различных услуг с использованием служебного положения, авторитета и иных возможностей	52,5	47,5	44,2
4. Другое	3,9	11,7	3,6
Итого	100,0	100,0	100,0

По вопросу о причинах существования коррупции в обществе мнения распределились следующим образом (табл. 2).

В качестве двух основных причин роста коррупции в обществе явно преобладали, по мнению опрошенных, безнаказанность, правовой беспредел и возможность незаконного обогащения. Такая причина, как политический и финансовый кризис находится на 4–5-м месте, хотя она являлась, очевидно, более общим фактором, т. е. причиной двух вышеназванных.

Суждения респондентов относительно сфер наибольшего распространения коррупции во многом совпадают: больше всего, по их мнению, коррупция распространена во властных структурах – так считают 89,1 % родителей, 86,6 % студентов, 85,2 % преподавателей. По поводу наличия коррупции в сфере образования утвердительно ответили 27,2 % опрошенных студентов, 16,4 % родителей и 11,1 % преподавателей.

Таблица 2

Причины роста коррупции в обществе
(в % к общему числу опрошенных)*

Варианты ответов	Студенты		Преподаватели		Родители	
	%	Ранг ответа	%	Ранг ответа	%	Ранг ответа
1. Расслоение в обществе	16,6	6	7,2	5	20,6	6
2. Ухудшение материального положения людей	34,2	3	2,7	3	7,9	4
3. Возможность незаконного обогащения	4,3	2	8,1	2	8,2	2
4. Политический, финансовый кризис в обществе	5,7	5	7,8	4	7,3	5
5. Безнаказанность, правовой беспредел	1,5	1	3,7	1	6,7	1
6. Снижение ответственности правоохранительных органов	0,7	8	3,6	7	7,3	9
7. Правовая неграмотность	9,2	9	2,5	9	9,1	8
8. Слабость государственного управления	33,8	4	5,9	6	29,7	3
9. Низкий уровень самосознания	5,0	7	8,6	8	11,5	7
10. Другое	1,0	10	2,5	9	1,2	10

Примечание: здесь и далее значком* обозначены таблицы, в которых сумма ответов респондентов более 100 %, поскольку на вопрос можно было дать несколько ответов.

Анализируя ответы по данному вопросу, можно сделать вывод, что, по мнению опрошенных, коррупция присутствовала во всех сферах общества. При этом в наибольшей, даже преобладающей, степени – во властных структурах, а в наименьшей – в сфере здравоохранения.

Возможности борьбы с коррупцией оценивались респондентами следующим образом (табл. 3).

Таким образом, прогнозы опрошенных относительно будущего коррупции в нашей стране были достаточно пессимистичны, т. е. большинство респондентов считали (что подтвердило исходную гипотезу), что с коррупцией эффективно бороться невозможно – это явление можно лишь ограничивать, но не более того. Причем почти каждый третий из родителей (29,1 %) придерживался крайней позиции, состоящей в том, что коррупция – неизбежное явление, которое будет всегда. «В будущее – без корруп-

ции» – этот лозунг был приемлем лишь для 22,4 % опрошенных родителей, 13,9 % студентов и 22,5 % преподавателей.

Таблица 3

Оценка респондентами перспектив существования коррупции
(в % к общему числу опрошенных)

Варианты ответов на вопрос: «Коррупция, по-Вашему мнению, это...»	Студенты	Преподаватели	Родители
1. Неизбежное явление, которое будет всегда	22,3	17,9	29,1
2. Явление, которое можно лишь ограничивать, но не более того	63,8	59,6	48,5
3. Временное вынужденное явление, с которым можно эффективно бороться	13,9	22,5	22,4
Итого	100,0	100,0	100,0

Среди причин коррупции в высшей школе наибольший ранг значимости по мнению всех категорий опрошенных имели: ухудшение материального положения работников вузов; рост общей коррумпированности в стране; снижение государственного финансирования вузов, т. е. внешние к высшей школе, как социальному институту, факторы (табл. 4).

Таблица 4

Причины коррупции в высшей школе (в % к общему числу опрошенных)*

Варианты ответов	Студенты		Преподаватели		Родители	
	%	Ранг ответа	%	Ранг ответа	%	Ранг ответа
1. Снижение государственного финансирования вузов	2,3	2	43,8	3	41,2	3
2. Рост общей коррумпированности в стране	33,5	3	49,4	2	53,9	1
3. Ухудшение материального положения работников вузов	45,1	1	50,0	1	46,1	2
4. Отсутствие связи между трудовым вкладом преподавателей и их заработной платой	19,9	6	30,2	4	12,7	8
5. Слабый контроль за деятельностью преподавателей со стороны администрации	12,8	10	4,3	11	7,9	9
6. Отсутствие эффективного контроля за работой вузов со стороны вышестоящих и правоохранительных органов	14,6	8	5,6	10	13,9	7
7. Снижение уровня нравственности работников вузов	15,7	7	17,3	5	18,2	5
8. Уверенность в безнаказанности	28,6	4	13,0	6	33,9	4
9. Снижение уровня подготовки поступающих	13,2	9	11,7	7	6,7	10
10. Пассивность студентов и родителей, их готовность оплачивать какие-либо услуги преподавателей и администрации вуза	25,9	5	10,5	8	17,6	6
11. Другое	1,8	11	6,8	9	0,6	11

Внутренние, т. е. связанные с деятельностью собственно высшей школы, причины имели значительно меньшее значение и мнения различных категорий опрошенных по этому поводу существенно различались.

Так, если для студентов на 5-м по значимости месте стояла такая причина, как готовность студентов и их родителей оплачивать какие-либо услуги, то для преподавателей ее значимость гораздо ниже (8-е место). 33,9 % родителей в качестве одной из основных причин коррупции называли уверенность в безнаказанности, в то время как преподаватели не считали ее особенно значимой (всего 13 % отметили эту причину).

Следует отметить, что такие причины, как низкий уровень самосознания, снижение уровня нравственности не рассматривались респондентами в качестве существенных причин коррупции в обществе и в высшей школе, хотя по мнению экспертов, именно искусственное разрушение в 90-е гг. культуры является важным фактором, приведшим к криминализации общества.

Чаще всего с проявлением коррупции в вузах сталкивались студенты (40,7 %), реже всех – родители (29,7 %) (табл. 5). Достаточно большая часть опрошенных затруднилась ответить на этот вопрос, что можно объяснить двумя причинами: неуверенностью в конфиденциальности предоставляемой информации и недостаточно четким пониманием форм проявления коррупции, так как даже специалисты не всегда могут точно определить тот или иной поступок как акт коррупции.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Сталкивались ли Вы с проявлением коррупции в вузе?»
(в % к общему числу опрошенных)

Варианты ответов	Студенты	Преподаватели	Родители
1. Да	40,7	32,1	29,7
2. Нет	32,8	38,3	53,6
3. Затрудняюсь ответить	26,5	29,6	16,7
Итого	100,0	100,0	100,0

При этом необходимо отметить, что среди тех, кто сталкивался с проявлениями коррупции в вузе, в равной степени присутствуют как хорошо успевающие студенты, так и слабоуспевающие.

Наиболее распространена была коррупция на таком этапе учебного процесса, как сдача вступительных экзаменов (71,1 % опрошенных студентов, 73,5 % – преподавателей). Причем, по мнению преподавателей, чаще всего оплачивалась такая услуга, как завышение оценки на вступительном экзамене. Что касается этапа сдачи семестровых зачетов и экзаменов, то мнения студентов и преподавателей существенно отличаются: 34,9 % студентов отметили его как этап, на котором преобладает коррупция, а среди преподавателей такого же мнения придерживаются лишь 11,1 % опрошенных.

Те, кто реально сталкивался с фактами коррупции в вузе, отмечали, что это происходило либо при сдаче текущих экзаменов и зачетов, либо при поступлении в вуз (табл. 6).

Наиболее распространенными формами взяточничества, по мнению родителей и студентов, являлись получение денег и подарков (табл. 7).

Таблица 6

Наиболее типичные ситуации, связанные с проявлениями коррупции в вузе (в % к общему числу к тем, кто сталкивался с проявлениями коррупции)*

В каких ситуациях респонденты сталкивались с проявлениями коррупции	Студенты	Родители
1. При поступлении в институт	44,9	40,0
2. При сдаче текущих зачетов и экзаменов	49,1	45,0
3. При защите дипломных работ	2,0	1,7
4. При поступлении в аспирантуру	1,7	0,0
5. При содействии в трудоустройстве по окончании вуза	1,7	1,7
6. Другое	0,0	5,0

Таблица 7

Наиболее распространенные формы взяточничества в вузах (в % к общему числу опрошенных)*

Формы взяточничества	Студенты	Родители
1. Деньги	57,1	50,3
2. Ответные услуги	18,1	13,0
3. Подарки	33,5	29,1
4. Другое	7,9	17,0
5. Затруднились ответить	0,0	0,6

Очень часто явление коррупции имеет латентную, не вполне очевидную форму. Это видно из анализа результатов ответов на вопросы о значении коробки конфет (или цветов), подаренных преподавателю до (после) экзамена. Если по поводу данных подарков после экзамена ни у студентов, ни у преподавателей нет никаких сомнений (они однозначно оценивались как выражение благодарности за работу), то оценка той же ситуации до экзамена была не такой однозначной: 41,4 % преподавателей и 45,9 % студентов считают данные подарки выражением благодарности за работу; 34,0 % преподавателей и 27,9 % студентов – взяткой. Таким образом, в данном случае провести грань между проявлением внимания и юридически определенным актом коррупции очень сложно.

К латентной форме коррупции можно отнести и практику взимания денег за определенные услуги. 14,9 % (131 человек) студентов указали, что в их вузах такая практика существовала. Чаще всего оплачивались услуги библиотеки (41,4 % всех случаев): ночной абонемент, вынос книг из читального зала, штраф за не вовремя сданную книгу. На 2-м по частоте месте – оплата за пользование компьютерным залом во внеучебное время и доступ к Интернету. На 3-м месте – оплата услуг секций и времени в спортзалах.

15,8 % студентов и 15,8 % родителей отметили, что им приходилось изредка материально заинтересовывать преподавателей или сотрудников вуза для того, чтобы решать учебные проблемы. Поэтому закономерны и результаты оценки честности преподавателей: 51,0 % студентов и 71,6 % преподавателей считали, что неподкупных преподавателей в их вузе боль-

шинство (табл. 8). Более скептически и осторожны родители: 43,0 % из них указали, что неподкупных преподавателей большинство, а 24,8 % – затруднились дать какую-либо оценку.

Таблица 8

Оценка количества честных, неподкупных преподавателей
(в % к общему числу опрошенных)

Варианты оценки	Студенты	Преподаватели	Родители
1. Большинство	51,0	71,6	43,7
2. Примерно половина	15,5	9,3	17,6
3. Меньшинство	10,6	4,9	12,7
4. Таких преподавателей нет	1,7	1,2	1,2
5. Затрудняюсь ответить	21,2	13,0	24,8
Итого	100,0	100,0	100,0

О динамике коррупции в вузе большинство студентов (78,3 %) и преподавателей (79,0 %) не имели обоснованного мнения, очевидно, из-за отсутствия достаточного количества информации. Зато по поводу влияния платности образования на коррупцию у большинства респондентов сложилось более определенное мнение (табл. 9), свидетельствующее о том, что значительная доля респондентов (особенно среди студентов и родителей) связывали рост коррумпированности высшей школы с введением платности обучения.

Возможно, такая оценка некоторым образом влияла и на отношение людей в целом к платному высшему образованию: негативное отношение прева-лировала, хотя оценка менялась в различных группах респондентов. Наиболее негативное отношение наблюдалось среди родителей – только 26,7 % из них относились к платному образованию положительно, тогда как негативное отношение высказывали 65,4 %, что вполне объяснимо, поскольку именно родителям приходится нести основное бремя оплаты за обучение. Среди студентов положительное отношение наблюдалось у 40,2 % опрошенных, негативное – у 49,8 %. Наконец, у преподавателей в еще большей степени проявлялась положительная оценка внедрения платного образования, поскольку, как считается, они за счет этого улучшают свое материальное положение: с одобрением к нему относятся 46,8 % опрошенных, а отрицательно – только 47,5 %.

Таблица 9

Оценка влияния платности образования на уровень коррумпированности в вузах
(в % к общему числу опрошенных)

Варианты ответов	Студенты	Преподаватели	Родители
1. Число случаев коррупции снизилось	7,1	12,7	8,5
2. Осталось на том же уровне	18,7	14,5	16,4
3. Число случаев коррупции увеличилось	45,7	25,9	52,1
4. Затруднились ответить	28,5	46,9	23,0
Итого	100,0	100,0	100,0

По мнению всех категорий опрошенных, чаще всего инициаторами взятки являются студенты и их родители (табл. 10). Преподаватели и представители администрации вузов, по мнению респондентов, занимают в этом процессе пассивную позицию: «берут», потому что «предлагают».

Таблица 10

Инициаторы взятки (в % к общему числу опрошенных)*

Инициаторы	Студенты	Преподаватели	Родители
1. Преподаватели	13,5	3,7	26,7
2. Лаборанты	1,3	0,6	1,2
3. Представители администрации вуза	9,9	2,5	13,3
4. Студенты и их родители	59,5	59,3	47,9
5. Затрудняюсь ответить	24,1	35,8	17,6
6. Другие	1,4	2,5	1,2

Более всего были заинтересованы в выявлении и устранении коррупции с точки зрения студентов – студенты и родители, с точки зрения родителей – родители, с точки зрения преподавателей – преподаватели и родители (табл. 11). Представители официальных структур, по мнению опрошенных, менее всего были заинтересованы в борьбе с коррупцией.

Таблица 11

Категории лиц, наиболее заинтересованных в устранении коррупции
(в % к общему числу опрошенных)

Категории лиц	Студенты	Преподаватели	Родители
1. Студенты	36,9	17,9	28,5
2. Профсоюз	13,7	2,5	6,7
3. Преподаватели	3,3	27,2	0,6
4. Ректорат	19,8	14,8	12,1
5. Родители студентов	21,4	27,8	50,3
6. Никто	4,9	9,8	1,8
Итого	100,0	100,0	100,0

В целом в ходе исследования выявилось, что, по мнению опрошенных, коррупция в вузах существует, имеет определенные формы существования и границы распространения. При этом возник вопрос: можно ли в тех условиях поступить в вуз и учиться в нем, не прибегая к взяткам? Подавляющее большинство опрошенных придерживались мнения, что такое вполне возможно (табл. 12).

Таблица 12

Оценка возможности учиться в вузе, не прибегая к взяткам
(в % к общему числу опрошенных)

Варианты ответа	Студенты	Преподаватели	Родители
1. Да	50,3	69,1	44,8
2. Очень трудно, но все-таки возможно	38,5	24,7	41,2
3. Нет	7,5	3,1	9,7
4. Затруднились ответить	3,7	3,1	4,3
Итого	100,0	100,0	100,0

Наиболее пессимистичны в этом вопросе были родители, оптимистичны – преподаватели. Тем не менее доля тех, кто безоговорочно не приемлет возможность обучаться, не прибегая к взяткам, среди всех категорий респондентов очень низка.

В то же время, говоря о способах оплаты за поступление в вуз, значительна доля тех, кто считает наиболее предпочтительным способом дать взятку представителю администрации вуза или преподавателю, нежели заплатить за обучение в установленном порядке. Среди опрошенных студентов таковых 32,8 %, среди родителей – 20,6 %. Среди преподавателей доля ответивших таким способом значительно меньше – всего 8,6 %. Эти ответы коррелируют с вопросом об инициаторах взяток: действительно, в значительной мере инициаторами взятки можно считать студентов и их родителей, тогда как сотрудники вуза занимают пассивную позицию.

Особенно важным в контексте исследования является вопрос о мерах борьбы с коррупцией в высшей школе. При оценке основных способов борьбы с коррупцией каких-либо значительных расхождений среди трех категорий опрошенных не выявилось (табл. 13). Высший ранг значимости имело улучшение материального положения преподавателей. На 2-м по значимости месте для родителей и студентов – организация «службы (телефона) доверия», для преподавателей – предание гласности случаев коррупции. Для студентов и родителей эта мера находилась на 3-м месте, а для преподавателей – усиление информированности о хозяйственной деятельности вуза. Последняя мера представляется достаточно актуальной, поскольку на вопрос «Достаточно ли Вы информированы о направлениях расходования средств, которые вуз получает от платных образовательных услуг?» только 11,7 % опрошенных преподавателей ответили, что достаточно, 51,9 % – недостаточно, а 35,2 % абсолютно не имели об этом никакой информации.

Таблица 13

Первоочередные и наиболее эффективные меры борьбы с коррупцией
(в % к общему числу опрошенных)*

Варианты ответов	Студенты		Преподаватели		Родители	
	%	Ранг ответа	%	Ранг ответа	%	Ранг ответа
1. Организовать «службу (телефон) доверия», принимающую заявления о фактах вымогательства	32,6	2	23,5	4	37,0	2
2. Создать общественную приемную для разрешения конфликтных ситуаций между студентами и преподавателями	17,4	8	17,3	6	13,3	8
3. Передавать гласности случаи коррупции и вымогательства и наказания за них	29,8	3	35,2	2	36,4	3
4. Улучшать материальное положение преподавателей	51,7	1	72,8	1	49,1	1
5. Обеспечить постоянное информирование о хозяйственной деятельности вуза	20,6	6	27,8	3	16,4	7

Варианты ответов	Студенты		Преподаватели		Родители	
	%	Ранг ответа	%	Ранг ответа	%	Ранг ответа
6. Предавать гласности размеры доходов профессорско-преподавательского состава и руководства вуза	10,0	10	17,9	5	9,7	10
7. Устраивать в прессе обсуждение причин и условий существования коррупции в вузе и мер по борьбе с ней	11,3	9	8,6	8	10,9	9
8. Привлекать общественных наблюдателей к работе в приемной комиссии	21,0	5	8,6	8	20,0	5
9. Заменить вступительные экзамены компьютерным тестированием	21,2	4	12,3	7	29,1	4
10. Ужесточить контроль со стороны администрации за профессиональной деятельностью преподавателей	19,2	7	4,9	9	17,0	6
11. Другое	3,1	11	4,9	9	3,6	11

Итак, отметим ключевые моменты материалов социологического исследования:

- почти каждый третий студент и каждый шестой родитель уверены, что система образования является одной из сфер развития коррупции;
- более 40 % студентов, 30 % преподавателей и почти 30 % родителей непосредственно сталкивались с проявлениями коррупции в вузах;
- более 2/3 студентов и преподавателей выделяют вступительные экзамены как наиболее «коррупционный» этап учебного процесса (речь идет о практике завышения оценок по каким-либо соображениям);
- каждому четвертому преподавателю предлагали взятки (в основном в форме подарков);
- половина студентов и 72 % преподавателей считают, что неподкупных преподавателей в вузах большинство (!);
- каждый третий студент и каждый пятый родитель считают, что лучше дать взятку представителю администрации или преподавателю, нежели платить за обучение в установленном порядке (!).

Таким образом, по мнению опрошенных, субъективизм, протекционизм, мздоимство в вузах существовали в устойчивых проявлениях. При этом указанные криминальные явления вовсе не имели такого фатального всеобщего характера, какой в описываемые годы изображался общественным мнением в многочисленных слухах.

Опросы экспертов, анкетирование студентов через Интернет выкуло продемонстрировали еще один новый дефект образовательной системы, не отмеченный ранее, но, несомненно, относящийся к латентной (скрытой) коррупции – речь шла о катастрофическом росте «покупок» контрольных и курсовых работ, неоправданного репетиторства и платных консультаций, к которым преподаватели склоняли студентов.

Какие же основные меры борьбы с коррупцией в высшей школе выделило общественное мнение в 1999 г.?

- На первое место ставится улучшение материального положения преподавателей.

- На втором по значимости месте для родителей и студентов – организация «службы (телефона) доверия»; для преподавателей – предание гласности случаев коррупции.

- И третьей достаточно актуальной мерой выделяется усиление информированности о хозяйственной деятельности вуза.

Следует заметить, что участники опроса принизили значение «внутренних» причин расширения коррупции, т. е. связанных непосредственно с деятельностью собственно высшей школы (только от 5 до 10 % опрошенных выделяют соответствующие факторы). Контент-анализ с участием преподавателей разных вузов г. Иркутска указал на противоположное мнение – улучшение уровня жизни преподавателей считается незначительным фактором в ограничении коррупции, в отличие от повышения эффективности контроля за деятельностью студентов и преподавателей, построения «прозрачной» системы отношений участников учебного процесса. В пользу последнего замечания говорил и мировой опыт. Ограничимся ссылкой на результаты Д. Т. Луи, изучающего динамические модели ограничения коррупции. Этот ученый первым среди исследователей объяснил, почему уровень коррупции в стране может серьезно возрасти по сравнению с некими периодами в прошлом, в то время как параметры схемы наказания сильно не менялись. Он смог доказать, что в сильно коррумпированном обществе обычные мероприятия по борьбе с коррупцией являются дорогостоящим «удовольствием» для общества, несопоставимым с эффектом от них. Так, например, оказывается, что уровень криминогенности чиновничества не реагирует на размер соответствующего штрафа, т. е. на увеличение жестокости наказания! А вот увеличение ресурсов на проверку добросовестности, на контроль заметно снижает уровень коррупции в такой структуре.

По указанным причинам и исходя из своего профессионального и гражданского долга, исследователи предложили в качестве основных в ограничении коррупции рассматривать именно мероприятия, связанные с совершенствованием управления вузами, оптимизацией учебного процесса, созданием современной открытой и эффективной высшей школы, в которой нет места субъективизму, протекционизму, мздоимству.

Предложения тезисно можно сформулировать следующим образом:

- Разработка и принятие после широкой общественной экспертизы Этического кодекса преподавателя во всех вузах г. Иркутска.

- Разработка Академического кодекса студента, жестко регламентирующего в числе прочего наказание за попытки неверно представлять свои учебные достижения либо препятствовать адекватной оценке работы других студентов (обман на экзамене, зачете, контрольной работе; плагиат; фальсификация данных; несанкционированные разговоры на экзаменах и т. д.).

- Принятие конкретных планов или программ в области предупреждения коррупции внутри вуза.
- Внедрение в учебные планы дисциплины типа разрабатываемого участниками гранта спецкурса «Воспитание “лиц государевых” (из истории профессиональной этики госслужащих в России)».
- Распространение среди студентов, абитуриентов, родителей брошюры, содержащей подборку материалов антикоррупционной направленности, а также подробный анализ предлагаемых в данном докладе выводов и предложений.
- Детальная проработка правил приема, правил проведения экзаменов. Публикация и строгое соблюдение последних с целью ликвидации слухов и разъяснения гарантий равноправия всех абитуриентов на вступительных испытаниях.
- Строгое соблюдение министерских норм: отказ от совмещенных и репетиционных экзаменов; от зачисления по итогам платных подготовительных курсов; от платного продолжения учебы в случае неуспеваемости; корректное регламентирование отношений с лицеями и гимназиями и т. п.
- Оценка эффективности и необходимости создания общественных приемных комиссий, призванных осуществлять мониторинг деятельности предметных и приемных комиссий вузов.
- Постепенный переход к современной системе оценки знаний студентов (тестирование; входной, промежуточный и итоговый контроль); увеличение доли письменных работ; повышение роли оценки текущей успеваемости и самостоятельной работы студентов.
- Недопустимость несанкционированного приема экзаменов и зачетов другими преподавателями либо нарушение сроков сессии; повышение сессионной дисциплины – строгое соблюдение сроков объявления графиков экзаменов, консультаций, пересдач, комиссий и т. д.
- Обеспечение «прозрачности» бюджета вуза; проведение периодических отчетов перед коллективом преподавателей и студентов по итогам финансовой деятельности вуза. Повышение информированности студентов, преподавателей и родителей студентов о системе предоставления льгот физическим или юридическим лицам в вузе.
- Обновление нормативной базы, соответствующих положений и правил деятельности структур вузов в соответствии с современными условиями.
- Отражение в Уставе вуза антикоррупционной профилактики.
- Организация «службы доверия» для профилактики мздоимства, наркомании и других криминальных явлений.
- Безусловное придание гласности фактов субъективизма, взяточничества, подлога на экзаменах и т. п. (пресса, Интернет).
- Создание условий для расширения самостоятельной работы студентов за счет сокращения часов академических занятий, кардинального улучшения методического обеспечения учебного процесса, улучшения условий для работы с информационными сетями, мировым библиотечным фондом.

- Активизация научной компоненты учебного процесса с целью профессионального сближения студентов и преподавателей.
- Повышение гласности учебной работы: коллективный анализ постановки задач на курсовое и дипломное проектирование; публичная предзащита и защита их в виде совместных семинаров кафедр и студенческих групп.

Литература

1. Деренко Н. В. Вузы без коррупции (абитуриентам, студентам, родителям и преподавателям). Иркутск : Изд-во ИГЭА, 1999. 56 с.

УДК 316.74:791.43-252.5+159.9:791.43-252.5

Бояркина В. В.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ОТРАЖЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ МУЛЬТФИЛЬМАХ (В АСПЕКТЕ ВЛИЯНИЯ НА МИРОВОЗЗРЕНИЕ ДЕТЕЙ)

Описывается роль мультфильмов и их взаимосвязь с окружающим миром, а также какие ценности транслируются в мультфильмах, и какие последствия они имеют. Также рассказывается о положительном и отрицательном влиянии мультфильмов, которое зависит от сюжетов картин или даже нескольких моментов всей картины. Сделан упор на описание мультфильмов с террористическими элементами. Приводятся рекомендации родителям, связанные с выбором просматриваемых анимационных картин.

Ключевые слова: мультфильм, поведение, психика, террористические элементы.

Мультфильмы, будучи вовлеченными во всемирные глобальные процессы, тесно связаны с окружающей действительностью. Мультфильмы зачастую отражают все те процессы и явления, что существуют в реальной жизни. Безусловно, происходит преломление и отражение через игровую, анимационную, сказочную и упрощенную форму, являя собой то, что мы зовем мультфильмом. Ребенок не способен воспринимать серьезную информацию, ввиду своего только начавшегося развития, поэтому детям преподносят ее через мультфильмы. Получается, что нам с малых лет демонстрируют взрослую жизнь и мир, в котором нам предстоит существовать.

В мультфильмах присутствует не только выдуманный мир фантазии и идей, но также они могут отражать современные реалии и действительность. Так на экранах анимационной среды можно видеть отражение семейных ценностей, добро и зло, дружбу и любовь, ненависть и отчаяние, несокрушимость и отвагу, смелость, отчаяние, выбор, заботу, безучастность, отторжение, честолюбие, сарказм и другие чувства, эмоции и поведенческие особенности. Встает вопрос, а стоит ли детям показывать негативные и отрицательные явления мира? Как они будут влиять на него? Или мы должны с раннего детства прививать ребенку не идеальность мира, и возможности его темных сторон? Ответ неоднозначен.

С одной стороны, демонстрация отрицательных сюжетов способна прививать чувство опасности, желания защититься или избежать подобного в своей жизни. Также подобные сцены могут укреплять сознание ребенка, готовить его к взрослой жизни, которая полна опасностей. Мультфильмы являются языком доступным для понимания маленького человечка. Они являются своеобразным мостом между взрослением и детством. В данном случае мы понимаем, что этот мост необходим, ребенок должен быть готов ко всему, а это хорошая закалка, которая преподносится в «мягкой», не наносящей вреда, форме. Мультфильмы необходимы, чтобы подавать пример добра и порядочности. Сцены зла используются лишь для того, чтобы добро победило. Ведь изображать добро само по себе – ограничено, гораздо эффективнее, если его применение обосновано какой-то угрозой или опасностью. И режиссеры, и сценаристы, вовсе не пытаются навредить нам, показывая различные ужасы, а, наоборот, отчетливее и ярче отобразить положительные моменты, с которых, безусловно, ребенок должен брать пример (мультсериал «Барбоскины» – неприятности случаются, но итоговая мораль позволяет понять, что семья и дружба самое главное, не смотря ни на какие преграды).

С другой же стороны, показ сцен насилия, подлости, обмана, предательства, преступности, может негативно сказываться на психике ребенка. Они могут привить ему формат отрицательного поведения, который ребенок будет воплощать в жизнь, например издевательства над животными, ведь в мультфильмах не раз показывали, как Маша изводит домашних животных («Маша и Медведь»), или происходит эксплуатация зверей («Зверополис», где сильные угнетают слабых). Плохие взаимоотношения с родителями («Маленький принц»). Есть мультфильмы, демонстрирующие неправильный физический мировой порядок, так металлическое оружие всплывает в воде («Синдбад») и многие другие несовершенства и ошибки.

Особое внимание предлагается уделить мультфильмам с террористическими элементами. Для этого вспомним такие мультфильмы как «Зверополис» – со своей зверинной мафией, разбоями, нападениями и зомбировании других животных. «Холодное сердце», где Эльза замораживает весь город льдом, а позже сбегает, оставляя всех в холодном ужасе и страхе. «Кун фу панда 3», где злой Гай вырывается из заточения и разрушает все вокруг, начиная от фермерского поля. Или история про Кая и Герду: Снежная королева похищает ребенка и оставляет в своем заточении. Мультфильм «Аисты» со своей группировкой волков «стая». «Пингвины Мадагаскара», в котором доктор Брайн берет заложников, проводит эксперименты над животными, происходят взрывы и стрельба. Способны ли подобные мультфильмы развить в детях поведение и мысли, копированные с мультфильмов, особенно подобного злого и даже террористического содержания? Или же они будут зачинателями хорошего примера, добрых дел победителей, которые «спасли всех и мир»? Дети будут защищать своих братьев и сестер, любить родителей, заботиться о животных.

Социология кино изучает различные аспекты взаимодействия общества и кинокартин. Нам хотелось бы предложить, открыть отдельное направление «социология мультфильмов», чтобы была возможность изучения влияния анимации не только на детей, но и на взрослое население. Делая вывод, сложно накладывать всю вину за то или иное поведение ребенка на сюжеты мультфильмов. Из множества факторов формируется мировосприятие и сознание детей, и в первую очередь это родители, именно они прививают важные базовые ценности. Хотя и не стоит отрицать высокой роли мультфильмов, поскольку в современном мире они неразрывно связаны с детьми, которые смотрят их ежедневно. Таким образом, родителям стоит задуматься над тем, какие мультфильмы стоит показывать своим детям, не следует контроль делать тотальным, но быть внимательнее к поведению ребенка и проводить параллели с просмотренными анимационными картинками будет полезно.

УДК 323.28

Косолапова Ю. А.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИДЕОЛОГИИ ТЕРРОРИЗМА В ФОКУСЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ 2016–2017 гг.

Автором подчеркивается актуальность мероприятий по реализации государственной политики Российской Федерации по профилактике терроризма и экстремизма. Отмечается необходимость институтам власти создавать механизмы реализации стратегических интересов противодействия идеологии терроризма и экстремизма.

Ключевые слова: терроризм, противодействие, идеология.

В настоящее время вопрос о реализации государственной политики Российской Федерации по профилактике терроризма и экстремизма, актуален в связи с напряженной международной обстановкой. Правительство Российской Федерации совместно с органами местного самоуправления проводит ряд мероприятий по предупреждению терроризма и экстремизма, правовую основу которых составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права и национальное законодательство России. По приказу Президента Российской Федерации в целях улучшения государственного управления в области противодействия терроризму 15 февраля 2006 г. был организован Национальный Антитеррористический Комитет (Указ Президента РФ от 15 февраля 2006 г. № 116 «О мерах по противодействию терроризму»), основной задачей которого является разработка мер по борьбе с терроризмом, участие в международном сотрудничестве, подготовка предложений Президенту России по разработке государственной идеологии и совершенствованию законодательства в этой области, а также организация информирования населе-

ния о возникновении и нейтрализации угроз террористической направленности, проведение международных и национальных конференций.

За последние два года было проведено порядка двухсот различных конференций, на которых поднимались различные актуальные вопросы, такие как:

- противодействие распространению идеологии терроризма и устремлениям вербовщиков международных террористических организаций по пополнению сторонников своих рядов;

- доведение до сознания молодежи недопустимости участия в террористической деятельности и последствий совершения таких преступлений, в том числе путем проведения тематических мероприятий в образовательных учреждениях;

- повышение бдительности населения и разъяснение гражданам порядка их действий при чрезвычайных ситуациях;

- недостаточная практика должностных лиц в муниципальных образованиях по решению задач в случае введения уровней террористической опасности.

Актуальность конференций обусловлена остро стоящей проблемой обеспечения безопасности, противодействия правонарушениям экстремистской и террористической направленности. Поиск новых путей профилактики и противодействия терроризму и экстремизму особенно важен в связи с реализацией Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в РФ на 2013–2018 гг., утвержденного Президентом Российской Федерации от 26 апреля 2013 г. № Пр-1069. Основная направленность конференций – обеспечение образовательных организаций современными технологиями и методиками противодействия распространению идеологии экстремизма и терроризма; разработка программ для образовательных организаций всех уровней по эффективному формированию ответственного антиэкстремистского и антитеррористического поведения, аутентичных алгоритмов межведомственного взаимодействия в сфере противодействия терроризму и экстремизму в субъектах Российской Федерации.

Иркутская область так же уделяет особое внимание проблеме терроризма и в целях реализации мер по усилению общественной безопасности, защите населения города от различного рода угроз, обеспечению надежной охраны потенциально опасных объектов и объектов с массовым пребыванием людей, руководствуясь Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», ст. 16, постановлением Губернатора Иркутской области «О мерах по противодействию терроризму» от 20 января 2003 г. № 19-п, ст. ст. 37, 38, 42 и уставом города Иркутска, принятым городской Думой от 20 мая 2004 г. № 003-20-430537/4 была организована антитеррористическая комиссия. В связи с трагическими событиями в Санкт-Петербурге на заседании антитеррористической комиссии администрации города Иркутска было принято решение по усилению мер безопасности граждан и охраны объектов с массовым

пребыванием людей, а так же уделить особое внимание транспортной инфраструктуре – железнодорожным вокзалам, аэропорту, автовокзалу.

В заключение, хотелось бы отметить, что итогами всех конференций явилась аккумуляция теоретических исследований и практических разработок ведущих исследовательских и аналитических центров в области национальной безопасности. Полученные результаты могут быть использованы в научных исследованиях по проблеме противодействия идеологии терроризма. Своевременное реагирование граждан на признаки террористической деятельности может существенно повысить уровень безопасности на территории Российской Федерации, а также эффективность борьбы с проявлениями терроризма. Только совместными усилиями органов власти и населения можно обеспечить мир и спокойствие в наших домах.

Литература

1. Национальный Антитеррористический Комитет [Электронный ресурс] : офиц. сайт. URL: <http://nac.gov.ru/index.html> (дата обращения: 02.04.2017).
2. Город Иркутск [Электронный ресурс] : офиц. портал. URL: <http://admirk.ru/pages/Istochniki-informacii.aspx> (дата обращения: 02.04.2017).

УДК 316.77:416.485.26

Лукьянов К. Ю.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ОБЩЕСТВЕ РИСКА (В АСПЕКТЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИДЕОЛОГИИ ТЕРРОРИЗМА)

Рассматриваются вопросы коммуникативной безопасности в условиях общества риска. Приводятся фрагменты из работ теоретиков, характеризующих особенности коммуникативного взаимодействия. Автор выделяет и анализирует элементы, формирующие коммуникативное пространство личности, и возможные методы сохранения безопасности этого пространства.

Ключевые слова: коммуникативная безопасность, общество риска, коммуникация, воздействие, терроризм.

Общественные изменения, происходящие сегодня, настолько сильны, что актуализируют исследуют проблемы безопасности человека в информационном и коммуникативном пространстве. Определяя динамику этих процессов можно охарактеризовать их с позиции общества риска. В обществе риска модернизация и современность рассматриваются не только как источник различных благ (либерализм, плюрализм, богатство и др.), но и как источник опасностей (экологические проблемы, распад семейных структур, проблемы безработицы) [1]. Также общество изнутри порождает угрозы и риски, стремясь устроить окружающий мир в соответствии со своими личными потребностями и пониманием путей их удовлетворения. Проблема коммуникативной безопасности человека при явно выраженных тенденциях межкультурного смешения в мировом сообществе весьма актуальна. Учиты-

вая идею создания единого мирового пространства, сохраняется значимость этого единства в коммуникативных процессах, особенно в условиях возрастающей идеологии терроризма (ИГИЛ, секты, религиозные фанатики).

Под процессами коммуникации традиционно понимают передачу информации от одной системы к другой посредством материальных носителей, символов. Многообразие культур, развитие информационных каналов коммуникации, порождает возрастание сложности взаимодействий. Отсюда под коммуникативной безопасностью понимают безопасность от агрессивных коммуникативных влияний, вторжения в коммуникативное пространство, обмен положительными символами и значениями.

Характерной особенностью управления коммуникациями в условиях кризисного общества становится разработка не только моделей порождения информации, но и моделей блокирования ненужной информации, которая своей циркуляцией может привести к саморазрушению системы, что является в этой ситуации значительными рычагами управления кризисом [2]. Причем, в стрессовых ситуациях человек сужает параметры фильтрации коммуникации до минимума. По этой причине человек гипертрофирует значимость какого-либо параметра и по-иному оценивает поступающую информацию. Данные процессы сужения информационного потока формируют новые модели реагирования – человек берет только то из окружающей действительности, что поддерживает выбранную им интерпретацию.

Известно, что процессы воздействия носят многоплановый характер. В них присутствуют различного рода механизмы: убеждение, внушение, заражение, которые носят взаимодополняющий характер. При этом адресат информации может и не ощущать в качестве воздействующих некоторые возможные коммуникативные цепочки. Можно привести пример с проклятиями, заговорами, которые действуют, когда в них «верят». Зомбирование в рамках африканской культуры покоится на беспрекословном подчинении словам шамана [2]. В современности большое внушающее влияние оказывают религиозные секты или процессы вербовки в террористические организации.

Возвращаясь к коммуникативной безопасности, необходимо затронуть позицию субъектности коммуникации. Субъект сам создает свое коммуникативное пространство. Особенностью является то, что коммуникативное пространство одновременно принадлежит массовому сознанию, к нему имеет доступ каждый. Чужая интервенция в это пространство может иметь агрессивные намерения. Субъект как автор коммуникативных событий. Следовательно, коммуникативная безопасность обостряется, когда субъекты начинают влиять на ситуацию.

Весьма популярной формой отражения коммуникативных стратегий является имидж. Имиджевые характеристики задают четкие варианты ожидаемого поведения. С давних времен фиксировались подобные типы поведенческих характеристик «барин нас рассудит», «царь – батюшка – не вели казнить, а вели миловать» и т. д. Сегодня для характеристики каких-то событий используются подобные вербальные значения. Также действуют и

«стабилизаторы» ситуаций, например, клятва, функцией которой является система задания будущего поведения, закрепляя с помощью обращения к «нечеловеческим» силам нужный им вариант будущего развития ситуации.

Новые оттенки обнаруживаются в концепции Э. Гидденса, которая раскрывает ситуативные контексты присутствия и соприсутствия в социальном взаимодействии [3]. В его трактовке структурные свойства социальных систем отражают «диалектику присутствия и отсутствия в пространстве и времени», которая связывает простейшие формы социального действия со структурными свойствами социума. По замечанию Э. Гидденса, при изменении условий соприсутствия с точки зрения социально-психологических аспектов (совместность, опосредованность социального взаимодействия) отношения с теми, кто физически отсутствует, предполагают иные социальные механизмы. Так, отсутствующие другие, которые могут посредством мобильного телефона в любой момент вторгнуться в пространство и время пользователя мобильной телефонии. Актуальной остается тема социальных сетей, как индикаторов коммуникативных взаимодействий и мощных ресурсов коммуникативного влияния. Одной из технологий частичной коммуникативной защиты можно назвать клавиатуру эмодзи («смайлики»). Субъекту взаимодействия достаточно символом ответить на чужую интервенцию, и тем самым, избежать дальнейших воздействий.

Социально-психологический параметр ингибирование приобретает важную роль в модели сохранения коммуникативной безопасности субъекта. Ингибирование, описанное Дж. Г. Мидом, представляет собой сдерживание участниками взаимодействия импульсов, умение поступать избирательно, и является необходимым компонентом безопасного социального взаимодействия [3]. Отличительный пример можно привести из эволюционной психологии на термине «социальный робот», истолковывающего человека как программируемый объект и соответственно имеющего предсказуемое поведение [2].

Резюмируя вышесказанное, хочется отметить, что основной задачей коммуникативной безопасности в условиях возрастающих тенденций нестабильности, в рамках противодействия идеологии терроризма, остается «не утонуть» в обилии манипуляторов личным коммуникативным пространством и создать почву для развития и формирования адекватных положительных моделей коммуникативных взаимодействий. Умение качественно отбирать информацию из потоков, которые на нас обрушаются, весьма актуальна с точки зрения решения проблемы коммуникативной безопасности.

Литература

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну : пер. с нем. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
2. Волкова А. И. Особенности функционирования механизмов коммуникативного воздействия и безопасность личности в условиях кризисных ситуаций // Изв. Юж. федер. ун-та. Сер. Техн. науки. 2005. № 4, т. 48. С. 221–224.
3. Донцов А. И., Перелыгина Е. Б. Проблемы безопасности коммуникативных стратегий // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14: Психология. 2011. № 4. С. 24–31.

ОСНОВНЫЕ МЕРЫ ПО БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ В РФ В ПЕРИОД с 2006 по 2017 г.

Рассматриваются основные меры борьбы и профилактики терроризма в законодательстве Российской Федерации, характеризуется процесс видоизменения законов, внесения поправок в действующие законы.

Ключевые слова: терроризм, террористические акты, ИГИЛ, Российская Федерация, религия, угроза, теракт, мировое сообщество, Федеральный закон, Правительство.

Терроризм как социальное явление потрясает до глубины души население всего земного шара. Во все времена существовали объединения людей, которые пытались при помощи силы заставить действовать общество в соответствии с их интересами. Применяя антигуманные методы, террористы доказывают, что готовы абсолютно на все в погоне за удовлетворением своих потребностей. Это явление носит глобальный характер, потому как под угрозой постоянно находятся абсолютно все государства. В настоящее время вопросам, связанным с терроризмом, уделяется немало внимания. Это связано, прежде всего, с обострившейся проблемой всего мирового сообщества, деятельностью исламского государства (запрещенного на территории Российской Федерации). Данная организация действует в соответствии с религиозной направленностью, главная цель приверженцев – борьба с неверными (джихад). Такая разновидность терроризма наиболее опасна, потому что одной из главных составляющих является религия. Как говорил Карл Маркс: «Религия есть опиум народа». Переводя дословно – «лекарство от всех болезней». Люди, считающие себя угнетенными, как правило, более подвержены внушению, на основе этого и действуют «верхушки» ИГИЛа. Возможность влиять на умы людей, внушать светлое будущее на небесах, которое никем и ничем не гарантируется, отрицать ценность жизни и бытия на Земле – все это методы организаторов данного направления. Для нашего государства ИГИЛ представляет угрозу по причине того, что в состав Российской Федерации входят такие субъекты как Чечня, Кавказ, жители которых являются глубоко верующими мусульманами. По всему миру происходят террористические акты, ИГИЛовцы вербуют новых людей, а это означает необходимость правительства нашей страны применять меры по борьбе и профилактике терроризма, внесение поправок в действующие законы. В своей статье я попробую рассмотреть, как видоизменялись законы в период с 2006 по 2017 г.

Начнем с Федерального закона, принятого 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Данный закон содержит 27 статей, направлен на уточнение правового регулирования по проблеме терроризма. В документе прописана правовая основа противодействия терроризму, основные принципы, основой которых является незыблемость прав и свобод

гражданин Российской Федерации, приоритет прав граждан, пострадавших в результате действия террористов. В ст. 3 уточняются понятия, такие как: терроризм, террористический акт, пропаганда идей терроризма, вербовка, противодействие терроризму и мн. др. Существуют Международные соглашения об объединении усилий, направленных на борьбу с терроризмом. Статья 5 определяет рамки деятельности и полномочия органов управления, Президента и Правительства РФ. В последующих статьях данного закона регламентируется применение Вооруженных Сил Российской Федерации в борьбе с террористическими актами. С 18-й по 20-ю статью закрепляются основные формы возмещения компенсации лицам, пострадавшим в результате террористического акта. Далее мы можем узнать, что существует правовая и социальная защита, а также вознаграждение лиц, участвующих в борьбе с терроризмом. Данный Федеральный закон отменяет Федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» и признает его недействительным. Рассматривая основной закон, связанный с темой нашей конференции можно отследить то, что государство заинтересовано данной проблемой, потому как оказывается необходимая поддержка лицам, которые вступают в борьбу с терроризмом, стимулирование граждан является неотъемлемой частью в вопросах предотвращения, профилактики таких серьезных «заболеваний» общества. Документ был дополнен Постановлением Правительства РФ 21 февраля 2008 г. № 105. Данное Постановление признает утратившим силу п. 1–5 и 7 Постановления Правительства Российской Федерации от 22 января 1997 г. № 58 «О мерах социальной защиты лиц, привлекаемых к выполнению специальных задач, связанных с проведением мероприятий по борьбе с терроризмом». В этом документе приведены правила возмещения вреда лицам, пострадавшим в результате террористических актов, порядок назначения социальной помощи, органы, компетентные в этом вопросе.

Постановление Правительства Российской Федерации от 23 сентября 2010 г. № 729 «О представлении Президенту Российской Федерации предложения о подписании Соглашения между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом». Этот документ представляет собой законопроект об установлении тесных связей с КНР по вопросам борьбы с терроризмом. Документ состоит из 15 статей, в которых четко установлены компетентные органы, их зона действия в ситуации опасности, границы сотрудничества, проявляющиеся в обмене информацией. Настоящее соглашение было подписано в Пекине в 2010 г. 23 февраля 2015 г. вышло Распоряжение Правительства РФ о подписании соглашения между Правительством РФ и Правительством Республики Кипр «О сотрудничестве в борьбе с терроризмом». Позднее вышло в свет Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 июня 2016 г. № 1314-р «О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Союз Мьянма о сотрудничестве в области борьбы с терроризмом».

Принятие таких важных документов является доказательством того, что проблема действительно охватывает все мировое сообщество. Также Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 25 марта 2016 г. № 8580-6 ГД, в котором содержится заявление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «О создании международной антитеррористической коалиции в целях защиты мира и безопасности от угроз международного терроризма») подтверждает факт того, что наше государство заинтересовано в том, чтобы эффективно бороться со столь серьезной проблемой современности.

Следующий документ для рассмотрения – это Указ Президента РФ от 26 декабря 2015 г. № 664 «О мерах по совершенствованию государственного управления в области противодействия терроризму». Исходя из текста документа, мы видим, что настоящий документ регламентирует создание Национального антитеррористического комитета, оперативных штабов в морских районах для организации деятельности по борьбе с терроризмом, управления контртеррористическими операциями. Здесь закрепляются права и обязанности, функции членов и председателя комитета; нормируются правила функционирования комитета. Также к Указу прилагается положение о составе оперативного штаба по должностям.

Постановление Правительства Российской Федерации от 6 августа 2015 г. № 804 «Об утверждении Правил определения перечня организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, и доведения этого перечня до сведения организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, и индивидуальных предпринимателей». Утверждает Правила определения перечня организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму. Суть этого документа состоит в том, чтобы регламентировать возможность отслеживания поступлений и передачи денежных средств физическими и юридическими лицами, с целью выявления пособничества с террористами. Приводится перечень органов, уполномоченных по данному вопросу, в их числе: Генеральная прокуратура РФ, Министерство юстиции РФ, Следственный комитет РФ и др.

23 февраля текущего года Правительство РФ издало Распоряжение «О подписании Соглашения об обмене информацией в рамках Содружества Независимых Государств в сфере борьбы с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма, а также их финансированием». В рамках этого договора выступают следующие государства: Азербайджанская республика, Республика Армения, Республика Белоруссия, Киргизская Республика, Республика Молдова, Республика Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Российская Федерация. Документ содержит 19 статей, в которых речь идет об обязательствах сторон, подписавших данное соглашение, о каналах взаимной передачи информации, имеющей отношение к проявлениям терроризма и экстремизма, также речь идет о возмож-

ном создании объединенного банка данных, которыми могла бы пользоваться каждая сторона.

«Антитеррористический пакет Яровой» принят 24 июня 2016 г. Закон вызвал множество негативных оценок, потому как включает положения об уголовной ответственности за несообщение о преступлениях, слежка за репостами в социальных сетях, которые в настоящее время приравниваются к официальному заявлению в СМИ. Также увеличилось количество преступлений, за которые несут ответственность лица, достигшие 14 лет.

С одной стороны, мы видим как государство предпринимает попытки в борьбе за безопасность своих граждан, с другой, ужесточение правил и отслеживание поведения людей в социальных сетях не приводит к желаемым результатам. Предотвратить теракты не удастся, пример этому – взрыв в метро Санкт-Петербурга 3 апреля текущего года. По-прежнему гибнут люди, и угроза террора не исчезла.

УДК 316.74:008+008](47)

Пустобаева В. И.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ ИНФОРМАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПО ВОПРОСАМ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РОССИЙСКИХ ГОРОДАХ

Определяется сохранение и популяризация культурного наследия в современных условиях как одно из стратегических направлений государственной культурной политики.

Ключевые слова: культурное наследие, информационное взаимодействие, популяризация.

Сохранение и популяризация культурного наследия в современных условиях является одним из стратегических направлений государственной культурной политики. Поскольку именно культурное наследие выступает важнейшим фактором единства, сплоченности и устойчивости общества.

Значимую роль в сохранении историко-культурного наследия играет взаимодействие властных и общественных структур со средствами массовой информации. О. П. Хорошавцева подчеркивает, что «в информационно-семиотическом контексте, культура – это специфическая, присущая только человеческому обществу надбиологическая форма информационных процессов, где средствами распространения и хранения выступают внешние по отношению к человеческому телу структуры. Культура существует, функционирует, формируется, передается и усваивается с помощью коммуникаций и средств их распространения. В этой связи коммуникация – жизненно необходимый механизм человеческого существования. Таким образом, культуре необходима устойчивая, постоянная, многосторонняя и мобильная система коммуникаций» [2, с. 8].

Приоритетными задачами государственной стратегии по сохранению и формированию культурного наследия с помощью СМИ Департамента культурного наследия Министерства культуры Российской Федерации являются: укреплять и развивать традиции взаимодействия власти в области культуры со СМИ; пропагандировать положительный опыт сохранения объектов культурного наследия, а также привлекать всеобщее внимание к проблемам в области сохранения, популяризации, использования объектов культурного наследия через СМИ; повысить профессиональный уровень и качество информационных и аналитических материалов, касающихся сохранения объектов культурного и национального наследия [1].

В ходе пилотажного исследования, проведенного на базе кафедры социальной философии и социологии и Социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ» в период с октября 2015 г. по май 2016 г., выяснилось, что респонденты, в основном, получают информацию об историко-культурных объектах г. Иркутска и событиях с ними связанных из личного посещения этих объектов (20,7 %) и из передач телевидения (18,6 %). Также распространенными источниками информации являются материалы информационных стендов на улицах и в общественных местах и разговоры с родственниками, коллегами, друзьями и знакомыми (по 12,1 % соответственно). По мнению экспертов, наиболее эффективными каналами информации являются материалы информационных стендов на улицах и в общественных местах (25,0 % ответов), а также личное посещение историко-культурных объектов (25,0 % ответов), что подтверждает осведомленность экспертов в данном вопросе.

Однако на сегодняшний день меры по сохранению и популяризации культурного наследия являются малоэффективными вследствие недостаточной информированности населения об объектах культурного наследия. Сведения государственного учета объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия, имеют закрытый доступ или отображаются на официальных сайтах органов исполнительной власти в неполном объеме. На наш взгляд, публикация единого свода объектов историко-культурного наследия в информационном пространстве будет способствовать информационному обмену и взаимодействию по вопросам сохранения культурного наследия в российских городах. Также для наиболее полного информирования общественности о ситуации в сфере сохранения культурного наследия требуется создание единой информационной системы общероссийского мониторинга состояния и использования памятников истории и культуры.

Таким образом, в процессе динамичного развития информационного общества все более серьезной становится проблема сохранения объектов культурного наследия. Историко-культурное наследие на рубеже веков приобретает колоссальное ценностное значение, выступает гарантом сохранения национальной идентичности, служит конкурентным преимуществом государства на мировой арене в условиях глобализации. Совершенствование механизмов информационного взаимодействия будет способствовать актуализации духовного опыта и сохранения культурного наследия среди населения.

Литература

1. О культурном и национальном наследии Российской Федерации. Документы [Электронный ресурс] // Департамент культур. наследия М-ва культуры РФ. URL: http://mkrf.ru/ministerstvo/departament/list.php?SECTION_ID=18906 (дата обращения: 07.04.2017).
2. Хорошавцева О. П. Средства массовой коммуникации в системе межкультурных взаимодействий современной России : автореф. дис. ... канд. культурологии : 24.00.01. Екатеринбург, 2011. 24 с.

УДК 314(470)

Родак О. И.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ УГРОЗЫ В КОНЦЕПЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Автором аргументируется, что сохранение целостности территориальных границ и сохранение численности подданных является одной из важнейших составляющих стратегии, направленной на гарантированное и устойчивое развитие определенной популяции.

Ключевые слова: национальная безопасность, демографическая угроза, популяция.

С древних времен безопасность рассматривалась как обязательное и необходимое условие существования любого государства. Сохранение целостности территориальных границ и сохранение численности подданных всегда являлись важнейшими элементами стратегии, направленной на гарантированное и устойчивое развитие определенной популяции.

Общепринято, что термин «национальная безопасность» был введен в словесный оборот в 1947 г. после принятия в Соединенных Штатах Америки специального закона «О национальной безопасности», уже после этого практически все страны мира сформулировали собственные концепции национальной безопасности. Не обошла стороной данную тенденцию и Российская Федерация. В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», которая опубликована на сайте Президента Российской Федерации, выделены приоритетные стороны, посредством реализации которых осуществляется обеспечение национальных интересов. Это такие стороны как: оборона страны; государственная и общественная безопасность; повышение качества жизни российских граждан; экономический рост; наука, технологии и образование; здравоохранение; культура; экология живых систем и рациональное природопользование; стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство [4]. По нашему мнению, это укрупненные блоки, которые связаны с национальной безопасностью.

Все названные аспекты национальной безопасности, несомненно, важны, но хотелось бы отметить еще одну не менее важную сторону, которая не так углубленно рассматривается в «Стратегии национальной безопасности РФ» – это демографическая безопасность общества. Демографическую безопасность общества можно назвать фундаментальным направ-

лением, которое должно рассматриваться в данной стратегии, ведь она представляет собой своеобразную платформу для всех без исключения других аспектов национальной безопасности. Ведь без сохранения человеческой популяции на определенной территории разговоры о любых других разновидностях безопасности вообще теряют смысл, и возникает угроза статусу страны. Поэтому можно сделать вывод, что демографическая безопасность объединяет все остальные аспекты национальной безопасности.

Возникает вопрос: что же такое демографическая безопасность и почему угрозы, которые связаны с ней, опасны для общества? Одно из первых определений демографической безопасности дала Республика Беларусь в январе 2002 г. в Законе «О демографической безопасности Республики Беларусь». В данном законе сказано, что демографическая безопасность – это состояние защищенности социально-экономического развития государства и общества от демографических угроз, при котором обеспечивается развитие Республики Беларусь в соответствии с ее национальными демографическими интересами» [2]. Если заменить «Республику Беларусь» на «государство», то данное определение можно отнести в целом к любой стране. Изменение демографической безопасности страны зависит от ряда показателей – коэффициентов рождаемости, смертности, естественного прироста и миграции. Но наряду с демографической безопасностью стоит понятие «демографические угрозы», которое подразумевает под собой демографические явления и тенденции, последствия которых оказывают отрицательное воздействие на устойчивое развитие государства. В Российской Федерации на данный момент существуют несколько видов демографических угроз: депопуляция, старение населения, нерегулируемые миграционные процессы, деградация института семьи, непропорциональное размещение населения по субъектам государства, затухание сельской популяции и т. д.

В доказательство наличия демографических угроз в России, необходимо рассмотреть статистические данные, которые приведены Федеральной службой государственной статистики. По официальным данным, в России наблюдается депопуляция населения, т. е. уменьшение общей численности населения. Если сравнить 90-е гг., когда численность населения России составляла около 148,5 млн человек, и настоящее время (2016 г. 146,5 млн человек, с учетом присоединения Крыма), то нетрудно заметить, что численность населения в нашей стране идет на спад. Данное положение не спасает даже миграционный прирост, показатель которого на 2016 г. составляет 262 тыс. человек. Если говорить о рождаемости и смертности, то естественный прирост в 2015 г. составил всего 0,3 % на 1 тыс. человек, а в 2012 г. данный показатель вообще равнялся 0 % [1]. В «Стратегии национальной безопасности РФ» сказано, что «органы государственной власти и органы местного самоуправления во взаимодействии с институтами гражданского общества: создают условия для стимулирования рождаемости, снижения смертности населения, ведения здорового образа жизни, развития массового детско-юношеского спорта, организуют пропаганду здоро-

вого образа жизни» [3]. Например, для стимулирования рождаемости в Российской Федерации мы можем наблюдать такие меры социальной политики как: пособие по беременности и родам; единовременное пособие при рождении ребенка; «материнский (семейный) капитал»; частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста 3 лет; ежемесячное пособие на ребенка в семьях с низкими доходами; «стандартные налоговые вычеты» на детей и т. д. Как мы видим, данных мер недостаточно и они малоэффективны.

Также в «Стратегии национальной безопасности РФ», выделена отдельная глава «Здравоохранение», которая связана с увеличением продолжительности жизни. В стратегии сказано, что «развитие здравоохранения и укрепление здоровья населения Российской Федерации является важнейшим направлением обеспечения национальной безопасности, для реализации которого проводится долгосрочная государственная политика в сфере охраны здоровья граждан» [3]. Одной из стратегических целей такой политики является увеличение продолжительности жизни, снижение уровня инвалидности и смертности населения, а также увеличение численности населения.

Однако не во всех странах мира существует такая проблема, как депопуляция. В Китае, например, противоположная демографическая угроза – перенаселение. Политика данного государства, наоборот, направлена на ограничение рождаемости и обязывает каждую супружескую пару заниматься планированием семьи. Их эталон – однодетная семья. У них осуществляется социальная и материальная поддержка семей с одним ребенком, а также предоставляются различные льготы. Политика сокращения рождаемости поощряет аборты, поздние браки и стерилизацию, как женщин, так и мужчин. В Китае разработана система мер наказания «нарушителей» принципа «одна семья – один ребенок», на них налагают штрафы, производят вычеты из зарплаты. Их детей (второго, третьего ребенка) не берут в детские сады, иногда не допускают к обучению в школе, не будут принимать в высшие учебные заведения, а родителей в некоторых случаях даже увольняют с работы.

Еще в качестве одного примера демографической угрозы следует рассмотреть деградацию института семьи: «...с каждым годом в нашей стране растет количество человек, репродуктивное поведение которых направлено на позднее рождение ребенка» [4]. Осенью 2016 г. нами проводилось социологическое исследование на тему «Специфика репродуктивного поведения российской молодежи в условиях современной социальной среды (на примере Иркутской области)». В данном исследовании принимали участие 500 человек в возрасте от 17 до 34 лет. В рамках данного опроса респондентам был задан вопрос: «Как Вы относитесь к позднему рождению ребенка?». Исходя из полученных данных, мы сделали вывод, что современная молодежь в большинстве своем положительно относится к позднему рождению ребенка (34,2 % от общего числа полученных отве-

тов). Если данная тенденция будет сохраняться, и первые дети будут появляться у людей после 35 лет, то произойдут демографический кризис и рост заболеваемости населения, которые приведут к снижению продолжительности жизни. Еще одним примером деградации института семьи может служить огромное количество аборт. Возможно, молодые люди боятся взять на себя ответственность в виде ребенка, поэтому им легче от него избавиться.

Возможно ли улучшить демографическую ситуацию в России, переломить негативные тенденции демографического развития? По нашему мнению, это вполне выполнимая задача. Однако для ее решения требуются немедленная консолидация сил государства и общества, осознание руководителями страны и ее регионов, обществом в целом всей пагубности для будущего России сохранения негативных тенденций в современных демографических процессах. Например, через признание государством и обществом главной и оплачиваемой сферой жизнедеятельности труд женщины по рождению и воспитанию ребенка, снижения смертности и укрепления здоровья населения через пропаганду здорового образа жизни, улучшение системы здравоохранения и социальных условий, активной государственной миграционной политики по привлечению соотечественников и квалифицированных мигрантов в Россию.

Выход из демографического кризиса в России и ее дальнейшее развитие возможны только при комплексном государственном подходе к управлению демографическими процессами, а именно: стимулирование роста рождаемости или, по крайней мере, ее стабилизации (на уровне 1,7–1,9 здоровых ребенка на женщину); уменьшение смертности; разработка адекватной иммиграционной политики, в основу которой должно быть заложено понимание того, что миграция – это не зло, против которого надо бороться, а благо для России; и, главное, формирование отношения к здоровой (и духовно, и физически) и благополучной человеческой жизни как самой главной ценности нашего государства.

Литература

1. Демография [Электронный ресурс] // Федер. служба гос. стат. : офиц. сайт. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 07.04.2017).
2. О демографической безопасности Республики Беларусь : закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2002 г. № 80-3 [Электронный ресурс] // Законодательство Беларуси. Законы Республики Беларусь : офиц. сайт. URL: http://www.tammyby.narod.ru/belarus-zakon/zakon_80-2002.htm (дата обращения: 06.04.2017).
3. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 31 дек. 2015 г. № 683 [Электронный ресурс] // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 06.04.2017).
4. Родак О. И. Позднее рождение ребенка как одна из особенностей репродуктивного поведения человека (на основании социологического исследования) // Социально-демографические процессы в XXI в.: кризис, вызовы, стратегии безопасности : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; Служба ЗАГС Иркутской области; [науч. ред.: Т. И. Грабельных, А. В. Аргучинцев]. Иркутск : На Чехова, 2017. С. 306–307.

Гончар А. С., Костяева М. О., Кушкова А. Д.
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

**МНЕНИЯ И ОЦЕНКИ НАСЕЛЕНИЯ И ЭКСПЕРТОВ
ПО ВОПРОСАМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИДЕОЛОГИИ
ТЕРРОРИЗМА В 2015–2017 гг.
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ВТОРИЧНОГО АНАЛИЗА
МАТЕРИАЛОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)**

Данная статья посвящена рассмотрению мнений и оценок населения и экспертов по вопросам противодействия идеологии терроризму, а также материалов вторичного анализа данных социологических исследований различных профильных организаций и центров по текущей проблематике.

Ключевые слова: атака, вызовы и угрозы, конфликт, международные отношения, терроризм, теракт, Россия, США, Украина.

На сегодняшний день в глобальном мире существует множество проблем, угроз и вызовов, которые требуют немедленного рассмотрения и решения. Некоторые из них, например терроризм, является наиболее актуальным, поскольку несложно заметить, что именно данная тема не сходит со страниц газет и журналов не только печатных изданий, но и электронных источников. Страшные теракты последних лет во многих странах мира, в том числе в Москве и других городах России сделали эту тему самой популярной, часто обсуждаемой и исследуемой не только в кругах политиков, ученых, социологов и журналистов, но и простых граждан.

В России разработкой и исследованием данной темы занимались такие социологические центры и организации, как: Всероссийский центр изучения общественного мнения (далее – ВЦИОМ), аналитический центр Юрия Левады (Левада-Центр), центр студенческой социологии Агентства студенческих коммуникаций «Кампус», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (далее – НИУ ВШЭ), а также фонд «Общественное мнение» (далее – ФОМ) и др.

Все выше перечисленные социологические центры и организации в своих исследованиях акцентировали внимание на вопросах противодействия идеологии терроризма, а также на формировании мнения молодежи относительно международной политики в условиях современных угроз и вызовов. Помимо этого, исследовались такие вопросы: «Как наши граждане рассматривают ситуацию на Украине?», «Как формируются международные отношения?», «Какое место занимает Россия на мировой арене?», «Какова возможность террористической угрозы и как власти могли бы противостоять возникающим атакам?».

3 августа 2016 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения опубликовал на своем сайте данные опроса о том, как россияне оценивают уровень террористической угрозы и способности властей предотвратить атаки [1]. Исследование показало, что максимальную опасность наши сограждане чувствуют, прежде всего, со стороны Исламского Государства Ирака и Леванта (ИГИЛ) (34 %) и со стороны США (9 %). И, не смотря на

то, что 66 % граждан уверены, что российские власти в случае угрозы смогут защитить население, более половины россиян (49 %) испытывают страх стать жертвой теракта. Если обратить внимание на показатели 2015 г., то индекс опасений стать жертвами терактов даже снизился на 1 %, несмотря на постоянно увеличивающееся количество сообщений о терактах в разных странах.

25 августа 2016 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения представил данные опроса о том, как наши сограждане сегодня оценивают ситуацию на Украине и российско-украинские отношения. Исследование обнаружило, что интерес к событиям на Украине в нашей стране сегодня находится на уровне 67 %. При этом в 2014–2015 гг. данный показатель был заметно выше. Граждане России считают, что улучшений на Украине в данный момент не наблюдается, а отношения с Украиной россияне предлагают выстраивать скорее ровно, также, как и с другими странами (45 %), нежели проявляя особое дружеское расположение (12 %). Поэтому руководитель Управления мониторинговых и электоральных исследований ВЦИОМ Степан Львов комментирует ситуацию так: «По сути, для большинства россиян Украина теперь представляет собой «не до конца отрезанный ломоть». В нашем восприятии – это страна, в которой перестали действовать элементарные правила здравого смысла и до поры лучше соблюдать в ее отношении нейтралитет...» [2].

22 августа 2016 г. Левада-Центр на своем сайте опубликовал результаты опроса «Восприятие США, Украины и жителей этих государств» [3]. В ходе опроса было выявлено, что к США, Украине и Европейскому союзу россияне в основном относятся плохо, так как украинцы, по мнению русских, в большинстве своем лицемерные, завистливые и хитрые, а американцы же чересчур рациональные, навязчивые и властолюбивые. Таким образом, восприятие США, Украины и жителей этих государств гражданами Российской Федерации является негативным.

16 марта 2017 г. Центр студенческой социологии Агентства студенческих коммуникаций «Кампус» совместно с НИУ ВШЭ провел интернет-исследование на тему «Внешняя политика глазами российских студентов». По результатам опроса, власти Украины препятствуют мирному регулированию конфликта на Донбассе. В этом уверены 42 % опрошенных, среди них 69 % студентов считают, что киевские власти будут продолжать конфликт, лишь бы не допустить усиления влияния России в регионе, а 63 % поддерживают тезис о том, что команда президента Порошенко лишь боится показать слабость и потерять власть, поэтому принципиально не пойдет на уступки [4].

Таким образом, поскольку ситуация в глобальном мире по поводу терроризма сильно обострена в настоящее время, необходимо дальше проводить исследования по данной теме в различных направлениях, а также разрабатывать концепции по борьбе с терроризмом и урегулированию международных конфликтов. Считается важным, что полученные в ходе исследований результаты можно использовать в качестве основы для дальнейших исследований и широко применять на практике.

Литература

1. Всероссийский центр изучения общественного мнения: Террористическая угроза : мониторинг. Пресс-вып. № 3167 [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115800>.
2. Всероссийский центр изучения общественного мнения: Украина-Россия: вчера, сегодня, завтра. Пресс-вып. № 3184 [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115828>.
3. Левада-Центр: Восприятие США, Украины и жителей этих государств [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/2016/08/22/vospriyatie-ssha-ukrainy-i-zhitelej-etih-gosudarstv/>.
4. Молодая Гвардия Единой России: ЦСС опубликовал результаты исследования «Внешняя политика глазами российских студентов» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.molgvardia.ru/nextday/2017/03/16/90809>.

УДК 316.346.32-053.6:316.485.26

Горовая А. В.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

АНАЛИЗ И ОЦЕНКА ИНФОРМИРОВАННОСТИ МОЛОДЕЖИ ОБ УГРОЗАХ ТЕРРОРИЗМА ДЛЯ ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ КРУПНЫХ И МАЛЫХ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ)

Обосновывается идея о том, что современное российское общество нуждается в повышении числа проводимых антитеррористических мероприятий среди молодежи, особенно в регионах и областях с повышенной социальной напряженностью. Выделяется три уровня информированности молодежи об угрозах терроризма, приводятся сведения о том, где и каким образом проводится эффективная политика противодействия терроризму, предлагаются возможности решения проблем по успешной реализации политики противодействия терроризму в России.

Ключевые слова: молодежь, противодействие терроризму, профилактика, антитеррористическая идеология.

Изучение степени информированности молодых людей об угрозах терроризма является актуальным в связи с обострившейся проблемой социальной безопасности вследствие нарастания случаев экстремизма и террористических действий. Не смотря на довольно большой объем работ и исследований данной проблемы, обстановка в сфере противодействия терроризму в России остается достаточно напряженной. Особенно актуальным является изучение данного вопроса с точки зрения просвещения подрастающих поколений об угрозах, которые несет в себе террор, о причинах и последствиях террористических действий.

Основные действия террористов строятся на том, что они бьют по уязвимым и важным местам, объектам и городам, имеющим важное значение. В основном это города, находящиеся в регионах с большой степенью социальной напряженности. В России к таким регионам можно отнести северокавказские республики: Чечня, Дагестан, Северная Осетия; республики Татарстан, Башкортостан, Ставропольский край, Кабардино-Балкарская республика. К городам с повышенной угрозой совершения террористиче-

ских действий относятся Москва и Санкт-Петербург, а также города центрального региона. В таких областях ведутся активные антитеррористические мероприятия, производится профилактика действиям терроризма и экстремизма, ведутся исследования по формированию толерантности и идеологии противодействиям терроризму особенно среди молодежи. Однако этого нельзя сказать о городах с небольшой численностью населения, которые удалены от центра, не относятся к областям с повышенной социальной напряженностью, и собственно не являются городами областного подчинения.

На основе интернет ресурсов был произведен контент-анализ способов и методов осуществления антитеррористической деятельности в различных городах. На его основе было условно выделено три уровня информированности молодежи о терроризме, его причинах и последствиях, а также о том, как с ним бороться: высокий уровень информированности, средний уровень информированности и низкий уровень информированности.

Высокий уровень осуществления антитеррористических мероприятий показали такие регионы как: Северокавказские республики, Московская область, Республика Татарстан, Хабаровский край, и некоторые другие области. Такие города: Владикавказ, Грозный, Ставрополь, Москва, Санкт-Петербург, Нальчик, Казань, Беслан, Будённовск, и некоторые др. Примеры названий некоторых проводимых мероприятий: «Молодежь против терроризма и экстремизма», «Профилактика терроризма и экстремизма, а также минимизация и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма и экстремизма», «Экстремизму – Нет!», «Мы за дружбу народов», «Мы против насилия», «Безопасность, и мы». Помимо осуществления подобных мероприятий в школах и институтах, также проводятся панихиды, траурные митинги, всероссийские акции, фестивали, «месячники». Ведется серьезная работа по противодействию идеологии терроризма среди школьников и студентов: линейки, классные часы, уроки памяти и мужества, командно-штабные учения. Особый аспект делается на воспитании толерантности, чувства патриотизма, уважения к погибшим в террористических актах мирным жителям, нетерпимости к проявлениям террористической идеологии.

Средний уровень осуществления антитеррористических мероприятий был обнаружен в таких городах, как Новокузнецк, Самара, Крым, Нижний Новгород, Ханты-Мансийск, Омск, и некоторых других городах. В данном случае в большинстве своем меры по осуществлению информированности молодых людей об угрозах терроризма проводятся в школах: проведение классных часов, тренировок, бесед, конкурсов по антитеррористической защищенности, вывешивание баннеров и плакатов, частота проводимых мероприятий – 1 раз в четверть. Гораздо реже встречаются планы мероприятий по профилактике терроризма и экстремизма в университетах и институтах, основной профилактикой является проведение бесед учащихся с представителем правоохранительных органов, посвященных вопросам антитеррора. Также проводятся городские и всероссийские акции и митинги, направленные на противодействие террористическим действиям и террористической идеологии.

Низкий уровень проведения антитеррористических мероприятий. Сюда относятся преимущественно города с малой численностью населения, отдаленные от центрального региона России, а также те, которые относятся к объектам с низким коэффициентом совершения террористических угроз. Проанализировав интернет ресурсы таких городов в Иркутской области, Красноярском крае и Новосибирской области, можно сделать вывод о том, что степень информированности молодежи об угрозах терроризма довольно низкая. Антитеррористические мероприятия проводятся в основном только в школах на занятиях ОБЖ, дополнительные мероприятия в планах встречаются крайне редко. В программах институтов, средних специальных учебных заведений, колледжей планы по проведению антитеррористических мероприятий также встречаются крайне редко. Встречается проведение всероссийских акций поддержки мирных жителей, пострадавших в результате террористических актов. Также в таких городах наблюдается проблема толерантности и терпимости разных национальностей, проживающих на одной территории.

Для эффективности работы противодействия терроризму в России необходимо, чтобы уровень информированности молодежи, неважно из какого города, был не ниже среднего. Молодые люди в силу возраста и психологической неустойчивости особенно подвержены различным течениям и идеологическим влияниям. Поэтому с ними необходима серьезная работа по развитию толерантности, патриотизма, чувства единения со своей страной и народом. Им необходимо объяснять какие угрозы несет в себе терроризм, как противостоять идеологии терроризма, как с ним бороться и как вести себя в тех или иных ситуациях. Молодежь, особенно поступающие студенты, из малых городов перебирается в более крупные города, где меняются условия жизни и статус социальной безопасности. В этом и заключается опасность «непросвещенных масс». Необходима серьезная работа, в-первую очередь на уровне регионов и самих городов. Есть немало примеров проведения эффективных антитеррористических мероприятий на территории России, которые можно было бы воплотить в большинстве городов. Вот один из примеров достойного сопротивления терроризму. Республика Татарстан: на протяжении шести лет проводит событие месячник «Экстремизму нет!», в сентябре каждого года осуществляется ряд мероприятий, направленных на просвещение людей о проблемах терроризма, на развитие толерантности, нетерпимости к идеологии терроризма. Мероприятия охватывает не только школы, институты и вузы, но также и все население в целом: проводя спортивные мероприятия, концерты, встречи в музеях, библиотечные выставки, акции и митинги [3].

Для успешной реализации политики противодействия терроризму в России, важно внедрять и проводить комплексные меры по сопротивлению террористическим угрозам во всех регионах и областях. Особенно важно просвещать молодежь через учебные программы образовательных организаций, через средства массовой информации, через активную работу с ними. Необходимо донести до людей, что терроризм – это опасная и страшная угроза в современном мире, с которой нужно эффективно бороться.

Литература

1. О противодействии терроризму : федер. закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 06.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (дата обращения: 06.04.2017).
2. Институт экономики и мира: рейтинг стран по уровню терроризма 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/news/2015/11/18/7263> (дата обращения: 06.04.2017).
3. Итоги месячника по профилактике экстремизма и терроризма в Республике Татарстан «Экстремизму – Нет!» [Электронный ресурс]. URL: http://mon.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_766213.pdf7263 (дата обращения: 07.04.2017).

УДК 351.74/75:316.485.26

Егорова М. А.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ СТРУКТУР В УСЛОВИЯХ ОБОСТРЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ

С позиции эффективности рассматривается деятельность правоохранительных структур в условиях обострения террористической угрозы, оперативность действий правоохранительных органов в ответ на совершенные теракты. Автором статьи анализируются мероприятия, проведенные органами по противодействию терактам в России на апрель 2017 г.

Ключевые слова: терроризм, правоохранительные органы, теракт, «пояс шахида».

В настоящее время актуализируется проблема обострения террористической угрозы общественной безопасности государств. С января 2015 г. по июль 2016 г. только в пяти крупнейших терактах в Европе погибло около 300 человек, около 1 тыс. человек получили ранения. Первый теракт прогремел во Франции в помещении редакции сатирического журнала Charlie Hebdo, стрелявшими террористами были братья Саид и Шериф Куаши, граждане Франции, потомки выходцев из Алжира. Жертвами их атаки стали 12 человек, включая главного редактора данного журнала, еще 11 человек получили ранения. Формальным поводом для нападения стала публикация изданием карикатур на пророка Мухаммеда, после нападения террористы кричали, что «отомстили за пророка». На этом террористические атаки во Франции не закончились, прошла целая серия атак террористов-смертников, в стране до сих пор введено чрезвычайное положение.

Далее террористическая атака произошла в аэропорту и на станции метро Брюсселя 22 марта 2016 г., террористами-смертниками были активированы взрывные устройства. В ходе теракта погибло 35 и пострадало более 300 человек. Спустя пару месяцев 28 июня прогремел теракт в аэропорту Стамбула. Трое мужчин с автоматами и «поясами шахидов» открыли огонь по пассажирам, а после того как полиция попыталась их обезвредить привели в действия взрывные устройства. Общее число погибших 45 человек и более 230 получили ранения. Не прошло и пару месяцев, как в Ницце 14 июля произошел следующий теракт. В толпу людей на большой скоро-

сти врезался грузовик. В результате теракта погибло 84 человека и более 100 получили ранения. Также похожие наезды были совершены в Берлине и Лондоне. На днях 7 апреля подобный теракт произошел в Стокгольме, погибло 4 и пострадало около 15 человек. Ответственность за теракты берут на себя группировки «Аль-Каида» и боевики «Исламского государства» [3].

Теракты не обошли стороной и Россию, 3 апреля 2017 г. прогремел взрыв в петербургском метро на перегоне между станциями «Технологический институт» и «Сенная площадь». В ходе теракта погибло 14 человек, пострадавших около 45 человек. Еще одна бомба была обнаружена на «Площади Восстания», устройство, обнаруженное саперами, было замаскировано под огнетушитель, к счастью, бомбу успели обезвредить, и удалось избежать новых жертв.

На сегодняшний день терроризм представляет угрозу национальной безопасности Российской Федерации, национальным интересам, суверенитету и территориальной целостности как со стороны террористических групп на территории страны, так и транснациональных экстремистских и террористических организаций, пытающихся влиять на политические процессы в нашей стране, прикрываясь этнополитическими и религиозными лозунгами.

Важно отметить, что в стране не удалось предотвратить целый ряд громких, резонансных терактов. Это подрыв «Невского экспресса» (2009 г.), серия взрывов 29 марта 2010 г. в Московском метро на станциях метро «Лубянка» и «Парк Культуры» (Радиальная), теракт 24 января 2011 г. в аэропорту «Домодедово», теракты в Волгограде (21 и 29 октября, 30 декабря 2013 г.) и недавний теракт в Петербурге.

Рассматривая эффективность реагирования правоохранительных органов необходимо сказать, что наблюдаются значительные продвижения в антитеррористической деятельности. Например, в недавнем теракте в Санкт-Петербурге, благодаря оперативным действиям правоохранительных структур удалось вовремя предотвратить второй запланированный взрыв уже на «Площади восстания».

Также правоохранительные структуры стали оперативно реагировать на сообщения о находке подозрительных предметов, от чего во многом зависит предотвращение последующих терактов. Примером стало своевременное реагирование правоохранительных органов на сообщение о находке постороннего предмета на путях пригородного поезда Москва – Крутое. Как выяснилось позже, это был огнетушитель, взрывоопасных веществ найдено не было, но все же органы справились со своей задачей и своевременно провели проверку по данному факту. Стало известно и то, что есть продвижения по делу Акбаржона Джалилова, по данным источника «Интерфакса», он был завербован исламистами в феврале 2017 г. в Киргизии, когда навещал родственников. Возможно, данные сведения позволят выйти на след группировки и предотвратить последующие планирующиеся ее теракты.

В целом, говоря об эффективности деятельности правоохранительных структур в условиях обострения террористической угрозы, необходимо отметить, что органы стали работать организованно и оперативно после совершенного в Петербурге теракта. Но поскольку жертв избежать не удалось, следует сказать, что этих действий пока, все же не достаточно и необходимо направить больше усилий на предотвращение терактов еще на стадии их планирования, не допустив реализации планов террористов [1]. Этого можно достигнуть, ужесточив миграционную политику. Также, имея ввиду тот факт, что большинство преступлений совершаются молодежью, одним из решений может стать занятость молодежи в различных сферах деятельности.

Литература

1. Журавель В. П. Правовые и организационно-международные факторы противодействия терроризму в России в условиях нарастания угроз национальной безопасности // Вестн. Север. (Аркт.) федер. ун-та. 2014. № 6. С. 11–20.
2. О безопасности : федер. закон от 28 дек. 2010 г. № 390-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 07.04.2017).
3. Сидорчик А. Это война, 5 крупнейших терактов в Европе [Электронный ресурс] // Аргументы и факты : сайт. URL: www.aif.ru (дата обращения: 07.04.2017).

УДК 323.28+28

Пленкова А. О.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ИСЛАМ И ТЕРРОРИЗМ

Показывается различие ислама и радикального ислама в современном мире.

Ключевые слова: терроризм, радикальный ислам, ИГИЛ, исламисты.

Многие люди отождествляют ислам и терроризм, но верно ли это? Как известно, акты террора совершают радикальные исламисты, ведь согласно данным еще за 2004 г., 90 % боевиков являются представителями воинствующего ислама [5]. Но дело в том, что радикальный ислам является лишь ответвлением ислама традиционного, в котором убийство человека является грехом.

Радикалы в качестве мотивов для совершения преступлений используют религию, подобно любой другой секте неверно истолковывая священные писания. В феврале 2015 г. была разрушена центральная библиотека города Мосул, также уничтожены экспонаты музея в данном городе [2]. Экстремисты прокомментировали это тем, что статуи и другие экспонаты способствуют идолопоклонству, и, разрушая их, они следовали наставлению пророка Муххамеда [1]. Росту исламского терроризма поспособствовало создание в 2006 г. Исламского государства Ирак, следует сказать, что в этом была замешана международная террористическая организация Аль-Каида. В 2013 г. они стали называться «Исламское государство

Ирака и Леванта» (сокращенно ИГИЛ) [6]. ИГИЛ проводит вербовку молодых людей по всему миру, согласно информации ТАСС от 2015 г., в рядах «Исламского государства» насчитывается 25–30 тыс. иностранных боевиков [5]. В том же году ФСБ сообщило о примерно 2 тыс. завербованных россиян [4].

На захваченных территориях ИГИЛ установило свои законы, которые касаются не только представителей иных конфессий, но и самих мусульман. К примеру, запрещено произносить слово «Daesh» – арабский вариант ИГИЛ, в наказание за нарушение этого запрета назначают 70 ударов плетью. Запрещено курить сигареты и жевать резинку. За нарушение этого запрета могут назначить 80 ударов плетью, а иногда – в случае неоднократного нарушения – смертную казнь [6]. Исламисты не только поддерживают, но и поощряют рабовладительство и торговлю людьми. Как правило, рабами становятся либо жители захваченных территорий, либо завербованные женщины. Что касается женщин, то их права радикалы не активно ущемляют. Женщины у них приравнены к вещи. Нельзя выходить на улицу без мужа, пользоваться косметикой, запрещается носить любую одежду кроме абайи и чадры и т. д. Что касается женщин взятых в рабство, насилие над ними поощряется. Жертвами боевиков иногда становятся и девочки не достигшие 12 лет. При этом данные действия радикалы вновь прикрывают религией.

Продажа рабов является одним из источников дохода для террористов. Кроме того, ИГИЛ торгует органами на черном рынке, наркотиками, проходит сбыт ячменя, ржи, фосфатов, а также нефти. Хочется отметить, что помимо этого радикалов финансирует ряд частных лиц из стран Персидского залива.

ИГИЛ является центром мирового терроризма, который лишь оправдывает свои действия религией. С помощью огромных человеческих жертв главы ИГИЛ увеличивают свое благосостояние. Геноцид, убийство, ущемление прав человека – это те действия, которые осуществляют радикальные исламисты, но с настоящим исламом это не имеет ничего общего.

Литература

1. Боевики ИГИЛ разгромили музей с бесценными экспонатами в Мосуле [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.euronews.com/2015/02/26/islamic-militants-wreak-havoc-on-iraqi-antiquities> (дата обращения: 07.04.2017).
2. Боевики «Исламского государства» взорвали центральную библиотеку в иракском городе Мосул [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1785521> (дата обращения: 07.04.2017).
3. Вот как члены ИГИЛ оправдывают сексуальное рабство [Электронный ресурс]. URL: <https://www.inopressa.ru/article/26aug2015/buzzfeed/slavery.html> (дата обращения: 07.04.2017).
4. «Демон Лапласа» против ИГ: борьба с вербовщиками террористов [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/proisshestiya/2501424> (дата обращения: 07.04.2017).
5. Зона влияния «Исламского государства» растет, захвачено 70 % территории Сирии [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/politika/2519591> (дата обращения: 07.04.2017).
6. Кокберн П. ИГИЛ год спустя: будни халифата [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/asia/20150628/228830992.html> (дата обращения: 07.04.2017).

7. МИД РФ: террористы в Сирии и Ираке торгуют человеческими органами [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/politika/2541356> (дата обращения: 07.04.2017).

8. ООН обвинила «Исламское государство» в геноциде езидов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dw.com/ru/оон-обвинила-исламское-государство-в-геноциде-езидов/a-18324814> (дата обращения: 07.04.2017).

9. Портякова Н. Террористы отделили суннитов от шиитов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/713845> (дата обращения: 07.04.2017).

10. Суннитские боевики объявили о создании «Исламского халифата» на контролируемой ими территории [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newsru.com/world/29jun2014/isis.html> (дата обращения: 07.04.2017).

УДК 316.74:2

Евстропова А. Г.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАНАТИЗМ КАК ОСНОВА ПРОЯВЛЕНИЯ ЗАСИЛИЯ «ОБЩЕСТВА ТЕАТРА»

Рассматривается религиозный фанатизм как основа проявления засилия «общества театра».

Ключевые слова: религия, засилие, фанатизм.

Слишком давно происходили события средневековой Европы, наполненные крестовыми походами, инквизицией и повсеместным католическим религиозным фанатизмом. Сегодня мы живем во времена всеобщей толерантности и глобализации. Век наш – информационный, потребление правит бал. Сегодня все и вся пытается поравняться. Но в своем равенстве одновременно и выделиться. Сексуальные меньшинства, феминистки, животные, население с избыточным весом и проч. – все хотят отстоять свои права и стать «равными». Среди этих прочих в нашей стране оказалась и религия. В этом случае нам интересен тот факт, что религиозные организации, а конкретно мы сейчас говорим о так называемом религиозном фанатизме, находится, так сказать, по обе стороны. Они хотят защиты и равенства, но, в то же время, сами порой бывают весьма нетерпимы ко многим вещам. В своих действиях они часто доходят до некоторого абсурда, больше похожего на театральную постановку, чем на какого-либо рода конструктивные действия.

Сам по себе религиозный фанатизм является слепой верой, доведенной до крайней степени своего проявления. Безусловное следование предписанным догматам, резкая нетерпимость ко всем инакомыслящим, переходящая порой нормы уголовного кодекса Российской Федерации. Несмотря на это, стоит отметить, что подавляющая часть фанатиков от религии не особо отличаются истиной религиозностью или набожностью. Однако они готовы любыми способами и силами отстаивать свои идеалы. С психологической точки зрения, таким людям очень важно быть частью группы таких же, как и они сами и вести жесткую конфронтацию со всеми, кто тем или иным образом выступает против их собственных убеждений. В

своих крайних проявлениях отстаивание собственных идеалов может привести к войнам и убийствам на религиозной почве (как пример, крестовые походы против мусульман в XI–XV вв.).

Отражение мыслей относительно деструктивности феномена религиозного фанатизма находит место в достаточно малом количестве работ, несмотря на то, что тема актуальная. Пожалуй, одними из самых значимых трудов по этой тематике являются монография Яхтьева Мухтара Яхтьевича «Феномен религиозного фанатизма» и его диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук «Религиозный фанатизм как социально-исторический феномен». Мухтар Яхтьевич утверждает: «...повышенная опасность религиозного фанатизма заключается в том, что он может быть использован как фактор манипуляции сознанием и поведением окружающих». Также автор отмечает, что проблема религиозного фанатизма, помимо прочего, сейчас носит характер общечеловеческой значимости. Этот вопрос нужно рассматривать как полинаучный, ведь для его решения стоит привлекать социологию, конфликтологию, теологию, политологию, психологию и др.

Если же рассматривать феномен религиозного фанатизма как часть большого спектакля, то можно обратиться к политическо-философскому трактату, написанному Ги Дебором в 1967 г. Книга посвящена анализу и критике общества, как в его западной (капиталистической) вариации, которая определяется как «общество распыленного зрелища», так и советской системы («общество централизованного зрелища» по Дебору) с леворадикальных (анархо-марксистских) позиций.

В средневековой Европе католики отличались своей крайней нетерпимостью не только к другим религиозным течениям (как внутри христианства, так и вовне), но и к людям, которые, согласно не имеющим обоснования предрассудкам, могли являться противниками церкви. Вспомнить хотя бы охоту на ведьм. Вообще средневековое католичество – вещь по большей части весьма жестокая и непонятная. По нашему мнению его можно принять за условную точку крайности религиозной нетерпимости. Конечно, сегодня о подобном явлении говорить не приходится. Сегодня мир максимально терпим ко всему. А сама Европа на данный момент является самой толерантной территорией в этом мире. Однако приступы религиозной нетерпимости все же встречаются, пусть и не в таких масштабах.

В России феномен религиозного фанатизма выразился с весьма неожиданной стороны. Критике подверглись произведения различного рода искусства: выставки, театральные постановки и арт-перформансы. Конечно, наши соотечественники не собирают армии, которые, действуя от имени Бога, не несут разрушения и смерть всем неверным и не сжигают на кострах еретиков, но их деяния также наполнены деструктивными действиями.

Так, в 2003 г. разгрому подверглась выставка «Осторожно, религия!», базировавшаяся в Центре им. Сахарова, г. Москва. Тогда служители храма Святителя Николая в Пыжах совершили акт вандализма в отноше-

нии выставки, на которой отображались отношения и противоречия между искусством и религией. Однако, судя по пресс-релизу выставки, авторы никак не задумывали оскорбления: «Название выставки передает отчетливую двойственность ее замысла: это и призыв к бережному, деликатному, уважительному отношению к религии, вере, верующим людям, и знак – «внимание, опасность!», – когда дело касается религиозного фундаментализма (неважно, мусульманский он или православный), сращения религии с государством, мракобесия» [5].

В Конституции Российской Федерации сказано: «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные или другие убеждения и действовать в соответствии с ними» [1]. Действительно важная статья. Россия – государство многих конфессий, многих верований и религиозных течений. Также это страна огромного населения и огромных площадей – людей и пространства хватит любому религиозному течению. Неудивительно, что на фоне этой статьи Конституции РФ будоражат происшествия, идущие в кардинальный разрез главному закону государства. Так, например, 17 августа 2013 г. прошла акция «Пастырный ход». Пастафарианцы уверяли, что просто идут поесть макарон в парк «Эрмитаж», надев на головы дуршлага. Но здание московского ГУ МВД на Петровке им миновать не удалось. Вот какую версию изложил в интервью «Русской службе новостей» Патриарх Русской пастафарианской церкви Кама Паста I: «Мы собирались встретиться в саду «Эрмитаж», поесть лапши и выпить пива. Там появились православные деятели во главе с Дмитрием Энтео. Они обещали залить нас кетчупом. Потом кто-то вызвал ОМОН, приехало 2 автобуса ОМОНа и нас стали забрасывать в автобусы, а эти деятели начали обливаться кетчупом».

Сам Энтео уже неоднократно мелькал в заголовках новостных заметок за последние несколько лет. Избиение молодого человека на Павелецком вокзале за ношение футболки с изображением панк-группы «Pussy Riot», попытка срыва спектакля в московском театре документальной прессы «Театр.doc» о все тех же «Pussy Riot» (оба события 27 августа 2012 г.), разгон вышеуказанного шествия пастафарианцев в 2013 г., нападение на сотрудника Музея истории ГУЛАГа Дмитрия Давыдова в 2014, погром выставки в жанре подвального нонконформизма 1954–1968 гг. «Скульптуры, которых мы не видим» в 2015 г. Его деятельность, как самостоятельная, так и с активистами движения «Божья Воля» критикуется как политиками и философами, так и представителями религиозных организаций. Так, в одной из онлайн-бесед с активистом, протоиерей Андрей Кураев заявил: «Своими рукошуйными делами Вы уже неоднократно доказали, что Евангелие Вы вовсе не понимаете. Считайте, что я с любовью вам посоветовал замолчать на многие годы и начать-таки учиться» [3]. На данный момент Дмитрий Цорионов является самым «раскрученным» религиозным фанатиком в России.

Еще один случай, уже на театральных подмостках, произошел в 2016 г. в г. Омске. Артисты петербургского театра «Рок-опера» ехали с гастролью в Омский музыкальный театр со спектаклем «Иисус Христос – суперзвезда». Но 17 октября 2016 г. на официальной странице театра в одной из социальных сетей появилась информация об отмене представления. Официальная версия, озвученная одним из организаторов постановки, «билеты на рок-оперу продавались слабо, поэтому спектакль решили отменить». Однако Ксения Зуден, являющаяся директором ведущего солиста театра «Рок-опера» Владимира Дяденистова, исполняющего партию Христа, говорит следующее: «Как нам объяснили, спектакль отменен по причине протестов. Церковь комментариев не дает. Происходят какие-то странные вещи. Группы людей, которые называют себя православными активистами, не видя спектакля, не зная, что он на самом деле миссионерский, что он заканчивается воскресением Христа, начинают выступать против» [2]. Причем этот случай – уже не первая попытка омских православных активистов отменить данную рок-оперу. В 2015 г. оперу «Иисус Христос – суперзвезда» ставили в концертном зале Омской филармонии. Тогда православные активисты собрали около 1 тыс. подписей и потребовали у чиновников и прокуроров запретить оперу. Тем не менее, показ состоялся.

Не совсем остаются понятными мотивы этих действий с рациональной точки зрения. Ведь пастафарианство можно отнести к любому другому религиозному течению, коих на территории нашей страны очень много. А рок-опера «Иисус Христос – суперзвезда», написанная Эндрю Ллойдом Уэббером и Тимом Райсом, в 1970 г., за почти полвека существования, стала классикой своего жанра. Есть мнение, что будь в этом произведении что либо, что могло бы опорочить образ Иисуса Христа или Библии, то оно бы не просуществовало столь долго. Более того удивительны эти негативные настроения церкви по отношению к театральной деятельности.

Сегодня активисты часто в своих действиях прикрываются Федеральным законом «О свободе совести и религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ и в частности поправками, принятыми в 2013 г. относительно защиты чувств верующих. Но, зачастую, трактуют их односторонне, полагая, что оскорбление производится только в их сторону и они обязаны противостоять.

С новой силой заработал этот закон после одного нашумевшего инцидента. Акция, которую группа Pussy Riot назвала панк-молебном «Богородица, Путина прогони» состояла из двух эпизодов. Съемка первого эпизода состоялась 19 февраля 2012 г. в Богоявленском соборе в Елохове, второго – 21 февраля 2012 г. в храме Христа Спасителя. Эти два эпизода были использованы для создания видеоролика с наложением студийной аудиозаписи. Публикация видеоролика в Интернете повлекла возбуждение уголовного дела. Тогда девушки наделали много шума, разбирательство по их делу длилось около полугода. Причем шум дошел до своего апофеоза, когда, находясь под стражей, участницы группы получили премию Джона Леннона в октябре того же года.

Тогда свое слово высказал глава РПЦ. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл выразил мнение, что законодательство, защищающее религиозные святыни и символы, нуждается в изменениях и уточнениях. По его мнению, общество не до конца осознает важность защиты чувств верующих. «Главное, чтобы противодействие кощунствам было адекватным и проходило без агрессии», – отметил Предстоятель РПЦ [6].

Также по «горячим следам» свое мнение высказал протодиакон Андрей Кураев: «...Но будь я ключарем этого Храма, я бы их накормил блинами, выдал по чаше медовухи и пригласил бы зайти вновь на Чин Прощения. А если бы я был мирянином-старостой, то на прощанье еще бы и ущипнул их малость... По-отечески. Для вразумления, – написал он тогда в своем блоге. – Ибо учиненное ими, конечно, безобразие, но – законное безобразие. Масляница на дворе. Время скоморошества и перевертышей. Социальный космос рушится (в надежде его весеннего обновления вместе с природой), социальные роли меняются местами. Во времена Петра Великого такого рода выходки в такие дни были в порядке вещей (точнее – в масляничном беспорядке)» [4].

И все это выглядит как один большой спектакль, который православные активисты пытаются разыграть для современного российского общества с целью обратить на себя внимание. В связи со всем вышесказанным, считаем, что есть необходимость поиска путей решения проблемы религиозного фанатизма в России. Сегодня это объекты культуры и единичные случаи нападения на инакомыслящих, завтра, кто знает, соберется достаточно людей с подобным мышлением для совершения куда более серьезных акций и правонарушений, доходящих до угрозы национальной безопасности России. Однако делать это следует с четким осознанием того «кто» это сделал «где» и «с какой целью». Иначе это все превратится в массовые заключения под стражу, что называется, без суда и следствия.

Литература

1. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. // Собр. законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 28.
2. В Омске отменен показ рок-оперы «Иисус Христос – суперзвезда» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bbc.com/russian/news-37680079> (дата обращения: 05.01.2017).
3. Два наиболее известных миссионера РПЦ МП – протодиакон Андрей Кураев и Энтео – вступили в жесткую перепалку онлайн [Электронный ресурс]. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=netnav&id=199> (дата обращения: 14.01.2017).
4. Масляница в Храме Христа Спасителя [Электронный ресурс]. URL: <http://diak-kuraev.livejournal.com/285875.html> (дата обращения: 01.02.2017).
5. Осторожно, религия! : выставка [Электронный ресурс]. URL: http://old.sakharovcenter.ru/museum/exhibitionhall/religion_notabene/hall_exhibitions_religion_reliz.htm (дата обращения: 14.01.2017).
6. Патриарх Кирилл призвал противодействовать кощунству без агрессии [Электронный ресурс]. URL: http://so-l.ru/news/show/patriarh_kirill_prizval_protivodeystvovat_koshunst (дата обращения: 01.02.2017).

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА СОТРУДНИКА К РАБОТЕ С ДЕТЬМИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Поднимаются вопросы профессиональной и психологической подготовки педагогических работников в работе с детьми с ОВЗ в условиях инклюзивного образования. Обоснованы компетенции, позволяющие сотрудникам общеобразовательных учреждений эффективно работать в ходе осуществления инклюзивного подхода к образованию детей с особыми потребностями.

Ключевые слова: инклюзивное образование, педагогические компетенции, дети с ОВЗ.

На сегодняшний день система образования Российской Федерации направлена на совместное обучение в образовательных учреждениях здоровых детей вместе с детьми, которые имеют ограниченные возможности здоровья (ОВЗ). При этом практика общего образования становится одной из приоритетных форм организации образовательного процесса для детей с ОВЗ. Поэтому подход к такому вопросу должен быть рационально и тщательно продуман, для того чтобы создать условия обучения и воспитания для каждого ребенка.

Научно-теоретические основы и современные подходы к обеспечению преемственности образования на уровнях дошкольного и начального общего образования для обучающихся с ОВЗ отражаются в работах Р. Г. Аслаева, О. В. Бонина, Н. В. Кузьминой, С. И. Сабельниковой и И. А. Макаровой.

Целью данной статьи является анализ готовности педагогов к работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья. Предполагается, что уровень знаний педагогических работников образовательных учреждений в рамках работы с детьми с ограниченными возможностями здоровья не соответствует тем требованиям, которые предъявляются сотрудникам в работе с данной категорией детей.

В исследованиях доцента кафедры специальной педагогики и психологии Р. Г. Аслаева утверждается о том, что любое образовательное учреждение, где обучаются здоровые дети, также обучаются дети с особыми потребностями (рис.) [2].

Создание специальных образовательных условий помогает в создании действенной системы общего образования. Таким условиями являются формирование адаптивного образовательного пространства, которые направлены на удовлетворение образовательных потребностей детей с различным уровнем психофизического развития.

Следует утверждать, что на сегодняшний день создание специальных условий и данного подхода является проблематичным, так как в современных образовательных учреждениях педагоги не обладают достаточными знаниями и опытом в работе с детьми с ОВЗ.

- Дети с ЗПР
- Дети с нарушениями опорно-двигательного аппарата
- Дети с нарушениями сенсорных систем

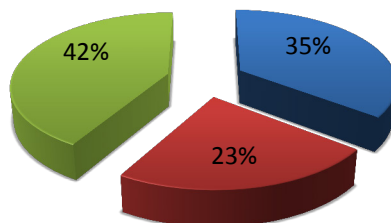

Рис. Статистика обучающихся детей с особыми потребностями в общеобразовательном учреждении

В ходе работы был проведен опрос педагогических работников образовательных учреждений для того чтобы определить уровень их компетенции в рамках работы с детьми с ограниченными возможностями здоровья. Из полученных результатов опроса, стало известно, что 47 % респондентов считают, что педагогический коллектив образовательного учреждения не готов реализовать задачи инклюзивного образования; 35 % респондентов не имеют знания о психологических особенностях работы с детьми данной категории, при этом более половины из них уже имели опыт работы с ними. Анализ полученных данных свидетельствует еще раз об отсутствии у педагогов надлежащих знаний и умений в работе с данной категорией детей. Такое нововведение как инклюзивное образование должно быть доступным и качественным образованием для всех без исключения детей, поэтому разработка методик и практик подготовки педагогических кадров, является важной задачей.

Профессиональная подготовка педагогов по работе с детьми с ОВЗ должна проходить с помощью повышения их квалификации, способствующее сформировать и дополнить профессиональные компетенции, указать направление дальнейшего развития, справиться с когнитивным диссонансом, вызванным непосредственно затруднениями при работе в условиях инклюзии, а также следует повышать дефектологическую грамотность педагогических работников [2].

Соглашусь с тем, что внедрение инклюзивного образования помогает педагогам и другим специалистам соответствовать профессиональным ролям, которые требуются при работе с детьми с ОВЗ. В рамках такой формы обучения, педагоги испытывают страх, бояться, не справиться или потерять работу, бояться, прежде всего, ответственности и рисков. Поэтому они проходят несколько стадий, начиная с явного или латентного сопротивления, переходя к пассивному, а затем и к активному принятию происходящего. Страх связан с тем, что педагоги боятся, что полностью не будут

контролировать ситуацию, поэтому им придется просить помощи у учеников, родителей и других педагогов или специалистов. Поэтому повышение квалификации у педагогов способствует комфортному и взаимодействию всего коллектива.

Основными критериями в рамках инклюзивного образования для личностной и профессиональной подготовки педагогического коллектива общеобразовательного учреждения является:

1. Накопленные знания педагогов об особенностях такого инклюзивного образования и его отличие от других форм образования детей с ОВЗ;
2. Знания личностных, психологических и возрастных особенностей развития детей в условиях инклюзивного образования;
3. Знание методов проектирования педагогического процесса для грамотного построения психологического и дидактического совместного обучения детей с ограниченными возможностями здоровья и детей, не имеющих особых образовательных потребностей;
4. Навыки грамотного взаимодействия со всеми без исключения субъектами образовательного процесса [3].

Такие критерии позволяют найти индивидуальный подход к каждому ребенку, помочь, прежде всего, детям с ОВЗ взаимодействовать со сверстниками, обеспечить доступ к общеобразовательным программам, т. е. в достаточной мере помочь усвоить те части программы, которые дети с ОВЗ не могут, а также дать возможность осваивать навыки взаимодействия в естественной среде и задействовать групповую учебную деятельность.

Сотрудники образовательного учреждения должны стараться создавать благоприятную среду для обучения детей с ОВЗ в массовых школах, а также быть готовыми к самообразованию и профессиональному самосовершенствованию. Кандидат педагогических наук И. А. Макарова в своих исследованиях выделила 3 основные доминирующие компетенции педагогических работников в процессе инклюзивного образования:

1. Умение и навыки педагогов индивидуально подходить к каждому из категории детей с особыми образовательными потребностями (мотивационный и операционный аспекты компетенции);
2. Владение навыками организаторских способностей в процессе обучения детей с ОВЗ в условиях инклюзивного образования (операционный аспект компетенции);
3. Знания о специфике физиологии и психических процессов детей с особыми образовательными потребностями (когнитивный аспект) [4].

Не могу не согласиться с основными приоритетными компетенциями, которые выделила в своих исследованиях И. А. Макарова. Инклюзивное образование стремится развить методологию, направить и признать, что все дети – индивидуумы с различными потребностями в обучении. Инклюзивное образование старается разработать подход к преподаванию и обучению, который будет более гибким для удовлетворения различных потребностей в обучении. Если преподавание и обучение станут более эффек-

тивными в результате изменений, которые внедряет инклюзивное образование, тогда выиграют все дети (не только дети с особыми потребностями).

Просматривая и анализируя работы О. В. Бонина, Н. В. Кузьминой, С. И. Сабельниковой и И. А. Макаровой, были сгруппированы педагогические компетенции, которыми обязаны владеть сотрудники образовательного учреждения, функционирующего в рамках инклюзивного образования (табл.).

Таблица

Педагогические компетенции работника образовательного учреждения, функционирующего в условиях инклюзивного образования

Название компетенций	Виды компетенций	Компоненты компетенций
Профессиональные	Когнитивные	1. Метазнания педагога. 2. Знания документов, регулирующих права обычных детей и детей с ОВЗ. 3. Способность эффективно работать с информацией; Знание и освоение здоровые сберегающих образовательных технологий. 4. Знание теоретических, методологических и технологических особенностей организации инклюзивного образования. 5. Знания о физиологических, психологических, личностных и возрастных особенностях развития детей с ограниченными возможностями здоровья
	Проектировочные	1. Умение правильно построить педагогический маршрут. 2. Умение правильно подобрать методы, которые в конкретной образовательной ситуации будут наиболее эффективны
	Конструктивные	Умение грамотно составлять планы занятий, которые помогут в достижении поставленной педагогической задачи.
	Организаторские	1. Умение эффективно организовывать свою собственную работу, а также работу всего ученического коллектива. 2. Умение находить доступные методы для сплочения и мотивации ученического коллектива
Личностные	Коммуникативные	1. Умение находить способы взаимодействия в учебной деятельности с любым учеником. 2. Умение ясно и четко передавать свои мысли не только с помощью речи, но и с помощью средств невербальной коммуникации (мимики и пантомимики). 3. Обладание педагога суггестивными свойствами
	Рефлексивно-перцептивные	1. Способность понимать внутреннее состояние ученика, проникать в его внутренний мир. 2. Умение проводить рефлексию своей работы. 3. Обладание психологической и педагогической наблюдательностью
	Прогностические	Умение прогнозировать развитие необходимых личности ребенка качеств (воспитательное проектирование личности ребенка)

Получается, что для организации эффективной работы в рамках реализации инклюзивного подхода к образованию детей с особыми потребностями необходимо целенаправленное и комплексное формирование у педагогов вышеперечисленных компетенций посредством организации курсов повышения квалификации с привлечением специалистов различных областей: дефектологов, неврологов, терапевтов, психологов, психиатров и т. д.

Литература

1. Аслаева Р. Г. Основы специальной педагогики и психологии : учеб. пособие. Уфа : Мир печати, 2011. 270 с.
2. Алехина С. В., Алексеева М. А., Агафонова Е. Л. Готовность педагогов как основной фактор успешности инклюзивного процесса в образовании // Психол. наука и образование. 2011. № 1. С. 83–91.
3. Макарова И. А. Повышение квалификации педагогических кадров при переходе общеобразовательных учреждений к работе в условиях инклюзии // Науч. обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2013. № 2(15). С. 18–25.
4. Сабельникова С. И. Развитие инклюзивного образования // Справ. рук. образоват. учреждения. 2009. № 1. С. 42–54.

УДК 323.28

Полюшкевич А. В.

Ангарский промышленно-экономический колледж, г. Ангарск

ТЕРРОРИЗМ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ

Анализируется феномен современного терроризма в условиях рисков, показываются его причины и формы развития. Обосновываются социальные риски, приводящие общество к террористическим актам.

Ключевые слова: терроризм, риски, социальная система.

Феномен современного терроризма многогранен. Закономерно рассматривать данное сложное и неоднозначное явление с различных точек зрения и с учетом всего многообразия имеющихся в современной научной литературе подходов и методов.

Терроризм стал одной из глобальных проблем человечества и представляет серьезный вызов как для глобальной, так и для национальной безопасности. Если рассматривать конкретно Россию, то проблема терроризма представляет опасность стабильности, прежде всего, Юга страны. В настоящее время наблюдается тенденция к расширению масштабов и географии террористической деятельности. Растет число террористических актов на почве политического противоборства различных сил, а также на почве межэтнических и межконфессиональных противоречий.

Принцип системности в исследовании проблемы терроризма позволяет глубоко и всесторонне изучать процессы, протекающие в современном российском социуме, основные тенденции их развития. Становится возможным и целесообразным выделение различных объективных и субъективных факторов, от влияния которых зависит стабильное и безопасное функционирование социальной системы.

Специфика социальной системы заключается в том, что она представляет собой соединение множества субъектов управления, поэтому в наибольшей степени подвержена субъективным влияниям различной степени воздействия. Важнейшей характеристикой системы является то, что она обладает определенным типом поведения. Наиболее важным свойством социальной системы Т. Парсонс считает способность системы к восстановлению равновесия, самоорганизации: «Сложные системы – организмы, личности и общества – обладают способностью накапливать и передавать информацию и в них возникают процессы управления и самоорганизации» [4, с. 5]. Такая система, подвергнувшись разрушительному воздействию, способна возвращать себе равновесие. Важно понять не то, какие воздействия выводят из равновесия общество, не то, как разлагается связь отдельных элементов и подсистем между собой, а именно то, как система устраняет результаты этих нежелательных вмешательств в процесс ее функционирования, как она умудряется «выживать» в этих сложных обстоятельствах. Как возникают те силы, которые эти результаты устраняют, и до какого предела социальная система сохраняет свою способность к самовосстановлению [4, с. 5].

С одной стороны, терроризм нельзя рассматривать как внутреннюю проблему отдельных государств. Современный международный или трансграничный терроризм является следствием глобализации. С другой стороны, терроризм оказывает на глобальные процессы значительное влияние.

Таким образом, глобальный характер проблемы требует комплексного подхода к ее решению. Комплексность борьбы с организованной преступностью, включая такую ее разновидность, как терроризм, предполагает не только пресечение проявлений и последствий террористической деятельности, вскрытие всех основных причин возникновения терроризма, воздействие на них с целью их предупреждения, использование масштабных профилактических мероприятий.

Организованная преступность умело использует особенности современных глобализационных тенденций мирового развития: расширение экономических, транспортных, информационных, технологических, культурных связей между государствами, растущую «прозрачность» границ, развитие международной торговли и финансовых отношений, разрушение прежних систем контроля и т. д. Считаем, что рост глобальных связей создает возможности и для объединения антитеррористической деятельности. Система антитеррористической деятельности должна включать в себя все государства как субъекты антитеррористической деятельности. Этим самым она будет обеспечена правильным функционированием горизонтальных связей. Вертикальный срез антитеррористической деятельности должен обеспечиваться учетом всех мероприятий антитеррористической направленности, включая предупреждение причин, порождающих условия возникновения терроризма, различные меры превентивного, профилактического, психологического, воспитательного характера.

Весьма важной и в то же время достаточно сложной представляется нам проблема классификации видов терроризма. По мнению В. Н. Кудрявцева, «...терроризм сложен и многопланов. Он, как известно, представляет собой средство преступного давления на общественное мнение, на политику принятия государственных решений, является способом запугивания людей, создания обстановки нервозности, паники, ощущения непредсказуемой опасности и бессилия в борьбе со злом» [7, с. 7].

В научной литературе много лет продолжается дискуссия по проблеме понятия терроризма. Еще более возросла актуальность этой тематики в последние годы. Как отмечает А. В. Возжеников, «...явление терроризма – это не война миров, а явление, которое типично для всех государств, которое пересекает любые границы и может существовать повсеместно» [3, с. 4].

Известно, что террор, терроризм происходит от лат. *terror* – страх, ужас. Термин «террор» впервые был употреблен Титом Ливием в I в. н. э. Однако появление терроризма в общественной жизни наиболее часто связывают с периодом великой французской революции. Словарь иностранных слов толкует понятие террор как политику устрашения, подавления политических противников насильственными методами [8, с. 485]. Российский энциклопедический словарь дает следующее определение этого понятия: насильственные действия (преследования, разрушения, захват заложников. Убийства и др.) с целью устранения, подавления политических противников, конкурентов, навязывания определенной линии поведения [6, с. 1568].

Большой толковый социологический словарь Дэвида Джерри и Джулии Джерри определяет терроризм как форму политически мотивированной деятельности, сочетающую психологический (устрашение) и физический (насильственные действия) компоненты, осуществляемые индивидуумами или малыми группами с целью побудить сообщество или государство выполнить их требования.

Проблема усложняется тем, что террористические действия отнюдь не всегда преследуют политические цели, а могут осуществляться преступниками и психопатами. Однако политический терроризм – это использование группой, действующей либо от имени, либо вопреки установленной политической власти. Выделяется три главных типа поведения: а) революционный терроризм; б) предреволюционный терроризм; в) деятельность по существу репрессивная по своей природе.

Необходимо отличать терроризм, который осуществляется самим государством, от деяний, предпринимаемых группами в стремлении к политическому изменению. Выделяется международный терроризм, переступающий границы одного государства. Принятая террористами тактика включает похищения, взрывы бомб в общественных местах, угон самолетов, нападения на собственность, вымогательство выкупа, ограбление банков, а также государственное угнетение, аресты и пытки [2, с. 341–342].

В политологии под терроризмом рассматривается политика и тактика террора, т. е. совокупность особо жестких форм и средств политического насилия, которые используют террористы для достижения своих целей. Террор довольно широко использовали в истории в качестве средства политической борьбы в светской и церковной жизни, особенно в переходных состояниях общественного и политического развития общества и государства.

В современных условиях развития постсоциалистических стран, в мировой политике терроризм получил значительное распространение. Модернизируются его формы, способы осуществления. Террористическая деятельность становится все более изощренной, многообразной, античеловечной. Кроме индивидуального террора, распространяется коллективно организованный террор, этнический террор и др. [5, с. 375]. Как показывает опыт истории, формы терроризма бывают различными по своей сути: террор революционный и контрреволюционный, физический и духовный, субверсивный и репрессивный, селективный и слепой. Существуют и сугубо индивидуальные проявления террористической деятельности, такие, например, как террор военный, провокационный, превентивный, криминальный. В современную эпоху наиболее распространенными, опасными и злокачественными формами терроризма являются субверсивный, слепой и криминальный. В реальной действительности эти формы тесно связаны и переплетены между собой [1, с. 983].

Отметим, что теоретическое осмысление понятия терроризм в России находится сегодня в начальной стадии. Этим обстоятельством, на наш взгляд, можно объяснить отсутствие четкой классификации и определения, многообразие подходов и различных характеристик данной категории. Кроме того, в современной литературе очень часто наблюдается смешивание понятий «терроризм» и «экстремизм».

Под экстремизмом следует понимать крайнее проявление чего-либо. И скорее это понятие применимо к идеологии, взглядам. Терроризм является проявлением социальной практики. К примеру, религиозный экстремизм в идеологии завершается на практике проявлением терроризма. Обычно исследователи рассматривают как явления схожего порядка такие понятия, как экстремизм, радикализм, фанатизм, терроризм. Определенно можно сказать, что эти явления имеют схожие черты, или они характеризуют схожие процессы.

На наш взгляд, понятия экстремизм, фанатизм, радикализм – явления примерно одного порядка, характеризующие чрезвычайную приверженность к чему-либо. Экстремизм и радикализм проявляются в социальной практике. Терроризм же представляет собой социально опасное действие или акт социальной практики, характеризующийся насильственными методами осуществления и представляющий реальную угрозу безопасности обществу, социальной группе или отдельной личности.

Начиная с конца XIX в. по настоящее время Россия принимает участие в международных конференциях по проблемам терроризма и органи-

зации борьбы с этим опасным явлением. Объектами обсуждения являлись понятие, типология, методы, формы терроризма, организация противодействия ему. Анализ научной литературы по данной проблеме свидетельствует о том, что переломным моментом в исследованиях явились события 11 сентября 2001 г., когда террористические акты в Нью-Йорке и Вашингтоне привели к гибели тысяч людей и поставили терроризм в ряду глобальных проблем современной цивилизации на одно из первых мест.

События сентября 2001 г. всколыхнули всю мировую научную общественность. Весьма оперативно отреагировала на эти события Российская академия наук. Уже осенью 2001 г. при Президенте РАН был создан Общественно-консультативный совет по проблемам борьбы с международным терроризмом, поставивший перед собой задачу обсуждения, разработки и внесения научно-практических рекомендаций для государственных органов, ведущих эту борьбу.

Исследование проблемы терроризма как угрозы глобальной и национальной безопасности требует комплексного подхода. Комплексный подход позволяет выделить два вектора классификации современного терроризма: горизонтальный – функциональный и вертикальный – количественно-пространственный. Функциональный подход позволяет выделить такие разновидности современного терроризма, как этнический, религиозный, военный сепаратистский, политический, государственный, экономический, информационный, гангстерский, экологический терроризм и т. д.

Носителями различных типов терроризма или субъектами террористической практики могут быть как отдельные личности, социальные или иные группы, так и целые страны. Количественный подход позволяет рассматривать терроризм как проблему индивидуума, региона, государства, мирового сообщества. В связи с этим, можно выделять индивидуальный, групповой, международный или трансграничный терроризм.

Литература

1. Глобализация : энцикл. М., 2003.
2. Джерри Д., Джерри Дж. Большой толковый социологический словарь. М., 2001. С. 341–342.
3. Международный терроризм: борьба за геополитическое господство / под общ. ред. А. В. Возженикова. М., 2005. С. 4.
4. Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002. С. 5.
5. Политология. Краткий словарь / под ред. В. Н. Коновалова. Ростов н/Д., 2001.
6. Российский энциклопедический словарь. Кн. 2. М., 2001.
7. Социальные и психологические проблемы борьбы с международным терроризмом / науч. ред. В. Н. Кудрявцев. М., 2002. С. 5.
8. Словарь иностранных слов. М., 2003.

СТРАХОВАНИЕ ОТ РИСКА ТЕРРОРИЗМА

Рассматривается необходимость страхования граждан в связи с нарастанием террористических угроз. Показывается социальная значимость и процедура эффективности страхования как социального и личного явления. По мнению автора, страхование от риска терроризма может стать основой построения гражданского общества.

Ключевые слова: страхование, терроризм, риск, угроза.

Авиакатастрофа над Синайским полуостровом, взрыв на железнодорожном вокзале в Волгограде, многочисленные взрывы террористов – смертников на Кавказе, взрывы в аэропорту Домодедово, чудовищная трагедия в школе Беслана... Данный список можно продолжать бесконечно. Счет погибших ведется на тысячи...

На сегодняшний день терроризм представляет собой одну из наиболее важных проблем общественного развития не только в формате внутригосударственных отношений, но и на мировом уровне, иными словами, проблему глобального масштаба. Об этом факте и негативном воздействии терроризма на жизнь социума говорит число совершенных за последние годы террористических актов, количество погибших при этом людей. Волна террористических актов, прокатившаяся в последние месяцы по всему миру, не оставила равнодушным никого.

Граждане большинства стран не могут чувствовать себя в безопасности, прямым подтверждением тому являются взрывы в Париже и Брюсселе – казалось бы, достаточно защищенных городах. В связи с этим страховщики выдвигают инициативу обязательного страхования от рисков терроризма и диверсий. Это требует всестороннего рассмотрения, так как может привести и к снижению защищенности. Страхование от рисков террористических актов на территории нашей страны ведет свою историю еще с советских времен, когда одна из крупнейших отечественных страховых компаний («Ингосстрах») в рамках страхования внешнеторговых операций Советского Союза и его партнеров начала активно работать с подобного рода рисками. Первыми полисами, покрывающими данные риски, были полисы страхования посольств, дипломатических и торговых представительств СССР за рубежом. К моменту распада Советского Союза был накоплен опыт работы с рисками терроризма, диверсии и перестрахования на западном рынке совместно с облигаторным перестрахованием основного портфеля по имуществу юридических лиц [1, с. 87].

В контексте современного страхования под террористическим актом принято рассматривать совершение действия или комплекса действий с активным применением силы или насилия лицом или группой лиц. При этом важно понимать, что действие расценивается как террористический акт вне зависимости от того совершается он одним человеком или от имени или

сообща с организованной группой в политических, религиозных или идеологических целях, включающих намерение оказать непосредственное воздействие на органы государственного управления и/или для устрашения населения. Страхование от риска терроризма предполагает защиту физических активов страхователя от актов терроризма и диверсии в соответствии со ст. 205 «Терроризм» и 281 «Диверсия» Уголовного Кодекса Российской Федерации [4].

Повышение интереса к данному страховому продукту за последние несколько лет можно объяснить с точки зрения форсированного роста политического и экономического неустойчивости различных стран, а также увеличением числа реализованных террористических актов и террористических группировок [2].

Чрезмерно важным является отметить, что из-за трагических событий, произошедших в далеком сентябре 2001 г. в США, европейский западный рынок страхования от подобного вида риска оказался практически полностью закрытым для российского страхового рынка, поскольку в стремлениях максимального возмещения убытков страхователям, стоимость полиса существенно повысилась. В тоже время, растолковать собственным клиентам, почему они оказались вынуждены платить за приобретаемый полис в несколько раз больше, чем они платили ранее, отечественные страховые компании оказались не в состоянии, в результате чего 20 декабря 2001 г. усилиями шести крупнейших российских страховщиков, был создан Российский Антитеррористический Страховой Пул (РАТСП), основной целью формирования которого послужило объединение возможностей по страхованию и перестрахованию рисков террористических актов [4].

Со стороны государства были установлены наиболее общие принципы и законодательные нормы возмещения убытка пострадавшим, а в отдельном сегменте бизнеса (электроэнергетика) даже 2 необходимость страхования ответственности перед третьими лицами, но в то же время можно с легкостью наблюдать отсутствие четко продуманного механизма компенсации затрат на восстановления объектов атаки террористов. Следовательно, целесообразно разработать и активно использовать на практике ряд определенных изменений в законодательстве, который будет непосредственно касаться делегирования полномочий государства, степени его вовлеченности, задействования бюджетных средств и введения механизмов обязательного страхования. На фоне сравнительно недавней террористической атаки в Брюсселе 22 марта в России предложили сделать обязательным страхование от рисков терроризма. Российский антитеррористический страховой пул предлагает запретить исключение этих рисков из покрытия страховых полисов, как это принято во многих западных странах, а также обязать организаторов массовых мероприятий страховать от терроризма. Страховой рынок воспринял предложения неоднозначно. Центральный Банк обещает их изучить. По мнению российского пула: «Такие трагические примеры должны учесть» [4].

На сегодняшний день, в формате современных российских реалий необходимость страхования от риска терроризма не является абсолютной и однозначной. Так, по мнению многих современных отечественных экспертов в области страхования, обязательность данного страхования является лишь «необоснованным, нерациональным и неэффективным способом вложения денег», поскольку сегодня антитеррористическая работа государства находится на самом высоком уровне и вполне способна обеспечивать безопасность наших граждан. Кроме того, на состоявшейся в феврале Коллегии ФСБ была поставлена задача – пресекать действия не только тех, кто приготовился нанести удар, но и тех, кто занимается вербовкой наших граждан в ряды террористических организаций, тех, кто занимается распространением экстремистской идеологии, и т. д.

Таким образом, финансовые средства, которые планируется направить на организацию данного вида страхования более рационально направлять на более значимые и необходимые экономике и гражданам цели [5]. Помимо этого, считаю нужным отметить, что страховую защиту от террористических актов преимущественно приобретают: предприятия розничной торговли, торговые сети, супермаркеты; гостиницы, дома отдыха, санатории, пансионаты; банки, кредитные и финансовые учреждения; собственники объектов инфраструктуры, таких как аэропорты, вокзалы, морские порты, железные дороги, складские комплексы, логистические центры и т. д.

Таким образом, можно говорить о том, что необходимость страхования от террористических актов в формате указанных выше субъектов страхования должна носить исключительно добровольный характер. Поскольку, само по себе предложение, выдвинутое РАТСП, на практике выглядит недостаточно реалистичным, так как собственник любого бизнеса не имеет возможности в полной мере отвечать за последствия терроризма, так как аргументировать и обосновать принятие государством тех или иных антитеррористических мер практически нереально. Очередное доказательство тому – брюссельская трагедия: можно ввести какой угодно максимальный режим безопасности в стране, однако это не в силах остановить террористов. Помимо этого, как уже было отмечено выше, исходя из положений действующего законодательства, ответственность за последствия терактов, совершенных в пределах России, несет государство. Именно поэтому, с точки зрения юридических лиц, целесообразно говорить исключительно о добровольном страховании от данного вида риска, поскольку тот бизнес, который непосредственно связан с массовыми скоплениями людей и так, в силу своей ответственности активно приобретает страховки от подобных страховых случаев [1, с. 104].

Так, исходя из официальных данных, предоставленных пулом РАТСП, в 2015 г. в добровольном порядке от риска терроризма было застраховано 587 объектов, в том числе все столичные аэропорты [4]. При формировании системы обязательного страхования от терроризма в современной России целесообразно прибегать к успешному опыту Франции, ко-

торая, на сегодняшний день создала наиболее эффективную и комплексную систему данного вида страхования. При организации своей системы, французы стремились максимально обеспечить безопасность собственных граждан, именно поэтому, отличительными чертами, которые стоило бы перенять России, являются: – отсутствие изначально установленного минимального порога возмещения ущерба, полученного в ходе террористического акта, так как в пределах страны действуют неограниченные гарантии со стороны государства; – любой страховой полис, покупаемый у французских страховщиков, например против пожара и ущерба, автоматически включает в себя и террористические риски. Это является обязанностью страховых компаний [3]. Что касается физических лиц, то здесь дело обстоит намного печальнее, по различным оценкам, размещенных на множестве интернет – источниках, от 50 до 99 % страховых продуктов в РФ риски теракта из покрытия исключают. Оценку в 99 % высказала председатель комитета по страхованию в сфере туризма Всероссийского союза страховщиков Юлия Алчеева. По мнению председателя наблюдательного совета Российского антитеррористического страхового пула Александра Гульченко, 3 доля полисов личного страхования, куда включен риск теракта, на практике зачастую оказывается равной нулю [4]. При этом стоит отметить, что в формате современного российского страхования, риск терроризма оказывается включенным в правила страхования от несчастных случаев большей части ведущих отечественных страховых компаний по этому виду, и у 50 % страховых компаний, являющихся лидерами, по продажам полисов страхования выезжающих за рубеж. Существующая разница в оценках на практике объясняется тем, что фактически заключаемыми договорами правила страхования могут быть изменены [2]. Именно поэтому, с точки зрения физических лиц, в особенности людей, часто выезжающих за пределы российской территории и оказывающихся в зоне риска, целесообразно обязать приобретать страховые полисы от терроризма и диверсии, поскольку именно они позволяют в случае их возникновения получить компенсации от государства.

Литература

1. Страховая деятельность в современной России : учеб. пособие / сост. Е. В. Эсауленко ; Науч. б-ка ЮЗГУ. Курск : ЮЗГУ, 2012. 278 с.
2. Банки.ру [Электронный ресурс] : исслед. агентство. URL: <http://www.banki.ru> (дата обращения: 07.04.2017).
3. Мемориал погибших в Норд-Осте : кн. памяти [Электронный ресурс] : офиц. сайт. URL: <http://www.nord-ost.org> (дата обращения: 07.04.2017).
4. Российский антитеррористический страховой пул (РАТСП) [Электронный ресурс] : офиц. сайт. URL: <http://www.ratsp.ru> (дата обращения: 07.04.2017).
5. Эксперт ONLINE. Совместно с журналом «Русский репортер» [Электронный ресурс] : офиц. сайт. URL: <http://expert.ru> (дата обращения: 07.04.2017).

РАЗДЕЛ 2. МОДЕЛИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ УГРОЗ, ВЫЗОВОВ И РИСКОВ: РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНСЕНСУСА И ТОЛЕРАНТНОСТИ

УДК 316.334.52

Ушаков С. В.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ПЕРСПЕКТИВЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В РАМКАХ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНСЕНСУСА

Рассматриваются перспективы территориального развития в рамках политического консенсуса. Автором представлены основные сферы территориального развития в условиях общества риска и необходимость создания политического консенсуса. Выявляются основные тенденции территориального моделирования.

Ключевые слова: политический консенсус, территориальное развитие, социальная динамика.

Развитие экономики регионов определяется как особенностями географического положения, природных, естественных условий и ресурсов региона, сложившейся на его территории производственно-экономическим комплексом и инфраструктурой, так и характером проводимой государством региональной экономической политики. Именно целенаправленная государственная экономическая политика, понимаемая как система целей и задач, совокупность организационно-экономических механизмов и инструментов регулирования регионального развития в общем контексте народнохозяйственных целей, приоритетов и задач, согласованных действий институтов государственного и муниципального управления, является ключевым институциональным фактором региональной динамики экономического пространства страны. Основными функциями региональной экономической политики являются:

– воспроизводственная, обеспечивающая сбалансированность функционирования отраслей и сфер экономики региона, пропорции производства и потребления;

– социальная, направленная на ресурсное обеспечение социальной сферы в соответствии с утвержденными федеральными социальными нормативами и стандартами уровня и качества жизни;

– интеграционная, связанная с организацией взаимодействия субъектов хозяйствования, объединения ресурсов государства, бизнеса и муниципалитетов для решения общих для региона социально-экономических задач;

– защитная функция, направленная на снижение рисков и угроз территориально-хозяйственной системы региона;

– реформационная, ориентированная на инновационное развитие экономики, реструктуризацию хозяйственных укладов и их модернизацию.

Региональная политика ориентирована, прежде всего, на достижение универсальных целей региональной экономики, к числу которых относятся:

– экономический рост, в основе которого:

– увеличение масштабов производства и научно-технического прогресса, обеспечивающего технологическую модернизацию всех отраслей экономики;

– обеспечение полной и эффективной занятости населения; – эффективное использование локальных (территориальных) ресурсов; – рациональное и справедливое распределение доходов от всех видов экономической деятельности, осуществляемых на территории региона;

– нейтрализация резких региональных экономических диспропорций и обеспечение воспроизводственной сбалансированности составных элементов региональной социально-экономической системы;

– достижение экономической безопасности;

– развитие пространственной организации производственно-хозяйственной деятельности и сбалансированности территориального размещения производительных сил.

Таким образом, региональная политика является инструментом развития и модернизации пространственной структуры экономики, драйвером ее экономической динамики.

Основополагающим документом стратегического характера национального уровня в этой области является «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.», утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. В разделе «Региональное развитие» данного документа определены цели, задачи, приоритеты регионального развития страны [1].

Целью государственной региональной политики в документе провозглашается повышение сбалансированности пространственного развития российской экономики, что предполагает: а) формирование новых центров динамичного экономического роста на всей территории Российской Федерации; б) выявление и раскрытие конкурентных преимуществ каждого региона, создание условий для подъема российской глубинки, российской провинции; в) уменьшение дифференциации в уровне и качестве жизни населения между регионами и внутри региона; г) последовательное освоение новых, еще не освоенных территорий, имеющих потенциальные долгосрочные экономические преимущества; д) укрепление экономической целостности и создание условий устойчивого развития геополитически проблемных регионов. В современной экономической практике выделяются три различных подхода к регулированию динамики и пропорций пространственного развития экономики и устранению возникающих при этом диспропорций.

Первый подход демонстрирует Всемирный банк, ключевой задачей региональной политики которого является сглаживание пространственных различий в качестве жизни (а не различий в деловой активности). Целевой ориентацией такой региональной политики должна быть экономическая интеграция регионов с помощью институтов развития, инфраструктуры, стимулирования бизнес-активности в городах, являющихся центром агломераций. Второй подход характерен в большей степени для региональной политики Евросоюза и ОЭСР. Он предполагает целевую ориентацию усилий и ресурсов на экономический рост во всех регионах, максимизацию использования их экономического потенциала. Ключевыми императивами такой политики становятся создание национального богатства во всех регионах, инновации и модернизация региональных активов, их капитализация [1].

Третий подход связан целевой установкой региональной политики на решение пространственных проблем занятости. Причем пространственные диспропорции и территориальная дифференциация экономического роста рассматриваются с точки зрения обеспечения занятости населения. Поскольку в отдельных регионах рынок не может обеспечить экономический рост и занятость, генерируемые частным сектором, на общественный сектор возлагается функция создания рабочих мест и снижения безработицы.

В российской экономической практике последних 10–15 лет сменились минимум три модели региональной экономической политики: 1) политика выравнивания уровня социально-экономического развития регионов, сглаживания резкой дифференциации между ними; 2) политика поддержки высоких темпов экономического роста во всех регионах и проведение антикризисной политики в период экономического спада 1998–1999 гг. и 2008–2010 гг.; 3) политики поддержки регионов-локомотивов, «точек» экономического роста, точечная инвестиционная поддержка регионов-лидеров инновационного роста. Фактически эволюция российской региональной политики с некоторой асимметричностью повторяла три описанных выше подхода в проведении региональной экономической политики Всемирного банка, Евросоюза и ОЭСР. Начиная с 2008 г. в России взят курс на переход к инновационной модели региональной экономической политики, начало которого было положено Концепцией долгосрочного развития РФ на период до 2020 г., в соответствии с которой ключевой задачей объявлялась модернизация экономики, предполагающая активное государственное вмешательство в экономику регионов.

Инновационная модель развития экономики предполагает и подход к новому типу пространственного развития экономики, включающему:

- поддержку формирования и развития новых центров экономического роста, опирающихся на создание объектов энергетической и транспортной инфраструктуры и сети территориально-производственных кластеров;
- осуществление согласованных «по горизонтали» инвестиционных стратегий государства и бизнеса в инфраструктурных отраслях экономики региона с учетом приоритетов пространственного размещения производ-

ства и ресурсных ограничений, существующих в регионе; – формирование и реализацию взаимосвязанного комплекса государственных и региональных программ и выделение регионам бюджетных ресурсов с паритетным самофинансированием этих программ регионами. Эти новые стратегии активной модернизационной региональной экономической политики воплотились и в практике проектного (программного) планирования социально-экономического развития субъектов РФ и федеральных округов, а именно – в «Стратегиях» и «Программах» их социально-экономического развития на среднесрочную перспективу [2].

Главная идея новой региональной экономической политики, ориентированной на модернизацию страны, состоит в создании благоприятной институциональной среды, «институтов развития», а также в формировании полицентричной, «разномасштабной» структуры экономики регионов за счет поддержки новых центров экономического роста, к которым, прежде всего, относятся крупнейшие и крупные города (метрополии), транслирующие инновации на периферию и развивающие сетевые формы организации бизнеса, способствующие развитию новых центров конкурентоспособности (приграничные территории и транзитные зоны – проводники геоэкономических и геополитических интересов России, малые города как участники кластерных инновационных образований, сельские территории, обладающие конкурентоспособными ресурсами и др.)

Создание необходимых институциональных условий для модернизации экономики регионов, как показывает отечественная и мировая практика, предполагает использование следующих механизмов пространственного развития экономики:

- создание пространственного каркаса зон и центров опережающего развития, способных транслировать инновации на периферию, особенно на регионы с многоукладной экономикой, снижения барьеров на пути межрегионального перелива капиталов, товаров, рабочей силы;
- бюджетная и инвестиционная поддержка крупных городов как драйверов и трансляторов инноваций;
- развитие механизмов горизонтальной интеграции деловой активности, ресурсов отраслей производства, пространственной инфраструктуры (дороги, транспорт, коммуникации, трубопроводы и т. п.);
- формирование благоприятных условий для развития мобильности населения (рынок жилья, отрасли социальной сферы, комфортная среда обитания, транспортные коммуникации и др.).

Важной чертой новой региональной экономической политики, преобразующей пространственную структуру экономики, является формирование механизмов саморазвития территорий, стимулирующих бизнес-сообщество и предпринимательские структуры к интеграции ресурсов для достижения общих для региона целей и задач модернизации экономического пространства. Среди них ключевым является совершенствование существующих и создание новых форм пространственной организации эконо-

мики – особые экономические зоны, промышленные зоны, индустриальные парки, транспортно-логистические центры, специализированные торгово-складские зоны, агрогорода, инновационные территориально-производственные кластеры и др. При всей важности для модернизации экономики создания благоприятной институциональной среды, ключевым остается вопрос о принципах и механизмах межрегионального распределения ограниченных ресурсов, которые федеральный бюджет может направить на модернизацию экономики регионов. Стимулирующий тип реализуемой региональной экономической политики требует резкого изменения межрегиональных пропорций распределения ресурсов, ибо только их концентрация на «точках» роста может дать быстрый и существенный эффект, но повышает риски недоинвестирования регионов-аутсайдеров, слаборазвитых и проблемных регионов [3].

Модернизация пространственной структуры экономики на основе новой региональной экономической политики сталкивается с противоречивыми результатами ее реализации. С одной стороны, опора на конкурентные преимущества отдельных регионов при выборе приоритетных направлений модернизации имеет своим результатом достижение максимальной народнохозяйственной эффективности. С другой стороны, эта политика концентрации ресурсов (деловой активности, финансов, производственных мощностей, инфраструктуры) в отдельных 134 регионах ведет к негативным последствиям, пространственной неравномерности модернизационных процессов в экономике и неизбежному росту межрегиональной дифференциации доходов и бюджетов регионов, усугубляющего депопуляцию и крайне низкую мобильность населения и трудовых ресурсов в периферийных регионах [4].

Поэтому сбалансированная по целям пространственной модернизации региональная политика предполагает механизмы поддержки не только регионов-локомотивов, но и стимулирование депрессивных и слаборазвитых территорий, включая стимулирование на государственном уровне притока капиталов и инвестиций, строительства новых предприятий, создания новых рабочих мест с высоким уровнем заработной платы, реализацию стратегии капитализации всех имеющихся на территории экономических активов и местных ресурсов [5].

Таким образом, в начале второго десятилетия XXI в. в государственной региональной экономической политике утвердился базовый принцип – управление пространственным развитием страны не должно лежать только в русле ориентации на экономическую эффективность, но обязано также подчиниться логике и законам социальной эффективности и социальной справедливости. В настоящее время осуществляется переход от ультралиберальной региональной экономической политики к сбалансированной ее модели с точки зрения пространственного развития и социальной ориентации ее основных приоритетов.

Литература

1. Батьянова Л. Н., Журавлева И. А. Гражданская активность как фактор социально-политической стабильности региона (социально-философский аспект) // Социальные проблемы и безопасность российских регионов : материалы II Байкал. науч. социол. симп. 2015. С. 177–186.
2. Борисова Ю. В., Ушаков С. В. Место маркетинга в формировании политики территории // Консолидация российского общества: организационные, образовательные и социокультурные ресурсы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. 2015. С. 305–312.
3. Полюшкевич О. А. Потенциал адаптации жителей региона к модернизационным процессам в стране // Baikal Research Journal. 2010. № 5. С. 116–119.
4. Полюшкевич О. А. Социокультурная солидарность в трансформирующемся обществе. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. 190 с.
5. Полюшкевич О. А. От народа к населению: трансформация социокультурных смыслов // Соц.-гуманитар. знания. 2010. № 4. С. 260–270.

УДК 6.334.52

Попова М. В.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

РОЛЬ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО БРЕНДА В ПОСТРОЕНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Рассматривается роль территориального бренда в построении гражданского общества. Автор показывает взаимосвязь развития территории и создания ее бренда с ключевыми идеями и формами построения гражданского общества. Особое место уделяется концептуальному моделированию идейных компонентов бренда.

Ключевые слова: гражданское общество, территориальный бренд, развитие территории.

Территориальный брендинг – это процесс формирования бренда города, региона или страны. Однако такое определение не отражает особенностей данного процесса. Национальный брендинг стоит понимать как процесс целенаправленного воздействия на образ страны с помощью современных маркетинговых технологий. При этом акцент на технологии не должен загораживать эмоциональную сторону брендинга: ведь в результате важно создать бренд государства как знаковый политический символ, в котором будет отражено то общее эмоциональное чувство и та гордость за свою страну, которая сплачивает миллионы в единое целое.

Территориальный брендинг для России – это понятие новое, только начинающее входить в моду. Между тем, в мире не раз доказана плодотворность применения брендового подхода к региональному развитию [1].

Территориальный брендинг как самостоятельная разновидность маркетинга привлек внимание специалистов в 1970-х гг., но лишь в последние два десятилетия получил практическое применение на страновом уровне. В настоящее время наблюдается активное стремление стран, городов и провинций к целенаправленному созданию собственных брендов с привлечением профессиональных маркетинговых технологий.

В 1994 г. Агентство экономического развития Шотландии Scottish Enterprise приступило к реализации проекта «Scotland the Brand», целью которого было оказание содействия туристскому бизнесу в Шотландии, развитию шотландской национальной культуры и ее продвижению за рубежом, а также расширению экспорта продукции шотландских компаний. В 1995 г. стартовала международная маркетинговая кампания «Brand Australia», направленная на привлечение туристов в Австралию в преддверии Олимпийских игр в Сиднее в 2000 г. С конца 1990-х гг. ведут систематическую работу по продвижению своего положительного имиджа Франция, Германия, Португалия, Польша, Эстония, Гонконг, Египет, Турция, Греция и другие страны. Интересным образцом национального брендинга является программа «Japan Brand», которая с 2004 г. реализуется в Японии [3].

Отдельную группу удачных проектов составляют кампании по брендингу отдельных городов – Glasgow Smiles Better, Sydney Freedom Capital, I Love New York, London Olympic, I Am Sterdam и др. [2].

Примеры российских городов.

Для маленького городка Краснокамска, окруженного лесами и производящего бумагу для всей страны, команда дизайнеров Besapiens предложила идею оригами как основу визуальной айдентики города. По словам разработчиков, Краснокамск словно чистый лист бумаги: на нем можно писать, что хочешь, но стоит только изменить точку зрения, проявляется скрытый потенциал молодого города. Получилось весьма симпатично.

Разработчики айдентики Астраханской области взяли за основу символику, которая ассоциировалась бы с Волгой и Каспием. Сине-голубые волны, конечно, хорошо смотрятся на баночках с килькой, хотя при слове «Астрахань» в голове неизменно возникают исключительно моря арбузов.

Ключ в айдентике Саратова, разработанной студией Артемия Лебедева, как бы намекает нам на открытость и дружелюбность города. Лозунг «Люблю бывать в Саратове» уточняет: здесь есть, что посмотреть, открыть и полюбить. С одной стороны – гениально, с другой стороны – чрезмерно обобщено. Что-то мне подсказывает, что Саратов не из тех городов, о которых ничего другого и не скажешь.

Логотип Вологодской области выбирался всем миром в интернете. Большинство пользователей проголосовало за красную «кружевную» птицу на белом фоне, которая целиком и полностью позаимствована у заслуженной художницы России вологжанки Ангелиной Ракчеевой, которая в 1984 г. создала рисунок «Вологда». Яркий пример того, как без участия именитых креаторов жители сами нашли тот символ, который отражал бы их представления о месте, в котором они живут. Когда стартовал конкурс, губернатор области отмечал, что бренд должен объединить «патриархальную Вологду, динамичный Череповец, города-музеи Тотьму, Белозерск, Кириллов, Великий Устюг». Что-то, а патриархальность точно не утрачена. Такая вот она, «Душа Русского Севера».

Фирменный стиль города Добрянка, которому, видимо, на роду было написано стать столицей доброты, разрабатывался с учетом многих параметров. На логотипе изображены символы идентичности Добрянки (ГРЭС, культура, приверженность традициям и др.). В цветах лого присутствуют оттенки герба города, желтый и голубой, при слиянии которых появляется зеленый, что, по замыслу разработчиков, неплохо коррелирует с идеей доброты.

Туристический бренд культурной столицы состоит из набора знаков, рассказывающих про интересные, приятные и незабываемые для гостей стороны жизни Петербурга. По словам разработчиков, «каждый знак – ясный и выразительный символ», допускающий огромное количество комбинаций. Возможно, город на Неве вызывает у каждого из нас гораздо больше объемных культурных ассоциаций, далеких от набора плоских значков. Но бренд разрабатывался не для внутренних целей, а для внешних, и, скорее всего, для туристов этого более чем достаточно.

Урюпинск, поселившийся в анекдотах и ставший символом темноты и глухомани («Брошу все и уеду в Урюпинск!»), решил разрабатывать бренд под лозунгом «Урюпинск – столица российской провинции». Тонко, умно, не без доли самоиронии.

Главной темой города, в котором провел свои последние годы Пётр Ильич Чайковский, стал звук. В логотипе присутствуют цвета герба города, а сам лого выгладит как звуковая диаграмма. Слоган соответствующий: «Так звучит Клин!».

В логотипе бренда Ижевска объединились удмуртский солярный символ-оберег, в котором легко читается буква Ж, трафаретный шрифт, символизирующий заводские традиции, а самые внимательные найдут и рожок от автомата «Калашникова» – одного из самых известных в мире продуктов, выпускаемых ижевскими мастерами.

Второй по величине город Башкирии Стерлитамак на первый взгляд не имеет особых отличительных черт. Однако разработчикам удалось углядеть уникальность города в магическом числе 3. Как оказалось, в Стерлитамаке все присутствует в тройном количестве – три горы, три реки, три предприятия и района, три вуза, три торговых центра и даже на гербе города изображены три гуся. В качестве визуального воплощения трехмерного города выбрали объемный треугольник. Вот так безвестный городок получил новую жизнь, «жизнь в объеме».

Новый бренд республики «Наследие Татарстана» призван увеличить туристическую и инвестиционную привлекательность региона. В основу концепции бренда легли 10 качеств, формирующих татарстанский архетип: скорость, выносливость, упорство и целеустремленность, достоинство, пытливость, чутье, следование традициям, мастерство, единство. Каждое из этих качеств визуально представлено в виде элементов стиля (выносливость – борцы кэреш, скорость символизируют изображение лошади, а достоинство – крылатый барс и т. д.). Сложенные вместе, эти символы фор-

мируют стрелу, которая олицетворяет культурное богатство региона и его постоянное развитие и движение вперед.

В Ангарске завершился проект по разработке бренда города, стартовавший еще в июле текущего года. Подрядчиком выступила компания «СитиБрендинг», для которой проект по разработке бренда Ангарска стал первым государственным тендером. По итогам проведенной работы были определены потенциальные идеи бренда, которые были представлены на совещании в администрации города. Затем по результатам многофакторного анализа победителем среди четырех концепций «Ангарск. Будь первым!», «Ангарск. Достижение Сибири», «Ангарск. Действуй. Сейчас» и «Ангарск. Простор для побед» была признана последняя. Ангарск задает новые стандарты для администраций городов. Брендинг городов становится нормальной по хорошему рутинной работой [4].

Для исторически сложившихся образов российских регионов (которые лишь с некоторой натяжкой можно называть брендами), сформированных преимущественно в индустриальную эпоху, характерно построение по экономгеографическому принципу, т. е. ассоциирование с одной-двумя ведущими отраслями экономики или даже знаковыми предприятиями и компаниями (Якутия – добыча алмазов, «Алроса»), а также с природными особенностями региона (Бурятия – озеро Байкал), с выдающимся историческим и культурным наследием (Владимирская область) или административным значением (Москва). В частности, для старого бренда Самарской области определяющими факторами являлись индустриальный характер региона и связь с оборонным производством и исследованиями оборонного характера. Секретность, окружавшая во времена СССР деятельность многих предприятий, конструкторских бюро и НИИ, придала образу Куйбышевской области, сложившемуся в общественном сознании во второй половине XX в., существенный оттенок закрытости для «непосвященных». Однако в настоящее время малейший намек на закрытость отрицательно сказывается на конкурентоспособности территории. Кроме того, старый бренд не отражает современную структуру экономики области, в которой существенно возрастает доля отраслей, ориентирующих ее в направлении постиндустриального развития.

Концепция формирования брендинга территорий, основанная на политических, экономических, социальных, организационных, правовых механизмах и приоритетах консолидации национальной общности [5]. Среди направлений построения государственной идентичности мы предлагаем следующие:

- политические принципы и ценности, которые разделяются значительной частью населения;
- доверие к политическим институтам;
- положительная историческая память народа и исторические мифы;
- политическая символика;

– положительные результаты внутренней и внешней политики государства, которые способны существенно повлиять на отождествление гражданина с государством и, наоборот, неудачи в экономической и социальной политике «отдаляют» людей от государства.

Институты гражданского общества либо «работают на бренд» города или территории, либо тормозят развитие. В то же самое время, развитие бренда территории, приводит к укреплению и развитию институтов гражданского общества. Замкнутый круг социального взаимодействия.

Итак, формирование положительных результатов является основной составляющей формирования и реализации государственной политики брендинга территорий. Для России характерны проблемы в направлении историческая память и общей культуры, ведь на протяжении веков территория государства была разделена, что привело к появлению различных героев, воспоминаний и ментальных конструкций. Сегодня Россия объединена в своих исторических и этнических границах. Государство имеет единую экономику и юридические права и обязанности граждан государства. Поэтому, анализируя предложенные авторами направления построения государственной идентичности, предлагается выделить следующие направления: правовое, которое будет включать юридические права и обязанности граждан государства, политические принципы и ценности, существующий политический строй, систему государственного регулирования и управления, уровень демократии; культура и историческая память, памятники архитектуры, литература, фольклорный фонд, обычаи и традиции; национальная идея, отражающая совокупность взглядов на цель существования и дальнейшее развитие государств.

Литература

1. Попова М. В. Брендинг территории как инструмент консолидации общества // Консолидация российского общества: организационные, образовательные и социокультурные ресурсы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016. С. 222–224.
2. Попова М. В. Позиционирование территории как фактор городского развития // Культура и Взрыв: Социальные смыслы в трансформирующемся обществе : VII Всерос. науч. интернет-конф. / под общ. ред. О. А. Кармадонова, О. А. Полюшкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. С. 52–57.
3. Попова М. В. Бренд как фактор территориального развития // Социальные проблемы и безопасность российских регионов : материалы II Байк. науч. соц. симп. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. С. 157–162.
4. Попова М. В. Маркетинг территории: теоретические подходы // Трансгрессия социокультурного пространства : материалы Всерос. науч. интернет-конф. / под общ. ред. О. А. Эдельштейн, О. А. Полюшкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016. С. 121–127.
5. Попова М. В. Влияние крупных компаний на брендинг территории // Культура и Взрыв: Социальные смыслы в трансформирующемся обществе : материалы Всерос. науч. интернет-конф. / под общ. ред. О. А. Кармадонова, О. А. Полюшкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016. С. 78–81.

БРЕНД ТЕРРИТОРИИ КАК УСЛОВИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА АНГАРСКА)

В работе бренд территории определяется как условие социального партнерства и моделирования территориального развития. Характеризуются технологии и техники социального взаимодействия и общественного моделирования в Ангарске.

Ключевые слова: бренд территории, социальное партнерство, социальное развитие.

Брендинг территорий (мест), в том числе регионов, – относительно новое направление научных исследований, однако уже сейчас представлено достаточным количеством теорий и концепций формирования и управления брендами территорий, чтобы можно было попытаться дать некоторую классификацию этих теоретических построений, а также выделить и немного подробнее остановиться на некоторых наиболее значимых, на наш взгляд [5].

В основе *бренда региона* (территории) должна лежать некоторая общепризнанная уникальность региона, а соответственно, можно говорить о следующих видах брендов территорий:

- *бренд географического места* – Тибет, озеро Байкал, Альпы;
- *бренд места исторического события* – Куликово поле, Колизей, Парфенон;
- *бренд государства и входящих в него административных единиц* (бренд земли, штата, области, края, республики, города, района) – «Земля Обетованная» (Израиль), «мировой финансовый центр» (Нью-Йорк, Лондон), «культурная столица России» (Санкт-Петербург), «город невест» (Иваново), «город влюбленных» (Париж), «середина земли» (Иркутск), «город возможностей (Ангарск);
- *бренд производителя или территории происхождения* (бренд государства, географический регион, группа районов, городов) – «японская техника», «швейцарские часы», «венецанское стекло», «уральские самоцветы», «вологодские кружева», «хохломяская роспись».

Брендинг территорий сегодня является требованием времени, для которого характерно расширение коммуникационных процессов, растущая конкуренция, непрерывное развитие технологий и стирание границ между различными сферами социальной, политической, экономической, культурной деятельности. Важный элемент брендинга города – это необходимость вовлечения в процесс всех стейкхолдеров и всякого рода ресурсов. Политика соответствующих государственных органов, инвестиции частного сектора, туристская инфраструктура, достопримечательности и работающие в сфере туризма люди – это мощные носители сообщений потенциальным туристам о том, как организован город [2].

Политика брендинга территории внедряется по маркетинговой схеме и имеет специфику в соответствии с уровнем: глобальную, национальную, региональную. Основные проблемы, с которыми сталкиваются города при формировании концепции бренда территории, связаны с отсутствием контакта между ключевыми сторонами влияния: власть, бизнес, общество. К. Динни пишет о том, что в сфере брендинга и маркетинга городов есть множество примеров неработоспособных партнерств, которые были организованы, чтобы создать видимость единства. Они не имели никакого реального влияния или воздействия на внедрение бренд-стратегии [1].

В России, например, проблема состоит в том, что широко распространены опыт «навязывания сверху» без учета мнения горожан и исключая процедуру общественных слушаний. Так же, как короля играет свита, так и бренд города будут разыгрывать, прежде всего, его жители. Бренд города должен стать и их мечтой тоже [3].

Администрация как непосредственная власть зачастую считает себя единственным «владельцем» бренда города, не давая возможности принимать решения двум другим не менее важным акторам – бизнесу и обществу (жителям). Бизнес, не имея ресурса власти и несмотря на финансовое превосходство, принимает участие в брендинге территории только как советчик, и это в лучшем случае. В результате нарастают общественные противоречия.

Ангарск – 88-й по численности город России с населением 230 тыс. человек, расположенный в 114 км от Байкала. Город со дня своего рождения всегда был промышленным гигантом, но никогда не входил в список моногородов. Он в равной степени успешно обеспечивает Восточную Сибирь и Дальний Восток бензином, мороженым, стиральными машинами и инновационными йогуртами. Когда-то Ангарск стал первым городом СССР, перешедшим на пятидневную рабочую неделю. Сегодня Ангарск – это первый город Иркутской области и один из немногих в Восточной Сибири, кто осознанно развивает свой бренд.

Объемное детализированное ТЗ, на основе которого проводился конкурс, не только включало в себя разработку позиционирования и визуализацию, но и предполагало проведение серьезного фронта работ в самом городе: вовлечение жителей в проект, исследование предприятий и общественной жизни города, проведение открытых лекций и разработку программы внедрения бренда. Важным критерием оценки заявок стал имеющийся у компании опыт успешной реализации других аналогичных проектов. Из четырех претендентов была выбрана команда «СитиБрендинг», известная благодаря своей работе с Добрянкой, Урюпинском, Костомукшей и другими городами.

Ангарск – первый город в нашей практике, у которого уже был исторический принятый жителями бренд именно в современном значении этого термина. «Город, рожденный победой» – так уже 65 лет называют Ангарск. В городе есть не только стела с этим слоганом, но и дворец ветеранов «Победа», спортшкола «Победа», новый микрорайон «Победа» и самый боль-

шой музей Ангарска – музей Победы. В связи с этим, выбранный итоговый вариант «Простор для побед» в какой-то степени можно называть ребрендингом, что уникально для российской практики.

Разработка бренда велась в течение семи месяцев и проходила в четыре последовательных этапа: исследования, разработка концепции, визуализация и управление брендом. В ходе исследований поддержку проекту оказали маркетологи и краеведы Ангарска, а также Институт социальных наук Иркутского государственного университета.

В экспертной оценке вариантов концепций участвовали 16 специалистов по территориальному брендингу из Перми, Ярославля, Кирова, Петрозаводска, Минска, Новокузнецка, Чернигова, Санкт-Петербурга и Москвы. На этапе визуализации проекта консультационную поддержку оказывал Сергей Рассказов, основатель Школы шрифтового дизайна в Санкт-Петербурге. Свой вклад в разработку плана по внедрению бренда внесли бренд-менеджеры Добрянки и Урюпинска.

В выбранное позиционирование «Ангарск. Простор для побед» заложено два основных смысла.

1. Широкие возможности для самореализации: Ангарск – отличная площадка для реализации лучших практик и смелых идей как в промышленности и бизнесе, так и в социальной и личной жизни каждого.

2. Удобство жизни: город действительно обладает простором для комфортной повседневной жизни с высокоразвитой социальной инфраструктурой. При этом бренд позиционируется через многогранное восприятие понятия «победа», которое в новом слогане не дает прямой отсылки к Великой Отечественной войне и не сужает таким образом круг возможных ассоциаций.

Ключевые элементы визуального стиля – логотип и паттерн. Шрифтовое решение представляет собой леттеринг и графическую интерпретацию простора – две горизонтальные полосы вокруг названия города. Начертание слогана, с одной стороны, отсылает к советской истории города, с другой стороны, намекает на современное прочтение понятия «победа».

Паттерн создан на основе элементов эклектичной городской среды Ангарска: удивительная коллекция узоров на балконах, декор сталинского ампира, городская мебель времен «города нефтехимиков» в виде бензольных колец и другие элементы. В айдентике используется два цвета: три оттенка зеленого, главного цвета города, и оранжевый, ассоциирующийся у ангарчан напрямую со спортивными победами любимой хоккейной команды «Ермак». Открытый бренд-бук будет доступен на сайте администрации городского округа в начале 2017 г.

В ходе презентации бренда ряд предпринимателей выразили готовность внедрять разработки в свою продукцию. Так, директор музея Победы поделилась планами по созданию маршрута-квеста по элементам городской среды из паттерна, а все отделы администрации получили задание проработать форматы внедрения бренда в рамках своей деятельности.

«Разработка бренда не должна кого-то приводить в эйфорию. Да, мы получили новый современный инструмент для развития, но сегодня сам бренд ничего не стоит. Мы сделали лишь первый шаг. Разработчики бренда уедут, а нам необходимо продолжать внедрять бренд и как идею, и как стиль, который должен присутствовать во всех сферах городской жизни – от ЖКХ до спорта», – уверен Сергей Анатольевич Петров, мэр Ангарского городского округа.

Стоит подчеркнуть, что глава города не являлся ни инициатором, ни конечной инстанцией, имевшей право принимать решения по проекту. Для развития территориального брендинга в России это значимый прецедент: проект разработки бренда Ангарска был инициирован, проработан и воплощен отделом по стратегическому развитию города в рамках нормальной профильной деятельности соответствующего отдела администрации.

Таким образом, только модель социального партнерства способствует укреплению связей между сообществами в период, когда появляется тенденция к их разъединению [4]. *Бренд территории* взаимодействует с разнообразными целевыми аудиториями, наиболее значимыми группами из которых являются инвесторы, посетители (туристы), покупатели товаров и услуг на экспортных рынках, жители территории. Бренд территории предоставляет возможность формирования мультипликативных эффектов на уровне целевых аудиторий: создание ценности для жителей, формирование рынка трудовых ресурсов, реализация инвестиционных проектов, оказание услуг для посетителей территории, в том числе создание туристического продукта территории.

Литература

1. Хоутон Д., Стивенс Э. Брендинг городов и вовлечение стейкхолдеров // Брендинг территорий. Лучшие мировые практики. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013.
2. Ван Гелдер С. Городское бренд-партнерство // Брендинг территорий. Лучшие мировые практики. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013. С. 55–65.
3. Тульчинский Г. Л. Брендинг как фактор позиционирования и продвижения регионов // PR и реклама в системе территориального маркетинга. СПб. : СПбГУ, 2012. С. 138–159.
4. Попова М. В. Маркетинг территории: теоретические подходы // Трансгрессия социокультурного пространства : материалы Всерос. науч. интернет-конф. / под общ. ред. О. А. Эдельштейн, О. А. Полюшкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016. С. 121–127.
5. Попова М. В. Влияние крупных компаний на брендинг территории // Культура и Взрыв: Социальные смыслы в трансформирующемся обществе : материалы Всерос. науч. интернет-конф. / под общ. ред. О. А. Кармадонова, О. А. Полюшкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016. С. 78–81.

ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ УЯЗВИМОСТИ МОНОГОРОДОВ В УСЛОВИЯХ НАРАСТАЮЩИХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УГРОЗ

Анализируются причины повышенной уязвимости моногородов Иркутской области и связанных с этим повышенных рисков национальной безопасности в целом. Представлен спектральный обзор социально-экономических, производственных причин уязвимости как с точки зрения перспективного развития территорий, так и позиций сегодняшнего положения дел в моногородах Сибири. Акцентируется внимание на необходимости детального изучения рисков в контексте нарастающих угроз.

Ключевые слова: моногород, социально-экономические угрозы, риски, уязвимость, Иркутская область.

В условиях нарастающей социально-экономической напряженности в Сибири следует наиболее пристально рассмотреть проблемы монопрофильных поселений, поскольку более половины региона относится к такой категории городов и сел. Именно они оказывают существенное влияние на воспроизводства всей страны, и формирует львиную долю производственных мощностей. Остановимся более детально на причинах повышенной уязвимости моногородов в условиях социально-экономической нестабильности.

Во-первых, рост миграции из моногородов в более оживленные и многопрофильные города Сибири, а также города западной части России. Свидетельством миграции является то обстоятельство, что за последние годы численность г. Байкальска, г. Железногорска-Илимский, г. Шелехов сократилась на 7–10 %, подобное положение дел усугубляет проблемы демографии и привлечения высококвалифицированных специалистов для развития промышленности региона. Кроме того, отсутствие достаточного количества социально активного населения препятствует возрождению и ревитализации моногородов в социокультурном направлении. Наблюдается сокращение объектов культурной сферы (музеи, библиотеки, дома творчества и т. д.) особенно в северных моногородах Иркутской области. Данный системный кризис кроется в неэффективности и низкой конкурентоспособности градообразующих предприятий.

Во-вторых, узкая специализация этих (градообразующих) предприятий. Незначительные колебания на мировом и российском рынке ресурсов, введение экономических санкций, нестабильность курса валют и другие экономические факторы влекут на собой угрозу устойчивости предприятия и моногорода в целом. Примером тому может выступать кризис 2008–2009 гг., в то время уровень безработицы в России составлял 7–9 %, в моногородах же Иркутской области безработица достигала показателя 35 % населения. Экономическая изменчивость неминуемо влечет за собой рост преступности и развитие теневого бизнеса на данных территориях, что, безусловно, подрывает и безопасность всей страны.

В-третьих, уязвимость моногородов в условиях нестабильности обусловлена отсутствием на протяжении многих лет систематической политики по предотвращению критических ситуаций. Проблематика монопрофильности и градообразующих предприятий долгое время не была в фокусе внимания органов государственной власти и органов местного самоуправления (так, на сегодняшний день нет четкого законодательного определения «моногород», тем не менее, данная терминология встречается в ряде нормативно-правовых актов и постановлениях правительства исключительно сквозь призму градообразующего предприятия в случае его продажи или при угрозе банкротства). Вопросы социальной поддержки моногородов возникают лишь в условиях, когда градообразующее предприятие закрывается или находится на грани закрытия. Наиболее ярким доказательством – явилась территория г. Байкальска, где на сегодняшний день уровень безработицы зафиксирован на уровне 47 % трудоспособного населения. Территория Иркутской области в своем составе не имеет моногородов – наукоградов, которые в соответствии с постановлением Правительства получают социальную поддержку на постоянной основе, поэтому проаннотировать эффективность данной меры социологическим путем пока не представляется возможным.

Следует также отметить, что львиная доля моногородов Иркутской области сосредоточена на ее севере, как правило, в районах, приравненных к районам Крайнего севера, и все градообразующие предприятия этих территорий носят добывающий, а не перерабатывающий или технологический характер. Из этого следует, что полипрофилировать данные предприятия и снизить монопрофильность городской среды невозможно. Поэтому требуется выработка комплекса мер государственной поддержки в отношении современных моногородов российского севера.

Из анализа результатов социологических исследований, можно сделать вывод о том, что важнейшей причиной уязвимости моногородов является невстраиваемость такой территории в структуру социально-производственного комплекса страны. С одной стороны, градообразующие предприятия, пока они эффективны и привлекательны в качестве источника ресурсов и налогов необходимы региональным и федеральным властям, поддержка таким моногородам не выделяется и не планируется выделяться. С другой стороны, градообразующие предприятия становятся обузой в условиях нестабильности, кризиса или банкротства вместе с моногородом и жителями, специализирующимися на выработке одного продукта.

Четвертая причина уязвимости моногородов – отсутствие действенной комплексной программы по инвестиционной поддержке. Привлечение иностранных инвестиций для градообразующих предприятий в современных условиях недопустимо, поскольку влечет за собой угрозу национальной безопасности, поэтому на сегодняшний день речь стоит о поиске путей решения проблем градообразующих предприятий через внутригосударственные рычаги. Анализ инвестиций в моногорода Иркутской области

показал парадоксальную картину – суммы, привлеченные в моногорода, в большинстве своем направлены на оказание помощи по переселению из территории монопрофильного поселения.

Наконец, отсутствие долгосрочных мер по решению перспективных проблем моногородов. Меры органов государственной власти и местного самоуправления имеют краткосрочный характер, лишь временно разрешают нестабильную ситуацию. Кроме того, если государством и принимаются меры по стабилизации ситуации в моногородах, то, как правило, речь идет в крупных поселениях, с населением не менее 50 тыс. человек. Внимание к моногородам Иркутской области возникает лишь в свете открытия новых месторождений или угрозами сбалансированности добычи и переработки ресурсов (в частности особо остро проблема обстоит с лесопромышленным комплексом). На сегодняшний день вопрос о подготовке перспективных кадров для развития градообразующих предприятий севера, о разработке целевых программ поддержки моногородов Иркутской области не ставится. Действующие государственные программы субсидий и дотаций градообразующим предприятиям лишь частично компенсирует негативные последствия, не формируют фундаментальных оснований для решения проблем в целом.

Таким образом, изучение комплекса взаимосвязанных рисков уязвимости моногородов, важно не только для обеспечения национальной безопасности, но и, главным образом, для ревитализации деятельности моногородов, требует детализированного подхода. Для поиска оптимальных решений проблем моногородов необходима четкая систематизация структурно-производственных рискообразующих факторов.

УДК 316.334.2(571.53)

Гусельникова Т. О.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ УГРОЗ
(НА ПРИМЕРЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Рассматривается экономическая безопасность в условиях современных угроз.

Ключевые слова: экономическая безопасность, стабильность общества, угрозы.

Данная тема приобрела популярность в 90-х гг. XX в. при переходе к рыночным отношениям. Данный процесс был обусловлен падением старых институтов и формированием совершенно новых, которые в корне отличались. В данный период остро встал вопрос об экономической безопасности страны. Данное понятие включает в себя: гарантию независимости страны, правовую обеспеченность и стабильность общества, защиту от коррупционных составляющих, устойчивую способность государства обеспечить ре-

сурсами граждан и умение реализовать имеющиеся богатства с целью дальнейшего развития не только самой экономики, но и других сфер жизни. Экономическая безопасность является одним из важнейших критериев развития государства.

Возникновение угроз экономической безопасности связано с отставшим развитием промышленного кластера в стране (отдельные регионы как составляющие), низким уровнем конкурентоспособности отечественных товаров и услуг, распадом фундаментальных отраслей промышленности: тяжелой, легкой, пищевой, падением престижа сельского хозяйства, а также бурным ростом предприятий, ведущих теневой бизнес.

Подтверждение можно найти при оценке статистических данных Росстата по вопросам уровня бедности россиян. Так, уровень бедности в России достиг своего максимума в 2008 г., а в 2013 г. доход ниже прожиточного минимума был у 12,5 млн чел., т. е. у 9 % населения, в 2014 г. – у 19,8 млн чел., т. е. у 14 %. В 2015 г. этот показатель достиг 16 % (без учета сведений по Крыму и Севастополю) [3]. Анализируя эти показатели, можно понять, что с 2013 г. произошел почти двукратный рост числа граждан с доходами ниже прожиточного минимума. Причины – повышение потребительских цен и, как следствие, прожиточного минимума. Если в первом квартале 2014 г., по официальным данным, можно было прожить на 7688 руб., то год спустя требовалось уже 9662 руб. [2]. Данный факт относится к возрастанию угроз в сфере экономической безопасности.

Каждый регион является составляющим звеном единой экономики страны. Иркутская область до 1990-х гг. была знаменита, благодаря своим предприятиям (известны заводы огнеупорных изделий и белково-витаминных концентратов, зиминские канифольный и гидролизный, иркутские машиностроительные заводы: «Радиян», радиозавод, «Эталон», карданных валов, станкостроительный. Не работают значительная часть заводов железобетонных изделий и швейных фабрик, Усольский и Иркутский кожевенные заводы, Тайшетский мясокомбинат, чаеразвесочная фабрика. Большое количество предприятий во многих отраслях буквально ведет борьбу за выживание, многократно снизив производства продукции. Среди них крупные Иркутский релейный завод, братский «Сибтепломаш», Черемховский машиностроительный, Ангарский электромеханический, Тулунский стекольный, Хайтинский фарфоровый, Усольский химико-фармацевтический комбинат). В свете последних событий в иркутске прекратил свою работу один из крупнейших заводов по изготовлению мясной продукции «Иркутский мясокомбинат», на котором было занято около 1 тыс. человек. Активно продолжают свое развитие и преумножают результаты деятельности предприятия в отрасли нефтедобычи и переработки, газовой промышленности, а также тяжелого машиностроения.

Всего по Иркутской области зарегистрировано 65 133 предприятия на 2016 г. Самыми многочисленными являются: оптовая торговля (11 368 предприятий), строительство – 6745 организаций, в сфере промышленно-

сти 5682 предприятия, обрабатывающие производства – 4734 единицы [3]. Численность таких отраслей как добыча полезных ископаемых, страхование, производство и распределение электроэнергии, газа сокращаются и на рынке перестает существовать конкуренция, необходимая для нормального функционирования. Это можно проследить на примере страховых компаний, которые монополизировались на рынке услуг в регионе, а это привело к повышению цен, несвоевременным выплатам по отношению к гражданам. Также монополизация, сокращение предприятий уменьшают возможность входа в данной предприятие (трудоустройства), что приводит к старению кадров. Ведь для нормального функционирования предприятия требуется набор молодых специалистов.

Целью обеспечения экономической безопасности предприятия является ограждение его собственности и сотрудников от источников внешних и внутренних угроз безопасности, предотвращение причин и условий, порождающих их.

Следует отметить, что сегодня не все руководители предприятий готовы в полной мере оценить необходимость создания надежной системы экономической безопасности. Особенно же сложно бывает определить конкретные действия, необходимые для защиты тех или иных жизненно важных ресурсов. Вследствие этого, многие руководители ограничиваются созданием на предприятии охранных структур, почти полностью, исключая из арсенала организационно-технические и правовые методы, средства и способы защиты информации.

Меры обеспечения сохранности информации на отдельном предприятии могут быть различны по масштабам и формам и зависеть от производственных, финансовых и иных возможностей предприятия, от количества и качества охраняемых секретов. При этом выбор таких мер необходимо осуществлять, исходя их принципа разумной достаточности, придерживаясь в финансовых расчетах «золотой середины», так как чрезмерное закрытие информации, так же как и халатное отношение к ее сохранению, могут вызвать потерю определенной доли прибыли или привести к серьезным убыткам.

Итак, обеспечение экономической безопасности объекта представляет собой единый организационно-технический комплекс, в ходе формирования которого разрабатывается концепция обеспечения безопасности объекта или политика безопасности. Ее основу составляет перечень обязательных мероприятий, направленных на выработку плана действий по защите объекта: определение состава службы безопасности, ее место в организационной структуре предприятия, сфера ее компетенции, права и полномочия, варианты действий в различных ситуациях во избежание конфликтов между подразделениями. Их подоплека обычно лежит как раз в том, что многие считают требования, предъявляемые службой безопасности, необоснованно завышенными либо из-за того, что служба безопасности «везде сует свой нос». Соблюдение вышеизложенных условий позволит ликвидировать почву для подобных ситуаций или разрешать их быстро и безбо-

лезненно. Политика экономической безопасности определяет правильный с точки зрения организации способ использования коммуникационных и вычислительных ресурсов, правила доступа на объект, правила обращения с конфиденциальной информацией, а также процедуры предотвращения нарушений режима безопасности и реагирования на них.

Литература

1. Васильев Г. А., Халикова Э. А. Экономическая безопасность предприятия в современных условиях // Экономика и современный менеджмент: теория и практика : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск : СибАК, 2011.
2. Варюха А. О., Сурженко Л. В. Современные угрозы экономической безопасности России // Молодой ученый. 2016. № 8. С. 3–5.
3. Трудовые ресурсы региона [Электронный ресурс] // Федер. служба гос. стат. по Иркут. обл. URL: <http://irkutskstat.gks.ru/> (дата обращения : 10.02.2017).

УДК 316.334.2

Скуденков Е. В.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ НАСЕЛЕНИЯ

Рассматривается проблема экономических притязаний разных социальных групп. Также исследуется роль экономического кризиса в изменении уровня социального самочувствия населения в общественном воспроизводстве, рассматриваются причины и последствия изменений социального самочувствия населения в экономическом и социальном аспектах.

Ключевые слова: экономический кризис, экономические притязания, социальное самочувствие, население

Проблема экономических притязаний разных социальных групп в настоящее время стоит очень остро в силу возрастания «общественной нагрузки на личности», общественного влияния, значимости «социальности» человека в разных формах ее отражения, а также усложнения общей системы социальной стратификации. Выделяют несколько причин, в силу которых проблема экономических притязаний разных социальных групп приобретает больший интерес: качество жизни становится важнее, чем показатели экономического процветания; личное счастье становится более важным из-за нарастающей тенденции к индивидуализму; разработан ряд методов измерения экономических притязаний, благодаря которым эта область смогла превратиться в серьезную и признанную научную дисциплину.

Экономические притязания разных социальных групп включают социально-нормативные ценностные установки, реализация которых предопределена совокупностью условий социализации, как в субъективном, так и в объективном планах, равно как и реализацию потребностей (в том числе связанных с психическим и соматическим здоровьем личности), также имеющих социальный контекст, глобальную оценку своего существования на основе соотнесения частных и обобщенных представлений о своей жиз-

ни и самореализации в ней с «эталонными представлениями», усвоенными в процессе социализации [1].

Различные аспекты экономических притязаний разных социальных групп редко выступали предметом психологического исследования. Исследователи разных областей науки отмечали факты, относящиеся к переживанию экономических притязаний конкретным индивидом, большей частью обращаясь к его состояниям. В настоящее время на передний план выносятся необходимость анализа личностных, социокультурных, социально-психологических основ экономических притязаний, поскольку оно зависит от взаимодействия и взаимовлияния целого комплекса различных внутренних и внешних составляющих. На этом фоне выделяется несколько работ В. А. Скуденкова [2, 3, 4, 5].

Экономические притязания в социально-экономической дифференциации, неравенства разных регионов и групп населения современной России отражают не только актуальные вопросы современного общества, но и непосредственно связаны с проблемами благосостояния каждого ее жителя. Анализ экономических притязаний не будет полным без изучения ментальных репрезентаций (социальных представлений), описывающих и объясняющих субъективные ощущения экономической дифференциации различных категорий социальных субъектов.

Цель данной статьи показать, как экономический кризис повлиял на социальное самочувствие населения (на примере представителей бизнеса и государственных служащих).

Среди представителей бизнеса после кризиса 2014 г. стали появляться ранее присущие только государственным служащим экономические притязания, например: «*своя квартира*», правда, все же есть уточнение, где расположена и кому принадлежит, «*отсутствие кредитов*», как форма стабильности, «*достойная жизнь*» – в виде хорошей машины, квартиры, дачи. Также появились новые формы социальных притязаний в виде «*заботы о работниках*», «*ответственности за жизнь сотрудников*», «*понимания того, что сейчас трудно выживать всем*» и т. д.

Для более наглядного анализа результатов исследования использован факторный анализ, выполненный методом главных компонентов. Результаты представлены в таблице. Как видим, выделено три фактора. По первому фактору (профессия) значимые веса получили различные показатели у представителей государственной службы и бизнеса. Государственные служащие: тревожность, эмоциональность, низкий уровень притязаний. Бизнес: уверенность, стресс и высокий уровень притязаний. С возрастом данные показатели усиливаются. И также имеют взаимосвязь с уровнем дохода, чем он выше, тем более высокие экономические притязания, но при этом высока и тревожность и стресс.

Благоприятное сочетание анализируемых конструкторов сопровождается самопрятием и комфортом в эмоциональной сфере, в то время как их дивергенция сопряжена с ростом личностной тревожности, агрессивности,

изменением типа реакции на фрустрацию. Нереализованные экономические притязания могут стать одним из факторов риска возникновения психосоматических заболеваний.

Таблица

Итоговые данные факторного анализа

Показатели	Факторы							
	Профессия		Возраст			Уровень дохода		
	ГС	Б	18–28 лет	29–45 лет	45 и старше	До 30 000	До 90 000	Свыше 90 000
Уверенность	-0,033	0,771	0,145	0,198	0,144	0,053	0,535	0,675
Тревожность	0,565	0,583	0,243	0,486	0,545	0,275	0,638	0,786
Эмоциональность	0,855	0,366	0,644	0,526	0,257	0,535	0,395	0,475
Импульсивность	-0,254	-0,306	0,549	0,643	0,308	0,436	0,475	0,236
Возбудимость	-0,265	-0,546	0,225	-0,258	0,398	0,188	0,242	0,335
Стресс	0,053	0,723	0,331	0,864	0,675	0,547	0,666	0,869
Высокий уровень притязаний	0,133	0,833	0,689	0,337	0,274	0,437	0,564	0,797
Низкий уровень притязаний	0,265	-0,002	0,008	0,242	0,432	0,023	0,135	0,199

Примечание: ГС – государственные служащие, Б – бизнес.

Представители двух рассматриваемых нами социально-экономических групп имеют разные представления о характеристиках, причинах и символах бедности и богатства.

В исследовании выявлено, что с позиций социального конструктивизма, мы используем собственность других людей для определения их социального положения и оценки их личностной идентичности. Если мы принимаем, что на первые впечатления о человеке значительное влияние оказывает его материальное положение, то мы не можем сомневаться в глубоком воздействии материальных факторов на наше восприятие других людей. По всей видимости, эти первые впечатления формируются до начала любого взаимодействия или коммуникации. На этот процесс влияют символы бедности и богатства, заложенные в социальном устройстве.

Мы не должны недооценивать влияние материальных символов на социальное познание и потенциальные последствия такого влияния. Во-первых, растущее число поверхностных, безличных контактов становится общепринятой формой взаимодействия, характерной для урбанистической среды современности. Во-вторых, такие первые стереотипные впечатления могут затем влиять на последующие взаимодействия и формировать их, становясь, таким образом, «последними» впечатлениями. Они могут даже привести поведение человека в соответствие с имеющимися ожиданиями – стереотипы оценки богатых и бедных людей являются самоисполняющимися пророчествами. Именно поэтому, у представителей бизнеса есть убеждение что они могут стать по настоящему богатыми людьми, и у нас есть все аргументы, чтобы считать что так оно и будет. А представители государственной службы не видят в себе потенциала и возможностей стать богатыми людьми, поэтому навряд ли это случиться с ними.

Представители бизнеса полагают, что богатство сопровождается интеллектом, успехом, мотивированностью, контролем над собой и силой. Представители государственной службы полагают, что богатство – это результат везения, удачи, влияния семейных или социальных связей.

Представители бизнеса подчеркивают, что между «тем, что мы имеем» и «тем, кто мы есть» может быть большая пропасть. Материальные символы богатства для них не всегда означает, что перед ними богатый человек. В силу того, что они чаще взаимодействуют с заемными средствами, крупными суммами денег, не означающими личное обогащение. Владеть деньгами и управлять ими – это разные вещи. Но это понимание не всегда доступно для государственных служащих, они судят о богатых со страниц СМИ, либо вообще не воспринимают информацию, так как считают ее не реальной. При этом, именно для государственных служащих характерны индивидуально разделяемые «материалистические» ценности влияют на восприятие другого человека лишь в незначительной степени. Точнее, «материализм» как ценностная ориентация работает как усилитель: он ведет к тому, что при оценке личностных качеств людей разных рангов в социально-экономической лестнице опора на доминирующие представления или стереотипы относительного богатства становится более сильной.

Социально разделяемые понятия могут быть осмыслены как доминирующие представления, поскольку они, по-видимому, имеют идеологические компоненты: богатые индивиды изображаются в позитивном и приукрашенном свете (как более умные, напористые и контролирующие ситуацию). Представления о богатстве содержат также и противоречивые элементы (впечатления о сердечности и экспрессивности характерны для бедных индивидов), однако они также могут быть идеологически интерпретированы.

Можно заключить (хотя и умозрительно), что доминирующие, идеологически нагруженные представления о неравном распределении богатства являются социетальными и основаны на здравом смысле: богатые и бедные составляют различные типы людей, обладающие различными личностными качествами. На этих представлениях основаны и причинные объяснения социального неравенства, и социальная перцепция людей, стоящих на различных уровнях социально-экономической иерархии. Субъективная ценность денег связана с характером потребления и удовлетворением потребителей. Деньги могут рассматриваться как показатель социальной адекватности и ценности человека для общества.

Результаты проведенного исследования обнаруживают неоднозначную картину. Государственные служащие не могут не рефлексировать своего положения по относительному уровню благосостояния в современной российской стратификации доходов населения, в которой они находятся на среднем или чуть ниже среднего уровне. Однако их эмоциональное самощущение (счастье) и удовлетворенность материальным положением фиксируются на уровне немного выше среднего. Социальные представления о бедности нейтральны или оправдательны. Бедность как явление им доста-

точно близко в силу личных или профессиональных контактов, они и себя соотносят с бедными людьми, но все же полагают, что лично у них – не все так плохо, находя оправдание, что «бедность это не порок», «деньги это не главное» и т. д. Психологическая дистанция с бедными людьми у них минимальна. И равно обратная картина с богатыми людьми – для них богатые – зарытая область, нет ни эмпатии, ни понимания кто они и как живут. Максимальная разорванность представлений и реальности.

Для представителей бизнеса бедность – это личное поражение, личная неспособность справиться с трудностями. Они резко негативно оценивают как бедность вообще, так и бедных людей. Богатых людей они оценивают положительно и позитивно, уровень психологической дистанции стараются уменьшить, все стремления нацелены на вхождение в круг богатых. Видна разная оценка экономических притязаний в двух рассматриваемых группах. Причины не одинаковой оценки: различные условия профессиональной деятельности, а вместе с тем и системы мировоззрения.

Но общая составляющая – экономические санкции, ведение против России внесли серьезный вклад в изменение притязаний всех групп общества, особенно это видно по представителям бизнеса. Экономические притязания последних существенно понизились, тогда как у государственных служащих лишь немного изменились. Представители бизнеса рационально понимают и реально ощущают влияние санкций и соответственно, подстраиваются и адаптируются под новые условия из-за большой зависимости от них. Государственные служащие менее адаптивны, но и внешние санкции на них меньше влияют.

Литература

1. Полюшкевич О. А. Солидарность поколений : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. 160 с.
2. Скуденков В. А. Экономические притязания россиян в период санкций против России // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Владивосток : ДВФУ, 2016. С. 120–126.
3. Скуденков В. А. Оценка социально-экономических трансформаций, представителями различных поколений // Культура и взрыв: социальные смыслы в эпоху перемен : материалы Всерос. науч.-практ. интернет-конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016. С. 144–149.
4. Скуденков В. А. Трансформация экономических притязаний студенческой молодежи // Общество и социология в современной России : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. XX годовщине празднования Дня социолога в Российской Федерации / Ин-т соц.-экон. развития территорий РАН ; Ин-т социологии РАН ; Ин-т соц.-полит. исслед. РАН ; Правительство Вологод. обл. 2015. С. 81–83.
5. Скуденков В. А. Экономические притязания государственных служащих и представителей бизнеса // Консолидация российского общества: ресурсы, преграды, перспективы : материалы Всерос. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. С. 115–120.

КАТЕГОРИЯ «ЛИЧНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ» ДЛЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В РОССИИ

Статья посвящена анализу категории «личная экономическая безопасность», ее значению для студенческой молодежи в России.

Ключевые слова: молодежь, безопасность, личная экономическая безопасность.

С момента своего появления на Земле человеческая цивилизация живет в окружении постоянных угроз, исходящих извне и существующих внутри его сообщества. Поэтому безопасность занимает важное место в жизнедеятельности человека и общества. Безопасность не существует сама по себе, изолированно от общей человеческой жизнедеятельности. Она тесно связана со всеми сторонами жизни общества, основополагающей задачей которого является самосохранение и развитие.

Понятие безопасности в широком смысле подразумевает под собой отсутствие какого-либо риска, реализация которого влечет за собой негативные последствия (вред) в отношении объекта. В Законе РФ «О безопасности» от 5 марта 1992 г. безопасность определяется как состояние защищенности жизненно важных интересов отдельной личности, общества в целом и государства от различных внешних и внутренних угроз. Здесь же дается определение жизненно важных интересов – совокупность потребностей, удовлетворение которых обеспечивает существование и возможности развития личности, общества и государства. Условия и факторы, которые представляют опасность для жизненно важных интересов индивидуумов, общества и государства называются угроза безопасности [2].

Основными объектами безопасности являются права и свободы личности, общество со своими ценностями и государство. В России Конституцией РФ прописаны следующие виды безопасности: общественная безопасность и государственная [1]. Главным интегрирующим видом безопасности является национальная безопасность, важнейшими элементами которой являются экономическая и информационная безопасность, так как экономические и информационные процессы сопровождают весь процесс государственного управления в широком и узком смысле.

Стратегия национальной безопасности РФ представляет собой систему взглядов на обеспечение в России безопасности всех объектов и их жизненно важных интересов от внешних и внутренних угроз. В данной Стратегии национальная безопасность определяется как безопасность многонационального народа России как носителя суверенитета и единственного источника власти в РФ. Национальные интересы России представляют собой совокупность интересов личности, общества и государства во всех сферах жизнедеятельности [3]. Главными принципами обеспечения безопасности являются законность, соблюдение баланса между жизненно

важными интересами личности, общества и государства, взаимная ответственность всех объектов безопасности между собой.

Рассмотрим более подробно категорию «личной экономической безопасности» и ее значение для студенческой молодежи в России.

Каждый человек, достигнув определенного возраста, должен уметь планировать свой личный бюджет, уметь создавать сбережения, ориентироваться в сложных финансовых продуктах, уметь грамотно использовать накопительные и страховые инструменты. Под таким возрастом мы понимаем молодежь. Ведь именно она является перспективным сегментом пользователей финансовых услуг.

Экономическая безопасность личности является важнейшей составной частью жизнедеятельности любого человека, несмотря на уровень его личного благосостояния или даже богатства и места в обществе и государстве. Экономическая безопасность личности определяется как состояние, при котором гарантированы условия защиты жизненных интересов личности, обеспечиваются социальное развитие и социальная защищенность личности.

В современном мире возрастает роль финансовых институтов, финансовых продуктов и финансовых инструментов. Молодежь как самая мобильная часть населения является активным потребителем финансовых продуктов и услуг, что влечет за собой повышенный риск.

В 2009 г. Национальным агентством финансовых исследований в партнерстве с Центром исследований платежных систем и расчетов и группой компаний Центр финансовых расчетов, а также при методической поддержке ЦБ РФ было проведено исследование среди студентов вузов России. В опросе приняло участие 4794 студента из 17 городов России. Целью данного исследования было оценка уровня финансовой грамотности студентов и их отношение к изучению основ финансовой грамотности на базе вузов. Анкета включала в себя тестовые вопросы, измеряющие уровень финансовой грамотности и вопросы, направленные на выявление самооценки студентом своего уровня финансовой грамотности. Данное исследование выявило высокий уровень использования финансовых услуг среди студентов (84 %). На первом месте среди финансовых услуг, которыми пользуются студенты, стоит банковские карты, на втором полисы страхования и на третьем месте банковские счета. Около половины студентов (45 %) оценили уровень своих навыков и знаний в плане финансов на хорошем и отличном уровне (субъективная оценка). По объективной оценке почти треть опрошенных ответили правильно более чем на 10 вопрос из 26, входящих в индекс финансовой грамотности.

Большая часть студентов (71 %) выразили желание и готовность в получении дополнительных знаний по управлению личным бюджетом и повышению уровня знаний в сфере финансов. 27 % опрошенных студентов считают достаточным уже имеющихся у них знаний в данной сфере. Каждый десятый опрошенный студент отметил, что за последний год им была

приобретена финансовая услуга, о которой студент впоследствии сожалел. Чаще всего такими услугами были: потребительские кредиты (22 %), банковские вклады (17 %) и банковские кредитные карты (15 %). Стоит отметить, что почти половина (45 %) из этих студентов не предприняли никаких действия для разрешения проблемы [2].

Резюмируя все вышесказанное, мы видим, что молодежь является достаточно уязвимой группой населения в сфере потребления и использования финансовых услуг и продуктов. Низкий уровень финансовой грамотности и недостаточное понимание в области личных финансов может привести не только к банкротству, но и к неграмотному планированию выхода на пенсию, уязвимости к финансовым мошенничествам, чрезмерным долгам и социальным проблемам, включая депрессию и прочие личные проблемы [4].

Молодежь является движущей силой государства. Поэтому нужно понимать всю важность финансового просвещения молодых людей. Повышение уровня финансового образования молодежи способствует принятию грамотных решений, минимизирует риски и, тем самым, способно повысить финансовую безопасность молодежи.

Литература

1. Данилова Т. В. Основные направления повышения финансовой грамотности населения в РФ. СПб. : СПб НИУ ИТМО. 2012. С. 3–4.
2. Кузина О. Е. Финансовая грамотность молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2009. № 92. С. 157–177.
3. Россия занимает 25-е место по уровню финансовой грамотности в мире [Электронный ресурс] // Национал. агентство фин. исслед. URL: <http://nacfin.ru/rossiya-zanimaet-25-e-mesto-po-urovnyu-finansovoj-gramotnosti-v-mire/> (дата обращения: 14.02.2017).
4. Стахович Л. В. Необходимость повышения финансовой грамотности молодежи как важнейший приоритет государственной политики [Электронный ресурс] // Дети и молодежь : интернет-конф. URL: <http://www.kirillmefodiy.ru/publ/9-1-0-4> (дата обращения: 14.02.2017).

УДК 339.137+339.138

Борисова Ю. В.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ВЛИЯНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ТЕРРИТОРИИ НА ЕЕ МАРКЕТИНГОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Анализируется влияние конкурентоспособности территории на ее маркетинговый потенциал. Исследуются формы и механизмы позиционирования территории, способы изучения ее сильных и слабых сторон, динамика социальной активности и развития.

Ключевые слова: конкурентоспособность, маркетинг, маркетинговый потенциал, территория, развитие.

Интерес к исследованиям в области конкурентоспособности территории связан, прежде всего, с выходом российских регионов на мировые рынки, что повлекло за собой поиск наиболее выгодных сфер применения

материальных и нематериальных ресурсов, формирование рыночной привлекательности территории, ее имиджа. Разработка стратегических направлений на уровне государства не возможна без сбалансированности региональных и отраслевых стратегий, крупных межрегиональных проектов, программ территориального планирования в муниципальных образованиях.

В свою очередь, формирование территориальных стратегий базируется на маркетинговом исследовании территории, что требует комплексного анализа целого ряда социально-экономических проблем, внутрирегиональных интересов и потребностей, оценки возможностей территории и их удовлетворения. Поэтому основной задачей маркетинга региона является создание лучших по сравнению с другими территориями конкурентных преимуществ [6].

В связи с этим резко встает вопрос об оценке маркетингового потенциала, позволяющего определять те возможности для повышения качества жизни потребителей, которыми территория обладает, обнаруживать скрытые резервы и формировать тот потенциал, которым регион способен обладать в стратегической перспективе.

На сегодняшний день маркетинговый потенциал территории остается недооцененным и незадействованным. Возрастание его значимости в стратегическом управлении региона обуславливают актуальность выбранной темы исследования [1].

В ходе исследования влияния конкурентоспособности на маркетинговый потенциал муниципалитетов было изучено и уточнено основное содержание маркетингового потенциала в стратегическом управлении муниципальными образованиями как экономической категории, которая проявляется в формировании конкурентной позиции региона, способствующей максимально удовлетворять потребности территории в товарах и услугах в процессе социально экономических отношений при ее стратегическом развитии в интересах проживающего населения.

Политика формирования, сохранения и развития маркетингового потенциала муниципалитета должна строиться с учетом особенностей и отношений, возникающих как между отдельными системами, организациями, предприятиями, районами, как и между ними и управленческим аппаратом территории, отраслями народного хозяйства. Структура маркетингового потенциала, находящегося в тесной взаимосвязи с конкурентоспособностью территории, должна включать составляющие потенциала по приоритетным направлениям и систему индикаторов анализа, дающие возможность оценивать маркетинговый потенциал с позиции конкурентоспособности территории. Инструментарий формирования МПТ представляет собой совокупность инструментов управленческого воздействия (методик, методов, алгоритмов и моделей) на процесс устойчивого регионального развития, применяемых органами регионального управления для достижения стратегических целей и приоритетов развития. Сущность инструментария управления маркетинговыми системами распределения – это использование всех передовых концепций и методов в области маркетинга [2].

В работе выделен следующий спектр задач в управлении маркетинговым потенциалом:

1. Целеполагание: разработка целей МПТ, согласованных с задачами территориального маркетинга;
2. Анализ и оценка МПТ его соответствия поставленным территории целям;
3. Прогнозирование: перспективы развития МПТ;
4. Реализация стратегических задач на основе МПТ.
5. Эффективность МПТ по достижимости поставленных задач.

Проведен анализ специфики деятельности ГП Белореченского МО. Исследованы основные социально-экономические показатели муниципального образования, выявлены преимущества и недостатки в его развитии. Итоги социально-экономического развития городского поселения Белореченского муниципального образования и реализации программы его социально-экономического развития свидетельствуют о том, что в целом социально-экономическое развитие поселения носит поступательный характер с преобладанием позитивных тенденций [4].

В рамках практического исследования влияния конкурентоспособности на маркетинговый потенциал территории было проведено исследование маркетингового потенциала ГП Белореченского МО, выявлено, что, несмотря на то, что Белореченское муниципальное образование отличается от других муниципальных Усольского района наличием бездефицитного бюджета, благодаря стабильной работе градообразующих предприятий сельскохозяйственного комплекса и широкой сетью учреждений социальной сферы, современное состояние поселка Белореченский отягощено рядом проблем социально-экономического характера [3]:

- дефицит мест в детских дошкольных учреждениях;
- нехватка жилья для обеспечения нуждающихся по договорам социального найма;
- недостаточность строительства малоэтажного индивидуального и многоэтажного жилья;
- загрязнение территорий, прилегающих к поселку, отходами производства и ТБО;
- ограниченное количество рабочих мест на градообразующих предприятиях и в учреждениях социальной сферы, что приводит к трудовой миграции, оттоку трудоспособного населения;
- высокий процент износа инженерных коммуникаций.

Сделаны выводы о том, что для разрешения этих проблем необходимо поставить следующие цели:

- устойчивое экономическое развитие на основе рационального использования имеющегося потенциала;
- повышение благосостояния и обеспечение благоприятных условий жизни населения;
- территориальное развитие поселения.

В ходе исследования установлено, что несмотря на заметное наличие ряда социально-экономических проблем, ГП Белореченского МО сохраняет конкурентные преимущества, реализация этих преимуществ и преодоление влияния негативных факторов, повышение конкурентоспособности (в том числе – инвестиционной привлекательности) муниципального образования – главное условие решения ключевой задачи – роста уровня и качества жизни населения на основе инновационной модели экономического роста.

В исследовании определено, что к возможным перспективам развития муниципального маркетинга Белореченского МО следует отнести финансовую поддержку развития предпринимательства, поднятие уровня конкурентоспособности малых предприятий, повышение кадрового потенциала, отработку эффективных схем интеграции с крупными промышленными корпорациями и естественными монополиями и т. д.

Основным стратегическим направлением, ведущим к развитию конкурентоспособности данной территории, является развитие диверсифицированной экономики за счет существенного увеличения объема привлеченных инвестиций, в первую очередь, в промышленности, а также сбалансированный рост на основе развития сельского хозяйства, транспортно-логистического комплекса, строительного комплекса.

В рамках разработки предложений по совершенствованию маркетингового потенциала ГП Белореченского МО необходимы инструменты и механизмы, позволяющие развивать маркетинговый потенциал данной территории.

В данной связи предложены варианты организации муниципального маркетингового центра в ГП Белореченский МО: 1) структурное подразделение при Администрации МО; 2) самостоятельная структура (например, ЗАО, ОАО и т. д.) с участием органов местного самоуправления; 3) независимая, но пользующаяся поддержкой Администрации МО, организация.

Кроме того, возможны также последовательное и целенаправленное превращение информационно-аналитических структур, пресс-центров, отделов по связям с общественностью в комплексные маркетинговые службы МО.

Разработаны основные направления деятельности такого центра [5]:

1) создание и развитие банка муниципальных информационных ресурсов, предоставление информационных и консультативных маркетинговых услуг в соответствии с нуждами и запросами социально-экономических субъектов МО;

2) организация, проведение и координация маркетинговых исследований;

3) анализ законодательной базы по вопросам маркетинга, мониторинг ее соблюдения и выработка рекомендаций по ее использованию;

4) реализация маркетингового подхода в форме предложений, рекомендаций и проектов, способствующих его развитию в управлении;

5) выпуск информационно-рекламных материалов;

6) разработка и реализация программ формирования и улучшения имиджа МО в целом;

7) осуществление коммуникационной деятельности с целью повышения для внешних субъектов-потребителей привлекательности сосредоточенных в МО природных, материально-технических, финансовых, трудовых, организационных, социальных и других ресурсов, а также возможностей ГП Белореченского МО по реализации и воспроизводства таких ресурсов;

8) распространение и развитие в МО маркетингового образования и опыта;

9) осуществление маркетинга идей по решению актуальных проблем развития МО, его рыночной и социальной инфраструктуры и т. п.;

10) проведение антимакетинга социально непрестижных для МО товаров и идей.

Предложено, что для реализации основных направлений деятельности муниципального маркетинга по решению Администрации МО может сформироваться постоянно действующий Маркетинговый муниципальный центр (далее – ММЦ), как независимое консультативное подразделение. Основная задача ММЦ – выработка концепции маркетинга МО и разработка на ее основе муниципальных маркетинговых программ. ММЦ определяет варианты программ муниципального маркетинга для последующего обсуждения и принятия их Администрацией МО. Создание ММЦ позволит использовать научно-исследовательский, производственно-технологический потенциал МО путем использования информационно-инновационной стороны своей деятельности.

Таким образом, организация управления маркетингом призвана содействовать развитию деятельности службы маркетинга ГП Белореченского МО, а, следовательно, и развитию самой маркетинговой функции в деятельности органов местного самоуправления.

Литература

1. Борисова Ю. В. Социальное партнерство: провозглашенный и реальный мир отечественного предпринимателя // Социология. 2013. № 4. С. 28–45.
2. Борисова Ю. В., Ушаков С. В. Место маркетинга в формировании политики территории // Консолидация российского общества: организационные, образовательные и социокультурные ресурсы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. 2015. С. 305–312.
3. Виханский О. С., Наумов А. И. Наумов А. И. Маркетинговый потенциал территории. М. : Высш. шк., 2016. 191 с.
4. Володин В. М., Крапчина Л. Н. Маркетинговый потенциал территории // Основные направления повышения эффективности экономики, управления и качества подготовки специалистов : сб. ст. IX Междунр. науч.-практ. конф. Пенза : ПДЗ, 2016. С. 7–10.
5. Полюшкевич О. А. Потенциал адаптации жителей региона к модернизационным процессам в стране // Baikal Research Journal. 2010. № 5. С. 116–119.
6. Семин А. Н. Маркетинговый потенциал территории // Экон. с.-х. и перераб. предприятий. 2015. № 2. С. 8–11.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГОРОДОМ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВЕННЫХ РИСКОВ

Анализируется стратегическое управление городом в условиях общественных рисков, анализируются кризисы и кризисные состояния в социальной динамике, показываются ключевые ориентиры развития стратегического развития города. Выявляется роль общественных рисков в социокультурном воспроизводстве городской среды.

Ключевые слова: средний город, муниципальное образование, стратегическое планирование, общественные риски, управление городским развитием.

В условиях непрерывных изменений и нестабильности рыночной экономики существует необходимость в процессе стратегического планирования перед муниципальными образованиями организации детальности в соответствии с основными целевыми рынками с их ресурсным потенциалом и финансовыми возможностями. Средним городам следует разрабатывать собственные стратегии развития, выделяя приоритеты с целью активизации на инвестиционном рынке.

Для этого следует ориентироваться на принципы маркетинга территории или маркетинга города. Основой маркетинга муниципального образования должно быть создание и распространение общественного признания образа среднего города, которое основано на создании и совершенствовании ранее созданных преимуществ территории и их пропаганде. Инструментами маркетинга города на начальном этапе его реализации являются коммуникационные мероприятия, направленные на демонстрацию открытости города для контактов и позволяющие внешним субъектам получить информацию о существовании имеющихся у среднего города преимуществ.

Разработка программы дальнейшего развития среднего города может быть основана на развитии «уникальных» элементов города, что позволит учесть его индивидуальные особенности. Маркетинг города предусматривает популяризацию и развитие особенностей, обеспечивающих преимущества в конкуренции городов [1].

Маркетинг города должен стремиться повысить социальные конкурентные преимущества привлекательности города для человека, т. е. его следует сориентировать на человека, на учет стилей жизни, поведения и потребностей различных категорий потребителей. Общей чертой привлекательности для средних городов является достаточно уравновешенный стиль жизни, что в настоящее время очень высоко ценятся в современном мире. В результате грамотного развития и популяризации потенциала инфраструктуры средних городов, их правового, научно-технического и кадрово-организационного обеспечения для жителей средних городов будут доступными товары широкого ассортимента, которые ранее можно было

приобретать только в крупных городах. Для этого следует повышать инвестиционную привлекательность средних городов.

Социальная направленность развития средних городов позволит привлечь в город высокообразованную, высококвалифицированную рабочую силу, а это обеспечит развитие и популяризацию потенциала занятости, уровня образования, личной и общественной безопасности, рациональности, удобства проживания и реализации других специфических потребностей потребителей. Отличительное свойство формирования и реализации стратегии развития муниципального образования на основе принципов маркетинга города выражается в том, что рост коммерческих и некоммерческих организаций и учреждений позволяет разноуровневым субъектам управления соединять организационные, маркетинговые, инновационные, экономические, финансовые, инвестиционные преимущества крупных, средних и малых хозяйствующих субъектов в целевой ориентации на получение наибольших экономических, финансовых и социальных результатов.

В рамках реализации целевой ориентации маркетинг территорий должен быть выработаны комплексы мер, обеспечивающих [2]: формирование и улучшение имиджа и престижа территории; обеспечение деловой и социальной конкурентоспособности муниципального образования; расширение участия территории и ее субъектов в реализации международных, федеральных, региональных, муниципальных программ; привлечение на территорию государственных и иных заказов; повышение инвестиционной привлекательности территории; стимулирование использования собственных ресурсов территории в том числе и за ее пределами в интересах данной территории. Для реализации вышеперечисленных целей, прежде всего, должно быть эффективно организовано управление муниципальным образованием. Одной из проблем, тормозящих развитие средних городов, является доминирование функционального управления муниципальных образований.

Многие ключевые процессы муниципальных образований имеют межфункциональную природу, поэтому концепция использования бизнес-процессов при моделировании и управлении на местном уровне актуальна. Процессный подход к управлению муниципальными образованиями должен позволить свести к минимуму негативное влияние недостатков функционального управления, так как он управляет всей цепочкой по созданию социально-значимых благ для общества, а также сформировать эффективную стратегию экономического и социального поведения и определить конкретные параметры социально-значимой деятельности муниципального образования. Организация эффективных бизнес-процессов даст возможность решить ряд важнейших задач – от наиболее полного использования ресурсов на базе оптимальной организации работы и управления на основе полной, точной и своевременной информации в единой информационной системе муниципального образования до оптимальной организации процессов распределения бюджетных и внебюджетных средств [3].

Процессный подход к управлению муниципальным образованием должен обеспечить эффективную разработку политики городского развития, создавая условия, в которых средние города смогут повышать свою конкурентоспособность и направлять усилия на конкурентного преимущества города путем манипуляции отдельными атрибутами, которые увеличивают ценность территории города для размещения разнообразных видов деятельности.

Город, как правило, существует для внутренней среды – населения и зависит от внешней среды, в которой происходит кооперация реализации необходимых функций города. Малые и средние города не смогут выжить без такой кооперации, и самым надежным способом их выживания является агломерация. Современные города и агломерации являются полюсами притяжения и для эффективного сельского хозяйства.

Рассматривая вопросы управления городом и различные подходы к пониманию системы управления городом, можно установить, что город, вид поселения, – это территория, организованная для проживания людей.

Город *с количественной точки зрения* может рассматриваться как скопление относительно большого количества людей, имеющих временное или постоянное жилище на определенной территории. Получается, что оседлость – фактор не обязательный, когда главенствует модель «жители для города», а в населении города преобладают туристы, мигранты и др. Количество людей, находящихся на территории города связано с условиями и возможностями его развития.

С административно-политической позиции город представляет закрепленную за ним часть государственной территории с предоставлением полномочий по организации жизнедеятельности жителей и населения на данной территории.

С социальной точки зрения город, как поселение, представляет собой место социализации проживающих и находящихся на территории города людей.

С экономической позиции город создает условия для производства товаров и услуг, которые могли бы обмениваться на сельскохозяйственные товары, обеспечивает эффективность производства и реализации товаров и услуг для обеспечения заданного уровня благосостояния и жизнеобеспечения жителей и населения, кооперации и конкуренции с другими поселениями. Такая многоаспектность рассмотрения города предполагает в качестве методологической основы применять системный подход. С этих позиций город следует рассматривать как систему, как систему управления.

В целях совершенствования системы управления города необходимо учитывать ряд важных особенностей города как социально-экономической системы.

Особенностью города как социальной организации является не только предоставление жителям возможности обретения свободы, но и обязанности в приобретении навыков жизни по нормам и правилам.

Современной особенностью города является то, что агломерационный эффект снижается. Экономический выигрыш от роста площади и численности населения города увеличивается лишь до определенных пределов – до тех пор, пока неминуемо возрастающие транспортные расходы на перевозку промышленных товаров, сырья и пассажиров будут выгодны при данных издержках производства. При этом следует учитывать, а существует ли социальный выигрыш.

Литература

1. Борисова Ю. В., Ушаков С. В. Место маркетинга в формировании политики территории // Консолидация российского общества: организационные, образовательные и социокультурные ресурсы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. 2015. С. 305–312.
2. Полюшкевич О. А. Потенциал адаптации жителей региона к модернизационным процессам в стране // Baikal Research Journal. 2010. № 5. С. 116–119.
3. Полюшкевич О. А. Социокультурная солидарность в трансформирующемся обществе. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. 190 с.

УДК 316.334.2

Скуденков В. А.

Байкальский государственный университет, г. Иркутск

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРИТЯЗАНИЙ В ОБЩЕСТВЕ РИСКА

Рассматривается мифологическое моделирование экономических притязаний в обществе риска. Автором обозначаются основные условия возникновения экономических притязаний, а также показываются способы их трансформации под влиянием общественных трансформаций и мифологических схем мышления. Моделирование экономических притязаниями выступает ключевой идеей социальной трансформации, которая происходит в обществе риска.

Ключевые слова: миф, мифологизация, притязание, общество риска.

Конечно, миф это не любое высказыванием, только в особых условиях речевое произведение может стать мифом; в дальнейшем мы установим, каковы эти условия. Но с самого начала необходимо твердо усвоить, что миф – это коммуникативная система, сообщение, следовательно, миф не может быть вещью, конвентом или идеей, он представляет собой один из способов означивания, миф – это форма. Хотя на более поздних этапах исследования нам придется установить исторические границы этой формы, условия ее употребления, наполнить ее социальным содержанием, вначале необходимо описать миф именно как форму [2].

Мифологизация сознания – один из самых эффективных приемов воздействия. При этом, обычно посредством средств массовой информации, в общественное сознание целенаправленно внедряются социально-политические мифы (иллюзорные модели действительности). Известный политолог С. Г. Кара-Мурза (род. 1939) следующим образом описывает принцип действия мифа в общественном сознании: «Введенный в сознание

людей и глубоко там укрепившийся, миф способен длительное время (при наличии определенных предпосылок) подменять собой реальность. В результате реципиент воспринимает ее в соответствии с трактовкой мифа и действует, исходя из этого восприятия. Миф снимает с реципиента необходимость напряженно думать и осмысливать мир вокруг себя. Человеку уже не нужно познавать мир – он берет готовую заготовку, миф и о мире» [1].

Все это мы видим сегодня невооруженным глазом. Особенно это касается мифологического моделирования в области экономических притязаний, когда рождаются социально-экономические мифы и стереотипы.

Данное исследование длилось несколько лет с 2012 по 2016 г. В результате нами собран материал по нескольким десяткам фокус-групп, позволяющим судить о мифах экономических притязаний различных социально-экономических групп. Результаты данного исследования отражены в работах автора [3–6]. Всего в исследовании приняло участие 460 человек. Все материалы мы анализировали при помощи контент-анализа и символического анализа.

Интересные данные мы получили при анализе ответов на вопросы о том, что такое богатство, благосостояние и достаток. Для рядовых служащих, богатство – это то, что показывают по телевидению и в глянцевых журналах. Для этой группы – богатство недостижимо. Благосостояние является основным содержанием, причем, в контексте «благо» – «благое состояние», имеющем не экономическое, а духовное или нравственное содержание. Для руководителей – достаток – это основное понятие. В него входит и материальный уровень и качество жизни и социальные и экономические ожидания.

В таблице представлено семантическое сопоставление ответов по этим вопросам.

Таблица

Семантическое сравнение богатства, благосостояния и достатка у руководителей разного уровня и рядовых сотрудников

Категории	Рядовые сотрудники	Руководители
Богатство	«Это то, что не доступно нам» «Богатство, я почему-то думаю, что больше именно финансовое». «Богатство как благо у нас уже есть» «Богатым можно быть не только материально» «Богатство – это духовные ценности» «Богатство – это мои дети, мои сыновья» «Богатство – это моя семья» «Богатство – это мой дом» «Здоровье, семья и внутреннее духовное спокойствие»	«Достигший для себя каких-то определенных целей. То есть дальше которых он идти не собирается. То есть для себя он каких-то целей уже все, достиг». «Богатство – это финансовая независимость» «У некоторых богатство это жена, супруг, внуки. Для кого-то именно много евро, доллар, рубли и все остальное. В общем, он живет так и ему это нравится»

Категории	Рядовые сотрудники	Руководители
Благосостояние	«Благо» + «состояние» – это состояние души». «Благосостояние это благое состояние. Когда внутри тебя равновесие какое-то. Не связываю это с материальным» «Это составляющие комфорта» «Благосостояние, я сюда отношу богатство не только финансовое, но сюда еще входит благополучие стабильности, уверенности, какой-то базы, и это не обязательно связано с финансами. То есть возможно имение финансов, но невозможность ими воспользоваться или воспользоваться в другой сфере, в другой стране и т. д.»	«Благосостояние это когда человек уже сформировал себя сам» «Благосостояние – это именно состояние. Если человек вырос, то он понял, что ему нужно что то изменить в себе. И он изменился, и он уже знает, что он больше менять ничего не будет, он будет просто состоятельным»
Достаток	«Достаток – это когда ты можешь позволить себе машину, квартиру и еще что-то. Но при этом остаться ровно тем же самым, и за короткий промежуток времени восстановить основные хотя бы ценности» «Достаток это наверное все-таки одна квартира в которой живет семья, у каждого своя комната. Наверное вторая квартира это уже ближе к богатству»	«Достаток – это, я считаю, материальная штука» «Достаток – это хорошее материальное положение» «Достаток – это то что ты имеешь в свободном доступе, и то, что может показать – что ты чего то достиг»

Состоятельным в экономическом смысле человеком никто из респондентов обеих групп себя не назвал. Но рядовые сотрудники это объясняли тем, что они «никогда не смогут жить, так как живут богатые». А руководители «пока еще не все у них есть, что они хотели бы иметь». То есть рядовые сотрудники уверены, что никогда не будут состоятельными, а руководители – что это вопрос времени.

Экономические притязания и руководителей и рядовых сотрудников строятся на мифах. Только мифы первых – построены на умении использовать других. А вторых – надежде на чудо и одновременном понимании, что оно никогда не произойдет. У рядовых сотрудников нет понимания того, что делают и как работают богатые люди, они только могут замечать кусочки жизни богатых людей в виде их публичного отдыха и на основе этого – формируют свои представления. Далеко не все руководители – отошли от мифов своих подчиненных, но они более трезво оценивают работу и жизнь более состоятельных людей, но и для них она наполнена своеобразными мифами.

Этими представлениями умело пользуется СМИ, конструируя и управляя общественными представлениями в данной сфере, конструируя очередную мечту для всего общества в виде *«идеальной жизни богатых людей»*.

Литература

1. Кара-Мурза С. А. Кризис культуры // Докл. Центра проблем. анализа и гос.-управленч. проектирования. М. : Науч. эксперт, 2014. Вып. 9. 80 с.
2. Полюшкевич О. А. Солидарность поколений : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. 160 с.
3. Скуденков В. А. Экономические притязания россиян в период санкций против России // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Владивосток : ДВФУ, 2016. С. 120–126.
4. Скуденков В. А. Оценка социально-экономических трансформаций, представителями различных поколений // Культура и взрыв: социальные смыслы в эпоху перемен : материалы Всерос. науч.-практ. интернет-конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016. С. 144–149.
5. Скуденков В. А. Трансформация экономических притязаний студенческой молодежи // Общество и социология в современной России : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. XX годовщине празднования Дня социолога в Российской Федерации / Ин-т соц.-экон. развития территорий РАН ; Ин-т социологии РАН ; Ин-т соц.-полит. исслед. РАН ; Правительство Вологод. обл. 2015. С. 81–83.
6. Скуденков В. А. Экономические притязания государственных служащих и представителей бизнеса // Консолидация российского общества: ресурсы, преграды, перспективы : материалы Всерос. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. С. 115–120.

УДК 316.343:35-051:316.477

Понятовская Е. А.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

УПРАВЛЕНИЕ КАРЬЕРОЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВЕННОГО РИСКА

Рассматривается управление карьерой государственного служащего в условиях общественного риска, изучаются технологии и механизмы конструирования карьеры государственного служащего, его сильные и слабые стороны. Особенно выделяются аспекты карьерного роста и карьерного моделирования через социальные и общественные риски.

Ключевые слова: карьера, государственный служащий, риск, моделирование.

Проблема карьеры привлекает все больше внимания исследователей различных научных направлений. Этот процесс имеет две базисные детерминанты – индивидуальную и социально-управленческую. Первая связана с актуализацией потребности человека в обеспечении собственной безопасности и благополучия в условиях развивающейся среды жизнедеятельности, вторая – с возрастанием значения во всех управленческих процессах человеческого фактора, в основе которого лежат индивидуальные карьерные потенциалы, мобилизованные и организованные в интересах системы.

Безразличных к карьере людей нет. Любая жизнь протекает в непрерывных изменениях, в приспособлении индивидуума к событиям, в совершенствовании способа деятельности, в стремлении достичь более высокого социального статуса. Проблемы карьеры в системе государственной службы затрагивают внимание ученых, в основном, в ракурсе административного управления должностным продвижением персонала. Сегодня такой под-

ход не может быть достаточным. Становится очевидной необходимостью научного осмысления карьеры как сложнейшего феномена в жизнедеятельности человека и организаций, пока, к сожалению, воспринимаемого на обыденном уровне в негативном отображении.

Карьера – это сознательно выбранный и реализуемый служащим путь должностного продвижения, стремление к намеченному статусу (социальному, должностному, квалификационному), что обеспечивает профессиональное и социальное самоутверждение служащего в соответствии с уровнем его квалификации. Государственный служащий, как правило, осознанно строит свою карьеру как в профессиональном, так и в должностном плане. У одного и того же работника эти стороны карьеры могут не совпадать. Так, подлинный профессионал своего дела может не сделать служебную должностную карьеру и, напротив, служащий, занимающий высокое должностное положение, может не достичь высокого уровня профессионализма. Общее основание карьеры – это стремление человека достичь положения, позволяющего ему наиболее полно удовлетворять свои потребности.

Движение к этой цели связано с эффективным освоением среды жизнедеятельности, которая может поддерживать карьерную активность, а может и включить различную силу сопротивления субъективного и объективного свойства. Освоение карьерной стратегии означает готовность человека к деятельности в условиях сверхсложных, часто трудно прогнозируемых изменений. Это достигается развитием у него способности системного видения карьерного процесса во всей сложности формирования его составляющих, их внутренних и внешних связей, а также обретения средств и умения опережающего воздействия на механизм карьерных деструкций. В широком смысле слова карьера определяется как общая последовательность этапов развития человека в основных сферах жизни (семейной, трудовой, досуговой).

При этом карьера представляется динамикой социально-экономического положения, статусно-ролевых характеристик, форм социальной активности личности. В узком смысле понятие карьеры связывается с динамикой положения и активности личности в трудовой деятельности. Сущностной составляющей понятия карьеры является продвижение, т. е. движение вперед. Применяются и такие дефиниции, как рост, достижение, переход. В этом отношении карьера – это процесс, который определяется как прохождение, последовательность состояний систем.

Такое понимание карьеры ориентирует на соответствующий методологический подход к ее исследованию, в его основе которого лежит тенденция современной науки изучать события и процессы, а не вещи и состояния. Общество и его компоненты должны рассматриваться не как статичные, стабильные состояния, а как постоянно длящийся, бесконечный поток событий. Человек включен в этот поток, он вынужден непрерывно двигаться в нем, изыскивать способы приспособления к нему и преодоления отклоняющихся его течений, собственного изменения в этом процессе и из-

менения его составляющих. Управление карьерой в государственном органе власти рассматривается как один из важнейших структурных элементов системы управления персоналом, как помощь госслужащим со стороны кадровой службы в реализации их способностей.

Управление карьерой – это комплекс мероприятий по планированию и организации служебного роста госслужащих. Успешнее в карьере государственного служащего, как правило, энергичные люди. Энергичность человека – качество биогенетического свойства, т. е. наследственное и врожденное. Оно проявляется преимущественно в темпераменте, отражающем силу и устойчивость нервно-психических процессов. Общий уровень индивидуальной энергичности зависит также от характера обменных процессов в организме и эффективности обмена энергией с внешней средой. Главная сфера расхода внутренней энергии – деятельность по удовлетворению потребностей человека. Механизм ее извлечения – побуждение к активности, реализуемое системой мотивации. В формировании уровня активности человека задействованы социально-психологические установки, ценности, опасения, чувство долга и ответственность, устремления [2].

Карьерные цели расположены в зоне пересечения интересов индивида, организации и общества. Они представлены образцами вознаграждения, уровнями притязаний, стандартами социальных достижений и престижных статусов. Одни из этих целей достаточно устойчивы (постоянны) и могут определять жизненную перспективу на весьма длительный срок, другие – подвижны, модифицируются в зависимости от возраста, ситуации влияния авторитетов и референтных групп. Средства обеспечивают ресурсную базу способа деятельности. Это – внутренние ресурсы человека, его способности, знания, опыт и предоставляемые средой финансы, средства производства, образование и т. д.

Конкретные действия включают движение средств и определяют содержание способа деятельности. Объективно способ деятельности зависит от сложившегося в обществе образа жизни, уровня развития производительных сил и характера производственных отношений. Способ деятельности приобретает значение двигателя карьерного процесса, выступая в качестве товара, спрос на который формируется в зависимости от его значения в той или иной сфере общей деятельности. По мере продвижения человека к высоким целям карьерное пространство становится более ограниченным, и осваивать его возможно, только повышая конкурентоспособность способа деятельности. Содержательная сторона его развития – максимизация ответственности интересам организации, повышение результативности, интенсивности и экономичности. Процесс конкуренции включает систему карьерного отбора. Мощным ускорителем карьерного процесса является также стремительно нарастающий динамизм современных социальных процессов, особенно в условиях трансформационных переходов.

Здесь особое значение приобретает способ деятельности, обеспечивающий быстрое реагирование на изменения, решение внезапно возника-

ющих проблем маневром имеющихся сил и средств, включением инноваций. Любой карьерный процесс постоянно испытывает воздействие тормозящих сил. Результат такого воздействия – замедленное развитие процесса, его остановки, изменение направлений, спады и т. д. Концентрация факторов, детерминирующих эти неравномерности на отдельных участках движения в определенных условиях, продуцирует карьерный кризис, последствия которого сказываются на будущем человека и социальной системы. В количественном и качественном отношении эти факторы чрезвычайно многочисленны и многообразны.

Например, низкий уровень потребностей, слабость мотивов, недостаток опыта или знаний, болезни, нарушение волевой сферы, нерешительность, застой в общественном развитии и т. д. Факторы социальной природы обусловлены дезорганизациями на различных уровнях Управление должностной карьерой социального устройства: криминализация отношений, правовая незащищенность, напряженность отношений, тяжелый морально-психологический климат в некоторых организациях, отсутствие общей идеи («идейный вакуум»), девиации в сферах культуры и нравственности («моральный вакуум»), дезорганизация в работе с кадрами, затянувшиеся структурные реорганизации [1].

На карьеру государственного служащего влияют, прежде всего, внутренние факторы – мотивы, уровень притязаний, самооценка, состояние здоровья. Чем более зрелым является служащий как профессионал и как личность, тем более велика роль внутренних факторов в его карьере. На карьеру госслужащего влияют и внешние факторы – социально-профессиональная среда, тип профессиональной организации, а также «его величество случай». Необходимо иметь в виду, что работник сам должен выработать критерии оценки своего профессионального роста и сверять свою самооценку с мнениями и оценками руководителей и коллег. Не утратила актуальность старая мудрость, что лучший путь сделать карьеру – хорошо выполнять свои повседневные обязанности.

Карьерное продвижение государственных служащих связано с профессиональным само-определением, профессиональной готовностью, профессиональной адаптацией, профессиональной компетентностью. Вхождение сотрудника в коллектив государственных служащих создает некоторое поле противоречий, источником которых является характер предыдущей деятельности, разница в культурных и ценностных ориентациях, в стиле и образе жизни и т. п. Поэтому нужна проверка его профессиональной пригодности, наработка профессионального опыта [2].

В целях обеспечения устойчивости карьерного процесса целесообразно ориентироваться на следующие общие принципы.

1. Принцип непрерывности. Ни одна из достигнутых целей в карьере не может быть окончательной или служить поводом для остановки. В процессе развития способа служебной деятельности накапливаются изменения, которые, превышая определенный порог, приводят к повышению статуса – если не должностного, то ролевого и, следовательно, социального.

2. Принцип осмысленности. Любое карьерное действие должно быть целесообразным, осуществляться сообразно целям индивидуальным и общим. Осуществляемая деятельность должна быть социально продуктивной, только тогда продвижение будет поддержано средой. Важнейшее условие служебной карьеры – нахождение и совмещение смысла личной жизни, смысла службы и смысла социальных процессов.

3. Принцип соразмерности. Скорость продвижения поддерживается соразмерностью с общим движением. В любом движении есть лидеры и отстающие. Успешная карьера – это продвижение в группе лидеров. Но устойчивого движения не будет, если лидерство выражается только в высокой скорости индивидуального продвижения. Лидировать в карьере – значит увлекать в нее других. Карьерное продвижение командой надежнее.

4. Принцип маневренности. Прямолинейное движение возможно только на свободном от других движений «полигоне» или «чистой трассе». Таких условий в карьере не бывает. Попытка двигаться на «высокой скорости» только «прямо» чревато разрушительными столкновениями. Нахождение способов маневра, сочетание и умелое использование их к месту и времени относится к сфере карьерного искусства.

5. Принцип экономичности. Всегда выигрывает способ деятельности, дающий наибольший результат при наименьших затратах ресурсов. Производительность повышается путем повышения мастерства, при объединении усилий, повышении заинтересованности, вдохновении. Важно умело распределить силы, соотнести карьерные устремления с реальными возможностями. Чем старше возраст и больше объем работы, тем необходимее релаксация.

6. Принцип заметности. Нередко талантливые люди неудачны в карьере из-за незаметности. Если результатом можно гордиться, его необходимо представлять и пользоваться для этого случаем. Чем шире известность мастера и потребность в его труде, тем шире его карьерное поле.

Государственные служащие часто сталкиваются с противоречивостью общественного отношения к карьере. Карьерное поведение часто рассматривается как отклонение от социальной нормы, как карьеризм. Карьеризм, по определению С. И. Ожегова, означает погоню за карьерой (положением в обществе), стремление к личному благополучию, продвижению по службе, не считаясь с общественными интересами [1].

В российском обществе такое отношение имеет исторические корни.

Дефицит вещей и услуг требовал влиятельных связей. Соответственно, карьера на государственной службе привлекла к себе внимание наращиванием возможностей приобретения таких связей и получения привилегированного доступа к дефициту. Естественно, неудержимое стремление занять высокое положение в партийно-административной иерархии не могло не деформировать карьерный процесс с превращением его в карьеризм, осуждаемый народом. Проблемы карьерной стратегии и служебной тактики для государственной службы в условиях реформирования в известной степени являются новыми, в то время как на международном

уровне они разрабатываются давно и эффективно. Созданы и успешно функционируют органы управления персоналом государственной службы. Одним из них является Объединенный комитет по государственной службе Международной организации труда (МОТ).

Комитет уделяет большое внимание проблемам отбора, обучения, профессионального развития и служебного роста персонала государственной службы в различных странах мира. Цели управления карьерой:

- рациональное использование профессиональных способностей сотрудников в интересах достижения целей госслужбы;
- создание эффективных стимулов для трудовой отдачи;
- более полное раскрытие способностей;
- достижение преданности служащего интересам организации;
- обеспечение относительно стабильного состава персонала, способного аккумулировать профессиональный опыт и корпоративную культуру госслужбы. Объективные условия для успешного управления карьерой:
 - признание профессионального опыта и способностей госслужащего важнейшей ценностью на всех уровнях управления;
 - относительная стабильность организационной культуры органов государственной власти.

Субъективные условия:

- совпадение интересов и ожиданий сотрудника и организации.

Карьера служащего – это его жизнь на службе. Если служба является для специалиста только местом работы и дохода, то потенциал его карьеры низок. Противоположный крайний вариант – человек живет одной работой, что является оптимальным условием для карьеры, но чаще всего приводит к сгоранию организма. В середине тот, кто добросовестно исполняет свои обязанности. Его карьерная стратегия умеренная, и нередко эффективная.

Для практической реализации применяется следующая методика процесса управления карьерой:

- выявить потребности государственного органа власти в персонале.
- оценить возможности персонала.
- разработать стратегию управления карьерой в органе власти.
- запланировать должностное перемещение госслужащих таким образом, чтобы каждый был включен в схему карьерного продвижения.

Разработать план карьеры – документ, в котором представлен вариант профессионального развития и должностного перемещения служащего. Он составляется с учетом того, что оптимальное время нахождения специалиста на одной должности должно быть в пределах 4–5 лет. За этот период пребывания в должности служащий проходит несколько стадий: адаптация, прирост трудовой отдачи, стагнация (застой), деградация. По истечении 4–5-летнего срока необходимо создать новые условия или механизмы стимулирования для работы, чтобы вернуть специалиста на стадию адаптации. Планомерное перемещение (ротация) персонала благоприятно влияет на повышение его трудовой отдачи.

- Проанализировать и оценить результаты труда госслужащих.

- Организовать дополнительное обучение госслужащих, своевременное прохождение ими курсов повышения квалификации.
- Составить список резерва кадров на каждую управленческую должность.
- Продумать систему мотивации.
- Провести конкурс на замещение вакантной должности. Реализуя карьерную стратегию, надо иметь в виду, что объектом управления может быть каждый, но не обязательно должны быть все. Важно выделить тех, кто нацелен на должностное и профессиональное развитие, поощрять их стремление и старание. Главный смысл управления должностной карьерой состоит в том, чтобы все то ценное, чем обладает госслужащий, было эффективно задействовано для достижения целей организации и удовлетворения интересов личности. Умело распоряжаться этим достоянием – важнейшая и сложнейшая задача руководителей и кадровых служб государственных органов власти.

Литература

1. Полюшкевич О. А. Введение в психологию управления. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. 230 с.
2. Полюшкевич О. А. Личностный потенциал человека и социокультурная солидарность общества // Науч. обозрение : гуманитар. исслед. 2011. № 2. С. 3–10.

УДК 316.485

Мамурков Е. В.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫМИ УГРОЗАМИ: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Рассматривается управление социальными угрозами. Автор представляет подходы к выявлению и классификации угроз социальной безопасности. Анализируется социальная среда формирования социальных угроз, изучаются представления населения об угрозах и реальные факторы риска и угроз для определенной территории.

Ключевые слова: социальная угроза, социальная безопасность, кризис, представления.

Существует несколько возможных подходов к выявлению и классификации угроз социальной безопасности.

Во-первых, выделяют объективные и субъективные угрозы. К первым относят угрозы, возникающие в связи с объективно складывающейся обстановкой. Ко вторым – вызванные субъективным воздействием соперников или партнеров на международной арене или определенными группами интересов внутри страны.

Во-вторых, выделяют внешние и внутренние угрозы социальной безопасности.

В-третьих, угрозы социальной безопасности могут быть разделены на потенциальные и актуальные. В рамках данной классификации под потенциальными угрозами понимаются угрозы, которые существуют длительно.

тельное время, поскольку они обусловлены долговременными факторами геополитического положения страны.

Кризисное состояние международной или внутренней среды, обострение внутренних или внешних противоречий может обусловить переход потенциальных угроз в актуальные. Основой перехода потенциальных угроз социальной безопасности России в актуальные является общее кризисное состояние мировой системы.

Кризисы могут как объединять, так и дезинтегрировать общество [1]. Причем не важно, реальные ли это кризисы или их «искусственно создали». Человек достаточно податлив и его можно убедить в чем угодно. Политика социальной памяти, изменение прошлого в угоду политической идеологии могут сослужить дурную службу в целом для процесса консолидации общества. Все это вместе взятое приводит к идеологическим проблемам современного общества, о чем было достаточно подробно изложено в статье Р. В. Иванова [3].

Возможны и другие подходы к классификации угроз социальной безопасности. Вместе с тем, выделяя те или иные угрозы социальной безопасности, следует учитывать, что реальные угрозы безопасности носят комплексный характер, для них характерна взаимосвязь субъективных и объективных, внешних и внутренних, потенциальных и актуальных обстоятельств, обуславливающих их воздействие на развитие ситуации в социальной сфере той или иной страны [1].

Мы провели экспертное исследование социальных угроз современной России, реальных и конструируемых практик. Экспертами выступили представители власти, бизнеса, образовательной и научной среды, занимающиеся по роду своей деятельности экономико-политическими процессами, анализом, динамикой и прогнозом развития. Всего в исследовании приняло участие 60 человек в возрасте от 25 до 65 лет, 40 мужчин и 20 женщин, все имеют высшее образование, половина – два высших образования, более 60 % ученую степень. Результаты исследования представлены в таблице.

Таблица

Представления и реальность социальных угроз и рисков

Виды угроз	Характеристика	Комментарий
Объективные	Данность, которую мы не изменим	<i>«Ну конечно, как мы можем предотвратить землетрясения или наводнения? Что-то можно сделать по смягчению – например, взрыв льда на реках, но это не изменит кардинально ситуации. Так заложено природой. Поэтому, данные риски и угрозы – постоянная зона ответственности властей и населения»</i> (О. Д., бизнесмен). <i>«Объективные угрозы – сложно предотвратить, но задача властей – оповестить о рисках и создать центры для помощи жертвам. Социальную ответственность власти никто не отменял»</i> (Н. Ю., член общественной палаты)

Виды угроз	Характеристика	Комментарий
Субъективные	Всегда можно что-то изменить	«Ресурсы разного рода (экономические, природные, человеческие) всегда будут вызывать борьбу разных сторон. Эта борьба может привести к локальным или глобальным катастрофам. Но тут всегда есть третья сторона, которая может вмешаться. Всегда есть шанс, что кто-то вмешается и все изменит. И это может быть как политик, так и журналист, ученый и бизнесмен» (Н. Л., общественный обозреватель). «Субъективные угрозы – двигают общество к развитию, но также именно они, толкают его к разрушению. Без данных угроз не было бы социальной динамики» (В. Я., политолог)
Внутренние угрозы социальной безопасности	Необходима социальная профилактика и постоянный мониторинг	«Социальную безопасность страны нельзя получить. Ее надо формировать и постоянно оберегать. Для этого нужна сильная политическая воля и разнообразные инструменты регулирования общественного развития» (А. В., политолог). «Внутренние угрозы общественного развития – самые ценные в общественном воспроизводстве. Без социального мониторинга, социальной экспертизы невозможно представить динамику социального воспроизводства общества» (А. Д., сотрудник правозащитной некоммерческой организации)
Внешние угрозы социальной безопасности	Необходим постоянный анализ внешнеполитической ситуации	«Без отслеживания внешней социокультурной ситуации невозможно прогнозировать ни внешнеполитическое, ни внутривнутриполитическое развитие общества. Постоянный мониторинг, собственная информационная сеть необходимы для принятия решений по стратегическому развитию страны» (Н. А., политолог). «Мы не одни в мире. Без учета ситуации в соседних странах, нельзя говорить о точном видении будущего развития нашей страны» (Д. А., историк-исследователь)
Потенциальные угрозы социальной безопасности	Стратегическое управление предполагает учет данного фактора. Необходим детальный анализ стратегий и форм развития ситуации	«Потенциальные угрозы – это точка риска, на которую идет политик, принимающий те или иные политические и социально-экономические решения. Ответственность – это бремя политики. И она касается потенциальных угроз развития как ничего другого. Необходим детальный анализ стратегий и форм развития ситуации и постоянный мониторинг всех изменений. Только тогда можно говорить о принятии взвешенных решений» (Ю. Т., член государственной думы от Иркутской области). «Потенциальные угрозы социально-экономического развития региона создают условия для формирования определенного инвестиционного климата, способного смягчить данные риски» (С. П., мэр малого города)

Виды угроз	Характеристика	Комментарий
Реальные угрозы социальной безопасности	Необходима слаженная работа на местах, а также постоянный мониторинг и контроль общественной ситуации	<i>«Социальная безопасность необходима для любого города и поселения области и страны. Без социальных гарантий безопасности нельзя представить общественное стабильное развитие, уверенность в завтрашнем дне» (С. У., глава рабочего поселка). «Качественная работа по предотвращению социальных угроз порождает стабильность и уверенность в завтрашнем дне. Предотвращать социальные угрозы возможно через контроль, мониторинг всех сложных и проблемных зон социально-культурного и экономико-политического пространства города или села» (Н. А., ученый-исследователь)</i>

Таким образом, все опрошенные нами эксперты, сформировали определенную матрицу предотвращения социальных угроз и рисков, существующую в общественном пространстве. Реализуя их на практике возможно избежать многих объективных и субъективных, внешних и внутренних, потенциальных и реальных угроз социального развития.

Угрозы в социальной сфере могут привести к нарастанию до критической черты напряженности в обществе, возникновению трудноразрешимых противоречий среди различных слоев городского населения.

Литература

1. Антонова Л. Л., Полюшкевич О. А. Социокультурная солидарность и национальная безопасность России // В мире науч. открытий. 2013. № 5.1 (41). С. 231–248.
2. Антонова Л. Л., Полюшкевич О. А. Социокультурная безопасность и консолидация общества // Современ. исслед. соц. проблем. 2012. № 12. С. 395.
3. Иванов Р. В. Идеологические проблемы современной России // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений : материалы Науч.-практ. интернет-конф. / Ин-т соц.-экон. развития территорий РАН. 2016. С. 105–110.

УДК 316.772.4:316.647.5

Иванов Р. В.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В ВИРТУАЛЬНОЙ СРЕДЕ

Рассматривается толерантность в виртуальной среде как неотъемлемая составляющая часть межличностного общения. Также показывается динамика социальной реальности в виртуальном мире, форме и способы социальной коммуникации и трансформации межличностных отношений под влиянием виртуального пространства.

Ключевые слова: толерантность, виртуальная среда, межличностное общение, коммуникация.

Толерантность – неотъемлемая составляющая часть межличностного общения. Наряду с реальным миром, существует мир виртуальный, виртуальное пространство, где также происходит межличностное общение.

Виртуальным пространством можно считать как внутренний, фантазийный мир человека, так и мир, созданный при помощи информационных технологий. В последние годы значительную роль в жизни человека приобрело виртуальное пространство – Интернет. Об особенностях межличностного общения, толерантности, интолерантности в нем и пойдет речь.

В отличие от реального мира, где общение между людьми изучено довольно хорошо, общение в виртуальном пространстве изучено мало и имеет свои особенности.

Особенности межличностного общения в ВИП (виртуальном пространстве):

- физическая дистанция субъектов общения;
- отсутствие кинестетического и частичное отсутствие визуального, аудиального способов получения информации;
- сокращение периода перехода к более тесному личному общению;
- скорость общения может быть контролируемой;
- стираются границы между государствами, национальностями;
- изначальное равенство собеседников, без учета социальных статусных рангов.

Рассмотрим каждое из них подробнее.

1. Из-за неизвестной физической дистанции между собеседниками, у людей появляются следующие иллюзии:

- Иллюзия вседозволенности. Повышается эмоциональность, раскрепощенность. Причем, для интровертов, это имеет особое значение. И может с ними сыграть плохую шутку. Замечено, что по сравнению с экстравертами, отсутствие достаточного опыта эмоционального общения, общения на публике, дискуссионного опыта в реальной жизни, становится для интровертов «камнем преткновения» при виртуальном общении. С одной стороны, они, наконец-то, могут свободно, расслабленно общаться. Чувствуя свою защищенность из-за того, что все собеседники далеко или неизвестно где и можно в любую минуту «спрятаться» – прекратить общение. С другой стороны, они могут потерять меру в проявлении. Очень часто это влечет за собой снижение порога толерантности. Иногда – интолерантность.

Безусловно, экстравертов это также касается, но по сравнению с интровертами, в меньшей степени, так как они более привычны к эмоциональным всплескам и, как правило, научились «держаться удар» в межличностном общении.

Однако следует отметить, что люди, не привыкшие контролировать свои эмоции по жизни, также не будут сдерживать их при виртуальном общении. Более того, именно здесь они будут стремиться излить как можно больше эмоциональных всплесков, выраженных в нетерпимости к собеседнику, не умении слушать и адекватно отвечать [1].

Также, существует категория людей, которая намеренно входит в виртуальное пространство, с целью излить накопившуюся агрессию. Посылом для этого могут быть неудачи в жизни, депрессия, отсутствие толе-

рантного поведения по жизни, отсутствие возможности излить свои эмоции в реальном мире.

Например, тихая женщина, испытывающая давление, как в семейной жизни, так и в рабочем коллективе, здесь может оказаться агрессивной личностью, употребляющей ненормативную лексику, выпускающую тем самым пар на ни в чем не повинных собеседников.

Почему так происходит? Ведь в реальном мире, чтобы в общении прийти до интолерантности, как правило, нужен и большой промежуток времени, и продолжительный период диалога как такового [2].

- Все очень просто, в виртуальном пространстве рождается иллюзия безнаказанности и иллюзия нереальности собеседников. Делай, что хочешь, говори, что хочешь. Не ударят же! Физическая дистанция играет решающую роль.

Значит одним из сдерживающих факторов, проявление толерантности в межличностном общении является – реальное физическое присутствие собеседников в реальном пространстве.

- Также виртуальность, с одной стороны, рождает иллюзию, искажение реального образа каждого собеседника. Что влечет за собой неправильное восприятие и, как следствие, общение не соответствующее реальному образу человека. (Например, неправильное представление о возрасте, образовании, половой принадлежности собеседника.) Однако, с другой стороны, виртуальное пространство позволяет воспринимать информацию, переданную собеседником мысль без лишней «шелухи», отвлекающей от сути.

Проблема создаваемого и принимаемого образа в виртуальном пространстве требует отдельного более глубокого изучения.

2. Отсутствие кинестетического способа получения информации в виртуальном пространстве способно как дезориентировать людей, так и обострить другие пути получения информации, замещая ими отсутствующее. Визуальный, аудиальный способ получения информации ущемлены частично. Непосредственный визуальный контакт между собеседниками, как правило, отсутствует. Его компенсация видео изображениями не достаточна и далеко не всегда имеет мест. То же и с аудиальным способом получения информации.

А вот с дигитальным способом восприятия информации дело обстоит куда лучше. Как правило, оно не ущемляется в виртуальном пространстве. Даже можно сказать, что интернет – рай для дигиталов. Такие люди чувствуют себя здесь, словно рыба в воде.

Итак, в результате вышеизложенного, в виртуальном пространстве человек вынужден запускать в себе внутренние механизмы, которые в обычной, реальной жизни могут использоваться им в меньшей степени, не быть доминантными. Ведь здесь ему приходится осмысливать «голую текстовую информацию», «не обогащенную» визуальным, аудио, кинестетическим способом. Получается своеобразный эффект, когда пословица – «Встречают по одежке, а провожают по уму», – в виртуальном простран-

стве не работает. Здесь сразу встречаются по уму. Идет восприятие одной только мысли другого человека. Единственное, чем можно обогатить мысль – это эмоции. Именно поэтому они так обострены и гипертрофированы. Ведь они замещают отсутствующие способы передачи информации.

3. В результате сокращается временной промежуток перехода на более близкий контакт между людьми. Иногда период обращений на «Вы» намеренно опускается и собеседники переходят к периоду дружеско-приятельского общения с обращением на «ты». А дружеское общение заведомо предполагает в себе большую открытость, чем общение с малознакомыми людьми. И, как следствие, снижает не нужный в дружеском общении порог – сдержанности и тщательной продуманности высказываний. Именно здесь и кроется несоответствие. По сути, чужие люди, не успевшие достаточно образом узнать друг друга, понять характер, логику мышления, мотивацию высказываний собеседника, неправильно оценивают оппонента. В реальной жизни они были бы еще на стадии ознакомления друг с другом и проявили бы толерантность. А в виртуальном пространстве они перепрыгнули на стадию «друзья», поэтому совершенно не сомневаясь в своих действиях, могут открыто высказать собеседнику, все что думают. Порой в поучительной манере, свысока, считая возможным вмешиваться в личное внутренне пространство другого человека. Что в итоге, порождает дискомфорт в общении, непонимание, потому как подсознательно люди все еще находятся на первой стадии знакомства – по сути, они чужие люди. Как результат – интолерантность в общении.

Как же этого избежать? Учиться правильно воспринимать особенности межличностного общения в виртуальном пространстве. Не переносить в него под копирку опыт общения, полученный в реальной жизни. Необходимо осознавать разницу между реальным миром и виртуальным пространством, формировать и изучать культуру и этику межличностного общения в нем. Развивать в себе сверхчувствительность, которая, безусловно, поможет общению в виртуальном пространстве.

4. Еще одной отличительной особенностью в виртуальном пространстве является – контролируемая скорость общения.

В реальном пространстве, при непосредственном межличностном общении, как правило, нет возможности сделать тайм-аут в беседе. В виртуальном пространстве такая возможность есть всегда. Любое сообщение можно отложить, продумать в деталях, изменить свое мнение, изменять высказывания в процессе написания сообщения. Более того, можно отстраниться от беседы, пережить эмоции и ответить много позже продуманным и взвешенным текстом. При правильном использовании, это позволяет проявить максимум толерантности при межличностном общении.

К сожалению, далеко не все, кто общается в Интернете, используют эту возможность. Они предпочитают действовать так же, как в реальном мире – отвечать сразу, со всеми эмоциями, порой, не продумывая до конца сказанное. Совершенно не учитывая особенности восприятия информации в виртуальном пространстве. В результате возникает интолерантность на ровном месте.

Необходимо развитие культуры и этики общения в виртуальном пространстве.

5. В виртуальном пространстве складывается уникальное взаимоотношение между людьми из разных государств, между людьми различных национальностей. Как правило, оно совершенно отлично, от общения в реальном мире между людьми разных народов, национальностей и государств.

В виртуальном пространстве люди разных национальностей более склонны находить общий язык и общаться в дружеской манере, быть толерантными.

Во-первых, в связи с быстрым переходом на более личную, дружескую стадию общения.

Во-вторых, из-за отсутствия визуальной, аудиальной информации в достаточной степени, собеседники ориентируются не на внешние национальные признаки друг друга, не на речь, а на напечатанную мысль, т. е. вникают в суть сообщения. Возможные раздражающие факторы (речевой акцент, национальные черты внешности собеседника, местоживание собеседника) в ВИП становятся несущественными.

В-третьих, каждый из собеседников чувствует свою защищенность, потому как находится на своей территории. Следовательно, все собеседники равны в условиях. Здесь фактор удаленности играет положительную роль.

6. В виртуальном пространстве все люди равны. То есть у каждого изначально равные условия общения. Ученые степени, правительственные награды, другие социальные регалии здесь не имеют того веса и значения, не играют той роли, какую имеют в реальном мире. Более значимым и главным при межличностном общении в виртуальном пространстве являются мысли собеседника. Диплом о высшем образовании теряет свою силу, если у собеседника нет ни одной содержательной мысли. Условности реального мира уходят на второй план, становится важна личность человека, его интеллект, уровень его личностного развития. Интерес, который эта личность представляет для других людей как собеседников. Умение дискутировать, умение быть толерантным, умение четко выражать свои мысли правильным грамотным языком. Вот, на что, прежде всего, обращают внимание. А профессор ты или студент, 20 лет тебе или 60, это становится не принципиальным. Крайне комично выглядит какой-нибудь заслуженный научный деятель, которые вместо содержательного аргумента в дискуссии в виртуальном пространстве использует свой возраст и профессиональные достижения. Тем самым, требуя уважения и пытаясь поставить своего оппонента «на место», возвысится над собеседником. Во-первых, это бессмысленно, так как, повторяю, в виртуальном пространстве все собеседники равны. А во-вторых, это выглядит смешно и свидетельствует о его беспомощности при общении в виртуальном пространстве. Здесь авторитет все зарабатывают с нуля за высказанные мысли, без учета авторитета в реальном мире.

Зачастую, эти условия сбивает с толку многих собеседников в виртуальном пространстве, из-за чего порог толерантности заметно снижается, доходя до интолерантности, до конфликта «на ровном месте».

И в заключении. Хотим мы этого или не хотим, но виртуальное пространство существует. Оно плотно вошло в жизнь каждого человека. Не знание и не понимание особенностей межличностного общения в нем приводит к дезориентации собеседников и снижения их толерантности, зачастую переходящую в интолерантность. Культуру и этику общения в ВИП должно и нужно прививать с раннего возраста. Необходимо учить этому и воспитывать также, как учат жить и общаться в реальном мире.

Умение правильно и адекватно воспринимать зафиксированные в тексте мысли, принимать мнение другого человека, умение дискутировать – вот, чему всем необходимо учиться в виртуальном пространстве.

Литература

1. Иванов Р. В. Идеологические проблемы современной России // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений : материалы науч.-практ. интернет-конф. / Ин-т соц.-экон. развития территорий РАН. 2016. С. 105–110.

2. Полюшкевич О. А. Парадоксы солидарности в информационном обществе // Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе : материалы VII Всерос. науч. интернет-конф. 2015. С. 44–51.

УДК 316.647.5

Беляева Е. С.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ И СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ

Представлены результаты исследования по проблеме социально-политической толерантности молодежи. Исследуется сфера толерантности, основы ее формирования и принципы развития, показываются способы моделирования социальным самочувствием молодежи.

Ключевые слова: толерантность, интолерантность, социальное самочувствие, политические основы, гражданское общество.

Социологическое исследование, посвященное изучению проблемы социально-политической толерантности молодежи, проведено в период с февраля по март 2017 г. Опрос осуществлялся методом формализованного интервью с использованием гнездовой (кластерной) выборки. Объем выборки – 620 человек, молодежь от 14 до 30 лет (квотирование осуществлялось по половозрастному признаку).

Итоги социологического исследования, проведенного в г. Иркутске в 2017 г. на тему «Отношение горожан к проявлениям экстремизма, национализма», показали, что в представлениях иркутян, группой населения, наиболее подверженной влиянию ксенофобии и экстремизма, является именно радикально настроенная молодежь (34 %) и подростки из «неблагополучных семей» (30,8 %). С учетом этого, а также принимая во внима-

ние тот факт, что молодежь может являть собой не только потенциал позитивных перемен, но и возможный фактор социальной нестабильности, как динамичный субъект российского социума, зачастую наиболее подверженный влиянию различных интолерантных установок, мы ставили перед собой задачу определить существует ли в молодежной среде города Иркутска ксенофобия и каковы ее истинные причины.

Результаты опроса молодых людей позволили установить, что в массовом сознании молодежи города Иркутска отсутствуют националистические или расистские установки. Основная часть опрошенных (79 %) не испытывает неприязни к представителям каких-либо национальных групп и не против видеть человека другой национальности своим одноклассником (сокурсником), коллегой, начальником или соседом.

Между тем, фактически две трети опрошенных, считают, что межнациональные отношения в городе «Внешне спокойные, но ощущается некоторая напряженность» (63 %), о том что ситуация спокойная, мирная, заявили всего 22,2 % респондентов. Причем наиболее высокая степень тревожности «Ситуация напряженная, возможны конфликты» отмечается среди представителей татар / башкир и украинцев / белорусов. Наиболее спокойно в этом плане чувствуют себя представители народов Кавказа и Средней Азии.

На фоне в целом благоприятной обстановки, у части респондентов (около 20 %) фиксируется негативное отношение к представителям ряда национальностей, и в два раза больше молодых людей (42 %), заявили об отрицательном отношении к тем или иным группам приезжих. Исходя из этого, мы предполагаем, что главным вектором проявления интолерантности является именно отношение к мигрантам.

Результаты парных корреляций свидетельствуют о том, что в сознании молодых людей происходит отождествление понятий иноэтничности и иноземности. Так, объектом интолерантного, неприязненного отношения являются преимущественно представители народов Кавказа (74 %) и Средней Азии (34,2 %) – Среди 21 % респондентов, ответивших «Да» на вопрос: «Вызывают ли у Вас чувство раздражения и неприязни представители каких-либо национальностей, и если да, то каких?», их же в первую очередь респонденты отнесли к мигрантам (между тем, вероятно, они имеют российское гражданство). Подавляющее большинство респондентов, отмечающих негативное отношение к представителям других национальностей, относятся к самому многочисленному этносу г. Иркутска – русским (и в меньшей степени такие суждения были присущи представителям татар/ башкир и украинцам/белорусам). Негативное отношение к мигрантам отмечали представители и «славянских» и «неславянских» этносов (народов Кавказа).

При этом несмотря на то что в представлениях большинства опрошенных, основной причиной межнациональной конфронтации выступают языковые и культурные различия, в исследовании рассматривались преимущественно социально-экономические и социально-политические фак-

торы возникновения межэтнической конфликтности, связанные с большим притоком мигрантов.

В ходе опроса нами были проверены гипотезы о наличии взаимосвязи между установками молодежи на интолерантное поведение и уровнем их социально-экономического положения, уровнем их удовлетворенности собственным социальным статусом и достижениями (то есть социальной удовлетворенностью и социальной безопасностью). Аналогичные примеры раскрыты в исследовании О. А. Полюшкевич, на примере Российской и Португальской выборок [2].

Установлено, что респонденты, находящиеся в зоне риска нетолерантного поведения, оценивают свое материальное положение хуже, нежели респонденты относящиеся, к представителям других национальностей лояльно. Среди них (среди нетолерантных респондентов), в два раза больше молодых людей, чувствующих некоторую социальную неудовлетворенность (своим социальным положением, личными достижениями, успехами и уровнем дохода семьи). Полученные данные позволяют утверждать, что отношение к представителям иных национальностей, мигрантам напрямую зависит от социального самочувствия респондентов. В свою очередь причины собственного «социального аутсайдерства» они видят во внешних обстоятельствах, в других людях, в частности мигрантах, с появлением которых, связываются ожидания ухудшения жизни местного населения.

Результаты опроса Иркутской молодежи показали, что отношение к социальному неравенству, равно как и к людям других национальностей, зависит от субъективной оценки молодыми людьми своего материального положения (чем эта оценка хуже, тем ниже уровень терпимости и выше вероятность проявления социальной девиации). Кроме того, отношение и степень поддержки политических институтов со стороны молодых людей также коррелирует с уровнем их толерантности/интолерантности – со стороны группы респондентов с интолерантными установками степень доверия и поддержки политических институтов заметно ниже. Это свидетельствует о том, что респонденты с низким уровнем межнациональной толерантности более критично оценивают действия органов власти, а на уровень доверия к власти влияет и межэтнический фактор, что влияет на процессы социальной эмпатии, социальной солидарности и дезинтеграции [1].

Между тем подавляющее большинство интолерантно настроенных молодых людей, можно отнести к наиболее защищенным группам в социально-экономическом плане, субъективная оценка своего материального положения со стороны таких респондентов, оказалась весьма хорошей (хотя и ниже, чем со стороны респондентов, лояльно относящихся, к представителям других национальностей). Лишь 4,5 % из них отнесли себя к бедным слоям населения.

Это говорит о том, что причины формирования интолерантных установок не сводятся исключительно к социально-экономическому фактору, а являются совокупностью экономических, социальных, культурно-языковых, этнодемографических критериев. В данном контексте стоит от-

метить еще одну причину формирования нетолерантного сознания у части молодежи, выявленную по результатам опроса – это стереотипы массового сознания большинства. Например, чем старше молодой человек, тем более негативно он высказывался по отношению к тем или иным народам. Таким образом, можно предположить, что интолерантное отношение к представителям других национальностей, мигрантам, формируется в частности ценностным миром взрослых, проявляясь у молодых людей в ходе их социализации. То же можно сказать и о том, кого молодые люди считают лидером и как лидерство в их среде формируется как социальное явление [3].

В отношении оценки вероятности возникновения в городе конфликтов, столкновений на той или иной почве, было выявлено, что каждый второй респондент считает маловероятным возможность конфликтов на религиозной, политической почве, считает низкой степень угрозы террористических актов или угрозы со стороны молодежных группировок экстремистской направленности. В то же время 54,8 % молодых людей считают среднюю степень опасности межнациональных конфликтов, 22,1 % оценивают степень вероятности таких конфликтов как высокую. В случае возникновения конфликтной ситуации на почве национализма, большинство молодых людей будут ожидать решения проблемы от органов власти (49,5 %), либо не станут ничего предпринимать (21,2 %). Однако часть ответов молодых людей свидетельствует о готовности выступить в защиту национальных интересов, в частности, применяя «жесткие» методы решения конфликта. В данном случае необходимо отметить наличие зависимости выбора стратегии поведения, в случае возникновения национальной конфронтации, от изначальных установок молодых людей по отношению к людям другой национальности. К тем, кто выражает готовность к агрессивным методам, в большей степени относятся именно респонденты с интолерантными установками. Кроме того, среди молодых людей, одобряющих применение «жестких» мер решения конфликтов, в половину больше респондентов со средним или низким уровнем достатка, чем среди молодежи, которая при возникновении конфронтации прибегнет к обращению в органы власти, и в два с половиной раза больше тех, кто высказывается негативно в отношении политического курса страны.

Исходя из результатов исследования, можно заключить, что уровень социально-политической толерантности молодежи города Иркутска достаточно высок. Большинство молодых людей не придают особого значения социально-экономическим, идейно-партийным, конфессиональным и иным различиям. Между тем, в молодежной среде фиксируется достаточно высокий уровень латентной конфликтности межнациональных отношений (63 % молодых людей ощущают некоторую напряженность), причины которой, носят в частности социально-экономический, политический подтекст. При этом, чем старше молодой человек, тем выше уровень тревожности. Среди таких респондентов в основном представители славянских этносов, тогда как молодые люди из числа народов Средней Азии и Кавка-

за, расценивают межнациональные отношения как мирные, спокойные. В то же время в случае возникновения конфликтной ситуации на почве национализма, именно представители народов Средней Азии и Кавказа будут готовы выступить в защиту национальных интересов, в частности применяя «жесткие» методы решения конфликта. В свою очередь русские, украинцы/белорусы, татары/башкиры, могут поддержать протестные действия, только если возникнет угроза безопасности жизни (личной/семьи).

Необходимо также понимать, что, несмотря на то, что наиболее интолерантны по результатам исследования, оказались молодые люди в возрасте 24–30 лет, их негатив носит более скрытый характер. И если мнения молодежи 24–30 лет в отношении готовности участвовать в акциях протеста, делятся практически поровну (46,6 против 47,9 % в пользу не готовых), то молодежь 18–23 лет выражает однозначную готовность принять в них участие (79,9 %). Они же (молодежь 18–23 лет), склонны к более критичному восприятию дифференциации, и отличаются отсутствием устойчивой системы взглядов и убеждений. Что делает их мишенью радикально настроенных организаций, использующих, разобщенную молодежь в своих политических интересах. Соответственно, однонаправленная профилактика националистических настроений среди молодых людей, будет являться недостаточной. При этом, исходя из оценок респондентов, среди информационно-просветительских мер, направленных на пропаганду толерантного поведения, наибольшей эффективностью будут пользоваться мероприятия именно практической направленности, предполагающие непосредственное участие в них молодых людей.

Литература

1. Полюшкевич О. А. Социальная эмпатия: вопросы консолидации российского общества // Мониторинг обществ. мнения: экон. и соц. перемены. 2015. № 6 (130). С. 3–18.
2. Полюшкевич О. А. Представления о социальной защищенности жителей России и Португалии // Социол. исслед. 2012. № 12. С. 66–71.
3. Скуденков В. А. Лидерство и социальное развитие // Соц.-гуманит. знания. 2013. № 2. С. 180–184.

УДК 37.018.1+37.032

Бойченко К. Р.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ВОСПИТАНИЕ ЛИЧНОСТИ В СЕМЬЕ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ УГРОЗ И ВЫЗОВОВ

Описывается проблема воспитания личности в семье под воздействием современных реалий общества. Анализируются сложности семейного воспитания, обусловленные множеством причин. Отмечается, что кризис традиционной семьи оказывает существенное влияние на развитие личности ребенка. Тем самым внутрисемейные процессы могут выступать в качестве положительного и отрицательного факторов воспитания, влияющих на формирование личности ребенка.

Ключевые слова: формирование личности, институт семьи, воспитание

Формирование личности рассматривается как результат отношений, которые определяются прежде всего семейным воспитанием и деятельностью таких агентов общественной социализации, как образование и средства информации, воспитательные функции которых разнесены во времени, где на первоначальном этапе ведущая роль принадлежит семье, а в последующем – образованию.

Проблема воспитания личности в семье – одна из тех проблем, которые остро встают перед исследователями во все времена. Она нашла свое отражение в трудах Я. А. Коменского, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, А. С. Макаренко и др. Все они писали об огромном значении, которое имеет семья в формировании будущего человека. Вклад в разработку проблем семейного воспитания внес А. С. Макаренко. Он писал: «Воспитание детей – самая важная область нашей жизни. Правильное воспитание – это наша счастливая старость, плохое воспитание – это наше будущее горе, это наша вина перед всей страной» [4, с. 44].

Действительно, родители – первые воспитатели и учителя своих детей, поэтому их роль в формировании личности растущего гражданина огромна. Семейные условия определяют жизненный путь ребенка. Помимо сознательного целенаправленного воспитания, которое дают ему родители, на него воздействует вся внутренняя атмосфера, причем эффект этого воздействия накапливается с возрастом, преломляясь в структуру личности [3]. Личность – это человек как субъект социальных отношений и сознательной деятельности.

Как отмечают ученые, сложности семейного воспитания в условиях современных угроз вызваны такими причинами как нестабильность быта; трудность межрегиональных, межнациональных, межрелигиозных браков; низкий уровень жизни; неразрешенные проблемы семей, в которых члены семей живут раздельно по разным причинам и др. В гармоничной же семье между родителями и детьми существует глубокое понимание, доверие, любовь. В таких семьях созданы лучшие условия для творческого воспитательного процесса. Необходимо отметить, что в современном обществе существуют семьи формально, а именно в них супруги живут каждый сам по себе, и воспитательный вклад отца (или, бывает, что и матери) настолько незаметен, что его можно не принимать во внимание. С одной стороны, семья кажется крепкой, сплоченной, а с другой – раздираемая противоречиями и недопониманием между членами семьи.

В условиях современных вызовов и угроз произошли изменения в институте семьи. Кризис традиционной семьи оказывает существенное влияние на развитие личности ребенка. На сегодняшний день в процессе трансформационных изменений формируется модель семьи в современном российском обществе, и она вариативна. Она может объединять супругов с детьми, находящихся в зарегистрированном или незарегистрированном браке; пару «мать и ребенок»; бездетных партнеров, не вступающих в брак и ведущих совместное хозяйство; полигамный союз, основанный на рели-

гиозных обычаях или новых нравственных нормах, а также однополый фактический брак.

Все эти трансформационные изменения в обществе влияют на социализацию ребенка. Ведь семья – тот институт, который обеспечивает ребенка необходимым минимумом общения, без которого он никогда не смог бы стать человеком и личностью. Способность семьи успешно осуществлять социализацию детей, сохранять свой воспитательный потенциал в значительной степени обусловлена эффективностью государственной политики в области семьи. Эффективность процесса социализации детей в современной российской семье напрямую зависит от способности их родителей адаптироваться к новой социально-экономической реальности, возникшей в результате осуществляемых в стране реформ.

Общественные условия, среда недостаточны, чтобы сформировать человека. Здесь вступает в силу особый, социальный фактор формирования личности человека – воспитание. Воспитанием учитывается вся совокупность факторов, действующих на человека, и создаются условия для их реализации. Семья – это своеобразная экономическая ниша, которая характеризует сложную систему взаимосвязанных процессов. Нарушение одного процесса ведет к дисфункции других сфер в системе в целом. Тем самым внутрисемейные процессы могут выступать в качестве положительного и отрицательного факторов воспитания, влияющих на формирование личности ребенка. Кандидат педагогических наук С. Н. Дубинин в своей статье «Семейное воспитание как основной фактор развития личности ребенка» выделил наиболее часто встречающиеся ошибки родителей в воспитании детей, а именно неправильные представления родителей об особенностях проявления родительских чувств, недостаточная психолого-педагогическая компетентность родителей по проблемам возрастного развития ребенка и адекватных ему методов воспитательного воздействия, недооценка роли личного примера родителей и единства предъявляемых требований к ребенку, к другим членам семьи и к себе [1]. Особенно в начальный период жизни ребенка влияние семьи намного превышает другие воспитательные воздействия. Семья отражает школу, общественные организации, трудовые коллективы, СМИ, влияние искусства и литературы.

Воспитание включает в себя принципы, содержание, организацию, методы воздействия на человека. Стоит отметить, что если поставленные задачи не выполнены, и не сформированы необходимые качества личности или не создана явная тенденция к их формированию, то можно сказать, что в этом случае нет и воспитания.

Резюмируя вышесказанное, необходимо отметить, что, когда родители воспитывают детей с человеческими качествами, далекими от общественных норм, тогда семья тем самым наносит вред всему обществу. Ведь растущий человек входит в большой мир – общество через малый мир – семью. Его будущая жизнь зависит от того, как он будет развиваться в семье, какие качества приобретет в результате и станет ли личностью.

Литература

1. Дубинин С. Н. Семейное воспитание как основной фактор развития личности ребенка // Сред. проф. образование. 2009. № 5. С. 29–31.
2. Гасанли М. Н. Психологические особенности семейного воспитания // Сб. конф. НИЦ «Социосфера». 2012. № 2. С. 18–21.
3. Мустафаева Д. Ш. Влияние семейного воспитания на личность ребенка в контексте современных социокультурных реалий // Мир образования – образование в мире. М. : Моск. психол.-соц. ун-т. 2016. № 2. С. 178–182.
4. Макаренко А. С. Книга для родителей. М., 1985.

УДК 364:378.1

Гуринович Л. А.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СТУДЕНТОВ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ БЕЗОПАСНОЙ СРЕДЫ ВУЗА ПОСРЕДСТВОМ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ И ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

Рассматривается представление студентов об особенностях формирования безопасной среды вуза посредством системы социальной и воспитательной работы.

Ключевые слова: социальная работа, воспитательная работа, безопасная среда.

Во втором десятилетии XXI в. произошли изменения социокультурного пространства университета, что проявилось в формализации отношений и особенностях взаимодействия представителей различных социальных групп, связанных с системой высшего образования. Одновременно можно констатировать проявление особенностей современной студенческой молодежи, которая не просто формировалась в период построения капиталистических отношений в нашем государстве, а в эпоху институционализации индивидуальных ценностей и приоритетов формирования личности. В это же время происходит всплеск заинтересованности государства в возврате к идеям коллективности и патриотичности. Эти полярные по своей сути процессы нашли отражение в особенностях формирования системы социальной и воспитательной работы вуза.

Для выявления отдельных маркеров построения указанной работы проводятся социологические исследования, в том числе сотрудниками Института социальных наук. Так, в 2016 г. сотрудниками кафедры социальной работы по заказу администрации ФГБОУ ВО «ИГУ» было проведено исследование условий развития социокультурного пространства, жизненных планов и ценностных ориентаций студенческой молодежи Иркутского государственного университета, целью которого было в том числе оценить влияние факторов вузовской среды формирования ценностных ориентаций студенческой молодежи.

Нами были получены результаты, подтверждающие двойственность ценностей. Так, первые три места занимают инструментальные ценности: деньги (53,1 %), карьера (53 %) и благосостояние, благополучие (44,5 %).

Вторую группу ценностей, присущих молодежи, по мнению студентов ИГУ, составляют семья (34,5 %), отдых, развлечения (33,9 %), друзья (36,6 %), здоровье (30,9 %), любовь (25,2 %). В третью группу внесены успех (22,5 %) и образование, знание (20,2 %). От 10 до 15 % мнений респондентов сошлись на таких ценностях, как интеллект (15,7 %), креатив, творчество (15,2 %), признание (14,7 %), жизнь (13,5 %) и интересная работа (13, 3 %). В пятую группу внесены ценности, набравшие от 2 до 8 %, а именно: доверие и гордость за успехи (свои, друзей, Отечества) (по 8,3 % соответственно), достоинство и единство, солидарность (2 %).

В задачи исследования входило выявление тех факторов, которые оказывают влияние на формирование ценностей. Респондентам был задан вопрос о влиянии различных факторов на формирование ценностей, жизненных планов и потребностей (табл.).

Таблица

Влияние различных факторов на формирование ценностей, жизненных планов и потребностей студентов, %

Варианты ответа	Влияние на формирование ценностей, доля респондентов	Влияние на формирование жизненных планов, доля респондентов	Влияние на формирование потребностей, доля респондентов
Семья	85,7	55,7	40,0
Друзья	67,6	34,6	36,3
Книги	62,7	23,9	33,7
Кинофильмы	39,1	15,7	44,5
Кумиры	22,5	21,3	32,1
Вуз	22,2	73,3	29,3
Телевидение	21,8	17,2	58,5
Интернет	19,6	18,6	70,0
Популярные люди	17,7	24,2	33,6
Радио	9,4	4,9	38,6
Нет ответа	4,6	6,1	5,0

Как видно из представленных результатов, на формирование ценностей студента интенсивнее всего влияют семья (85,7 %), друзья (67,6 %) и книги (62,7 %); на формирование потребностей – Интернет (70 %), телевидение (58,5 %), кинофильмы (44,5 %) и семья (40 %). При формировании жизненных планов первую строчку рейтинга занимает вуз (73,3 %), вторую – семья (55,7 %), третью – друзья (34,6 %).

Таким образом, вуз играет значительную роль в создании и трансформации социокультурной жизни молодежи, влияя на формирование ценностей каждого пятого студента (22,2 %), формирование потребностей каждого третьего студента (29,3 %) и на формирование жизненных планов большинства опрошенных студентов (73,3 %).

Этому способствуют преподаватели и сотрудники, молодежные движения и организации, что означает необходимость проведения систематической социальной и воспитательной работы, совместно участвующие в создании комфортной и безопасной срезы университета в наше сложное время.

Заварзин С. П.

Братский государственный университет, г. Братск,

Заварзин Н. С.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье представлена народная культура как действенное средство профилактики и преодоления негативных общественных явлений в детской и молодежной среде. Анализируется социокультурное развитие Иркутской области через качественные и количественные показатели социальной модернизации.

Ключевые слова: социокультурное развитие, региональная культура, народное творчество, Иркутская область.

Опыт развития и сохранения уникальной, самобытной культуры народов, населяющих Иркутскую область, показывает, что она не утратила своей способности активно воздействовать и влиять на все сферы жизни общества. Народная культура является действенным средством профилактики и преодоления негативных общественных явлений в детской и молодежной среде, формирования патриотических и гражданских качеств личности, воспитания духовности и нравственности общества, стабилизации и гармонизации семейных отношений, иными словами, позволяет улучшить в целом качество жизни общества.

На сегодняшний день основными хранителями и распространителями народных традиций являются дома культуры муниципалитетов Иркутской области, которых на 1 января 2017 г. насчитывается 789. Обеспеченность жителей Иркутской области социокультурными учреждениями в соответствии с методикой определения нормативной потребности субъектов РФ в объектах социальной инфраструктуры, одобренной распоряжением Правительства Российской Федерации от 19 октября 1999 г. № 1683-р, составляло 96,1 % [4].

Организацией досуга населения в муниципалитетах Иркутской области занимаются и клубные формирования. В соответствии с Модельным стандартом деятельности культурно-досугового учреждения к клубным формированиям и любительским объединениям относятся кружки, коллективы и студии любительского художественного и технического творчества, клубы по интересам, народные университеты и их факультеты, школы и курсы прикладных знаний и навыков, физкультурно-спортивные кружки и секции, группы здоровья и туризма, а также другие клубные формирования творческого, просветительского, физкультурно-оздоровительного и иного направления, соответствующего основным принципам и видам деятельности культурно-досуговых учреждений.

По состоянию на 1 января 2017 г. в Иркутской области насчитывалось 5 402 клубных формирования, в том числе 4 118 коллективов самодеятельного народного творчества с числом участников более 79 тыс. человек. Свыше 50 % участников клубных формирований и творческих коллективов составляли дети и молодые люди [3].

Ежегодно муниципальные дома культуры по Иркутской области в среднем проводят около 125 тыс. мероприятий с числом посетителей более 2 млн человек. К сожалению, Иркутская область в данном аспекте уступает другим регионам Сибирского федерального округа. За последние 5 лет охват населения подобными мероприятиями домов культуры муниципальных образований нашего региона необратимо снижается [4]. Проблема заключается в том, что качество услуг, предоставляемых в сфере культуры, не отвечает возрастающим требованиям нынешнего посетителя из-за нарастающей изношенности материально-технической базы домов культуры муниципальных образований Иркутской области.

Основная причина указанной проблемы в недостаточном финансировании. При этом 70–80 % денежных средств составляют платежи по заработной плате и коммунальным услугам. Остальное – основная деятельность, текущие ремонты и приобретение оборудования [5]. Поселения Иркутской области, в большинстве своем, не обладают достаточными средствами, резко снижают объемы финансирования на содержание домов культуры. Это вызывает нарастание негативных процессов в материально-техническом обеспечении домов культуры, идет утечка квалифицированных кадров. В результате наблюдается существенный спад качества культурного обслуживания населения Иркутской области. Оснащенность домов культуры муниципальных образований Иркутской области специальным оборудованием и музыкальными инструментами на 2016 г. составила 40–50 %. Износ имеющегося оборудования от 70 до 100 %. Только 27,6 % домов культуры муниципальных образований Иркутской области были оснащены персональными компьютерами, 11,2 % имели доступ к сети Интернет [1]. Дома культуры муниципальных образований Иркутской области практически не были оснащены современным звуковым и светотехническим оборудованием.

Состояние материально-технической базы негативно сказывается на кадровом составе. Молодые, креативно мыслящие специалисты неохотно идут на работу в такие учреждения из-за отсутствия в них современных условий для проведения культурно-досуговой работы и возможностей реализации творческих замыслов и проектов [3]. В результате кадровый состав домов культуры муниципальных образований Иркутской области в основном состоит из людей пенсионного и предпенсионного возраста с невысоким уровнем специального образования. Это снова влечет невысокое качество услуг и возникновение застойных явлений в жизни таких учреждений.

Среди существующих проблем для развития сферы культуры Иркутской области следует выделить удаленность области от крупнейших российских и международных культурных центров, следствием которой является затрудненность и высокая стоимость непосредственного культурного взаимодействия.

К особенностям Иркутской области можно отнести низкую концентрацию населения в крупных городских округах. Так, в г. Иркутске прожи-

вает 24 % населения области, для сравнения в г. Красноярске 35,1 %, Новосибирске 55,5 %, Омске 59,2 %, что приводит к необходимости содержать значительную удаленную от крупных культурных центров инфраструктуру для оказания услуг населения и соответственно значительный обслуживающий персонал. Ограничителем для развития сферы культуры является и значительная протяженность региона, также затрудняющая и увеличивающая стоимость культурных взаимодействий, в том числе оказание услуг для населения областными государственными учреждениями культуры и искусства.

Значительным препятствием является неразвитость кадрового потенциала, нехватка специалистов высокой квалификации как непосредственно занимающихся созданием и распространением культурных ценностей, так и среди руководителей органов управления и учреждений культуры [2]. Фактором, сдерживающим развитие отрасли, является и недостаточность материальной базы, в том числе современного концертного зала в г. Иркутске, нового помещения для Иркутского театрального училища, фондохранилища для государственных музеев Иркутской области, современных зданий для муниципальных библиотек, музеев, культурно-досуговых учреждений. Требуется серьезное обновление оборудования учреждений культуры и искусства, фондов областных и муниципальных библиотек.

Проведя исследование социокультурного пространства Иркутской области выявлен дисбаланс экономических отношений сферы культуры в современной экономике, проявляющийся в процессах: разрушения и коммерциализации материальных единиц культуры; утраты индивидуальности ее нематериальных ресурсов и их экономической ценности; экономически необоснованного перераспределения источников финансирования и переадресации покрытия расходов автономных организаций культуры на потребителей [6].

При помощи анализа выявлены причинно-следственные связи деформации экономических отношений сферы культуры в Иркутской области и раскрыты такие проявления причин, как отсутствие дифференцированного подхода при переводе учреждений культуры на хозрасчет, сокращение финансирования, муниципализация сферы культуры регионов, децентрализация бюджета, вследствие которых происходит перепрофилирование материальной базы, ликвидация творческих коллективов, утрата традиций и технологий художественной деятельности, развитие ее «имитационной» формы, вызванные причинами.

Воспроизводство элементов региональной культуры и их рациональное использование полностью реализуются только в условиях популяризации, а значит неразрывно связано с процессом потребления культурных продуктов и услуг. Обеспечение системного подхода развития экономических отношений сферы культуры потребует формирования рационального механизма использования ее элементов в экономике региона [7].

Реализация системного подхода позволит управлять процессами включения культуры в экономику Иркутской области. В итоге это обеспе-

чит удовлетворение интересов, как государства, так и предпринимателей и владельцев объектов культуры, что приведет к соблюдению оптимальной пропускной способности объектов культуры, а, следовательно, сохранению целостности сферы культуры в нашем регионе.

Литература

1. Борисова Ю. В. Социальное партнерство: провозглашенный и реальный мир ответственного предпринимателя // Социология. 2013. № 4. С. 28–45.
2. Заббарова О. А. Экономическое содержание критерия эффективности деятельности организаций культуры // Аудит и финансовый анализ. 2016. № 5. С. 45–57.
3. 100 модельных домов культуры Приангарью : программа Иркут. обл. [Электронный ресурс]. URL: <http://urf.podelise.ru/docs/1659/index-9559.html> (дата обращения: 01.04.2017).
4. Помещикова С. А. Ведомственные целевые программы на муниципальном уровне в Иркутской области // Изв. ИГЭА. 2016. № 3. С. 72–75.
5. Полюшкевич О. А. Потенциал адаптации жителей региона к модернизационным процессам в стране // Baikal Research Journal. 2010. № 5. С. 116–119.
6. Полюшкевич О. А. Социокультурная солидарность в трансформирующемся обществе. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. 190 с.
7. Скуденков В. А. Лидерство и социальное развитие // Соц.-гуманитар. знания. 2013. № 2. С. 180–184.

УДК 316.346.32-053.6:316.647.5

Борисова К. Д.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

КУЛЬТУРА МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ СТУДЕНЧЕСТВА: ВОСПИТАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ У СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТА В СЛОЖНЫХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Рассматривается культура межличностного общения студенчества, воспитание толерантности у студентов университета в сложных социально-политических условиях современной российской действительности.

Ключевые слова: межличностное общение, толерантность, социально-политические условия.

XX в. характеризовался бурными и противоречивыми событиями. Его также называют веком широкого распространения идей прав человека, веком политического, национального и культурного плюрализма, веком начавшейся международной интеграции. Но он же стал и веком, породившим такие явления, как тоталитаризм, фашизм, нацизм.

Сегодня в мире по-прежнему весьма сильны расистские, религиозно-экстремистские настроения. Нет необходимости говорить, что эта проблема актуальна для современной России – страны многонациональной, многоконфессиональной, поликультурной. Ее актуальность усиливается в начале

XXI в., о чем свидетельствует методологический анализ проблем толерантности, в том числе толерантности в полисубъектных пространствах [4].

У представителей различных этносов возникает опасение, страх перед возможным ущемлением «национального достоинства».

Оттенки этого опасения различны: от индифферентности до агрессии, от холодного безразличия до проявлений ксенофобии (страха, иногда ненависти по отношению к людям иной нации). Отчасти такие эксцессы могут рассматриваться в качестве своеобразной избыточной защитной реакции на действительные или мнимые угрозы со стороны представителей иных этносов. Так или иначе, носитель любой культуры забывает при этом, что он всего лишь человек и не обладает правом на злобу, ненависть, попрание законных прав другого. Известно, что подобная «забывчивость» ведет – среди людей – к усилению агрессивности, распространению – в обществе – шовинистических и фашистских идей. Ближайшими следствиями легко могут стать кровопролитные распри, войны, террористические выпады.

Последние события, связанные со вспышками террора, – это показатель нравственной патологии поликультуры. Сложные социально-политические условия современной российской действительности, в том числе образовательной среды с ее внутренним и внешним пространством, актуализировали проблему воспитания толерантности, все более остро требующую практического решения, а потому и ее научного обоснования.

Воспитание толерантности, как считает педагогическое сообщество, – общее дело многих государственных и общественных институтов, но когда его объектами выступают дети, главная нагрузка и ответственность в работе с ними ложится именно на образовательную среду. Им в этом трудном деле остро необходимы, во-первых, информация о сущности воспитания толерантности, ее содержании и проявлениях, во-вторых, представление о возможных средствах – технологиях такого воспитания, предназначенное для выбора и творческого использования таковых в тех или иных конкретных условиях, в-третьих, толерантность необходима и самому педагогу – во всей неразрывности личностного и профессионального [3].

Во многих культурах понятие «толерантность» является своеобразным синонимом «терпимости». В процессе историко-культурного развития и становления философской мысли категория «терпимости» («толерантности») терпела некоторые изменения. Это является естественным явлением, так как менялось и само общество, во главу угла в человеческих взаимоотношениях ставились разные идеи.

Несколько иную смысловую нагрузку несет определение толерантности в психологической литературе, надо заметить, в ней толерантность определяется неоднозначно: во-первых, как установка либерального принятия моделей поведения, убеждений, ценностей другого; во-вторых, как способность выносить стресс без серьезного вреда [1].

Таким образом, этимологическое значение толерантности заключается в том, что термин употребляется для обозначения способности к сопро-

тивлению: стрессам, вредным воздействиям окружающей среды, собственному раздражению поведением другого индивида.

Но следует также отметить, что понятие толерантности, хотя и отождествляется большинством источников с понятием терпения, имеет гораздо более яркую активную направленность. Толерантность – не пассивное, неестественное покорение мнению, взглядам и действиям других; не покорное терпение, а активная нравственная позиция и психологическая готовность к терпимости во имя взаимопонимания между этносами, социальными группами, во имя позитивного взаимодействия с людьми иной культурной, национальной, религиозной или социальной среды.

В структуре толерантности, как и в любом другом личностном качестве, можно выделить три основных структурных компонента: познавательный, эмоционально-оценочный, поведенческий [2]. Три указанных компонента находятся во взаимосвязи и взаимозависимости.

Познавательный компонент представляет собой своеобразное информационное «поле», отдельные элементы которого характеризуют особенности личности, взаимоотношения в образовательной сфере, специфику работы, предметное содержание обучения и предъявляют многие другие знания, необходимые для полноценной организации педагогического процесса. Из познавательного компонента извлекаются необходимые сведения, связанные с возникшей ситуацией. Как правило, ситуация вызывает определенные эмоции, связанные с ведущими интересами личности. Возникает познавательно-эмоциональное образование, т. е. своего рода эмоционально окрашенные знания, необходимые для формирования поведенческой готовности, а на более сложном уровне и поведенческих программ.

Таким образом, мы считаем, что воспитывать толерантность необходимо именно в юношеском возрасте. Этот возрастной период (студенчество) имеет свои психолого-возрастные особенности, характеризующиеся эмоциональной незрелостью, открытостью, внушаемостью, малым жизненным опытом, самоидентификацией не на основе общечеловеческих ценностей, а под влиянием коллизий в сфере культурных, национальных, социальных и других отношений. В этом возрасте поиск приемлемых социальных ролей, интерес к общению за рамками ближайшего социума, потребность во взаимопризнании и взаимопонимании с окружающим миром заставляют молодых людей столкнуться с иными культурами, конфессиями, социальными группами. Именно в юношеском возрасте закладываются основы дальнейшего социального поведения личности, в том числе способность к эмпатии или конфликтность, социальная изолированность, позитивное или заведомо негативное отношение к представителю другой нации, религии, социальной среды.

Особое значение для студенческой молодежи приобретает собственная жизненная позиция. Предпосылки этого: повышенный интерес к себе, своему внутреннему миру, развитие рефлексии, стремление к отстаиванию собственного мнения. Молодые люди должны понимать, что именно им

жить в этом новом взаимосвязанном, взаимообусловленном мире, строить свои отношения с представителями других наций и конфессий. Они должны осознать: эти отношения служат как прогрессу и процветанию нашего общества, так и прогрессу мирового сообщества.

Литература

1. Асмолов А. Г. Толерантность: различные парадигмы анализа // Толерантность в общественном сознании России. М., 1998.
2. Бездухов В. П., Бездухов А. В. Ценностный подход к формированию гуманистической направленности студента – будущего учителя. Самара : Изд-во СамГПУ, 2000. 185 с.
3. Вульф Б. З. Воспитание толерантности: сущность и средства // Внешкольник. 2002. № 6. С. 12–16.
4. Грабельных Т. И. Толерантность и проблемы принятия политических решений в полисубъектных пространствах в контексте устойчивости социального статуса субъекта // Толерантность и полисубъектная социальность : материалы конф. (Екатеринбург, 18–19 апр. 2001 г.). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. С. 138–142.

УДК 6.77:008+316.74:796

Гамерник Е. В.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

РАЗВИТИЕ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ КАК СЛЕДСТВИЕ ПОВЫШЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНСЕНСУСА В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ СФЕРЫ ТУРИЗМА)

Рассматривается развитие межкультурных коммуникаций как следствие повышения культуры политического консенсуса в России.

Ключевые слова: межкультурные коммуникации, политический консенсус, туристическая инфраструктура.

Межкультурные коммуникации играют огромную роль в сфере туризма. Именно туризм выступает продуктивным обогащением различных культур. Несомненно, сферу туризма мы можем назвать одной из ведущих и наиболее динамичных отраслей мировой экономики. Туризм направлен на ознакомление населения с историей, культурой, обычаями, духовными и религиозными ценностями различных стран и их народов.

В настоящее время мы наблюдаем, как политика в большей степени влияет на все сферы жизни людей и экономику. Одной из сфер человеческой деятельности, которая непосредственно испытывает на себе влияние политики является туризм. Одними из важных факторов, влияющими на развитие туристической сферы является культурная, социальная, экономическая, законодательная политика государства. Эти составляющие формируют так называемую туристическую политику или политику в сфере туризма. Следует отметить, что чем сильнее органы государственной власти вмешиваются в туристскую деятельность, тем сильнее тенденция к ее развитию. Развитие туризма напрямую зависит от правильно проведенной по-

литики в данной сфере. Роль органов власти в данной сфере, прежде всего заключается в разработке правовых и финансово-экономических рамок, которые определяют параметры развития отрасли, а также в разработке механизма инвестиций, направляемых государством для развития инфраструктуры туризма, особенно на территориях, где финансирование особенно затруднено.

Сибирский регион имеет огромный потенциал для развития внутреннего туризма, но из-за недостаточного внимания со стороны органов власти и общественности региона развивается достаточно медленно и бессистемно. Причина кроется в отсутствии крупных инвесторов, нерешенности кадрового вопроса и слабого развития туристской инфраструктуры. Сдерживающими факторами является малое количество гостиниц среднего класса, слабое развитие сферы коммунальных услуг, в таких условиях туристы, особенно иностранные, лишены элементарных для них удобств.

Планирование развития туристской инфраструктуры требует комплексного подхода. Необходимо формирование четкого плана развития туристской инфраструктуры, причем руководящая роль на долгосрочной основе должна принадлежать именно государственной структуре. Комплексное планирование развития территорий предполагает привлечение частных инвесторов при поддержке государства, которое должно обеспечить инвестиции из федерального и регионального бюджетов в туристскую инфраструктуру. Привлечение инвесторов в данную отрасль подразумевает необходимость использования механизмов государственно-частного партнерства. А это, в свою очередь, требует применения комплексного подхода к планированию развития туристской инфраструктуры в Иркутской области.

Екатерина Сергеевна Сливина, руководитель Агентства по туризму Иркутской области, отмечает: «На сегодняшний день Приангарье входит в десятку лидеров по развитию туризма среди регионов РФ. Индустрия рискует остаться в стагнирующем состоянии, а доля отрасли в региональном валовом продукте так и «зависнуть» на уровне 0,6 %. С одной стороны в пользу Приангарья играет выгодное географическое положение на пересечении европейских и азиатских транспортных потоков, Байкал, культурно-исторический фон, с другой – регион теряет очки из-за морально устаревшей инфраструктуры, небольшого набора туруслуг, которые, к тому же еще и не отвечают современным требованиям. «Бонусом» ко всему – нерешенные земельные вопросы и бессистемное развитие отрасли. Все это отпугивает потенциальных инвесторов» [2].

По итогам 2016 г. Иркутскую область посетило 1525,8 тыс. человек, в том числе из них 158,6 тыс. иностранных туристов, что на 21,7 % больше по сравнению с 2015 г. Данный прирост обусловлен не только изменением курса рубля, но и межгосударственной политикой, направленной на снижение въездных и выездных барьеров.

Необходимо отметить, что первое место по количеству туристских прибытий в наш регион среди иностранных граждан на протяжении ряда лет занимает Китай [1]. Следует отметить, что туристский поток из Китая

растет высокими темпами и заинтересованность китайских инвесторов с каждым годом выше. Также высокую долю среди иностранных туристов занимают такие страны как: Германия, Франция, Республика Корея, Монголия, США, Великобритания, Швейцария и Польша.

Как мы видим из всего вышесказанного, Иркутская область является весьма популярным местом среди туристов. Иностранные гости и жители других регионов посещают Байкальский регион с культурно-познавательными, лечебно-оздоровительными целями, частными визитами, осуществляют экологические туры и деловые поездки. Мы наблюдаем, что в последние годы есть тенденция к росту качества байкальского туристского продукта. Это связано с тем, что люди предпочитают благоустроенные базы отдыха и хорошую экскурсионную программу, даже несмотря на достаточно высокую стоимость.

Мы можем сделать вывод, что инвестиционная привлекательность Байкальского региона как туристского объекта растет. Прежде всего, это связано с развитием азиатского вектора. На наш взгляд, региональной власти стоит внимательно отнестись к участию местных предпринимателей в процессе развития инфраструктуры и попытаться создать для них приоритетные условия для реализации локальных инвестиционных проектов. Поэтому необходимо и далее изучение представленной проблемы, касающейся государственного участия в сфере развития внутреннего туризма в Байкальском регионе.

Литература

1. Отчет агентства по туризму Иркутской области [Электронный ресурс] // Агентство по туризму Иркут. обл. URL: <http://www.http://irkobl.ru/> (дата обращения: 06.04.2017 г.).
2. Развитие туризма в Иркутской области: планы властей и взгляд экспертов от области [Электронный ресурс] // Телеинформ. URL: <http://www.http://http://i38.ru/> (дата обращения 06.04.2017 г.).

УДК 316.77:008

Крюкова У. В.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ОБМЕН В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Освещается межкультурный обмен, который отражает многочисленные особенности феномена межкультурных коммуникаций. Автором статьи оценивается современная ситуация межкультурного взаимодействия в условиях политической нестабильности.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, культура, образование, политика.

В настоящее время в мире прослеживаются тенденции к интеграции и ассимиляции культур. Экономический кризис, политическая нестабильность и безработица заставляют людей искать благополучные условия для проживания в других странах. Часто это сопровождается негативными явлениями, такими как ксенофобия, религиозная и национальная нетерпимость, неуважение к чужой культуре, традициям и т. д.

Данное взаимодействие происходит на основе межкультурной коммуникации, которая возможна только при толерантном отношении к представителям других культур. Таким образом, актуальность изучения межкультурной коммуникации обусловлена ее исключительным значением для развития человеческой цивилизации, мирного существования культур, особенно в условиях нестабильного геополитического пространства.

На сегодняшний день межкультурная коммуникация является неотъемлемой частью жизни современного человека. Межкультурная коммуникация – это коммуникация как связь и общение между представителями различных культур, что предполагает как непосредственные контакты между людьми и их общностями, так и опосредованные формы коммуникации (язык, речь, письменность, электронную коммуникацию). Это процесс установления разнообразных форм взаимоотношений между отдельными людьми, их группами и целыми народами [2, с. 296]. Так Г. Трейгер и Э. Холл в своей работе «Культура и коммуникация. Модель анализа» (1954) определяли ее как идеальную цель, к которой должен стремиться человек в своем желании как можно лучше и эффективнее адаптироваться к окружающему миру [8].

Самостоятельное значение проблема межкультурных коммуникаций приобретает в международных отношениях, которые отражают многочисленные особенности феномена межкультурных коммуникаций. Говоря об истории межкультурных коммуникаций, можно подчеркнуть, что они непосредственно связаны с развитием политических, торговых, культурных, межрелигиозных контактов. Именно в истории международных отношений можно отметить становление различных направлений и форм межкультурного общения, которое складывалось под влиянием многочисленных факторов.

Культурные связи играли важную роль в развитие политического диалога и в последующее время и часто действительно способствовали изменению политического климата. В подтверждение можно привести несколько фактов из истории. Например, налаживание отношений между США и КНР началось с соревнований по пинг-понгу («дипломатия пинг-понга»), а контакты между СССР и военными режимами в странах Латинской Америки осуществлялись преимущественно благодаря гастролям популярных там советских артистов. Стоит отметить, что зачастую именно культурные различия становились тормозом развития межгосударственных отношений. На протяжении долгого времени преодолеть данные противоречия было достаточно сложно, так как устоявшимися являлись убеждения, основанные на превосходстве той или иной культуры, религии [10, с. 32–37]. Однако, несмотря на вполне закономерные экономические и политические интересы, культурные контакты в международных отношениях в качестве самостоятельной величины стали рассматриваться совсем недавно. Культурные связи в течение долгого времени осложнены особенностями национальных, духовных традиций, вопросами религиозной принадлежности.

Как же можно охарактеризовать современную ситуацию межкультурного взаимодействия? На сегодняшний день динамичная, постоянно меняющаяся социально-политическая парадигма международных взаимоотношений предъявляет новые требования к системе отечественного образования, в том числе и в области усвоения молодежью межкультурных навыков общения, в области изучения иностранных языков. В результате осложнения политических отношений между Российской Федерацией и ведущими западными странами количество межкультурных контактов сократилось, а перспективы ряда направлений международного сотрудничества с ними поставлены под сомнения.

Также по политическим причинам сегодня в России наблюдается резкое сужение межкультурного коммуникативного поля, понижения языковой грамотности, что в свою очередь может в дальнейшем привести к скудности языкового образования. Однако в эпоху политической нестабильности можно найти и актуальный положительный аспект межкультурного обмена. Таковым является положительное социально-образовательное влияние языкового знания и межкультурной грамотности на гуманизм и нравственность населения. В результате научно обоснованного управляемого языкового воздействия на личность и социум в целом в нем происходит трансформация культурных ценностей, изменяется общественный менталитет, формируется наднациональное сознание.

Литература

1. Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. Воронеж : ВГУ, 2004.
2. Трейгер Г., Холл Э. Культура и коммуникация. Модель анализа. М., 1954.
3. Яценко Е. Восток и запад: взаимодействие культур // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения. Вып. 1. М., 1999. С. 32–37.

УДК 316.74:796.5

Бенчарова Ю. П.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ТУРИЗМ КАК ФАКТОР ГЛОБАЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Рассматривается проблема развития туризма в аспекте изменения окружающей природной среды, истощения ресурсов и увеличения количества мусора. Обосновывается, что туристическая деятельность может привести к негативным социальным последствиям.

Ключевые слова: туризм, глобализация, монокультура, экологические проблемы, терроризм.

Мир находится на этапе трансформаций, которые ведут к росту глобализации и интеграции, в том числе внедряются наукоемкие технологии, создается мировая инфраструктура. Глобализация затрагивает не только финансовые и товарные потоки, а также изменяет самих субъектов, кото-

рые находятся на рынке. В результате централизации капиталов данные субъекты экономически растут, становятся более мощными и крупными, начинают менять свои стратегии и схемы управления, усиливавшие взаимосвязь и взаимозависимость участников в сфере бизнеса.

Характерной чертой глобальной экономики является национальная экономика, утрачивающая четкие границы. Теперь капитал из финансовой или интеллектуальной сферы может приходиться из разных источников, товары могут создаваться в любом месте земного шара, а продукция реализовываться и продаваться на любых рынках.

Тенденция глобализации стала развиваться также и в туристическом бизнесе, в котором отражаются взаимоотношения, партнерство разных государств и социальных организаций в политической, экономической, культурной и других областях.

Сегодня туристские услуги предлагают около 150 стран мира, каждая из которых имеет свой характерный образ, который может положительно влиять на все более разнообразный спрос и мотивацию поездок туристов. Эффективному развитию туризма способствует формирование разнообразных сегментов и ниш международного рынка. Индустрия отдыха превращается в лидирующую отрасль мировой экономики [1]. Д. Н. Замятин утверждает, социальные практики путешествий радикально меняют картины мирового развития, множественность фрагментов которых формирует новые образно-географические поля, разрушая стереотипы стран, народов, обычаев, традиций [2].

Характерной особенностью процесса глобализации в туристской отрасли является применение новейших информационных и телекоммуникационных технологий, которые способствуют повышению эффективности и совершенствованию работы компаний, улучшению обслуживания клиентов, ускорению всех оперативных процедур, созданию новых маркетинговых методик и распределительных каналов [1]. Процессы глобализации сопровождаются резким обострением конкурентной борьбы, ростом числа слияний и поглощений туристских компаний. В сферу туризма внедряются промышленные компании, банки, ассоциации и объединения. Многие участники рынка сокращают деятельность в традиционных для себя областях и сосредотачивают усилия в сфере туризма, считающейся более прибыльной.

Однако в процессе глобализации туристской деятельности появляются серьезные проблемы. Одной из главных и распространенных является проблема экологии. В процессе туристской деятельности неизбежно происходит изменение окружающей природной среды. При этом негативные изменения преобладают, нанося ей значительный и возрастающий ущерб. Большое количество мусора, уничтожение и вытаптывание растений, загрязнение атмосферы, уничтожение фауны и многое другое влияет на природу при активном взаимодействии природы с туристами.

Также на туристической территории может развиваться монокультура туризма. В конкурентной борьбе за землю, ресурсы, капитал туризма

теснит сельское хозяйство и другие традиционные источники дохода местных жителей. Более высокая заработная плата в туристической индустрии привлекает работников, что пагубно влияет на сельское хозяйство из-за оттока рабочей силы. В результате снижаются объемы сельскохозяйственной продукции, в то время как объемы потребления растут благодаря многочисленным туристским прибытиям. Одновременно нарушается или полностью разрушается традиционный уклад жизни и природный ландшафт в центрах массового туризма. Монокультура туризма сама подрывает основы своего существования [4]. Разнообразие – это основа экономической стабильности. Когда одна отрасль переживает резкий экономический спад, другая процветает, таким образом снижается возможность кризиса или сглаживаются его последствия, если кризис все же наступает. Следовательно, вместо того, чтобы способствовать инвестированию экономики, туризм порой замещает сектор сельского хозяйства.

Более того, туризм порождает определенные социальные издержки и дополнительные расходы на поддержание окружающей среды, которые «ложатся на плечи» принимающего региона и его жителей. Слишком бурное развитие туризма и полная зависимость от него ставит следующую дилемму: если прекратить дальнейшее развитие, это грозит экономическим спадом; если же не ограничивать туризм в дальнейшем развитии, то природные и культурные ресурсы страны из-за чрезмерного использования оскудеют, придут в негодность и обесценятся. В подобном случае решение, как правило, принять довольно сложно.

Порой туризм порождает рост темпов инфляции в регионе, где он развивается. Туристы вкладывают свои деньги, заработанные в другом регионе или стране, в экономику данного туристического региона. Поскольку это повышает доходы региона (как отмечалось выше), то может явиться и причиной инфляционного давления. Повышаются цены на товары первой необходимости: продукты, одежду, жилье, транспорт [4]. Как правило, в туристических регионах особенно стремительно растут цены на землю. Цена, которую иностранцы готовы заплатить за свое проживание во время отпуска в туристическом регионе, может резко понизить спрос на жилье самих местных жителей. Местные жители (имеющие сравнительно небольшие доходы) попросту вытесняются с рынка жилья в районах с развитой туристической индустрией.

Следует отметить среди негативных последствий глобализации рынка туристических услуг непостоянство экономики, связанной с непредсказуемостью колебаний макроэкономических параметров, увеличение количества «бедных» стран, что практически исключает целые регионы мира от индустрии туризма; разрушительное влияние глобальных туристических компаний на развитие национального туризма; международный терроризм, что ограничивает возможности туристической деятельности [8].

Туризм часто является магнитом для террористов. Туристическая индустрия огромна и разнообразна, что привлекает желающих устроить экономический хаос. Преступники знают, что туризм часто является одним из основ-

ных источников доходов и города-курорты – прекрасная возможность для причинения максимального ущерба. Например, среди городов-курортов юга России «лидером» признан Пятигорск, где за 1992–2013 гг. было зафиксировано 8 терактов (18 человек погибли, 135 ранены). В г. Ессентуки – 2 теракта, где погибли 48 человек, 175 ранены. В феврале 2011 г. подорвали канатную дорогу на Эльбрус и оставили около гостиницы начиненный взрывчаткой автомобиль. Было организовано несколько терактов в Сочи [5].

В Тунисе 18 марта 2015 г. произошел террористический теракт в музее Бардо. Большинство пострадавших и погибших были пассажирами круизных лайнеров, которые поехали на экскурсию в город [6]. Так же в Тунисе 26 июня на пляже Сусе рядом с курортом подверглись нападению туристы, среди которых 40 погибших и 40 раненых [7].

Таким образом, можно отметить, что туризм играет значительную роль в экономике государства, социальной жизни граждан и международных отношениях, но из-за него также появляется ряд проблем. Государству необходимо оптимально использовать прибыль туризма, а не максимизировать ее, истощая все ресурсы и осуществляя монокультуру туризма, и принимать во внимание все издержки и последствия, а том числе и терроризм, который может оказать влияние сразу на все сферы жизни общества в любом государстве.

Литература

1. Новиков В. С. Инновации в туризме. М. : Академия, 2007. 208 с.
2. Замятин Д. Н. Образы путешествий: социальное освоение пространства [Электронный ресурс] // Социол. исслед. 2002. № 2. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/18728969.html> (дата обращения 06.04.2017).
3. Наумова С. А. Туристская индустрия [Электронный ресурс] // Экономика и предпринимательство в социально-культурном сервисе и туризме. Томск : Изд-во Том. политехн. ун-та, 2003. 127 с. URL: http://tourlib.net/books_tourism/naumova12-3.htm (дата обращения 06.04.2017).
4. Квартальнов В. А. Туризм как сектор экономики [Электронный ресурс] // Туризм. М. : Финансы и статистика, 2002. 320 с. URL: biglibrary.ru/category46/book140/part46/ (дата обращения 06.04.2017).
5. Рожина Е. Ю. Влияние угрозы терроризма на состояние индустрии гостеприимства [Электронный ресурс] // Сервис в России и за рубежом. 2016. Т. 10, № 3 (64). С. 244–253. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-ugrozy-terrorizma-na-sostoyanie-industrii-gostepriimstva#ixzz4dlQtFu8m> (дата обращения 06.04.2017).
6. Нападение боевиков на музей в Тунисе 18 марта 2015 г. [Электронный ресурс] // РИА Новости – события в России и мире. URL: <https://ria.ru/spravka/20160318/1390840562.html> (дата обращения 07.04.2017).
7. Теракт в Тунисе: погибли 37 человек, пострадала россиянка // ТВ Центр. URL: <http://www.tvc.ru/news/show/id/71367> (дата обращения 07.04.2017).
8. Туманян Ю. Р. Развитие сферы туризма в эпоху глобализации // Terra Economicus. 2011. Т. 9, № 2-3. С. 42–44. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-sfery-turizma-v-epohu-globalizatsii> (дата обращения 06.04.2017).

ТОЛЕРАНТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ К МИГРАЦИИ МОЛОДЕЖИ ИЗ ДРУГИХ СТРАН (РОССИЯ – ЕВРОПА)

Рассматриваются проблемы, которые связаны с тем, насколько общество готово противопоставить толерантность массовой ксенофобии, учитывая, что современная интеграция и глобализация приводят к росту интенсивности взаимодействия различных государств и культур.

Ключевые слова: толерантность, миграция молодежи, мигранты.

На сегодняшний день актуальным стало говорить о проблемах толерантности по отношению к мигрантам. Почти любое общество, которое включает в себя различные сегменты, в большей степени заинтересовано в интеграции, взаимопонимании и согласии между людьми, живущих на одной территории [2]. Можно заметить, что выступление лидеров Европы и России о политике мультикультурализма подтверждают тот факт, что проблемы миграционного поведения населения, в том числе и молодого поколения, волнуют разные страны. Несомненно, сложившаяся ситуация особенно значима для нашей страны. Основным объектом изучения является принимающее население, а именно русские, в их социально-демографическом разнообразии. Предметом – установки по отношению к миграции молодого населения, а также факторы, которые формируют эти установки и ориентации. Рассмотрим проблемы, которые связаны с тем насколько общество готово противопоставить толерантность массовой ксенофобии. Ведь современная интеграция и глобализация приводят к росту интенсивности взаимодействия различных государств и культур.

На сегодняшний день толерантность можно рассматривать как норму цивилизационного компромисса между разными культурами и как готовность к принятию чего-то иного, выступает как необходимое условие сохранения уникальности. Но отношение к мигрантам практически никогда не обуславливалось только лишь принятием чего-то незнакомого, непривычного [1]. Оно связано с конкретными интересами людей или групп. Стоит отметить ряд особенностей формирования толерантности к мигрантам, большую часть которых составляет на сегодня молодое поколение.

Очевидную закономерность можно наблюдать по отношению к мигрантам в связи с общей обстановкой в стране. Как только в стране растут внутренние трудности, то власть формируют консолидацию большинства за счет обозначения «внешнего» и «внутреннего» врага. Мигранты в таком случае становятся «подходящим материалом». Так происходит не только в России, но и во всех странах. И здесь мы не о какой толерантности не можем вести и речи. Например, в начале второго десятилетия 2000-х гг. очевидно проявлялось во время предвыборных компаний, как в России, так и во Франции.

Также можно учесть тот факт, что когда у представителей большинства возникают трудности экономического порядка, в социальном продвижении, доступе к ограниченным ресурсам, благам, виновных всегда ищут среди меньшинств. Но толерантность не понимается как любовь ко всем и каждому. Оно здесь означает готовность к пониманию и организации бесконфликтного взаимодействия с мигрантами [3].

Сейчас у молодых людей стало актуальным обмениваться жизненным опытом с зарубежными студентами, в основном эти студенты являются жителями стран Европы. В вузах действует огромное количество программ на этот счет, т. е. студенты вполне обеспечены такой возможностью. Молодежь может сама почувствовать жизнь другой страны, совершенно другой атмосферы, культуры. Это является тем необходимым инструментом для формирования толерантности по отношению к людям другой этнической принадлежности, культурой особенно у молодых людей. Те люди, которым удалось приобрести такой опыт, не говорят о потерянном времени, а наоборот вдохновляются этим. Молодое поколение это наше будущее, от них зависит и будущее нашей страны. И прежде чем говорить о ксенофобии по отношению к мигрантам нужно самим окунуться в ту жизнь и почувствовать все тонкости. Еще раз стоит повторить, что толерантность не требует огромной любви к непривычному, а только необходима для взаимопонимания между различными культурами.

Так как Россия является демократическим государством, то толерантность выступает как норма гражданского общества. Она закрепляет право людей быть различными, обеспечивает нормальное сосуществование различных конфессий, культур, социальных, этнических, политических групп. Она важна как для принимающего населения, так и вновь прибывающих мигрантов. Наша страна не хочет вслед за Европой принять мультикультурализм как официальную политику, но мы и не можем не принять культурного разнообразия как нормы жизни нашего общества. В России принять этого разнообразия – очевидная неизбежность. Россия формировалась исторически как полиэтническая страна. Российское общество более всего подготовлено к интеграции по модели адаптации, хотя путь это и нелегкий.

Литература

1. Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В. Миграция в России: потоки и центры притяжения // Демоскоп. 2014. № 595. С. 5–29.
2. Российская идентичность и толерантность межэтнических отношений: опыт 20 лет реформ // Вестн. Ин-та Кеннана. Вып. 20. 2011. С. 22–34.
3. Чудиновских О. С., Денисенко М. Б., Хараева О. А. Иммиграционная политика в Российской Федерации и странах Запада. М. : Ин-т экон. переход. периода, 2003. 309 с.

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В РАЗВИТИИ СПОРТА В РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

Рассматривается физическая культура и спорт как важнейшие составляющие общественной и государственной жизни страны.

Ключевые слова: общественность, спорт, массовый спорт.

Физическая культура и спорт всегда были и остаются важнейшей составляющей общественной и государственной жизни страны. От уровня организации и правового регулирования этой сферы деятельности человека зависят духовное и физическое здоровье нации и в известной мере его безопасность.

Спорт, в широком понимании этого слова, представляет собой непосредственно подготовку спортсменов, систему соревнований, а также специфические отношения в сфере этой деятельности. Спорт как деятельность соревновательная по своей сути максимален, независимо от уровня квалификации спортсменов. Спорт во всем мире развивается по нескольким направлениям: массовый спорт и спорт высших достижений.

Массовый спорт ориентирован на достижения базовой физической подготовленности и спортивных результатов массового уровня. Он повторяет задачи физического воспитания, но реализует их путем регулярных занятий и тренировок в определенном виде спорта. Общепринято считать, что массовый спорт включает в себя: студенческий спорт; профессионально-прикладной спорт; физкультурно-кондиционный спорт; оздоровительно-рекреативный спорт.

Спорт высших достижений представляет собой деятельность, направленную на выявление максимально возможных, с точки зрения физиологии человека, результатов в каком либо виде спорта. Высшие достижения в этой деятельности имеют не только личное значение, но и становятся общенациональным достоянием.

В настоящее время в современном спорте высших достижений выделяют: любительский спорт; профессиональный спорт и профессионально-коммерческий спорт. Профессионально-коммерческий спорт, в свою очередь, имеет следующие направления: достиженческо-коммерческий спорт; зрелищно-коммерческий спорт [1]. Также спорт не может существовать без поддержки спортивной общественности. Под спортивной общественностью подразумевается: спортивные организации, фанатские клубы, СМИ и др. Как показывает практика, спортивная общественность по-разному взаимодействует с отдельными видами спорта.

Мы выделили три модели отношений общественности со спортсменами и тренерами. Первая модель характеризуется по степени открытости. В нее входят: открытый, закрытый и смешанный тип. Открытый тип характеризуется тем, что спортивная общественность открыто взаимодействует с конкретным видом спорта, привлекается для каких-либо спортивно-

общественных мероприятий, располагает большей частью информации о внутренних делах какого-либо вида спорта. Отношения по закрытому типу предусматривает, что конкретный вид спорта никак не поддерживает связи с общественностью, полностью абстрагирован от внешних воздействий, не посвящает ее в «интимные» дела спортсменов и тренеров. В третьем – смешанном типе присутствуют как элементы открытого, так и закрытого типов моделей. В Иркутской области, в основном, преобладает именно этот тип. Мы знаем основную информацию: результаты, успех конкретного спортсмена или тренера, причины ухода спортсменов из спорта, а информацию о внутренних делах клуба мы знаем не всегда.

Вторая модель отношений характеризуется по доминантному признаку. Кто стоит во главе этих отношений: общественность, спортсмены или тренеры. В Иркутской области общественность принимает большое участие в спортивной жизни спортсменов и тренеров. Завядающие болельщики всегда интересуются спортивной карьерой спортсменов, приходят болеть и поддерживать, знают достаточно много о конкретном виде спорта. В основном – это командные виды спорта, которые привлекают людей своей зрелищностью. В Иркутской области популярны такие виды спорта, как: волейбол, баскетбол, хоккей с мячом, футбол.

И последний тип отношений – по результативности. Его можно подразделить на: успешный и неуспешный. Если отдельный вид спорта, например, в Иркутской области развивается и является успешным, то он будет привлекать общественность, о нем будут говорить, и им будут интересоваться люди.

По данным пилотажного исследования, проведенного нами в январе 2016 г. на базе социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИГУ (всего опрошено 50 человек из числа спортсменов и тренеров), выяснилось, что, в основном, по мнению респондента, перспективными видами спорта в Иркутской области, прежде всего, являются легкая атлетика и художественная гимнастика (по 15,9 % соответственно). Также распространенными видами спорта можно назвать хоккей (11,5 %), бобслей (10,2 %) и волейбол (8,0 %). Менее популярны в Иркутской области такие виды спорта, как спортивная акробатика (6,2 %), баскетбол (4,9 %), конькобежный спорт (4,4 %) и борьба (3,5 %). Самыми неперспективными видам спорта в нашем регионе, по мнению респондентов, являются большой теннис, биатлон, и велоспорт (по 0,4 % соответственно). За 100 % принято общее количество полученных ответов – 226.

В заключении хотелось бы отметить, что роль общественности в развитии спорта достаточно велика. Люди следят за происходящим и стараются проявлять интерес к спортивной жизни спортсменов и тренеров в отдельных видах спорта. Остается только пожелать Министерству спорта Иркутской области быть более открытыми для общения со спортсменами и тренерами и выделять больше средств на развитие спорта в Иркутской области.

Литература

1. Чикуров А. И. Физическая культура. Красноярск : Краснояр. гос. пед. ун-т, 2008. 22 с.

ОСНОВНЫЕ ВЕКТОРЫ ГМП В УСЛОВИЯХ НАРАСТАНИЯ УГРОЗ И ВЫЗОВОВ

Рассматриваются условия реализации и повышения эффективности государственной молодежной политики в контексте проблемы нарастания угроз и вызовов. Анализируя ситуацию в Российской Федерации и в частности Иркутской области, автор показывает, что продолжает увеличиваться число молодых людей, входящих в различные организации экстремистской и террористической направленности. Особое внимание автор уделяет проблеме повышения эффективности государственной молодежной политики как инструмента в борьбе с экстремизмом, доказывая тезис о том, что тенденция втягивания молодежи в экстремистскую деятельность во многом обусловлена неэффективностью этой политики.

Ключевые слова: государственная молодежная политики, экстремизм, терроризм, молодежь, экстремистская деятельность, профилактика экстремизма, противодействие экстремизму.

В целях создания условий для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, качественного развития потенциала молодежи и его использования в интересах инновационного развития постановлением Правительства Иркутской области от 24 октября 2013 г. № 447-пп утверждена государственная программа Иркутской области «Молодежная политика» на 2014–2018 гг.: «Государственная молодежная политика – это система мер, направленных на создание правовых, экономических, социальных, организационных условий для становления и развития молодых граждан, успешной реализации ими своих конституционных прав, участия молодежи в системе общественных отношений и реализации своего экономического, интеллектуального и духовного потенциала в интересах общества и государства с учетом возрастных особенностей» [2, с. 301].

Задачи программы: качественное развитие потенциала и воспитание молодежи; обеспечение защиты прав и свобод граждан, внедрение в социальную практику установок толерантного сознания, совершенствование системы профилактических мер антиэкстремистской направленности, предупреждение ксенофобных проявлений. «Ключевые мероприятия государственной программы «Молодежная политика» в сфере профилактики социально-негативных явлений: проведение тренингов по программе «Равный – равному», работа 63 кабинетов профилактики социально-негативных явлений в образовательных учреждениях Иркутской области, реализация проекта «Летний лагерь – территория здоровья», проведение профилактических акций, семинаров и другие» [6].

Тем не менее сегодня в вопросах противодействия экстремизму и терроризму в части работы с молодежью остается еще много нерешенных проблем. Государство и общество в силу объективных и субъективных причин, еще не готовы эффективно противодействовать молодежному экстремизму, в том числе путем минимизации факторов его распространения.

Все это говорит об актуальности изучения проблемы проявления экстремизма в молодежной среде. Практические же меры должны, в первую очередь, разрабатываться и осуществляться через систему культурных, просветительских, спортивных, информационных, правовых мероприятий, нацеленных на воспитание толерантности, взаимного уважения и патриотизма молодежи.

Факты последних лет показывают, что продолжает увеличиваться число молодых людей, входящих в различные организации экстремистской и террористической направленности. Склонность к экстремизму современного молодого поколения занимает особое место, вызывая серьезную обеспокоенность. Не случайно, выступая на заседании Совета Безопасности, Президент назвал работу с молодежью одним из главных направлений противодействия экстремизму, так как «именно в молодежной среде лидеры экстремистских организаций пытаются вербовать своих последователей» [4].

Сегодня материальные ценности доминируют над духовными, поэтому у молодых людей искажены представления о доброте, милосердии, великодушии, справедливости, гражданственности и патриотизме. Фактически, у молодого поколения в настоящее время утрачен главный фактор развития личности – воспитание стойкости духа, осознание собственной личности как ответственной за общественные интересы, воспитание гражданина своей страны.

По сути, тенденция втягивания молодежи в экстремистскую деятельность во многом обусловлена отсутствием эффективной государственной молодежной политики, в результате чего часть молодежи попадает под влияние опасных идеологических установок различных экстремистских групп. В настоящее время культурно-досуговая работа с молодежью часто носит спонтанный, бессистемный характер. Зачастую она сводится к организации дорогостоящих массовых культурно-досуговых или зрелищных акций, шоу-программ, гала-концертов, формальных смотров или не имеющих массовой молодежной поддержки фестивалей, других акций, вместо кропотливой, повседневной, индивидуальной работы с детьми и молодежью по месту жительства, учебы или работы. Результаты многочисленных исследований свидетельствуют о том, что сама молодежь зачастую ощущает свою ненужность обществу и государству, пренебрежение к ней со стороны институтов власти, и это вызывает в ней если не пассивные, то агрессивные настроения. Она все более предпочитает самостоятельный, самоорганизованный досуг, индивидуальные, а порой асоциальные, аморальные его формы.

По данным социологического исследования по выявлению экстремистских настроений в молодежной среде Иркутской области, проведенного в конце 2013 г. [3] большинство респондентов считают, что в большей степени экстремизм распространен среди молодежи (48,3 % от числа полученных ответов на данный вопрос). Ответы на вопрос: «В чем Вы видите причины распространения экстремизма среди молодежи?» распределились следующим образом: на первом месте с небольшой разницей вариант: «Под-

верженность чужому влиянию, мнению» – 16,7 % от общего числа полученных ответов. Далее: «Отсутствие правовой, нравственной, духовной культуры» – 15,1 %; «Особенности молодого возраста, стремление изменить мир» – 14,8 %; «Отсутствие идеалов, государственной идеологической политики» – 13,4 %; «Низкий уровень интеллекта» – 10,4 %; «безработица в молодежной среде» – 9,6 %; «Влияние СМИ» – 7,8 % и др. Также респондентами самостоятельно были предложены другие варианты ответов (0,5 %): стремление защищать родных, сила духа, другая система ценностей и пр.

На предмет выявления информированности молодежи о структурах, в которые при необходимости могут обратиться при обнаружении фактов проявления экстремизма, было выяснено, что 48 % всех опрошенных не знают, куда им обратиться, а 26 % затруднились ответить. Знают, в какие учреждения обращаться только 26 % опрошенных.

Мы убеждены, что одним из основных критериев оценки эффективности государственной молодежной политики должен стать показатель снижения уровня экстремистских проявлений в молодежной среде. Реализация данного критерия зависит прежде всего от качества профилактических и предупредительных мер. В связи с этим, необходимо более активно устранять или хотя бы минимизировать факторы экономического, социального и иного плана, способствующие воспроизводству экстремистской деятельности молодых людей. Для этого необходимо поднимать уровень материальной обеспеченности молодых граждан до достойного уровня. Для устранения политических предпосылок экстремизма необходимо усилить пропаганду среди молодежи важности и необходимости ее участия в выборах, общественных слушаниях, обсуждениях законопроектов и программ развития конкретных регионов. Крайне важно разработать и внедрить программу идеологического воздействия на молодое поколение, исключив возможность негативного влияния средств массовой информации на формирование мировоззрения, правосознания молодежи. В свою очередь общество должно оказывать содействие государственным органам, прививая гуманистические идеалы политической, этно-конфессиональной терпимости, гражданского мира и общенационального согласия.

Таким образом, в условиях модернизации общества и растущих требований к человеческому капиталу государственная молодежная политика должна стать одним из наиболее эффективных инструментов в системе противодействия экстремизму. «В конечном итоге, главная цель молодежной политики заключается в создании условий и гарантий для гуманизации образа жизни молодого поколения, его социализации в интересах общества» [1, с. 66]. Это отвечает масштабам задач, стоящих перед Россией, позволяет гармонизировать общественные отношения и снизить уровень экстремистских проявлений в нашем обществе.

Для достижения целей и решения задач повышения эффективности молодежной политики как инструмента в борьбе с экстремизмом требуется создание организационно-правовых и материально-финансовых условий. В

соответствии с этим необходимо внесение изменений и дополнений в нормативно-правовые акты, направленные на совершенствование механизмов взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в реализации приоритетных направлений государственной молодежной политики. Также необходимо создание условий для поддержки деятельности молодежных общественных объединений, нацеленных на созидательную работу во благо Отечества.

Литература

1. Кудряшова И. В. Фундаментализм в пространстве современного мира // Полис. 2002. № 1. С. 66.
2. Меркулов П. А., Елисеев А. Л. Формирование молодежной политики в Российской Федерации // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 3. С. 301–305.
3. Руденко О. Ю. Киберэкстремизм в молодежной среде // Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (1–2 дек. 2013 г.). Прага : Sociosféra-CZ, 2013. С. 33–35.
4. Выступление В. Путина на заседании Совета Безопасности 20 нояб. 2014 г. [Электронный ресурс] // Официальный сетевой ресурс Президента России : сайт. URL: http://state.kremlin.ru/security_council/47045 (дата обращения 06.04.2017).
5. Сайт Министерства спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации [Электронный ресурс] // М-во спорта, туризма и молодеж. политики РФ : сайт. URL: <http://youth.minstm.gov.ru/31/766.shtml> (дата обращения: 05.04.2017).
6. Сайт Министерства по молодежной политике Иркутской области [Электронный ресурс] // М-во по молодеж. политике Иркут. обл. : сайт. URL: <http://mmp38.ru/> (дата обращения: 05.04.2017).

УДК 316.728(571.53)

**Костяева М. О., Кушкова А. Д.,
Заборская А. Н., Гончар А. С.**

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ОТНОШЕНИЕ К ЧУЖОМУ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

Представлено исследование по выявлению и анализу отношения населения к Чужому в повседневной жизни в пространстве города Иркутска по результатам экспресс-опроса, проведенного инициативной студенческой исследовательской группой.

Ключевые слова: «чужое», повседневная жизнь, терроризм.

Целью социологического исследования являлось выявление и анализ отношения населения к Чужому в повседневной жизни в пространстве города Иркутска по результатам экспресс-опроса, проведенного инициативной студенческой исследовательской группой 1-го курса направления 39.03.01 Социология на базе социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ» под руководством д-ра социол. наук, профессора Т. И. Грабельных в рамках учебной практики в период с 29 июня по 10 июля 2016 г.

Перед приведением исследования была выстроена основная гипотеза исследования, которая состояла в предположении о том, что на рубеже XX–XXI вв. в период социальных потрясений, под воздействием трудной политической перестройки общества, глобализации и урбанистических процессов кардинально изменился тип отношения «Свой – Чужой». Именно поэтому Чужой как социальный субъект растворился в пространстве крупного города.

Опрос «с голоса» был проведен с 4 по 6 июля 2016 г. по репрезентативной выборке населения Иркутской области среди 300 человек в возрасте от 14 лет и старше в ТРЦ «Модный квартал», по ул. Урицкого, на Набережной города Иркутска, а также на Сквере им. Кирова.

Респондентам было предложено ответить на три вопроса, отражающих проблему субъект-субъектного взаимодействия в крупном городе, которые носили закрытый характер. Первый вопрос звучал как «Готовы ли Вы помочь Чужому?», второй вопрос звучал как «Готовы ли Вы принять помощь Чужого?», а третий вопрос как «Готовы ли Вы пойти за Чужим?».

Предполагалось несколько вариантов ответов на данные вопросы. На первый, а также последующие вопросы, респондент имел возможность выбрать один из трех вариантов ответа: «Да», «Нет» или «Затрудняюсь ответить».

По результатам исследования мы выявили, что население Иркутской области во многом готово помочь Чужому, нежели принять помощь от Чужого. Помимо этого, стало ясно, что далеко не все готовы пойти за Чужим, т. е. разделить его мнение, взгляды и т. п.

По первому вопросу «Готовы ли Вы помочь Чужому?» обнаружилось, что положительно ответили 80,7 % респондентов. Следовательно, население Иркутской области предпочитают охотно помогать посторонним людям в тех или иных ситуациях в повседневной жизни.

На вопрос же «Готовы ли Вы принять помощь Чужого?» готовность подтвердили 65,7 % респондентов. Среди оставшихся респондентов отрицательно высказались 21,3 % от всех опрошенных, а вариант ответа «Затрудняюсь ответить» выбрали 13 % населения Иркутской области. Следовательно, более половины жителей Иркутска готовы принять помощь от Чужого им человека, нежели проигнорировать ее.

На заключительный вопрос экспресс-опроса «Готовы ли Вы пойти за Чужим?» мнение людей кардинально отличилось от предыдущих вопросов. Среди опрошенных положительно ответили лишь 39 % населения, отрицательно ответили 42,7 %, а вариант «Затрудняюсь ответить» выбрало наименьшее количество респондентов, процент которых составил 18,3 %. Следовательно, люди предпочли не принимать во внимание взгляды Чужого, а склоняться к собственному мнению.

В ходе проведения социологического исследования гипотеза о том, что на рубеже XX–XXI вв. в период социальных потрясений, под воздействием трудной политической перестройки общества, глобализации и урбанистических процессов кардинально изменился тип отношения «Свой – Чужой» и именно поэтому Чужой как социальный субъект растворился в

пространстве крупного города, – подтвердилась. По итогам осуществленного экспресс-опроса было установлено, что население Иркутской области во многом готово помочь Чужому, а также принять от него помощь, а вот пойти за Чужим, принять чужое мнение готов не каждый.

Готовность прийти на помощь другому также наблюдается и в исследовании, которое проводилось Левада-Центром с 22 по 25 августа 2014 г. В своих источниках они опубликовали результаты исследования «Россияне о качествах украинцев и русских». Благодаря этому исследованию, удалось отметить, что россиян чаще, чем украинцев, наделяют такими качествами, как готовность прийти на помощь, миролюбивость, открытость, терпеливость, гостеприимность и надежность. Украинцы же чаще, чем русские, характеризуются опрошенными как лицемерные, скрытные, завистливые, заносчивые, скупые и жестокие.

В связи с результатами исследований, мы полагаем, что можно сделать вывод о том, что характерные особенности отношения народа могут в значительной мере влиять на развитие терроризма в стране. Так, к примеру, можно сказать, что из-за того, что украинцы в меньшей мере готовы помогать друг другу, они имеют некоторую жестокость и скрытность, такие качества могут быть благоприятной почвой для развития терроризма в стране, что подтверждается происходящими событиями на Украине за последние годы.

Таким образом, сделав выводы из проделанных исследований, следует отметить, что значительным образом на проявление террористических действий влияет менталитет людей, сознание населения. Одним из инструментов по борьбе с террором может стать именно воспитание у народа таких качеств, как готовность помочь чужому человеку, сострадание, отзывчивость и миролюбивость.

УДК 316.723-053.6

**Загородний В. Д., Аль-Мандиль А. М.,
Кожевников Н. Б., Раднаев Я. Д.**
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

МОЛОДЕЖНЫЕ КУЛЬТУРЫ И СУБКУЛЬТУРЫ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

В работе отражены результаты исследования по выявлению степени информированности молодежи Иркутской области о молодежных культурах и субкультурах, имеющей место в регионе. Проанализированы молодежные культуры и субкультуры с точки зрения их влияния на образ и стиль жизни молодежи региона.

Ключевые слова: молодежные культуры, молодежные субкультуры, образ жизни.

Исследование методом экспресс-опроса на тему «Молодежные культуры и субкультуры Иркутской области», проведенное инициативной студенческой исследовательской группой 1-го курса направления подготовки 39.03.01 Социология на базе Социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ» под руководством д-

ра социол. наук, профессора Т. И. Грабельных имело целью – выявить степень информированности молодежи Иркутской области о молодежных культурах и субкультурах, а также дифференцировать молодежные культуры и субкультуры с точки зрения их влияния на образ и стиль жизни молодежи региона. Опрос проведен в рамках учебной практики в период с 29 июня по 10 июля 2016 г.

Основная гипотеза исследования состояла в предположении о том, что молодежь Иркутской области в возрасте от 14 до 30 лет в незначительной степени информирована о существовании молодежных культур и субкультур. Кроме того, значительная часть молодежи не идентифицирует себя с определенной молодежной культурой и субкультурой. В настоящее время имеющие место молодежные культуры и субкультуры Иркутской области практически не влияют на образ и стиль жизни молодежи региона.

Стратегия и логика социологического исследования предполагала выявление мнения по трем ключевым вопросам: «Какие молодежные культуры и субкультуры Иркутской области Вам известны?»; «К какой молодежной культуре и субкультуре Вы себя лично относите?»; «В какой степени молодежные культуры и субкультуры повлияли на Ваш образ и стиль жизни?».

Все вопросы носили закрытый характер. В рамках первого вопроса было предложено 12 вариантов ответа, из которых 9 касались конкретных молодежных культур и субкультур. Один вариант указывал на отсутствие принадлежности – «Ни к какой не отношусь». Также среди ответов предполагались варианты – «Другой вариант», «Затрудняюсь ответить». Варианты ответов по второму вопросу дублировали варианты первого вопроса. 9 вариантов предполагали идентификацию респондентов к определенной молодежной культуре и субкультуре. Остальные были выстроены в аналогичном варианте. Третий вопрос предполагал определение степени влияния молодежных культур и субкультур на образ и стиль жизни молодежи Иркутской области.

Полученные данные нами представлены в табличной форме (табл. 1–3).

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие молодежные культуры и субкультуры Иркутской области Вам известны?»

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля, в %
1	Эмо	123	10,1
2	Рокеры	176	14,4
3	Хиппи	107	8,7
4	Фрики	85	7,0
5	Аниме	170	13,9
6	Металлисты	131	10,7
7	Хипстеры	150	12,3
8	Панки	102	8,3
9	Косплееры	141	11,5
10	Ни к какой не отношусь	0	0,0
11	Другой вариант	7	0,6
12	Затрудняюсь ответить	31	2,5
Всего		1223	100,0

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос «К какой молодежной культуре и субкультуре Вы себя лично относите?»

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля, в %
1	Эмо	4	1,3
2	Рокеры	13	4,2
3	Хиппи	3	1,0
4	Фрики	3	1,0
5	Аниме	10	3,2
6	Металлисты	6	1,9
7	Хипстеры	5	1,6
8	Панки	6	1,9
9	Косплееры	10	3,2
10	Ни к какой не отношусь	241	77,7
11	Другой вариант	6	1,9
12	Затрудняюсь ответить	3	1,0
Всего		310	100,0

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос «В какой степени молодежные культуры и субкультуры повлияли на Ваш образ и стиль жизни?»

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля, в %
1	В значительной степени	37	12,3
2	В незначительной степени	95	31,7
3	Не повлияли	164	54,7
4	Затрудняюсь ответить	4	1,3
Всего		300	100

По результатам исследования (см. табл. 1) было выявлено, что по вопросу информированности о существующих молодежных культурах и субкультурах Иркутской области наиболее известной молодежной культурой и субкультурой являются рокеры (14,4 %). Также молодежи Иркутской области известны аниме, ответ составил 13,9 %, хипстеры – 12,3 %, косплееры – 11,5 %, металлисты – 10,7 % и хиппи – 8,7 %. Наименее известной молодежной субкультурой для респондентов оказались фрики (7,0 %). 2,5 % респондентов затруднились ответить на поставленный вопрос, а 0,6 % опрошенных предложили другой вариант, в числе которого были названы кпоперы, ролевики и др.

По вопросу принадлежности респондентов к определенной молодежной культуре и субкультуре обнаружилось, что подавляющее большинство ответов респондентов, а именно 77,7 %, указывают на то, что опрошенная молодежь не относит себя ни к какой культуре и субкультуре. Только 3,2 % отнесли себя к косплеерам, аналогичный процент составили респонденты, относящие себя к аниме, 1,9 % составили металлисты и панки. Хипстеры составили 1,6 %. Наименьшее количество респондентов отнесли себя к эмо – 1,3 %, хиппи и фрикам, ответ составил по 1,0 %. Из всех

опрошенных респондентов 1,9 % предложили другой вариант, а 1,0 % затруднились ответить. Приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что лишь небольшая часть респондентов из числа опрошенных (19,3 %) относят себя к молодежным культурам и субкультурам. Исходя из полученных результатов, следует, что молодежь Иркутской области, с одной стороны, достаточно информирована о западных молодежных культурах и субкультурах, а с другой стороны в незначительной степени идентифицирует себя с ними.

По вопросу влияния молодежных культур и субкультур на образ и стиль жизни молодежи выявилось, что молодежные культуры и субкультуры не повлияли на образ и стиль жизни более чем половины опрошенных респондентов (54,7 %), 31,7 % ответили, что повлияли, но в незначительной степени. 12,3 % опрошенных считают, что молодежные культуры и субкультуры повлияли на их образ и стиль жизни в значительной степени. 1,3 % затруднились ответить на данный вопрос (см. табл. 3). Проводя аналогию с предыдущими результатами ответов, можно сделать вывод о том, что молодежь Иркутской области не склонна себя идентифицировать с определенными молодежными культурами и субкультурами, следовательно, в процессе глобализации молодежь нашего региона является более устойчивой к влиянию западной цивилизации. Причиной этого может являться молодежная политика администрации Иркутской области, которая направлена на утверждение других ценностей и приоритетов.

В ходе проведения социологического исследования подтвердилась гипотеза о том, что молодежь Иркутской области в возрасте от 14 до 30 лет достаточно информирована о существовании различных молодежных культур и субкультур. По итогам осуществленного экспресс-опроса было установлено, что большинство молодежи не идентифицирует себя с различными культурами и субкультурами. Также подтвердилось, что в целом молодежные культуры и субкультуры не влияют на образ и стиль жизни молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет.

Таким образом, есть основания сделать вывод о том, что молодежь Иркутской области хорошо информирована о существовании различных молодежных культур и субкультур, но не идентифицирует себя с ними. Значит ли это, что молодежь Иркутской области – активный или пассивный субъект? Мы считаем, что данный вопрос не является проблематичным в нашем регионе, так как администрация Иркутской области создает альтернативные организации для молодых людей Сибирского региона. Поэтому можно считать, что молодежь является активным субъектом, несмотря на то, что большинство опрошенных респондентов не относят себя к различным молодежным культурам и субкультурам.

ВЛИЯНИЕ УГРОЗ И ВЫЗОВОВ НА СОСТОЯНИЕ СОВРЕМЕННОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье обосновывается, что развитие образовательной сферы должно стать важнейшим приоритетом политики национальной безопасности.

Ключевые слова: высшее образование, угрозы, глобальные тенденции.

В последние десятилетия невиданно ускорились социальные ритмы, стремительно происходят социальные изменения, нарастают социальные риски. Подвергаются пересмотру системы традиционных ценностей, определявших модели человеческого существования в течение веков, продолжается наступление на наследие традиционных религий и даже модернистских идей светского гуманизма. В условиях глобализации, когда прозрачными становятся экономические, финансовые, информационные границы, внимание масс усиленно привлекается к «глобальным проблемам», «глобальным рискам», «глобальной нестабильности/стабильности». В условиях глобальной войны за ресурсы, территории, финансовое могущество особое значение приобретает информационная война. Так, институты образования являются частью информационного пространства глобализирующегося мира.

На российскую систему высшего образования влияют как глобальные, так и локальные тенденции. Глобальные изменения заставляют трансформироваться всю мировую систему образования. Современная Россия тоже в полной мере столкнулась с «массовизацией» высшего образования, когда практически каждый выпускник школы поступает в вуз и считает наличие диплома о высшем образовании необходимым условием выхода на рынок труда. Массовый спрос на диплом о высшем образовании породил столь же массовое предложение, что в целом привело к значительному росту количественных показателей, часто, правда, столь же массово идет в ущерб качеству [1].

Кроме того, в сторону высшего образования смещается центр в сфере создания инноваций. К этому подталкивают общемировые тенденции использования результатов фундаментальных исследований, существенный рост их практической значимости. В последние годы размывается грань между фундаментальной и прикладной наукой. Результаты фундаментальной науки быстро внедряются в промышленность и социальную сферу. Сокращается время реализации результатов фундаментальных исследований – от открытий новых явлений до разработки и внедрения технологий на их основе.

Также стоит отметить, что сегодня во всем мире растет убежденность в том, что создание современных технологий и успешная борьба за мировые рынки возможны лишь на базе собственной (национальной)

науки, особенно фундаментальной, поскольку заимствование технологий приводит к технологическому отставанию страны.

В целом для решения проблем, связанных с обеспечением национальной безопасности в сфере науки, технологий и образования, необходимо осуществление взвешенной государственной политики в данной сфере. «Эта политика должна включать в себя:

- адекватное финансовое и ресурсное обеспечение науки (прежде всего фундаментальной), образования и создания новых технологий;
- создание целостной системы управления научно-инновационным циклом, сопряженной с механизмами бюджетного финансирования и косвенного стимулирования;
- формирование инновационного спроса на отечественные результаты исследований и разработок;
- использование научной экспертизы при разработке и реализации государственных программ и проектов;
- всемерную поддержку престижа науки и образования, их положения в обществе как основ мировоззрения и познания;
- формирование механизмов эффективного взаимодействия науки и образования» [3].

Реализация указанных предложений позволит, на наш взгляд, обеспечить национальную безопасность в сфере высшего образования и науки, создать надежные барьеры на пути угроз, связанных с деформацией отечественного научно-технологического потенциала и препятствующих переходу России к новому технологическому укладу.

Так, система образования в интересах безопасности решает три круга задач. Во-первых, она вооружает каждого человека знаниями, умениями и навыками, которые необходимы для обеспечения личной безопасности, формирует культуру безопасности («Безопасность жизнедеятельности» в вузе, например). Не менее важно, что в процессе обучения человек научается и приучается при исполнении своих функциональных обязанностей действовать ответственно и грамотно с учетом интересов общественной безопасности. Это достигается в результате правового, экологического, политического и т. д. просвещения и воспитания. И если в Доктрине информационной безопасности РФ констатируется «неспособность современного гражданского общества России обеспечить формирование у подрастающего поколения и поддержание в обществе общественно необходимых нравственных ценностей, патриотизма и гражданской ответственности за судьбу страны», то значительная часть вины за это ложится и на систему образования.

Во-вторых, в системе образования готовятся специалисты, профессионально занятые обеспечением конкретных видов и направлений безопасности. Скажем, оценивать и воздействовать на военно-политическую, криминогенную и т. д. обстановку не могут одни и те же люди, одна и та же структура. Работники правоохранительных, природоохранных, военных, аварийно-спасательных и др. служб готовятся по совершенно разным

программам, методикам, алгоритмам. Именно поэтому различные ведомства имеют собственные образовательные учреждения, в которых готовят кадры для себя и других структур, нуждающихся в специалистах соответствующего профиля. Сеть таких учреждений особенно важна в связи с необходимостью переобучения и переквалификации взрослых.

В-третьих, чрезвычайно актуальным является подготовка и переподготовка кадров в области организации систем безопасности. Речь идет о специалистах, должностных лицах, задачей которых является организация и обеспечение безопасного функционирования того или иного объекта безопасности – будь то предприятие (учреждение), группа (общность), территория или государство в целом. Это могут быть, например, заместитель директора по безопасности и др. К настоящему времени в стране сложилась достаточно разветвленная сеть учебных центров, в которых подготовка, скажем «менеджеров безопасности», обретает комплексный, фундаментальный и, в то же время, прикладной характер [4].

Роль и значение образования в системе национальной безопасности определяется и тем, что оно является средой и механизмом сохранения, воспроизводства национальной (гражданской и этнической) идентичности социума. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации указано, что национальные интересы России в культурной сфере состоят в «сохранении и приумножении традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества, воспитание детей и молодежи в духе гражданственности» [6]. Угрозы обществу в этой сфере представляют, например, снижение духовно-нравственного потенциала общества. В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации от 2000 г. в числе угроз была названа также «дезорганизация и разрушение системы накопления и сохранения культурных ценностей» [2].

В сохранении и воспроизводстве культуры России система образования и воспитания играет стратегически важную роль. Она не только передает обучаемым определенный объем ценностно-нейтральной информации, выдержанной в духе научно-технологического детерминизма, но формирует у них уважение к своей стране, к ее прошлому, к старшим поколениям.

Так, в мае 2010 г. Россия единственной из ядерных держав подписала Совместное заявления об образовании в вопросах разоружения и нераспространения, представленное на заседании Главного Комитета I Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия 2010. Это событие отражает как успехи, достигнутые в развитии образования в области нераспространения организациями из России и стран СНГ, так и новые планы по поддержке инициатив по обучению в области разоружения и нераспространения, программ для глубокого изучения этих вопросов, а также информационно-просветительского продвижения этой проблематики среди широкой общественности [5].

Важно также отметить, что образование воздействует на все уровни национальной безопасности (общество, государство, личность). Совершен-

но очевидно, что экономическая и военная безопасность государства без квалифицированных кадров невозможны; технологическая безопасность немыслима без научных разработок. Сохранение и приумножение интеллектуального потенциала нации расширяет «коридор возможностей государства» для ускоренного экономического и социального развития. Национальную безопасность страны невозможно обеспечить без принципиального изменения образовательной политики по целому ряду ключевых направлений. Расходы на образование сегодня – это «вложения в завтрашний день».

Провозглашенная в законе «Об образовании» приоритетность области образования, образование как целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства, право на образование как одно из основных и неотъемлемых конституционных прав граждан Российской Федерации могут быть реальными, содержательными, действенными только в условиях безопасности [7]. Нарушение безопасности будь то в силу природных катаклизмов, экономической стагнации, социальных потрясений или внешнего давления затрудняет, в предельном случае – делает невозможным их реализацию.

Разумеется, система образования существует и продолжает функционировать и в критической ситуации. Однако под давлением обстоятельств она сталкивается со многими проблемами, оказывающими на нее деструктивное воздействие. Так, проведенный анализ рисков показывает многообразие угроз и возможностей во внешней и внутренней среде учреждения и их способность оказать значительное воздействие на образовательную, организационную и финансовую деятельность вуза.

Образовательному учреждению, как и любому предприятию, необходимо осуществлять деятельность по управлению рисками. Оценка возможных угроз и рисков позволяет своевременно спрогнозировать нежелательные результаты, создать систему ситуационного реагирования на непредвиденные обстоятельства и в конечном итоге разработать стратегию развития вуза, которая позволит добиться современного качественного образования, его фундаментальности и соответствия важным актуальным потребностям личности, общества и государства.

Кроме того, необходимо дальнейшее консолидированное международное сотрудничество государств-членов мирового сообщества в целях предупреждения ситуаций, связанных с актами терроризма как идеологии насилия и воздействия на общественное сознание, выработки мер его предупреждения, в том числе и в образовательном социуме, приоритетными среди которых являются поликультурное образования и формирование межкультурной толерантности у подрастающего поколения.

Таким образом, высшее образование постоянно подвергается изменениям внешней среды, что значительно влияет на организацию и качество высшего образования. Кроме того, образование играет огромную и все возрастающую роль в системе национальной безопасности. Оно выступает одновременно как ее объект, ресурс и средство и создает, укрепляет фун-

дамент будущего благополучия нации и безопасности страны. Именно поэтому развитие образовательной сферы должно быть важнейшим приоритетом политики национальной безопасности.

Литература

1. Белоцерковский А. В. Российское высшее образование: о вызовах и рисках [Электронный ресурс] // Высш. образование в России. 2012. № 7. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskoe-vysshee-obrazovanie-o-vyzovah-i-riskah> (дата обращения: 15.04.2017).
2. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации от 9 сент. 2000 г. № ПР-1895 [Электронный ресурс] // Фемида: законодательство, право, налоги. URL: <http://www.femida.info/14/19002.htm> (дата обращения: 15.04.2017).
3. Миндели Л. Э. Обеспечение национальной безопасности в сфере науки, технологий и образования // ЭТАП: Экономическая теория. Анализ. Практика. 2012. № 1.
4. Нестеров В. В. Образование и национальная безопасность [Электронный ресурс] // Армия и общество. 2009. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-i-natsionalnaya-bezopasnost> (дата обращения: 15.04.2017).
5. Образование в сфере нераспространения, разоружения и ядерной безопасности на пространстве СНГ [Электронный ресурс] // ПИР-Центр: офиц. сайт. URL: <http://pircenter.org/pages/555-education-on-nonproliferation-arms-control-and-nuclear-security-at-the-postsoviet-space> (дата обращения: 15.04.2017).
6. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ce89a659b0137b9d7c3a1dd4eca2b51d7001589f/ (дата обращения: 15.04.2017).
7. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 13.07.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.07.2015) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 15.04.2017).

УДК 378.035

Аскерова В. О.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК РЕГУЛЯТОР ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ РЕОРГАНИЗАЦИИ ВУЗА

Рассматривается идея формирования толерантности как регулирующего фактора социальных отношений на уровне студентов и преподавателей, а также вузовская среда в условиях ее реорганизации. Предлагаются варианты регулирования социальных отношений с помощью толерантности, приводятся обоснованные аргументы в пользу такой идеи.

Ключевые слова: толерантность, вузовская среда, социальные отношения, регуляторы социальных отношений.

Развитие толерантности является объективной потребностью современного общества. Проблема толерантности – одна из наиболее актуальных и сложных в современной науке. Задача формирования толерантности является для современной России одним из главных приоритетов, особенно в работе с молодежью. Толерантность – понятие, означающее уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности [1].

Проблема толерантности занимает важное место в условиях реорганизации вуза. Студентом приходится работать с новыми людьми, привыкать к ним, что нарушает привычный ход вещей. Есть большая вероятность возникновения межкультурных или кросскультурных конфликтов, конфликтов из-за вторжения новых людей в личное пространство, беспочвенной ненависти и т. д. Не все готовы к резким переменам. Именно поэтому одной из важнейших задач становится организация толерантного воспитания, изучение толерантности, равно как и способов толерантного взаимодействия. Только толерантная личность, способная конструктивно разрешать конфликты, готова жить и работать в непрерывно меняющемся современном мире, способна смело разрабатывать собственные стратегии поведения, самостоятельно мыслить, осуществлять нравственный выбор и нести за него ответственность перед собой и обществом в целом.

Используя толерантность, как необходимую модель поведения, вуз или отдельная социальная группа имеют возможность вырабатывать оптимальный способ действия для регулирования социальных отношений. Регулятивные функции толерантности обеспечивают достижения баланса интересов в той или иной социальной группе вуза, разрешения социальных конфликтов, снижение социальной напряженности, обеспечивают достижение социально значимой цели оптимальными, с позиции социальной группы, средствами. Регулятивные функции толерантности состоят в применении оптимальных средств разрешения тех или иных ситуаций социального взаимодействия в вузе, тем самым, обеспечивая дальнейшее развитие социальной группы.

Итак, толерантность выполняет функции обеспечения социального регулирования, определяет воздействие на ту или иную систему с целью поддержания или достижения заданных параметров этой системы, в нашем случае – вуза. Толерантность, обращаясь к социальной группе и воздействуя на объект, может обеспечивать:

1. Регулирование социального взаимодействия.
2. Решение или предотвращение конфликтов внутри социальной группы.
3. Поддержку социальной группы, чье положение изменилось, в связи с новыми условиями.
4. Создание условий, содействующих самореализации членов социальной группы.

Одной из задач нашего исследования было дать комплексную оценку толерантного отношения на уровне студентов и преподавателей Иркутского государственного университета в условиях реорганизации вуза. В ходе исследования, мы выяснили, что большинство студентов Иркутского государственного университета, а именно 55,7 %, считают себя в целом толерантной личностью и только 2,9 % выбрали вариант «не толерантен» (рис. 1).

Насколько респондент толерантен или интолерантен

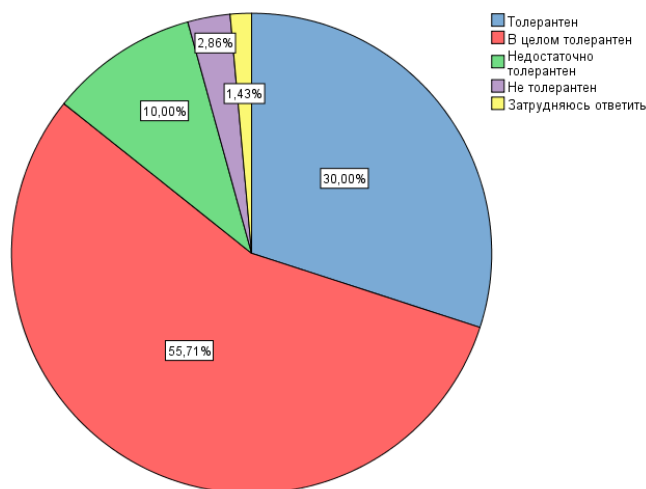

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Оцените, пожалуйста, Себя как толерантную или интолерантную личность по следующей градации»

В своем исследовании мы также хотели выяснить степень проявления интолерантного отношения на уровне студентов и преподавателей в условиях реорганизации вуза. Проанализировав ответы опрошенных нами респондентов на вопрос «Скажите, пожалуйста, подверглись ли Вы или кто-то из Ваших знакомых проявлению интолерантного отношения со стороны студентов или преподавателей», мы выяснили, что большая часть респондентов ответили «скорее да, чем нет» и «да» (32,9 % и 22,9 %). И только 25,7 % студентов с уверенностью ответили нет (рис.).

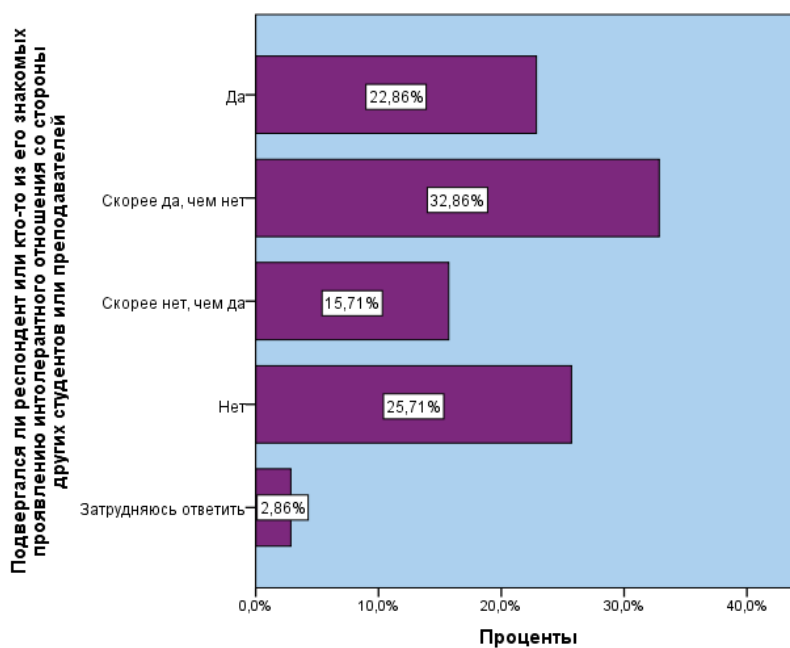

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Скажите, пожалуйста, подверглись ли Вы или кто-то из Ваших знакомых проявлению интолерантного отношения со стороны студентов или преподавателей?»

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, что именно приводит к интолерантному поведению» показало, что большинство респондентов, а именно 30,8 % от общего числа ответов, считают, что к интолерантному поведению приводит действие стереотипов. Чуть меньше респондентов, а именно 24,8 %, считают, что виновато недостаточное воспитание. 21,1 % винят неумение поставить себя на место других. Еще для 13,5 % респондентов проблема заключается в плохой информированности. Меньше всего, а именно 5,3 %, проблемой считают страх (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос:
«Как Вы считаете, что именно приводит к интолерантному поведению?»

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в %	Доля респондентов, в %
1	Действие стереотипов	41	30,8	58,6
2	Недостаточное воспитание	33	24,8	47,1
3	Неумение поставить себя на место других	28	21,1	40,0
4	Плохая информированность	18	13,5	25,7
5	Страх	7	5,3	10,0
6	Затрудняюсь ответить	4	3,0	5,7
7	Другое (а именно: «проекция родителей», «высокое мнение о себе»)	2	1,5	2,9
	Всего	133	100,0	190,0

Также в нашем исследовании мы выяснили, в какой степени реорганизация вуза повлияла на студентов. На 30,0 % студентов реорганизация вуза повлияла не в значительной степени и на 30,0 % не повлияла вообще. На 27,1 % студентов реорганизация вуза повлияла в значительной степени. 12,9 % затрудняются ответить (рис. 3).

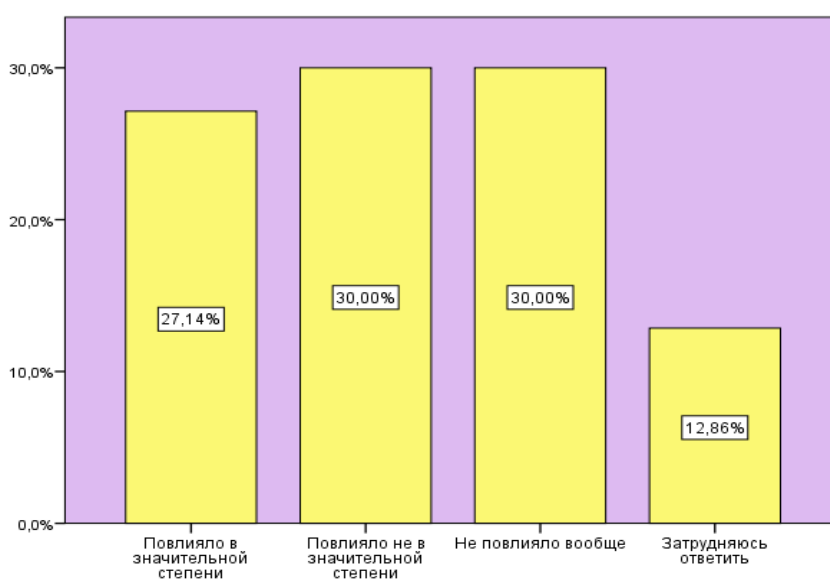

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос
«В какой степени это реорганизация вуза повлияла на Вас?», в %

Таким образом, проблема толерантного отношения в вузовской среде очень актуальна, так как за последние годы стремительно меняется система образования. Современному обществу необходимо, чтобы студент был личностью, способной уважительно относиться к мнениям, взглядам, ценностям других людей, личностью, которая способна к взаимопониманию. Именно регулирование толерантного отношения на уровне студентов и преподавателей может этому способствовать.

Как мы выяснили, очень важно развивать толерантное поведение в высших учебных заведениях. Чаще всего именно вузовская среда обусловлена глобальным обострением противоречий. Именно у студенческой молодежи порой развивается чувство своей исключительности. Студенты становятся слишком самоуверенными, стремятся к самоутверждению своей независимости. Также мы выяснили, что развитие толерантности способствует повышению уровня социального развития и высоких моральных качеств и является важной составляющей для успешной социальной адаптации и интеграции в профессиональную среду.

По результатам исследования мы можем сделать вывод о том, что возрастание потребности в толерантности как регулятора социальных отношений в вузовской среде обусловлено тем, что в современном обществе идет процесс смешения народов, различных культур. Студентов с разными представлениями, мнениями, ценностями с разной культурой, нравственными нормами объединяют в одну группу. Определение данной проблемы особо актуализируется в условиях реорганизации вузов. Развитие толерантного отношения позволяет студентам находить общий язык с другими студентами, помогает наладить отношения с другой группой, не создавая конфликтных ситуаций. На наш взгляд, проблема толерантного отношения в вузовской среде существует и заслуживает внимания.

Литература

1. Лекторский В. А. О толерантности // Филос. науки, 1997. № 3 (4). С. 14–18.
2. Воробьева И. В. Феномен толерантности в контексте педагогического взаимодействия. Екатеринбург, 2006.
3. Пчелинцева И. Г. Построение толерантной среды в образовательном пространстве высшего учебного заведения. СПб., 2006.

УДК 316.346.32-053.6

Прончина Д. К.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

О ВАЖНОСТИ ТРУДОУСТРОЙСТВА МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ УГРОЗ И ВЫЗОВОВ

Рассматривается молодежь как особая социально-демографическая группа. Поднимаются вопросы проблем трудоустройства молодежи в условиях современных угроз и вызовов.

Ключевые слова: молодежь, трудоустройство, угрозы, вызовы.

Молодежь как особая социально-демографическая группа является наиболее уязвимой в происходящих социальных изменениях в условиях современных угроз и вызовов. Нововведения в сфере образования, требования работодателей, государственная политика в сфере занятости, общественное мнение, социальные нормы и стереотипы – все это в значительной степени оказывает влияние на молодое поколение, на формирование его предпочтений и потребностей в различных сферах жизни общества, в том числе на поведение в сфере труда. Постоянно меняющиеся условия и возникновение каких-либо угроз и препятствий не всегда способствуют адекватной ответной реакции молодого поколения. В нестабильных условиях молодежи все труднее определить себя как участника трудовых отношений в лице специалиста той или иной профессии. Сложнее становится и сам выбор профессии. Большая часть молодых специалистов, только что завершивших обучение в образовательных организациях высшего и среднего профессионального образования, несмотря на все полученные знания, является «незрелой» в профессиональном плане в силу отсутствия определенного опыта, неуверенности в собственном профессиональном будущем [2]. Также после окончания образовательной организации при поиске подходящего места работы молодежь сталкивается с новой волной препятствий, которые необходимо преодолеть. Так по данным исследования, проведенного в рамках подготовки государственного доклада «Молодежь Иркутской области» за 2015 г., среди основных проблем, с которыми сталкиваются молодые люди, когда после окончания учреждения профессионально образования устраиваются на работу, были выделены: отсутствие опыта работы (48 %), недостаточный объем знаний, навыков и умений (14 %), неорганизованное рабочее место (6 %) и др. [1]. Как видно, по данным опроса, отсутствие опыта работы является одним из главных препятствий на пути к получению необходимой работы. Между тем, приобрести опыт работы по специальности достаточно не просто. Трудоустроиться по специальности во время учебы удается не каждому. В период учебы студенты, как правило, склонные находить не слишком тяжелую подработку (например, в заведениях общественного питания). Кроме того, такая занятость является зачастую не официально оформленной. Вследствие чего у молодого человека не накапливается трудовой стаж. И так из стен образовательных организаций выходят по большей части специалисты, не имеющие опыта работы. Работодатели же в свою очередь не берутся принимать таких специалистов к себе. По данным уже упомянутого исследования среди мотивов, которыми руководствуется работодатель, принимая на работу молодого специалиста, респонденты (69 %) отметили, что молодой человек активен, коммуникабелен, может предложить свежие идеи, которые будут способствовать развитию предприятия [1]. Однако данным фактором руководствуется лишь малое число работодателей. Таким образом, возникает некий замкнутый круг, из которого нелегко выбраться. Между тем, при столкновениями с данными проблемами молодые специалисты ищут иные пути их решения, например, принимают решение переехать в другой регион.

В силу всего вышеперечисленного, можно утверждать, что на сегодняшний день сформирован ряд проблемных вопросов, требующих решения. Для молодежи в сфере труда существует большое количество угроз: это и неопределенность в собственных силах, и неуверенность, и страх ошибиться в правильности выбора своего профессионального пути, и отсутствие условий в регионе для профессионального развития, и давление со стороны работодателей, учебных заведений и др. Трудоустройство молодежи является одним из важных аспектов развития региона, в том числе сферы труда. Молодежь является основным трудовым ресурсом, который необходимо накапливать и закреплять в регионе. В этом контексте приобретает особое звучание вопрос о технологиях взаимодействия и формах сотрудничества вузов с работодателями, модернизации самой профессионально-трудовой сферы [3–8]. Потеря молодых специалистов – это потеря одной из основных движущих сил, прежде всего, трудового капитала и интеллектуального. Все это является некими вызовами для молодежи, в том числе, и всему обществу.

Литература

1. Молодежь Иркутской области : гос. докл. 2015 г. [Электронный ресурс] // М-во по молодеж. политике Иркут. обл. URL: <http://mmp38.ru/activities/the-report-is-of-great> (дата обращения: 19.04.2017).
2. Прончина Д. К. О необходимости регулирования трудового поведения молодежи в условиях социальных изменений // Россия в системе современной социальной реальности : материалы V Всерос. социол. конгресса (Москва, 14–15 нояб. 2016 г.) : сборник / отв. ред. и сост. Д. К. Танатова, Т. Н. Юдина. М. : Изд-во РГСУ, 2017.– С. 345–347.
3. Грабельных Т. И. Новая роль университета в инновационном развитии региона и механизмы взаимодействия с работодателями // Подготовка специалистов для экономики и социальной сферы региона: приоритеты инновационной политики в образовании, науке, экономике : сб. науч. тр. / отв. ред. А. В. Аргучинцев, Т. И. Грабельных. Иркутск : РИО НЦ РВХ ВСНЦ СО РАМН, 2009. С. 30–47.
4. Грабельных Т. И., Саблина Н. А. Технологии взаимодействия и формы сотрудничества вузов с работодателями (в контексте организации и проведения производственных и преддипломных практик студентов-социологов) // Инновационные формы и методы в системе высшего профессионального образования в России : науч.-метод. материалы / [отв. ред. Т. И. Грабельных, В. А. Решетников ; сост. Т. И. Грабельных, Н. А. Саблина]. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010. С. 29–45.
5. Грабельных Т. И., Саблина Н. А. Перспективы выпускников-социологов регионального вуза: наличие или отсутствие? (по материалам социологических исследований) // Стратегия инновационного развития России как особой цивилизации в XXI в. : сб. тез. VI Всерос. науч. конф. «Сорокинские чтения – 2010». М. : МАКС Пресс, 2010. С. 382–384.
6. Грабельных Т. И., Саблина Н. А. Основные пути углубления профессионализации выпускников современных вузов в условиях внедрения ФГОС // Ректор вуза. 2012. № 7. С. 18–21.
7. Грабельных Т. И., Кузьмина Е. С. Внедрение «профильных» технологий партнерства вузов с работодателями как способ формирования потребностей на региональном рынке труда // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Владивосток, 7–8 дек. 2016 г.) / [отв. ред. И. Г. Кузина]. Владивосток : Дальневост. федер. ун-т, 2016. С. 96–97.
8. Грабельных Т. И., Саблина Н. А., Кузьмина Е. С. Введение профессиональных стандартов в вузе как фактор модернизации профессионально-трудовой сферы: мнения и оценки выпускников // Россия в системе современной социальной реальности : сб. материалов V Всерос. социол. конгресса (Москва, 14–15 нояб. 2016 г.) / отв. ред. и сост. Д. К. Танатова, Т. Н. Юдина. М. : Изд-во РГСУ, 2017. С. 625–627.

СПЕЦИФИКА ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Рассматривается специфика подготовки кадров для социальной сферы региона в условиях нестабильности.

Ключевые слова: нестабильность, социальная защита, социальная сфера.

В настоящее время в России очень большое количество населения нуждается в социальной защите и поддержки со стороны государства. В связи с этим, проблема подготовки кадров для социальной сферы и экономики региона встает особенно остро и нуждается в контроле со стороны государства. Изучению данной проблемы посвящена целая серия публикаций иркутских ученых, подготовленных по результатам социологических исследований, проведенных в 2008–2017 гг. в Иркутской области (Т. И. Грабельных, Н. А. Саблина, Е. С. Кузьмина) [1–6]. Очевидно, что стране нужны новые хорошо обученные кадры, разбирающиеся в данной проблеме. В современных условиях все более актуальными становятся проблемы трудоустройства выпускников региональных университетов в социальной сфере, наиболее полной реализацией их профессионального личностного потенциала. Обострились проблемы трудоустройства в социальной сфере, дефицит специалистов, отсутствие мотивации. Существует острота кадрового дефицита. Высшая школа реформируется, отсутствуют привлекательные условия для молодых специалистов. Молодые специалисты выходящие на рынок труда после окончания учебных учреждений неизбежно контактируют с различными сложностями. Основное препятствие несоответствие профессиональных областей, в которых желают реализоваться выпускники, и тех куда готовы принять работодатели. Выявленные противоречия между ожиданиями молодых специалистов и потребностями работодателей ведут к сложностям при трудоустройстве и вынужденной смене специальности. Трудовая деятельность студентов, не связанная с приобретенными специальностями приобрела массовый характер.

Социальная сфера не готова обеспечить должные условия для выпускника регионального университета. Существует острый дефицит в кадрах. Нужно больше развивать государственную политику и направления подготовки.

По данным Министерства экономического развития, труда, науки и высшей школы Иркутской области, в Приангарье действуют 37 вузов, из них 11 – государственных, включая 9 в Иркутске, по одному – в Ангарске и Братске, 19 филиалов государственных вузов, 4 негосударственных вуза, 3 филиала негосударственных вузов. В этих учреждениях обучаются 123,5 тыс. человек, из них более 60 % – на коммерческой основе и порядка 62 тысяч – на очной [7].

На сегодняшний день проблема трудоустройства выпускников вуза встает наиболее остро, с каждым годом на рынке труда появляются новые специалисты в той или иной области, но трудоустроить их очень сложно. Рынок труда представляет собой непрерывно меняющуюся структуру, с каждым годом работодатель усвершенствует свои требования к соискателю работы, соискатели, в свою очередь, не всегда имеют возможность подстроиться под требуемые условия, так как главное непосредственное преимущество – способность подстраиваться под требования, т. е. желанием обучаться, причем за свой счет. Так же проблемой остро стоит в плане предоставления вакансий, в некоторых областях соотношение работодатель/соискатель неравно. Это возникает в результате невозможности предугадать заранее актуальность выбранной специальности через 5–6 лет.

Цели и задачи высшего образования будут меняться постоянно, так как современный рынок нестабилен, будут появляться новые специальности, уходить старые профессии, поэтому главная задача выпускника состоит в том, чтобы являться более мобильными и постоянно готовыми к изменениям. На сегодня наблюдается тенденция роста требований к соискателю, в 2016 г. была отмечена высокая концентрация населения, которое ищет работу по специальности, примерно 5 резюме на одно рабочее место. В 2017 г. специалисты отмечают рост вакансий, снижение сокращений на предприятиях (примерно на 30 %), что сделает рынок труда немного стабильнее.

В основе современной системы образования лежит многовековая история ее становления и развития. От начала развития до настоящего времени прошло не мало веков. Теперь система образования – это конкурентоспособная сфера деятельности, которая вышла на международный рынок. Налаживание международных отношений способствует установлению прочных потоков иностранного капитала в российскую систему образования. Конкурентоспособность выпускников зависит от качества образования, от научной базы высшего учебного заведения.

Большое внимание уделяется соблюдению прав и свобод студентов на свободный выбор специальности, формы образования, методов образования. Конкурентоспособность выпускников обеспечивается и практической базой, которая должна иметься у образовательного учреждения. Формирование кафедр на основе каких-либо предприятий повышает уровень конкурентоспособности студентов.

Литература

1. Грабельных Т. И. Новая роль университета в инновационном развитии региона и механизмы взаимодействия с работодателями // Подготовка специалистов для экономики и социальной сферы региона: приоритеты инновационной политики в образовании, науке, экономике : сб. науч. тр. / отв. ред. А. В. Аргучинцев, Т. И. Грабельных. Иркутск : РИО НЦ РВХ ВСНЦ СО РАМН, 2009. С. 30–47.

2. Грабельных Т. И., Саблина Н. А. Технологии взаимодействия и формы сотрудничества вузов с работодателями (в контексте организации и проведения производственных и преддипломных практик студентов-социологов) // Инновационные формы и методы в системе высшего профессионального образования в России : науч.-метод. материалы / [отв.

ред. Т. И. Грабельных, В. А. Решетников ; сост. Т. И. Грабельных, Н. А. Саблина]. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010. С. 29–45.

3. Грабельных Т. И., Саблина Н. А. Перспективы выпускников-социологов регионального вуза: наличие или отсутствие? (по материалам социологических исследований) // Стратегия инновационного развития России как особой цивилизации в XXI в. : сб. тез. VI Всерос. науч. конф. «Сорокинские чтения – 2010». М. : МАКС Пресс, 2010. С. 382–384.

4. Грабельных Т. И., Саблина Н. А. Основные пути углубления профессионализации выпускников современных вузов в условиях внедрения ФГОС // Ректор вуза. 2012. № 7. С. 18–21.

5. Грабельных Т. И., Саблина Н. А., Кузьмина Е. С. Внедрение «профильных» технологий партнерства вузов с работодателями как способ формирования потребностей на региональном рынке труда // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Владивосток, 7–8 дек. 2016 г.) / [отв. ред. И. Г. Кузина]. Владивосток : Дальневост. федер. ун-т, 2016. С. 96–97.

6. Грабельных Т. И., Саблина Н. А., Кузьмина Е. С. Введение профессиональных стандартов в вузе как фактор модернизации профессионально-трудовой сферы: мнения и оценки выпускников // Россия в системе современной социальной реальности : сб. материалов V Всерос. социол. конгресса (Москва, 14–15 нояб. 2016 г.) / отв. ред. и сост. Д. К. Танатова, Т. Н. Юдина. М. : Изд-во РГСУ, 2017. С. 625–627.

7. Министерство экономического развития, труда, науки и высшей школы Иркутской области : сайт. URL: <http://irkobl.ru/sites/economy/> (дата обращения: 08.04.2017).

РАЗДЕЛ 3. ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНСЕНСУС В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ СТРУКТУР КАК ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

УДК 316.3

Грабельных Т. И

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ СОВЕТОВ В УСТАНОВЛЕНИИ «КОНСЕНСУСНОГО» ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Обосновывается необходимость внедрения «политического консенсуса» как принципа «консенсусного» (согласованного и ответственного) взаимодействия органов власти и общественности в новых российских условиях. Повышение роли общественных советов связывается с совершенствованием механизмов общественно-государственного партнерства. Акцентируется внимание на важности включения активных групп экспертов в общественные структуры на принципах политического консенсуса.

Ключевые слова: политический консенсус, гражданское общество, общественно-государственное партнерство, общественный контроль, общественные советы, власть, общественное участие.

Наметившиеся сдвиги в системе взаимодействия органов власти и общественности, проявляющиеся в первую очередь через механизмы общественно-государственного партнерства, свидетельствуют о динамике существенных взаимосвязей, поддерживающих единство гражданского общества и направленность его развития. В новых условиях институциональных трансформаций актуализировался вопрос о роли общественных советов как институте общественного контроля в повышении эффективности деятельности исполнительных органов государственной власти [1]. При смене типов социальных взаимосвязей и взаимодействий отчетливо видно, что категория «политический консенсус» [2] переживает «новое» рождение, приобретая универсальный статус.

С момента принятия Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [5] в российских регионах проведена большая работа по организации общественного контроля. Так, в 2016 г. в Иркутской области общественные советы были созданы фактически при всех 36-ти исполнительных и представительных органах государственной власти. На сегодняшний день в регионе все советы представлены на официальных сайтах органов государственной

власти, при которых они созданы и на официальном сайте Открытого Правительства Иркутской области, где можно увидеть их ежегодные планы работы, принятые решения и рекомендации по улучшению работы подконтрольных им органов власти [3]. Анализ работы общественных советов показывает, что общественный контроль в Иркутской области все больше воспринимается властью и гражданским обществом как политическая площадка для диалога, «консенсусный» механизм поиска эффективных решений социально значимых проблем.

Деятельность Общественного совета при службе ЗАГС Иркутской области, председателем которого является автор данной работы, наглядно показывает актуальность проблем, связанных с реализацией приоритетных направлений и повышением эффективности деятельности исполнительного органа власти. В центре внимания Общественного совета при службе в 2016–2017-е гг. (отражено в планах работы и протоколах заседаний совета): основные механизмы и пути информационного сопровождения деятельности службы; качество предоставления государственной услуги по государственной регистрации актов гражданского состояния; внедрение разработанного комплекса организационных, разъяснительных и иных мер по соблюдению государственными гражданскими служащими запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупции (участие соответствующих общественных организаций в разработке указанных мероприятий предусмотрено Программой противодействия коррупции в Иркутской области на 2014–2016 гг.); проведение общественной экспертизы проектов нормативных правовых актов, касающихся основной деятельности, в том числе разработанных службой государственных программ; рассмотрение вопросов, связанных с переводом в электронную форму книг государственной регистрации актов гражданского состояния (актовых книг) в рамках формирования Единого реестра записей актов гражданского состояния: выработка оптимальных способов организации работ; разработка проекта графика перевода актовых книг в электронную форму; формирование материальной и имущественной базы, необходимой для выполнения работ и др. [4].

Постепенно принцип «политического консенсуса» внедряется в деятельность общественных советов при исполнительных органах государственной власти. Как следствие, требуется повышение качества их работы по осуществлению общественного контроля, обеспечению принципа независимости, защиты прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений. В этой связи в 2017 г. перед Байкальским Гражданским Форумом (БГФ) было принято решение о проведении социологического исследования по вопросам взаимодействия общественных советов с исполнительными органами государственной власти и определения путей повышения эффективности их деятельности в Иркутской области. В экспертном опросе, проведенном социологической лабора-

торией региональных проблем и инноваций Института социальных наук и НИЧ Иркутского государственного университета (зав. лабораторией, доктор социологических наук, профессор Т. И. Грабельных) в апреле–мае 2017 г., приняли участие руководители исполнительных органов государственной власти Иркутской области и руководители Законодательного Собрания Иркутской области (51 чел.), а также руководители и члены общественных советов (65 чел.). Следует отметить, что это было первое социологическое исследование в Иркутской области по проблемам общественно-государственного партнерства.

Результаты экспертного опроса показали, что респондентами одобряется опыт координации субъектов общественного контроля на площадке Общественной палаты Иркутской области, поддерживается предложение ежегодно проводить субъектам общественного контроля в Иркутской области встречи по обмену опытом и успешными практиками. На современном этапе развития механизмов общественного участия в Иркутской области видится актуальным укрепление каналов «консенсусного» (согласованного и ответственного) взаимодействия Общественных палат и общественных советов с органами местного самоуправления, бизнес сообществом, общественными организациями и другими субъектами регионального развития. Проведенный анализ показал, что включение активных групп экспертов в общественные структуры на принципах политического консенсуса позволит более последовательно реализовывать современную стратегию общественно-государственного партнерства в России и в Иркутской области, в частности.

Литература

1. Грабельных Т. И., Лесниковская Е. В. Механизмы общественного участия в современной стратегии общественно-государственного партнерства в России // Казан. соц.-гуманитар. вестн. 2017. № 1 (24). С. 25–29.
2. Грабельных Т. И. Культура политического консенсуса : дис. ... канд. социол. наук: 22.00.05 Политическая социология. М., 1993. 226 с.
3. Общественные советы // Открытое Правительство Иркутской области [Электронный ресурс]. URL: http://open.irkobl.ru/public_councils/ (дата обращения: 07.04.2017).
4. Общественный совет при службе записи актов гражданского состояния // Открытое Правительство Иркутской области [Электронный ресурс]. URL: http://open.irkobl.ru/public_councils/?ELEMENT_ID=26967 (дата обращения: 07.04.2017).
5. Об основах общественного контроля в Российской Федерации : федер. закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38702> (дата обращения: 07.04.2017).

СОЦИАЛЬНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНСЕНСУСА

Рассматривается понятие политического консенсуса. Автор анализирует и приводит ключевые признаки механизма решения внешнеполитических противоречий, анализирует условия формирования политического консенсуса и технологии управления данным социальным явлением.

Ключевые слова: социальная солидарность, консенсус, политический консенсус.

Становится очевидным, что условия солидарности общественного развития постоянно меняются, они зависят от множества факторов, которые не всегда возможно предугадать. При этом, консенсус, отождествляет процесс и цель развития социальной солидарности в разных временных точках развития.

Термин «консенсус» был введен в научный оборот О. Контом, в сочинениях которого он имел две трактовки [1]:

1. Без консенсуса нельзя мыслить элементы системы в качестве развивающихся, ибо движение предполагает согласованность. На этом основании он объявил консенсус основополагающим моментом социальной статики и динамики.

2. Консенсус – субъективное согласование, т. е. форма социальной солидарности, особым способом связывающей человечество в единый коллективный организм – «Великое существо».

Эффективность управления зависит от того, насколько власть способна договориться с обществом, организовать с ним своевременный и эффективный диалог. Положительное отношение граждан к политической власти, ее решениям является необходимым условием и показателем ее легитимности. Публичность – неременная предпосылка демократии, поскольку переход к публичному управлению происходит вместе с демократизацией отношений между институтами и субъектами политики. Государство должно использовать качественно новый инструментарий, которым может стать консенсус, т. е. общественно-политическое согласие, в соответствии с которым политические актеры обязались бы не использовать аморальные средства достижения политических целей.

В качестве главных актеров в пределах государства возникают как власть, так и оппозиция, поэтому поиск консенсуса в решении проблемы взаимодействия между ними должна быть обоюдною целью. Существование оппозиции является неотъемлемой чертой демократической организации и гражданского общества.

Оппозиция – это носитель альтернативных путей развития общества, его деятельность оптимизирует принятие государственных решений, побуждает учитывать интересы всех заинтересованных групп общества. Ин-

ституциализация оппозиции является средством конструктивного разрешения противоречий между интересами различных социальных групп, составляющей механизма сдержек и противовесов в структуре отношений в сфере власти. Оппозиции нужно гарантировать возможность не только выразить альтернативные взгляды, но и быть равноправным субъектом политического процесса. В то же время определение статуса политической оппозиции должно предусматривать требования и к ней самой, прежде всего – настраиваться на конструктивные формы сотрудничества, не прибегать к неконституционным способам противостояния, строить цивилизованные отношения с властью.

Статус оппозиции определяют через ее права (доступ к участию в демократических процессах, наделение базовыми правами и привилегиями, консультации с правительством по важным вопросам национальной безопасности, распределение должностей пропорционально политического состава парламента, равные права представления законопроектов и поправок к законам, недопущения дискриминации по времени выступлений во время парламентских дебатов и устных вопросов) и обязанности (предложение альтернативной правительственной программы, деятельность с учетом государственных интересов, запрет безосновательной критики правительства, воздержание от пропаганды насилия как средства политического обнаружения). Большую роль в предоставлении статуса оппозиции играют и политические традиции, политико–правовая культура нации и ее склонность к поиску консенсуса в обществе.

Оппозиционная деятельность одновременно является деятельностью, в основе которой лежит противодействие органам власти. Некоторые исследователи связывают понимание политической оппозиции с понятием контроля как формой конфликта. Таким образом, политическую оппозицию можно понимать как организованную политическую силу, которая критикует действующую власть и осуществляет ее контроль.

Демократия рождается именно в поисках эффективных механизмов разрешения конфликтов между властью и политической оппозицией. Динамический процесс демократизации запускается благодаря длительной борьбе, что необходимо для зарождающейся демократии. Отношения между властью и оппозицией в подавляющем большинстве случаев являются напряженными, неуступчивыми, а иногда и конфликтными. Однако уровень напряжения между ними не должен достигать апогея каждый раз, когда власть инициирует то или иное предложение, и не делить соответствующим образом общество на два враждебных лагеря. Поиск консенсуса по ключевым вопросам государственного устройства и функционирования – вот главная цель взаимодействия между властью и оппозицией [2].

В демократических обществах обычно выделяются три объекта возможного согласия, которые могут быть трансформированы в соответствующие им уровни консенсуса:

– первый уровень – показывает, или разделяет определенное общество одинаковые ценности и цели; обозначает согласие по базовым нормам и принципам большинства членов общества;

– второй уровень – устанавливает правила политического поведения, которые фиксируются в конституциях; обозначает согласие большинства относительно главных «правил игры» (например, признание результатов выборов, состоявшихся);

– третий уровень – выдвигает на первый план проблему отношений между властью и оппозицией; обозначает согласие большинства относительно основных форм организации политической власти (например, признание определенной формы правления) – различия могут возникать по отношению к определенным членам правительства, а не к форме правления.

Главным среди правил взаимоотношений между ветвями власти и силами, которые находятся за ними, должно быть правило, определяющее порядок урегулирования конфликтов (в частности – между властью и оппозицией). Если политическое сообщество не сумеет определить такой порядок, оно будет конфликтовать по любому поводу, создавая угрозу политической нестабильности и гражданских столкновений. Успешность урегулирования конфликтов, возникающих в процессе взаимодействия власти и оппозиции, по нашему мнению, определяется их готовностью к поиску политического консенсуса. В условиях борьбы между властью и оппозицией неотъемлемым условием политической стабильности является наличие в обществе консенсуса, основанного на том, что при любых условиях, при всех расхождениях интересов, объективно существует сфера потенциального согласия.

В аспекте решения проблемы взаимодействия власти и оппозиции политический консенсус интерпретируется, как готовность власти признавать инакомыслие в обществе, деятельность оппозиции в рамках конституции, способность достойно принимать поражение в политической борьбе. Консенсус обеспечивает легитимность и эффективность политической системы, а также минимальной степени утверждения и добровольного принятия демократических правил и норм политического поведения. Он предусматривает гомогенность политических ценностей, а также лояльность населения к власти.

Основой политического консенсуса, как и консенсуса в общем, возникает толерантность, которая в условиях острого соперничества между властью и оппозицией не требует полной лояльности к политическому оппоненту, не предусматривает отказ от борьбы за свои цели. Однако она побуждает политических актеров уважать право на отличие, воспринимать это различие как ценность, заслуживает, по крайней мере, на внимательное изучение. Это предполагает готовность к диалогу, открытость к рассмотрению любого вопроса, отсутствие закрытых или «неудобных» для серьезного обсуждения тем. Политик, ориентированный на достижение консенсуса должен напоминать опытного дипломата, который прекрасно понимает

необходимость, неизбежность компромиссов, которые призваны сигнализировать социума об объективной необходимости в обеспечении конкретных условий для соблюдения общечеловеческой солидарности и функционального единства общества.

Вместе с тем следует учитывать, что в случаях кардинальных различий между интересами общества и властных структур поиски консенсуса не должны прекращаться. По этому поводу В. Розин отмечает: если власть и богатые люди отделяют себя от других забором, охраной, законами, то возможность консолидации и самозащиты обеспечивает знание, понимание того, что происходит, своих компетенций, общения с себе подобными, наконец, образ жизни, предусматривающий разумное, реалистическое поведение; другими словами – создание особой культуры.

Последняя может быть определена именно как культура социального консенсуса. Особую роль в развитии культуры социального консенсуса должна играть интеллигенция. В социальном плане главная задача образованных людей (которые переживают за жизнь страны, испытывают собственную ответственность за это) состоит в том, чтобы в условиях снижения общей культуры, определенной варваризации жизни сохранять и развивать культурные и духовные ценности, поддерживать в культуре ум и справедливость, работать на человека, на будущее. Не менее важная задача – объяснять обществу, что происходит на самом деле, помогать людям понять, где реальные процессы, а где их имитация, которая скрывает прямо противоположное.

Такая деятельность способствует утверждению консенсуса как в отношениях между властью и оппозицией, так и в сфере внутренней политики в целом. Так же на современном этапе развития цивилизации консенсус приобретает важное значение как технология решения внешнеполитических противоречий. Эффективный механизм принятия и реализации внешнеполитических решений – это одно из ключевых условий эффективной внешней политики. Субъективные решения, рассчитанные только на ближайшую перспективу, основанные на конъюнктурных соображениях, в этой сфере абсолютно недопустимы, поскольку каждый шаг может иметь стратегический характер и долговременные последствия. Поэтому все развитые страны стремятся приложить максимум усилий для того, чтобы создать и усовершенствовать механизм принятия внешнеполитических решений. Большую роль в этом процессе, что должно обеспечить успешность решения внешнеполитических противоречий, играет именно технология консенсуса.

Можно выделить следующие ключевые признаки механизма решения внешнеполитических противоречий:

– коллегиальный характер выработки и принятия внешнеполитических решений, привлечение к этому процессу всех (или максимально возможного количества) субъектов международной деятельности;

– опора при выработке внешнеполитических решений на глубокую аналитику, на экспертизу, которая обеспечивается не только правительственными исследовательскими центрами, но и неправительственными организациями, т. е. на широкое экспертное сообщество;

– применение стратегического планирования, которое основывается на краткосрочном, среднесрочном и долгосрочном прогнозировании;

– прозрачность механизма принятия внешнеполитических решений, которая определяется сотрудничеством со СМИ, в частности, проведением регулярных брифингов субъектами международной деятельности (прежде всего внешнеполитическими ведомствами).

В развитых странах мира считается, что прозрачность принятия и реализации внешнеполитических решений обеспечивает достижение общенационального консенсуса по внешнеполитическим вопросам, поскольку процедуры и логика принятия и выполнения таких решений исполнительной властью становятся доступными для понимания широкой общественностью;

– строгая исполнительская дисциплина в реализации внешнеполитических решений.

Допустимыми считаются только дискуссии внутри страны по поводу тех или иных внешнеполитических ориентаций, того или иного внешнеполитического курса. Абсолютно недопустимыми считаются разногласия и публичное обсуждение этих разногласий между представителями различных исполнительных органов власти и даже между представителями исполнительных и законодательных органов власти за рубежом, на международных конференциях.

В частности, в США считается, что американцы, которые выезжают за границу и принимают участие в международных конференциях, обладают единым фронтом отстаивать национальные интересы США, по поводу которых существует если не национальный консенсус, то хотя широкая национальная согласие внутри страны.

Все указанные признаки, по нашему убеждению, соответствуют характеристике консенсуса как технологии решения внешнеполитических противоречий. Поэтому перспективными для политической стабильности и эффективной внешнеполитической деятельности страны выдаются достижения консенсусной демократии как особого типа политической культуры, которая заставляет политических деятелей договариваться, искать эффективные компромиссы, пути конструктивного сотрудничества со всеми политическими силами, формируя при этом «решающее меньшинство», обеспечив его активное участие в управлении обществом.

Консенсусный характер демократии обеспечивается благодаря коалиционности органов власти, пропорциональном представительстве в них различных социальных групп и меньшинств общества, высокому уровню политической культуры, организованности населения, структурированности его групповых интересов. Подобные характеристики должны способствовать успешному решению внешнеполитических проблем.

Как технология решения внешнеполитических противоречий, консенсус получил распространение в международных отношениях в новейшую эпоху, хотя отдельные характеристики, присущие консенсуальному методу принятия решений, наблюдались во внешней политике великих держав и раньше. В частности, участники крупнейших международных форумов XIX в. (Венского конгресса 1815 г., Парижского конгресса 1856 г., Берлинского конгресса 1878 г.), принимая решение, применяли неофициальные консультации, принцип общего согласия, характерные для современной консенсуальной процедуры. В общем общей чертой процедур принятия решений на уровне международных организаций, созданных до Второй мировой войны, было требование по поводу «отсутствия возражений» как необходимого условия принятия решений. Этому требованию отвечали как принятие решений большинством голосов при наличии права вето у каждого участника, так и единогласное принятие решений, при котором предусмотрена возможность удержания при голосовании.

С созданием Организации Объединенных Наций консенсуальный метод широко применяется для разработки и принятия резолюций и решений. В 1987 г. Управление по правовым вопросам Секретариата ООН подготовило правовое заключение по этому вопросу. В этом документе было указано, что под консенсусом обычно понимается принятие решения без официальных возражений и без голосования; это возможно лишь в том случае, если ни одна из делегаций официально не возражает против включения в протокол записи о достижении консенсуса, хотя в тех или иных делегациях при этом могут возникать предостережения о сущности вопроса в целом или его части.

Сам факт внесения в протокол записи о достижении консенсуса обязательно обозначает единодушие: известно много случаев, когда государства делают заявления или оговорки по рассматриваемому вопросу, но при этом не возражают против внесения в протокол запись о принятии решения путем консенсуса. В правовом заключении по вопросу принятия решений консенсусом, подготовленном Управлением по правовым вопросам Секретариата ООН в 2003 г., было отмечено: практика нахождения консенсуса означает, что при отсутствии заявленного возражения или конкретного требования провести голосование проекты резолюций и решений принимаются без голосования. Любая делегация может блокировать консенсус, заявив отрицание или конкретно потребовав провести голосование по предложению в целом; она при этом должна сформулировать основания своего отрицания.

Европейские сообщества также имеют значительный опыт принятия коллегиальных решений не путем голосования, когда побеждает позиция большинства, а через согласование позиций и поиск формулировок, приемлемых для всех сторон, участвующих в обсуждении вопроса. Если не удастся согласовать все положения общего решения, то принимаются только те из них, которые согласованы с каждым участником дискуссии. Так,

например, принцип консенсуса заложен в механизме функционирования Европейского Союза, в котором институты власти служат не механическому воплощению воли большинства, а реалистическому включению национальных и наднациональных политических институтов в процесс принятия решений, установления между ними конструктивного диалога. В частности, в Европейском парламенте, как правило, образуются две крупнейшие парламентские группы, которые не имеют абсолютное большинство. В такой ситуации две партии решают кооперироваться, чтобы не допустить блокирования деятельности парламента и тем самым развеять сомнения среди других институциональных партнеров относительно эффективности парламента в процессе принятия решений. Результатом такой самоорганизации конкуренции является сбалансированная и эффективная работа Европарламента. Деятельность ЕС как наднациональной организации выступает ярким примером достижения консенсуса в сфере международных отношений.

Литература

1. Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 4: От романтизма до наших дней. СПб., 1997. С. 191.
2. Полюшкевич О. А. Социокультурная солидарность. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2011. 221 с.

УДК 323.21(47)

Пархоменко А. Н.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

АКТУАЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

Рассматриваются важнейшие шаги становления системы общественного контроля, и основные нормативно-правовые акты, устанавливающие правовые основы организации и осуществления общественного контроля за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций.

Ключевые слова: общественный контроль, гражданское общество, демократическое государство.

Государство и гражданское общество активно взаимодействуют друг с другом, используя разные формы и методы. Известно, что в настоящее время политическая система и политические институты Российской Федерации находятся в стадии развития.

Осуществление общественного контроля является функцией гражданского общества. В демократическом, правовом государстве публичная власть должна быть подчинена закону, что достигается путем общественного контроля над ней. Гражданский контроль, как известно, налаживает систему обратной связи общества с властью, помогает гражданам вести открытый диалог о целях и приоритетах развития страны. С помощью обрат-

ной связи с обществом власть способна не только слышать, но и поддерживать требования граждан по проведению реформ [3, с. 61].

В последние годы в России проводится серьезная работа по развитию общественного контроля, что находит отражение в публикациях отечественных авторов (Т. И. Грабельных, Е. В. Лесниковская и др.) [3; 4]. Общественная палата Российской Федерации отмечает, что в создавшихся условиях общественный контроль над развитием и повышением эффективности российской общественно-политической системы в целом, отдельных звеньев системы государственного управления – важнейший приоритет развития гражданского общества, но прежде всего над теми ее элементами, которые находятся вне фокуса внимания других общественно-политических сил [4, с. 108].

Необходимо отметить, что в России пока еще слабо развиты эффективно работающие системные институты общественного контроля. Вместе с тем, общественные палаты, общественные советы при министерствах и ведомствах, общественные советы муниципальных образований, другие институты гражданского общества стремятся сделать работу в данном направлении более результативной.

Важнейшим шагом на пути становления системы общественного контроля, и основным нормативным правовым актом, устанавливающим правовые основы организации и осуществления общественного контроля за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций является Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации».

В соответствии с положениями Федерального закона РФ под общественным контролем понимается деятельность субъектов общественного контроля, осуществляемая в целях наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений [1].

По мнению ряда исследователей к основным задачам общественного контроля над деятельностью государственных органов можно отнести:

- контроль над соблюдением нормативных предписаний государственными органами;
- контроль над соответствием законам правовых актов, издаваемых государственными органами;
- контроль целесообразности управленческих решений по организации и осуществлению деятельности государственными органами;
- контроль над соблюдением установленных для государственных органов запретов и ограничений, служебной дисциплины, своевременным и доброкачественным выполнением государственными органами возложенных на них обязанностей;

- контроль над подбором, расстановкой, повышением квалификации кадрового состава государственных органов;
- контроль над соблюдением прав и свобод, охраняемых законом интересов граждан;
- контроль над рациональным распределением и использованием материальных, финансовых и иных ресурсов, соблюдением режима экономии [2, с. 25].

В современных условиях развития России общественный контроль можно рассматривать в качестве важнейшей функции гражданского общества. Его важнейшей задачей является налаживание содержательного взаимодействия между институтами гражданского общества, с одной стороны, и структурами государственной, в первую очередь исполнительной власти, – с другой.

Литература

1. Об основах общественного контроля в Российской Федерации : федер. закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ [Электронный ресурс] // Рос. газ. 2014. № 6435 (163). URL: <https://rg.ru/2014/07/23/zakon-dok.html> (дата обращения 13.04.2017).
2. Бондарь Н. Ю. Правовое положение общества в системе социального контроля за деятельностью органов государственной власти в РФ // Гос. власть и местное самоуправление. 2009. № 3. С. 23–28.
3. Грабельных Т. И., Лесниковская Е. В. Механизмы общественного участия в современной стратегии общественно-государственного партнерства в России // Казан. соц.-гуманитар. вестн. 2017. № 1 (24). С. 25–29.
4. Грабельных Т. И., Лесниковская Е. В. Роль университета в развитии системы региональных взаимодействий: от универсальной научно-образовательной к экспертно-технологической модели // Вестн. ун-та. 2017. № 3. С. 220–222.
5. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2013 г. М. : Обществ. палата РФ, 2013. 132 с.
6. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2010 г. М. : Обществ. палата РФ, 2010. 124 с.

УДК 351.755.2(571.53)

Морева А. А.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

РЕАЛИЗАЦИЯ ФУНКЦИЙ СУБЪЕКТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ С УЧЕТОМ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ (НА ПРИМЕРЕ СЛУЖБЫ ЗАПИСИ АКТОВ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

Рассматривается проблема противодействия коррупции как одна из важнейших общегосударственных задач.

Ключевые слова: государственное управление, субъект, коррупция, противодействие.

Проблема противодействия коррупции является общегосударственной задачей. Каждое государство принимает определенные меры, которые направлены на снижение влияния коррупции на все сферы жизнедеятель-

ности общества. Без учета мер противодействия коррупции реализация функций субъектов государственного управления видится крайне затруднительной. Ситуация осложняется тем, что в условиях нестабильности возрастают угрозы и риски в деятельности государственных структур, что не может не актуализировать вопросы, связанные с проведением антикоррупционной деятельности и обеспечением их открытости и прозрачности, о чем свидетельствуют материалы на официальных сайтах органов государственной власти. Примером освещения вопросов борьбы с коррупцией выступает служба записи актов гражданского состояния Иркутской области.

Деятельность службы записи актов гражданского состояния обуславливается тем, что указанный орган является институтом, оказывающим государственные услуги, связанные с выходом на определенные события в жизни человека, как торжественные так и не торжественные, являясь связующим звеном между государством и гражданским обществом, в результате чего подвергается влиянию коррупционной деятельности.

Законодательно утверждено, что служба записи актов гражданского состояния – это исполнительный орган государственной власти, реализующий полномочия по государственной регистрации актов гражданского состояния и осуществляющий функции по управлению в сфере государственной регистрации актов гражданского состояния [2]. Согласно Положению о службе записи актов гражданского состояния Иркутской области, служба как институт, призвана осуществлять огромное количество функций, таких как осуществление государственной регистрации актов гражданского состояния, в том числе в торжественной обстановке в установленных законодательством случаях; совершение юридически значимых действий в соответствии с законодательством в пределах своей компетенции; формирование электронного информационного ресурса о государственной регистрации актов гражданского состояния на территории Иркутской области, в том числе, функцию по обеспечению стабильности социально-демографических структур: брачности, разводимости, рождаемости и многие другие функции, что может повлечь за собой коррупционную деятельность государственных гражданских служащих [2].

Согласно Федеральному закону «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ, коррупция – это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами [3].

Проанализировав материалы, представленные на официальном сайте службы записи актов гражданского состояния Иркутской области, мы приходим к выводу, что в данной организации антикоррупционная деятель-

ность ведется в различных направлениях, а именно: совершенствование нормативной правовой базы; организационные меры по предупреждению и профилактике коррупции; внедрение механизмов противодействия коррупции в рамках кадровой политики; обеспечение доступа граждан к информации о деятельности службы записи актов гражданского состояния; обеспечение участия институтов гражданского общества в противодействии коррупции. В соответствии с Федеральным законом «Об общественном контроле», к субъектам контроля в РФ относятся общественные советы при исполнительных органах государственной власти, деятельность которых также сосредоточена на антикоррупционных мерах. Во взаимодействии с исполнительным органом государственной власти они реализуют стратегию общественно-государственного партнерства в России [1].

В русле рассматриваемых мер немаловажным фактом является то обстоятельство, что в современных условиях также повысились требования к работе телефонной «горячей линии» по вопросам противодействия коррупции, получению консультаций по вопросам противодействия коррупции дистанционно, а также отправлению в письменной и электронной форме информации о конкретных фактах коррупции, неисполнению служебных обязанностей государственным гражданским служащим.

На официальных сайтах в специальных разделах данной структуры приведен перечень федеральных нормативных правовых актов, региональных нормативных правовых актов, правовых актов службы о противодействии коррупции, в том числе об установлении наказания за коррупционные преступления в виде штрафов, об увольнении в связи с утратой доверия, о порядке проверки сведений, представляемых госслужащими. Немаловажно, что в целях осуществления основных профилактических антикоррупционных мер кадровой службой оказывается консультативная помощь по вопросам, связанным с представлением ими сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера. Одной из основных профилактических антикоррупционных мер является проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов. Независимая экспертиза проводится юридическими лицами и физическими лицами, аккредитованными Министерством юстиции Российской Федерации в качестве экспертов по проведению независимой антикоррупционной экспертизы, в установленном законодательством порядке [2].

Таким образом, основанием для реализации функций субъектов государственного управления являются федеральные нормативные правовые акты, которые отражены на официальных сайтах данных структур, такие как федеральные законы, указы Президента, региональные правовые акты, направленные на противодействие коррупции. При этом повышается роль органов общественного контроля. Однако практика показывает, что для борьбы с коррупцией необходимо не только соблюдение законов и реализация мер предупреждения, но и желание самих госслужащих и всего гражданского общества бороться с этой проблемой сообща.

Литература

1. Грабельных Т. И., Лесниковская Е. В. Механизмы общественного участия в современной стратегии общественно-государственного партнерства в России // Казан. соц.-гуманитар. вестн. 2017. № 1 (24). С. 25–29.
2. Служба записи актов гражданского состояния Иркутской области [Электронный ресурс] : офиц. портал. URL: <http://irkobl.ru/sites/zags/about/position>.
3. О противодействии коррупции : федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/bbbd4641125b222beaf7483e16c594116ed2d9a1.

УДК 316.774:654.1+316.774:681.324

Мясникова А. С., Гольцова Е. В.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ТЕЛЕВИДЕНИЕ И ИНТЕРНЕТ КАК КАНАЛЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНФОРМИРОВАННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Рассматривается информирование общества как ключевая функция СМИ. Автор утверждает, что в свете современных вызовов и угроз большое значение приобретают сообщения средств массовой информации.

Ключевые слова: телевидение, интернет, политическая информированность.

В свете современных вызовов и угроз большое значение приобретают сообщения средств массовой информации. Оповещение общества – ключевая функция СМИ. Они предоставляют населению информацию об определенном событии или происшествии. И от того, как это сообщение будет обработано и подано, зависит реакция общества на предложенную информацию. Таким образом, именно СМИ во многом формируют и контролируют настроения в обществе.

В настоящее время в российском медийном пространстве сформировалось некое «противостояние» двух основных каналов массовой коммуникации: телевидения и сети Интернет. Телевидение появилось довольно долгое время назад, и до последних лет, благодаря широкому охвату и растущей доступности, оно оставалось наиболее распространенным источником информации. Так, согласно данным социологического исследования «СМИ в России: потребление и доверие», проведенного учеными Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в мае 2015 г., основным источником новостей о событиях в стране для 62 % населения России выступало телевидение. Сеть Интернет являлась главным источником информации лишь для 22 % респондентов [1].

Более подробно описывают ситуацию статистические данные проекта «TV Index Plus», посвященного исследованию аудитории тематических каналов, изучению объема и структуры потребления телевизионного контента населением. Данные проекта TV Index Plus позволяют проводить комплексный анализ аудитории тематического телевидения [4]. Генераль-

ной совокупностью в данном исследовании было население России в возрасте старше 4 лет, проживающее в городах с населением более 100 тыс. человек. Выборка включала 77 городов, 5400 домохозяйств (13 500 человек). За первые четыре года были получены следующие данные:

Рис. 1. Динамика среднесуточного охвата ТТВ по годам

Среднее время просмотра ТВ на одного жителя России составляет около 4 часов в день, а общее число человек, которые включают ТВ хотя бы на 1 минуту в день, составляет 71–72 % (рис. 1).

Если же проверить корреляцию с возрастом, то мы увидим, что меньше всего «привязаны» к телевизору дети и молодежь до 17 лет, у которых просмотр ТВ-программ занимает чуть больше 2-х часов в день. Молодежь возрасте 18–34 лет также незначительно охвачена телесмотрением (2 часа, 36 минут). Зрители среднего возраста (34–54 лет) смотрят ТВ больше, чем дети и подростки, в два раза, а пенсионеры (лица старше 55 лет) – почти в три раза! (рис. 2).

Рис. 2. Время просмотра ТВ по возрастным группам

Естественно предположить, что молодежь, слабо охваченная и не охваченная телевидением, составляет довольно большую часть от молодежной аудитории.

Анализ телевизионных и интернет-новостей за две последние недели показывает, что по всей стране 26 марта этого года прошла волна антикоррупционных митингов. На акции протеста против коррупции в высших эшелонах российской власти прошли в 82 городах России, среди которых также оказался Иркутск. Следует отметить, что данное мероприятие по телевидению никак не афишировалось. Только лишь после проведения (27 марта) телепрограммы начали упоминать о проведении антикоррупционного митинга. В сети Интернет, напротив, было достаточно сообщений о предстоящих митингах. Как на новостных сайтах, так и в социальных сетях и блогах. Для информирования иркутян о готовящемся мероприятии были использованы такие региональные новостные сайты, как «Ирк.ру», «Альтаир», «ИркСиб», «Ирсити» и др.

Несмотря на игнорирование федеральными СМИ информации об этих митингах, на акции протеста пришло достаточно большее количество людей, и особенно молодежи, узнавшей о проведении акции из Интернета. Произошло это потому, что в последние годы значительно выросла российская аудитория пользователей интернета. Так, согласно данным Российского филиала исследовательского концерна GfK (Gesellschaft für Konsumforschung) Group, опубликовавшего отчет «Тенденции развития Интернет-аудитории в России», число пользователей интернета с мобильных устройств в 2016 г. составило 6 млн человек. Сегодня 56 млн россиян в возрасте от 16 лет пользуются интернетом на мобильных устройствах – смартфонах и планшетах (46,6 % от всей аудитории). Доля интернет-пользователей в России в возрасте от 16 лет и старше в 2016 г. равнялась 70,4 %, или 84 млн человек [5].

При этом рост аудитории наблюдался только на смартфонах – с 37,2 % в 2015 г. до 42,1 % по итогам 2016 г. и в ближайшие годы рост аудитории мобильного интернета продолжится. Результаты исследования распределения интернет-пользователей по возрасту приведены в таблице.

Таким образом, мы видим, что параллельно со снижением количества телезрителей идет рост количества пользователей Интернета. Соответственно, изменяется не только тематический контент, но и происходит качественное изменение информационной среды.

Через неделю после означенных событий в Санкт-Петербургском метро прогремел взрыв. Ужасная трагедия «сыграла властям на руку». Терракт произошел именно в тот период, когда как никогда обществу необходимо в очередной раз сплотиться вокруг власти. Эффект консолидации общества перед лицом внешней угрозы присутствует. Но он краткосрочный. Когда теракты происходят время от времени, возникает эффект утомления. При этом любой террористический акт, так или иначе ведет к усилению полномочий центральной власти и спецслужб.

Распределение интернет-пользователей по возрастным категориям

Когда вы последний раз пользовались интернетом?	Население в целом	18 – 30 лет	31 – 45 лет	46 – 60 лет	старше 60 лет
в последние сутки	48,7	81	64	30	10
в последнюю неделю	13,6	10	21	17	6
в последний месяц	3,3	3	4	4	2
более месяца назад	4,6	3	5	6	4

Об этой проблеме сейчас большое количество информации проходит по телевидению. В основном она касается фактов, а не оценок. Телекомментаторы и журналисты скорее вводят население в курс дела: когда произошел теракт, где конкретно, кто являлся исполнителем, также предоставляют мнения очевидцев и властей относительно этого вопроса.

В Интернет-ресурсах мы наблюдаем иную картину. Наряду с вышеупомянутыми сообщениями встречаются также оценки и мнения экспертов. Так, на новостном сайте Lenta.ru представлена статья «Как теракты влияют на общество и его отношения с властью». В данной статье приведено авторитетное мнение социологов, политологов и психологов. В число экспертов попал также Лев Гудков, директор Левада-центра. В своем сообщении он обозначил стадии изменения настроений в обществе после теракта. В качестве первой реакции, естественно, было выделено состояние ужаса и страха. На этом этапе необходима поддержка государства (с этой задачей оно прекрасно справляется). На второй стадии реакции на внешнюю угрозу, по мнению Л. Гудкова, произойдет следующее: «примерно через месяц напряжение уйдет, и начнется нарастание претензий к власти» [3]. Появится больше гипотез и сомнений в официальной версии, в том числе, о причастности власти к трагедии. В перспективе все будет определяться доступом к информационному источнику. Те, кто больше использует сеть Интернет, станут критичней относиться к официальным объяснениям. Те, кто дальше от сети, – сельское население, пожилые люди – традиционно примут на веру официальную версию телевидения.

Также Л. Гудков отмечает, что появятся и конспирологические теории о том, что неспроста теракт произошел в год перед президентскими выборами. Насколько распространенной станет конспирологическая версия на этот раз – сказать не могу» [3].

Таким образом, в современном информационном обществе средства массовой информации имеют ряд важнейших функций. Это не только ин-

формирование населения, но и поддержание общего позитивного фона в обществе, его консолидация. Также следует отметить, что в настоящее время телевидение и сеть Интернет предоставляют порой противоречивую информацию. Какие-то сообщения телевидение предпочитает скрывать, дабы не волновать лишней раз своих слушателей. Тогда как Интернет считается более свободным в этом плане. Он имеет меньше рамок и границ, что позволяет публиковать статьи и новостные сообщения порой не угодные власти, но понятные и близкие гражданам.

Литература

1. Результаты исследования «СМИ в России: потребление и доверие» [Электронный ресурс] // Всерос. центр изучения обществ. мнения : сайт. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115248> (дата обращения: 07.04.17).
2. Россия переваривает протесты [Электронный ресурс] // Газета.ru : сайт. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2017/03/30/10603637.shtml> (дата обращения: 07.04.17).
3. Как теракты влияют на общество и его отношения с властью [Электронный ресурс] // Lenta.ru : сайт. URL: <https://lenta.ru/articles/2017/04/04/terrorism/> (дата обращения: 07.04.17).
4. Результаты проекта «TV Index Plus» [Электронный ресурс] // Mediascope : сайт. URL: <http://mediascope.net/services/media/media-audience/tv/national-and-regional/description/> (дата обращения: 07.04.17).
5. Результаты исследования «Количество пользователей интернета в России» [Электронный ресурс] // Интернет в России и в мире : сайт. URL: http://www.bizhit.ru/index/users_count/0-151 (дата обращения: 07.04.17).

УДК 316.66

Батьянова Л. Н.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГРАЖДАНСКИХ ИНИЦИАТИВ

Анализируются формы социальной ответственности гражданских инициатив, их социальная значимость и динамика в социально-политическом и социокультурном аспектах, а также как форма построения гражданского общества.

Ключевые слова: социальная ответственность, гражданская инициатива, гражданское общество, социальная динамика.

Гражданские инициативы формируют социальное пространство и определяют условия и формы развития гражданского общества. Гражданские движения и инициативы являются важным элементом в измерении и анализе всех социальных сфер общества. Но при этом, они недостаточно исследованы в отечественной науке.

В современном обществе нет четкой типологии форм активности граждан, а выделение гражданских движений и инициатив обусловлено как общемировой практикой, так и российской действительностью. Ключевой характеристикой гражданских движений выступает их противостояние формальным бюрократическим организациям, прежде всего, государствен-

ным: «в целом гражданские движения – такая же неотъемлемая черта современного мира, как и формальные бюрократические организации, которым они чаще всего противостоят. Гражданское движение определяется как «коллективная попытка осуществить общие интересы или добиться общей цели посредством коллективного действия вне рамок установленных институтов» [1]. Поэтому гражданские движения являются современной формой самоорганизации гражданского общества, нацеленной на изменение условий существования больших социальных групп при помощи изменения формальных процедур принятия государственных решений.

В наиболее оформленном и формализованном виде гражданская активность проявляется в реализации феномена местного самоуправления, в основу которого положены современные представления и идеи построения открытого процветающего гражданского общества на принципах локальной демократии, децентрализации и деконцентрации государственной власти. Децентрализация выражается в передаче центром отдельных властных полномочий органам местного самоуправления. Деконцентрация представляет собой передачу полномочий назначаемым из центра на места чиновникам, а также дробление властей одного уровня [4]. Законодательством о местном самоуправлении ряда субъектов Российской Федерации население муниципального образования справедливо именуется местным сообществом. Местное сообщество можно определить как объединение граждан, проживающих на территории муниципального образования, имеющих муниципальную собственность и местный бюджет, а также общие интересы в самостоятельном и под свою ответственность решении вопросов местного значения по обеспечению своей жизнедеятельности.

Формы социальной ответственности гражданских инициатив включают в себя [3]:

- имущественную ответственность перед инвесторами, акционерами и кредиторами за их собственность;
- перед потребителями и клиентами – ответственность за качество услуг;
- перед работниками – ответственность за рабочие места, соблюдение норм трудового права, охрану труда, социальное благополучие работников;
- перед деловыми партнерами – работа в соответствии с правовыми и этическими нормами ведения бизнеса, построение отношений с партнерами на соблюдении профессиональных принципов и стандартов, финансовой ответственности;
- перед населением – за охрану и восстановление окружающей среды, благоустройство и социальное развитие территории своего размещения;
- перед государством – за соблюдение законов, включая уплату налогов.

Социальная ответственность некоммерческих организаций позволяет определить формы и виды социальной эмпатии возникающей в обществе в

те или иные социально-исторические периоды [2]. Чтобы оценить степень регулируемости социальной ответственности гражданских инициатив, мы провели опрос среди участников общественных движений и гражданских инициатив. В исследовании приняли участие 86 активистов, имеющих опыт работы в гражданских движениях от 5 до 25 лет. Исследование проходило в марте 2017 г. в г. Иркутск, Ангарск, Усолье-Сибирское, Черемхово, Шелехов, Братск.

Целью исследования было выявление социальной ответственности в разных областях гражданскими активистами. Во-первых, мы пытались проследить их рефлексию и когнитивную подготовленность в данном вопросе. Во-вторых, готовность на деятельностном уровне следовать принципам социальной ответственности в своих действиях. Результаты опроса представлены в таблице.

Таблица

Социальная ответственность лидеров гражданских движений (в %)

№ п/п	Социальная ответственность	Рефлексивность	Готовность реализовывать
1	Имущественная ответственность	10	5
2	Перед потребителями и клиентами	15	15
3	Перед работниками	15	10
4	Перед деловыми партнерами	20	15
5	Перед населением	30	50
6	Перед государством	10	5

Из таблицы видно, что лидеры гражданских инициатив и некоммерческих организаций в первую очередь несут ответственность перед населением (30 %). Интересный момент состоит в том, что на практике готовы это делать чуть ли в два раза больше людей (50 %). Это говорит о том, что наши респонденты готовы не только за свои, но и за чужие идеи бороться, получая за это какие-то преференции для себя (в виде известности, публичности, коммуникативности и т. д.).

Вторая группа – это деловые партнеры (20 %), перед кем готовы нести ответственность лидеры общественных групп и инициатив. Люди, с которыми сотрудничают в разных вопросах занимают достаточно не большую нишу социальной ответственности активистов.

В третью группу вошли две категории: «перед потребителями и клиентами» и «перед работниками» (по 15 %). Ответственность перед теми кто работает вместе и кто обращается в данные группы также не столь высока, вероятно потому, что существует установка – *«помогаем кому можем, остальные – сами за себя»*.

В четвертую также вошли две категории: «имущественная ответственность» и «ответственность перед государством» (по 10 %). Иными словами, за имущество и государство, представители общественных групп готовы нести ответственность в последнюю очередь. Это является достаточно показательным критерием оценки своего вклада в общественное воспроизводство.

В то же время, кроме указанного выше пункта – «ответственность перед населением» в сфере готовности реализации на практике еще меньшая доля активности (от 5 до 15 %). Это говорит об отсутствии условий и возможностей для самореализации и отсутствии слаженных механизмов реализации социальной ответственности данных групп. С одной стороны, это говорит о несформированности условий развития гражданского общества, с другой – о неготовности самих членов общества участвовать в создании данных условий. Перспективы и формы развития могут варьироваться от конкретного движения, но общий формат остается, увы, безрадостным. Культура политического консенсуса практически не сформирована. Более того, наблюдаются элементы стагнации и социального разрушения. Остается надеяться на перспективы социокультурной солидарности и изменения формата реализации гражданских инициатив.

Литература

1. Батьянова Л. Н., Журавлева И. А. Гражданская активность как фактор социально-политической стабильности региона (социально-философский аспект) // Социальные проблемы и безопасность российских регионов : материалы II Байкал. науч. социол. симп. 2015. С. 177–186.
2. Полюшкевич О. А. Социальная эмпатия: вопросы консолидации российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 6 (130). С. 3–18.
3. Полюшкевич О. А. Представления о социальной защищенности жителей России и Португалии // Социол. исслед. 2012. № 12. С. 66–71.
4. Скуденков В. А. Лидерство и социальное развитие // Соц.-гуманитар. знания. 2013. № 2. С. 180–184.

УДК 321.01

Трескин П. А.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: МИФЫ ПРОТЕСТА ИЛИ КОНСЕНСУСА?

Приводится современное понимание гражданского общества и его развернутое определение. А также аргументированно рассматриваются идеи протеста и консенсуса социального моделирования формирования гражданского общества, анализируются традиционные и инновационные формы и условия развития данного диалога.

Ключевые слов: гражданское общество, протест, консенсус, мифы, реальность.

Говоря о гражданском обществе, мы всегда находимся на грани диалога: гражданское общество возникает от наличия проблем и социальной нестабильности или же от стагнации общества от прогнозируемости и однотипности социального развития? Общественное воспроизводство не может быть одинаковым, но в то же время, изменения строятся по принципу соглашений и протестов.

Первой предпосылкой становления гражданского общества было ограничение власти абсолютной монархии представительными органами – парламентами, возникшими в ходе ранних буржуазных революций. Но это-

го оказалось недостаточно. Власть может перерождаться, издавать преступные законы. И тогда для защиты своих *«естественных» (неотчуждаемых)* прав стали создаваться институты гражданского общества. *«Естественное право»* – это право на жизнь, свободу, имущество (*собственность*), свободу мысли, совести, на свое понимание счастья... Они называются *«естественными»*, так как составляют *«естество»* человека, его природу, лишившись которых он перестает быть человеком.

Гражданское общество в первую очередь защищает индивидуальную свободу каждого человека. Оно не является слугой государства, помощником в реализации политики государства. Наоборот, гражданское общество – противовес этактистским устремлениям государства. Гражданское общество смотрит на государство как на орган, который служит гражданскому обществу, защищает его права и свободы. Со временем, как отметит Маркс, буржуазное государство станет собственностью бюрократии и потеряет кредит доверия народа. Члены гражданского общества придут к выводу, что они не должны каждый раз входить в положение государства, что они не имеют никаких моральных обязательств перед государством, которое покушается на их права, свободу, жизнь.

«Естественные права» не дарованы человеку ни государством, ни монархом, ни президентом. Они принадлежат человеку от рождения. Факт появления гражданского общества будет засвидетельствован в таких правовых актах, как Конституция США 1787 г., дополненная Биллем о правах, французской Декларацией прав человека и гражданина 1789 г. Если первоначально идеи гражданского общества развивались в философских системах Нового времени, то теперь они получили закрепление в политико-правовых актах. В них было четко проведено разграничение прав человека и прав гражданина. В сфере государства индивид выступает в качестве гражданина и обладает политическими правами. В сфере гражданского общества он – личность. Личность в широком значении – как индивидуальность, и в узком значении – социальный тип, член той или иной социальной группы.

После всего сказанного выше, дадим современное понимание гражданского общества и его развернутое определение. Гражданское общество как форма социального бытия есть система экономических, политических, правовых, духовно-культурных, нравственных, религиозных отношений индивидов, добровольно и свободно объединившихся в гражданские ассоциации, союзы, корпорации, партии и создавших различные институты для удовлетворения своих материальных и духовных интересов, потребностей. Гражданское общество включает в себя труд, собственность, предпринимательство, семью, организации образования, воспитания, церковь, систему средств массовой информации[1].

Гражданское общество строится на основе принципов самоуправления, добровольности. Оно защищает себя от опеки и регламентации со стороны государства. Отношения внутри гражданского общества, наряду с

правом, регулируются нормами морали, традициями, обычаями, уставами, программами гражданских объединений. Именно в рамках гражданского общества воплощается большая часть прав и свобод человека. Отношения и институты гражданского общества пользуются поддержкой и защитой закона. Основные «кирпичи» фундамента гражданского общества: собственность (*имущество*), труд, семья.

Для облегчения понимания гражданского общества с известной долей упрощения можно сказать, что гражданское общество это все, что не охватывается государством, и оно, как правило, отождествляется со сферой частных интересов. Невозможно дать абсолютное определение частной жизни, поскольку социальная, общественная сущность человека не позволяет провести жесткую разграничительную линию между частной и общественной жизнью. Принимая во внимание различные национальные традиции, специфику образа жизни, культуры, можно тем не менее вычленить некоторые общие черты того социального явления, которое мы называем частной жизнью [2]. В самом общем виде частную жизнь можно определить как часть социальной жизни индивида, свободной от вмешательства в нее государства. Границы частной жизни являются подвижными, они зависят не только от материальных и политических условий, создаваемых обществом, но и от самого индивида, его культуры, интересов, потребностей. Частная жизнь включает в себя все стороны, которые фактически охватывают всю человеческую жизнь. Частная жизнь осуществляется в самых разных сферах бытия. Прежде всего к ней надо отнести внутреннюю духовную жизнь личности. Мир чувств и мыслей автономен, и вмешательство в него запрещено кому бы то ни было.

История становления гражданского общества убеждает нас в том, что этот процесс долгий, сложный и трудный. Вся его история свидетельствует о том, что гражданскому обществу трудно отстаивать свои суверенные права и свободы от вмешательства государства, от его попыток регламентировать частную жизнь человека [3]. Репрессивно-карательный аппарат государства, разнообразные инструменты и технологии манипулирования массовым сознанием позволили английскому философу Т. Гоббсу назвать государство Левиафаном (*в библейской мифологии – чудовищный дракон*).

После всего сказанного возникает вопрос: возможно ли возникновение гражданского общества у нас, в России? При этом не будем касаться истории становления гражданского общества в дореволюционной России, хотя эта тема заслуживает внимания.

Поскольку все ветви власти состоят из людей демократической ориентации и все шли на выборы под лозунгом «*Вся власть Советам*», то мы легко договоримся правовым легитимным путем, через Конституцию, очертить контуры государственного регулирования, и тем самым защитим общество от посягательств на него со стороны государства. Включая в Конституцию раздел «*Гражданское общество*», его философское понимание приобретало конституционно-правовой смысл. И Конституция из Основного закона государства трансформировалась в Основной закон всего

общества. Хочу напомнить читателям, что Преамбула парламентского проекта Конституции заканчивалась словами: *«принимаем Конституцию Российской Федерации и провозглашаем ее Высшим Законом Нашей Страны»*. То есть недвусмысленно заявлялось, что это Конституция всего общества. В Преамбуле ныне действующей Конституции этих слов нет [4].

Таким образом, парламентский проект был проектом Конституции нового типа, адекватно отражающий переходный период от авторитарного государства, поглотившего в себе общество, к обществу, в котором были бы сбалансированы интересы государства и интересы гражданского общества. Нам хотелось, чтобы у гражданского общества появились правовые основания для защиты своих интересов. К сожалению, наши представления о возможности консенсуса для конституционно-правового решения проблемы оказались иллюзией: мы выдали желаемое за действительность. Ни по образу жизни, ни по своему мировоззрению, ни по реальным, а не декларируемым ценностям, политические лидеры не были демократами. У них не хватило ни интеллектуальных, ни моральных, личностных качеств, чтобы ответить на вызовы истории. Парламент был расстрелян, деятельность Конституционного суда приостановлена, написана и принята новая Конституция, в которой не нашлось места *«Гражданскому обществу»*.

Идея гражданского общества не умерла, она сохранилась в народном сознании. Существуют общественные объединения и организации, которые ведут, невзирая на все препятствия, упорную работу по формированию предпосылок гражданского общества. Однако история России и наш национальный менталитет убеждают в том, что без добровольных ограничений государством своих властных полномочий и регулятивных функций гражданское общество не сформируется. Надо ждать, когда история предоставит нам новый шанс и помнить предостережение К. Маркса: *«Нации, как и женщине, не прощается минута оплошности, когда первый встречный авантюрист может совершить над ней насилие»*.

Литература

1. Батьянова Л. Н., Журавлева И. А. Гражданская активность как фактор социально-политической стабильности региона (социально-философский аспект) // Социальные проблемы и безопасность российских регионов : материалы II Байк. науч. социол. симп. 2015. С. 177–186.
2. Полюшкевич О. А. Социальная эмпатия: вопросы консолидации российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 6 (130). С. 3–18.
3. Полюшкевич О. А. Представления о социальной защищенности жителей России и Португалии // Социол. исслед. 2012. № 12. С. 66–71.
4. Скуденков В. А. Лидерство и социальное развитие // Соц.-гуманитар. знания. 2013. № 2. С. 180–184.

**РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ЦЕНТРОВ
В ДОСТИЖЕНИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ
В РОССИЙСКОМ РЕГИОНЕ
(НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Поднимается вопрос о том, как именно работают национально-культурные центры в Иркутской области в целях достижения межнационального согласия. Рассматриваются мероприятия, проводимые НКЦ совместно с общественными организациями и то, какие проблемы они считают актуальными в нашем регионе.

Ключевые слова: национально-культурные центры, культура, общественные организации, межнациональный конфликт, межнациональное согласие.

Национализм считается одной из мощнейших сил в современном мире. В политической и научной среде, а также среди общественных деятелей, которые, каким-либо образом имеют отношение к национальным движениям, идут споры, основанные, во-первых, на том, что необходимо признавать желание и стремление людей на сохранение своей культуры, языка, а также сохранение целостности своего народа. Во-вторых, существует мнение, что стремление сохранить культурную составляющую одного этнического населения, может привести к ущемлению прав других, тем самым вызвать препятствия для модернизации и демократизации общества.

Сегодня, в условиях глобализации, национальная культура является предметом пристального внимания не только культурологов и историков, но и политологов и социологов. Исследование происхождения этноса, его взаимодействия с другими народами, позволяет заполнить пустоты, существующие в знаниях о древней традиционной культуре.

Иркутская область не остается в стороне и старается строить свою политику, не забывая о важности культур всех народов, проживающих в регионе. Только на территории Иркутской области насчитывается 126 национально-культурных объединений [3]. Все центры ведут активную работу, направленную на достижение межнационального согласия в регионе. В связи с этим НКЦ сотрудничают с органами исполнительной власти Иркутской области, с Общественной палатой Иркутской области, а также активно взаимодействуют между собой. Так, например, комиссия по национальным отношениям и свободе совести Общественной палаты Иркутской области ведет работу по профилактике экстремизма, терроризма, а также проводит различные мероприятия, направленные на формирование у детей и молодежи толерантности к другим народам и их национальной культуре. В феврале 2017 г. Общественная палата Иркутской области, совместно с Управлением Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области по связям с общественностью и национальным отношениям, провела выездное совещание в Братске, посвященное профилактике экстремизма в молодежной среде, на котором они посетили мусульманскую об-

щину г. Братска, побывали в строящемся православном храме Рождества Христова и приходе Римско-католической церкви святых Кирилла и Мефодия. В ходе выездного мероприятия, заместитель председателя комиссии по национальным отношениям и свободе совести Общественной палаты Иркутской области Лечи Курбанов сообщил, что проводить профилактику терроризма и экстремизма намного выгоднее, чем ликвидировать последствия подобных явлений. Не стоит забывать, что важную роль в профилактике данного вопроса имеет взаимосвязь духовных и семейных ценностей [2].

По результатам социологического исследования, проведенного личного автором на базе кафедры социальной философии и социологии и Социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ИГУ в период с декабря 2016 г. по январь 2017 г., было установлено, что причиной межнациональных конфликтов являются политико-правовые, экономические и идеологические факторы (31,3 %), а также культурные факторы и различия (23,9 %). Действительно, экономическая нестабильность в регионе и в государстве в целом, прямым образом влияют на волнения, возникающие в этнических сообществах. Формируются группы, высказывающее свое мнение о том, что их притесняют по национальному признаку и ущемляют их права.

Также в ходе исследования была получена информация, подтверждающая мнение о том, что национально-культурные центры в целях достижения межнационального согласия в Иркутской области взаимодействуют с органами государственной власти и общественными организациями по средствам проведения общественно-политических мероприятий. Так считает большинство респондентов, принявших участие в анкетировании (34,6 %). В подтверждение этого можно привести в пример, состоявшийся 8 апреля 2017 г. митинг «Мы вместе – против террора», участие в котором приняли представители разных религиозных конфессий.

Подводя итог, хочется отметить, что поднятая проблема национальных отношений и достижения межнационального согласия является более чем актуальной в настоящее время. Проблемы национализма в ее девиантном проявлении и терроризма нельзя положительно решить, когда они уже находятся на пике, их нужно предупреждать путем работы со школьниками и их родителями путем разъяснительных бесед и межнациональных мероприятий. За примером можно снова обратиться к положительному опыту Общественной палаты Иркутской области, где комиссия по национальным отношениям и свободе совести 15 марта этого года провела с учениками круглый стол «Диалог культур устами детей» на базе школы № 32 г. Иркутска. «Мы живем в многонациональной стране. Только в нашем регионе насчитывается более 120 национальностей. И мы все понимаем, насколько важно, чтобы между нами была дружба, понимание, терпение и хорошее отношение. От каждого из нас зависит многое» [1] – считает член комиссии по национальным отношениям и свободе совести Давид Саакян.

Иркутская область – это один из лучших примеров того, как нужно выстраивать межнациональные отношения. Останавливаться на достигну-

том нельзя, нужно стремиться к большему, а для этого нужно органам власти, общественным организациям, учебным заведениям и населению в целом объединить свои усилия и продолжать работать в целях достижения межнационального согласия.

Литература

1. Диалог культур устами детей [Электронный ресурс] // Обществ. палата Иркут. обл. : офиц. сайт. URL: http://www.opirk.ru/news/palata_news/1074/ (дата обращения: 08.04.2017).
2. Заделье от безделья поможет привить подростку духовные ценности [Электронный ресурс] // Обществ. палата Иркут. обл. : офиц. сайт. URL: http://www.opirk.ru/news/palata_news/967/ (дата обращения: 08.04.2017).
3. Национально-культурные объединения Иркутской области [Электронный ресурс] // Управление Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области по связям с общественностью и национальным отношениям : офиц. сайт. URL: <http://irkobl.ru/sites/ngo/national/nackult/> (дата обращения: 08.04.2017).

УДК 316.346.32-053.6+316.647.5

Пружинин А. Н.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ТОЛЕРАНТНОСТЬ МОЛОДЕЖИ: ДИНАМИКА И СТАТИКА ТРАНСФОРМАЦИЙ

Представлены результаты исследований динамики толерантности в молодежной среде. Освещаются формы и инструменты социального развития через изменение форм и условий проявления толерантности в молодежной среде, определяются основные перспективы развития данных тенденций.

Ключевые слова: толерантность, молодежь, идеологическое развитие.

Толерантность – многомерный показатель, особенно остро проявляющийся в молодежной среде. Толерантность молодежной среды, его эмпатичность – это перспектива и одновременно условие нашего развития. Без социокультурных факторов единства и терпимости невозможно представить будущее нашей страны.

В работах авторов, проводивших различные исследования, в том числе и в молодежной среде, можно встретить достаточно неутешительные прогнозы по вопросам идеологического развития (Иванов Р. В. [1]), социальной безопасности и консолидации (Полюшкевич О. А. [2–4]), социального лидерства (Скуденков В. А. [5]) и др. Эти исследования подтолкнули нас к собственному проекту изучения социальной толерантности молодежи в Иркутской области.

Для выяснения динамики толерантности молодежи мы провели два исследования. Опросы проводились весной 2016 и весной 2017 г. Оба исследования проводились по одинаковой методике (массовый опрос молодежи) и репрезентативной квотной выборке (N = 800 респондентов). Генеральной совокупностью опросов являлись молодые люди в возрасте от 14

до 29 лет, проживающие на территории следующих муниципальных образований Иркутской области: Иркутск, Ангарск, Усолье-Сибирское, Черемхово, Братск, Шелехов. Опрос осуществлялся методом формализованного интервью по месту жительства по стратифицированной, многоступенчатой, районированной, квотной выборке, репрезентированной по полу, возрасту и территории проживания. Репрезентативность выборки обеспечивалась соблюдением половозрастной и образовательной структуры, а также пропорций между населением, проживающим в населенных пунктах различного типа. Статистическая ошибка выборки не превышает 3 %.

На основе полученных в ходе исследования данных были проанализированы социально-экономические и социально-политические факторы формирования толерантности и риски экстремизма в сознании и поведении молодежи, охарактеризованы ценностные ориентации и их взаимосвязь с уровнем толерантности в молодежной среде.

В исследовании 2016 г, помимо социологических замеров уровня толерантности и рисков экстремизма в сознании молодежи округа, были определены базовые концептуальные понятия – «социально-политическая толерантность», «интолерантность» («нетолерантность»), а также факторы, влияющие на формирование нетолерантного, экстремистского сознания у части молодежи. Для измерения уровня толерантности/нетолерантности и рисков экстремизма в молодежной среде были разработаны индикаторы:

- 1) отношение к мигрантам, к людям других национальностей, к другим социальным группам;
- 2) ценностные ориентации;
- 3) отношение к политическим ценностям;
- 4) информационные предпочтения;
- 5) отношения к экстремизму и готовность к экстремистскому поведению;
- 6) характер национальной идентификации.

В исследовании 2017 г. замеры уровня толерантности также проводились с использованием аналогичных индикаторов, что позволило проследить наметившиеся изменения в межнациональных отношениях в молодежной среде округа за год. По итогам исследования в 2016 г. отмечалось, причины возникновения националистических установок и нетолерантного отношения к другим национальностям, а также готовности к социально-политическим протестам у некоторой части молодежи, согласно результатам исследования, кроются в неудовлетворенности своим социальным статусом и проблемах (деформации) выбора жизненных стратегий молодежи.

Поэтому в новом исследовании помимо определения динамики уровня толерантности/нетолерантности, были поставлены задачи изучения взаимосвязи установок молодежи на толерантное поведение с их жизненными стратегиями. Была выдвинута гипотеза, что деформация жизненной стратегии, порождая так называемое «социальное аутсайдерство», трансформируется в интолерантные и националистические установки.

Позитивный выбор жизненной стратегии осуществляется тогда, когда у молодого человека есть все возможности для использования личностных ресурсов в реализации своих жизненных планов социально одобряемыми способами, например, получение качественного профессионального образования, возможности для профессионального роста и карьеры как основного фактора материального благополучия, возможности создания крепкой семьи, рождения и воспитания детей. Позитивный выбор жизненной стратегии тесно взаимосвязан с установками на взаимодействие с другими людьми, толерантность, готовность к сотрудничеству. Немаловажным фактором является и установка на осуществление жизненной стратегии именно на территории Ханты-Мансийского автономного округа, уверенность в стабильности и повышении уровня жизни, в развитии и реализации своих профессиональных компетенций в нашем регионе.

С другой стороны, при выборе жизненных стратегий существуют определенные риски, связанные с такими факторами, как низкий материальный уровень, слабая мотивация к получению профессионального образования, к профессиональному росту, потребительские установки, низкий уровень правового и политического сознания. В немалой степени этому способствует и высокая социальная дифференциация общества, порождающая социальный протест против более обеспеченных слоев населения или против власти, на которую возлагается ответственность за «несправедливость» социального расслоения. Но главная социально-психологическая проблема: стремление части молодежи, неудовлетворенной своим социально-экономическим статусом, идти «по легкому пути» – не добиваться успеха путем самореализации и преодоления трудностей, а перекладывать «вину» или ответственность на «врагов», в образе которых чаще всего предстают лица других национальностей или власти. Именно этот фактор чаще всего становится основной психологической причиной нетолерантного поведения и катализатором конфликтов у молодежи на этнической почве.

В качестве индикаторов, позволяющих измерять жизненные стратегии, выступали – жизненные планы, ценностные ориентации, интересы, приоритеты, убеждения, установки.

Применив методику факторного анализа, мы выделили в основном массиве опрошенных кластер тех респондентов, для которых характерны следующие признаки: отрицательное отношение к лицам других национальностей, отрицательное отношение к межнациональным бракам, отрицательное отношение к мигрантам, положительное отношение к националистическим организациям. Отметим, что для выделения этого кластера важным условием было наличие всех перечисленных признаков в совокупности или отсутствие не более одного. При отсутствии хотя бы двух и более признаков у респондента отбор в кластер не осуществлялся. Такие строгие критерии отбора позволяют выделить кластер респондентов, отличающихся от основного массива именно наличием определенных националистических и интолерантных установок в своем сознании. Дальнейший анализ результатов позволил получить сравнительные данные по этому кластеру и по основному массиву респондентов.

Результаты исследования показали, что, примерно, у 20 % молодых людей, проживающих в округе, отмечены интолерантные установки по отношению к представителям других национальностей. В ходе исследования было выделено несколько факторов, способствующих формированию подобных установок.

Рис. Распределение ответов на вопрос: «Случалось ли Вам сталкиваться с проявлениями экстремизма, национализма?»

Что касается социально-экономического самочувствия молодежи, то его уровень вполне удовлетворительный, и даже можно отметить его улучшение по сравнению с 2016 г. Получены достаточно высокие показатели по степени удовлетворенности заработной платой, условиями труда, возможностями трудоустройства и т. д. Представители молодого поколения имеют весьма высокий уровень образования, но в то же время довольно много молодых людей работают не по профилю полученного профессионального образования.

В трудовой сфере можно наблюдать тенденцию низкой мотивации к повышению качества труда и образования, что может негативно сказываться на развитии трудовых ресурсов автономного округа в долгосрочной перспективе.

Социальная неудовлетворенность молодежи чаще всего связана с трудностями самореализации в профессиональной сфере. Здесь также наблюдаются противоречия между ожиданиями молодежи, связанными с возможностями повышения оплаты труда или профессионального роста, карьеры и реализацией этих ожиданий на практике. Хотя основная доля молодежи, планируя свою жизненную траекторию, связывают ее с жизнью в автономном округе, часть молодых людей не исключают возможность своего отъезда за пределы автономии. Этот фактор может способствовать

снижению конкурентного потенциала региона в борьбе за трудовые ресурсы. Если основные социально-экономические параметры проживания в автономном округе молодежь удовлетворяют, то мотивами для отъезда выступают: неудовлетворенность общим уровнем культуры, недостаточные возможности для отдыха, малый спектр предлагаемых специальностей.

Литература

1. Иванов Р. В. Идеологические проблемы современной России // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений : материалы науч.-практ. интернет-конф. / Ин-т соц.-экон. развития территорий РАН. 2016. С. 105–110.
2. Полюшкевич О. А. Социальная эмпатия: вопросы консолидации российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 6 (130). С. 3–18.
3. Полюшкевич О. А. Представления о социальной защищенности жителей России и Португалии // Социол. исслед. 2012. № 12. С. 66–71.
4. Полюшкевич О. А. Социокультурная солидарность в трансформирующемся обществе. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. 190 с.
5. Скуденков В. А. Лидерство и социальное развитие // Соц.-гуманитар. знания. 2013. № 2. С. 180–184.

УДК 316.346.32-053.6

Батьянова Е. И.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ КАК УСЛОВИЕ ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА

Освещаются основные подходы, методы и программы, направленные на сотрудничество государства с общественными и религиозными объединениями, международными и иными организациями, гражданами в противодействии терроризму.

Ключевые слова: политическая активность, экстремизм, глобализация.

Проблема толерантности в настоящее время чрезвычайно актуальна. Она вызвана социальными изменениями, происходящими в современном мире: глобализацией, «вестернизацией» ценностей, переходом от «двухполярного» к «многополярному» миру, практикой «двойных стандартов», миграционными процессами и проч. Действует установка, согласно которой только на основе толерантности современное общество может выжить в современном плюралистическом мире. Однако в политической практике это бывает сложно осуществить даже при условии, что политическая толерантность свойственна европейской политической культуре. Современным развитым демократическим государствам далеко не всегда удается избежать конфликтов.

В свете государственной политики по противодействию терроризму разрабатывается большое количество подходов, методов и программ, направленных на сотрудничество государства с общественными и религиозными объединениями, международными и иными организациями, гражданами в противодействии терроризму. Начало нового века ознаменова-

лось как проведение «Международного десятилетия культуры мира и ненасилия для всего мира». Основная цель данной программы – восстановление и укрепление величайших культурных, исторических и моральных ценностей России в противовес таким явлениям как этническая, религиозная и политическая нетерпимость. Консолидирующим фактором национальной политики может стать образовательная стратегия, учитывающая многонациональную и многоконфессиональную структуру нашего государства.

Особое внимание должно быть уделено молодежи, наиболее чутко воспринимающей социокультурные изменения в обществе. Многие сегодняшние студенты обучались и воспитывались в школе в обостренной обстановке межнациональных, межэтнических конфликтов. В ряде случаев это приводило к национальным конфликтам с тяжелыми последствиями для всех его участников. Психологическая безопасность в молодежной среде во многом определяется уровнем толерантности сознания самой молодежи, а также применением активных мер по обеспечению физической и психологической безопасности подростков и молодежи. При этом не стоит забывать и о духовном просвещении, которое, прежде всего, заключается в воспитании толерантности [1–3].

Важность формирования толерантных отношений у молодежи обусловлена тем, что вопрос об уровне сформированности толерантности российского общества является сегодня критически важным. Обострение межнациональных конфликтов, сложная социально-экономическая обстановка, геополитические изменения и значительные миграционные потоки непосредственно влияют на общественное мнение в области межэтнических отношений и являются одной из основных проблем современной России [4].

Для выяснения роли политики в жизни молодежи мы провели исследование. Опрос проводился весной 2017 г. (массовый опрос молодежи) и репрезентативной квотной выборке (N = 800 респондентов). Генеральной совокупностью опроса являлись молодые люди в возрасте от 14 до 29 лет, проживающие на территории следующих муниципальных образований Иркутской области: Иркутск, Ангарск, Усолье-Сибирское, Черемхово, Братск, Шелехов. Опрос осуществлялся методом формализованного интервью по месту жительства по стратифицированной, многоступенчатой, районированной, квотной выборке, репрезентированной по полу, возрасту и территории проживания. Репрезентативность выборки обеспечивалась соблюдением половозрастной и образовательной структуры, а также пропорций между населением, проживающим в населенных пунктах различного типа. Статистическая ошибка выборки не превышает 3 %.

Молодые люди мало интересуются политикой. Среди опрошенных лишь каждый четвертый признался, что политика занимает его. Интерес к политике прямо коррелирует с возрастом: чем старше респонденты, тем больше они склонны рассуждать о политической ситуации в стране. Студенты более аполитичны, чем работающая молодежь. Наибольший интерес к политике проявляют молодые специалисты с высшим образованием.

Попытка определить свои идеологические пристрастия вызвала затруднения у большинства молодых людей. Семантический ряд используемых понятий идеологической идентификации составил 27 маркеров, из которых самыми распространенными стали: либерал, демократ, социалист, консерватор, монархист, националист, центрист и анархист. Однако, оперируя идеологическими клише, респонденты, как правило, плохо понимают их истинный смысл.

Исследование показало, что использование семантических маркеров «либерал» и «демократ» не означает реальных различий в политических пристрастиях молодых людей. Поэтому в дальнейшем анализе мы объединили эти две группы, которые в совокупности описывают подавляющее большинство респондентов. Также были объединены те, кто называет себя «социалистами» и «коммунистами» (хотя коммунисты составляют меньшинство и не вошли в десятку наиболее распространенных идеологических маркеров), а также «анархисты» и «анархо-синдикалисты».

Кроме наиболее распространенных, молодежь использует и другие идеологические метки: яппи, фаталист, фашист и антифашист, глобалист и антиглобалист, моралист, реалист, социал-консерватор. Обнаружено также, что идеологической меткой стало понятие «единорос», которое фигурирует отдельно, без всякой связи с идеологией консерватизма или центризма. В молодежной среде используются и такие понятия для идеологической самоидентификации, как «я – адекватный», «я – умеренный», «я – толерантный фашист», «я – имперец» и проч.

Мы попытались сравнить популярность идеологических маркеров в различных группах молодежи и самоидентификацию респондентов. Первый показатель строился на частотах упоминания тех или иных идеологических ярлыков, а второй – прямо отвечает на вопрос «Какую идеологию Вы разделяете?». По первому графику видно, что работающая молодежь более политизирована и чаще оперирует политическими терминами, чем студенты. Анализ самоидентификации показывает, что среди студентов-технарей и специалистов либеральные взгляды являются более популярными, чем у других групп.

Несмотря на высокую популярность в молодежной среде либерально-демократической идеологии, респонденты повсеместно используют ироничные обозначения типа: «я – либераст», «я – дерьмократ», «я – демшиза», или даже «я – гнусный либерал», или «либерал с бородачкой». К самоиронии особенно склонны студенты.

Мы проанализировали также гендерные предпочтения молодых людей. Выяснилось, что либеральная идеология привлекательна и для юношей, и для девушек, и является на сегодняшний день господствующей в молодежной среде. А вот социалистов существенно больше среди мужчин. К «мужским» идеологиям также можно отнести национализм и анархизм. Девушки склонны к коммунизму и монархизму. Среди лоялистов нынешней власти также больше женщин.

География идеологических пристрастий молодежи выглядит так: наиболее либерально настроены молодые люди в Центральном федеральном округе (особенно в Москве). Больше всего социалистов и левых – на юге России (Южный и Северо-Кавказский регионы). Националисты популярны на Урале и юге России. Анархисты сосредоточены в Москве. Консерваторы – в Северо-Западном, Уральском и Поволжском округах.

Вывод: Либерально-демократические взгляды являются самой распространенной идеологией в среде городской молодежи.

Политическая идентификация. «Ничьи»

Кризис социальной идентичности связан также с идеологической индифферентностью молодежи, которая не понимает, какие политические силы защищают ее интересы. Если нет ответа на вопрос «кто Я?», то нет и осознания своих интересов, а также политических сил, которые защищают их.

Глубокая степень отчуждения возникает и по другой причине: в российском политическом поле действуют субъекты, маркированные ложными или неотчетливыми идеологическими лейблами. Так, Либерально-демократическая партия Владимира Жириновского по сути не является ни либеральной, ни демократической. Коммунистическая партия РФ и партия «Справедливая Россия» далеко не всегда отстаивают, соответственно, коммунистические и социалистические идеалы. «Единая Россия», декларируя приверженность консервативной идеологии, часто на деле защищает прогрессистские и праволиберальные позиции. «Правое дело» и другие либерально-демократические партии откровенно заигрывают с левым электоратом.

Создается парадокс: в сегодняшней российской политической системе партии не соответствуют своим идеологическим лейблам. В этом запутанном лабиринте, где одно декларируется, другое делается, а третье имеется в виду, сложно разобраться молодому человеку, который только постигает мир большой политики. Что же удивительного в том, что молодые люди не находят «своей» партии в политической линейке российских выборов! Более 90 % молодых людей уверенно заявляют, что нет партии, выражающей их интересы. Эта большая по численности группа нашего общества до сих пор остается «ничьим электоратом».

Это несовпадение идеологических индикаторов (маркеров), а также частое, на взгляд респондентов, расхождение между заявленными целями работы партий и фактическими результатами их деятельности ведет к равнодушию молодежного электората, к его отказу участвовать в политическом процессе. Возможно, ситуация изменится, когда в политический процесс на следующих выборах войдут новые партии, больше отвечающие интересам молодежи.

Вывод: Существует «идеологический гэп» (*gap*) между предпочтениями молодых людей и действующими политическими партиями. Молодежь не может найти на российском политическом поле «своих» партий, маркированных в соответствии с идеологическим запросом этой среды.

Литература

1. Полюшкевич О. А. Социальная эмпатия: вопросы консолидации российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 6 (130). С. 3–18.
2. Полюшкевич О. А. Представления о социальной защищенности жителей России и Португалии // Социол. исслед. 2012. № 12. С. 66–71.
3. Полюшкевич О. А. Социокультурная солидарность в трансформирующемся обществе. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. 190 с.
4. Скуденков В. А. Лидерство и социальное развитие // Соц.-гуманитар. знания. 2013. № 2. С. 180–184.

УДК 316.752

Годван В. А.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ПРИНЦИП В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ СТРУКТУР

Анализируется феномен духовной безопасности как принцип в деятельности управленческих и общественных структур. Раскрывается сущность явления духовной безопасности и показываются основные угрозы, воздействующие на ценностно-нормативную систему, которые обуславливают необходимость реализации духовной безопасности.

Ключевые слова: духовная безопасность, духовные ценности, традиционные ценности, социальные структуры, управленческие структуры.

Вступление российского общества в постиндустриальную эпоху ознаменовалось серьезными социокультурными изменениями. Сегодня в ходе усиления влияния внутренних и внешних негативных процессов на структуру российского социума происходит трансформация духовной подсистемы общества как одной из основных сфер его жизни. Духовная подсистема общества представляет собой систему социальных отношений по поводу создания духовных ценностей, их сохранения, распространения и реализации. В виду того, что «духовные установки явно или скрытно направляют любую деятельность каждого человека и всех социальных структур» актуальным становится вопрос рассмотрения духовной безопасности как принципа в деятельности социальных и управленческих структур [4].

Анализ научной литературы показывает, что в большинстве случаев авторы, говоря о духовной безопасности, рассматривают ее как синоним безопасности религиозной. Однако следует отметить, что духовная сфера жизни общества связана с производством духовных ценностей: она не ограничивается только отношениями религии, но также в ней присутствуют культурная, идеологическая, моральная, правовая, научная и эстетическая составляющие. Поэтому «духовная безопасность не может пониматься как исключительно религиозная безопасность», скорее духовная безопасность должна пониматься как комплексный, системный феномен [4].

На наш взгляд, наиболее полное определение духовной безопасности звучит у П. Н. Беспаленко: «духовная безопасность выступает качественной характеристикой состояния общества в аспекте его духовно-нравственной и мировоззренческой состоятельности, потенциала базовых целей и ценностей, баланса индивидуальных, групповых и социетальных интересов, функциональной согласованности политических институтов, идеологии и культуры» [2]. В этом определении наиболее полно раскрывается направленность, уровни и механизм реализации духовной безопасности. Другой ученый, Д. В. Зеркалов, считает, что «духовная безопасность – это система отношений между субъектами общественной жизни, которая обеспечивает благоприятные условия для созидательной духовной жизни и здорового социально-нравственного развития» [2, с. 4].

Понимание духовной безопасности как принципа означает, что в основе деятельности общественных и управленческих структур должны лежать базовые, общечеловеческие ценности, характерные именно для российского общества.

Однако в современной России наблюдается ситуация, которую известный социолог Э. Дюркгейм определил как социальную аномию. Французский социолог «...трактует аномию как состояние разрушенности или ослабленности нормативной системы общества», т. е. аномия – это такое состояние социальной материи, при котором старые нормы и ценности теряют свое значение для индивида [1, с. 70]. В России произошел отказ от системы советских ценностей, были разрушены прежние идеалы и традиции, а новые еще не сформированы, в связи с чем, российское общество представляет собой благоприятную площадку для внедрения негативных, аморальных стереотипов мышления и форм поведения.

А. В. Тонконогов отмечает, что на сегодняшний момент отличительной чертой формирования общественного сознания в российском обществе является «культивирование чуждых менталитету российской нации духовных ценностей, внедрение деструктивных жизненных приоритетов, идеологием, целей и задач, стоящих перед отдельной личностью и обществом в целом» [4]. На общественном уровне это приводит к тому, что социализационная система общества не выдерживает пропаганды насилия, экстремизма, терроризма и криминала. Институт образования из традиционного субъекта духовно-нравственного воспитания молодого поколения, агента социализации личности переходит в сферу услуг. Семья занята удовлетворением своих безгранично растущих и явно искусственно стимулируемых материальных потребностей. Когда в обществе происходит постепенное разрушение традиционных институтов воспроизводства духовных ценностей, на социальной арене появляются новые пути формирования и трансляции ценностей и идей – средства массовой информации и продукты массовой культуры. Эти средства несут в себе угрозу для индивидуального, группового и общественного сознания, так как в большинстве своем именно они распространяют идеи насилия, экстремизма и терроризма.

Сложившаяся ситуация также влияет на деятельность управленческих структур. Властный субъект в своей деятельности должен на первое место ставить интересы общества, заботиться о его процветании, однако нередко приходится наблюдать явления противоположные принятым представлениям. Этому способствует процесс укоренения индивидуалистических, эгоистических взглядов в ценностной системе общества, который привел к тому, что в управленческих структурах широко распространена такая форма отклоняющегося поведения, как коррупция.

Злоупотребление полномочиями, жажда личной выгоды свидетельствует о низком уровне духовной безопасности личности и общества. Личность должна характеризоваться высоким уровнем субъектности – самостоятельностью, независимостью, ответственностью в принятии решений перед самим собой и обществом за несоблюдение баланса между личными и общественными интересами. При построении стратегии поведения личность должна отталкиваться от положительных морально-нравственных качеств, мировоззрения, а также жизненных установок и приоритетов, которые бы способствовали духовному, интеллектуально-нравственному развитию общества.

Таким образом, мы постарались рассмотреть феномен духовной безопасности и показать необходимость защиты традиционных ценностей, социальных норм, личной духовности индивидов от деструктивных процессов, происходящих в современном обществе. В основе деятельности личности и общества лежат духовные ценности, все сферы жизнедеятельности общества буквально пронизаны ими, в связи с этим и возникает потребность в духовной безопасности личности и общества. В заключение хотелось бы сказать, что устойчивость ценностно-нормативной системы личности, общества и государства позволит эффективно бороться с угрозами и негативными явлениями современности, такими как взяточничество, преступность, экстремизм, терроризм и мн. др.

Литература

1. Афанасьев В. Эволюция концепции аномии в социологии девиантного поведения // Рубеж (альманах социальных исследований). 1992. № 2. С. 69–81.
2. Беспаленко П. Н. Духовная безопасность в системе национальной безопасности современной России: проблемы институционализации и модели решения [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02. Ростов н/Д., 2009. URL: <http://dissers.ru/> (дата обращения: 07.04.2017).
3. Зеркалов Д. В. Духовная безопасность [Электронный ресурс]. Киев : Основа, 2012. URL: <http://zerkalov.org/files/db-m.1-470.pdf> (дата обращения: 06.04.2017).
4. Тонконогов А. В. Духовная безопасность российского общества в условиях современного геополитического соперничества (социально-философский анализ) [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11. М., 2011. URL: <http://dissers.ru/> (дата обращения: 07.04.2017).

ОБРАЗ ЖИЗНИ РОДИТЕЛЕЙ В СЕМЬЯХ С ДЕТЬМИ КАК ФОКУС ВНИМАНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ СТРУКТУР

Определяется интерес управленческих и общественных структур к здоровью семьи и образу жизни родителей, а также к профилактике образа жизни. Приводятся результаты пилотажного исследования о том, достаточно ли в Иркутской области учреждений и специалистов по профилактике негативного образа жизни.

Ключевые слова: образ жизни, семья, здоровье, профилактика, дети, родители.

На современном этапе повышается требование к эффективности деятельности управленческих и общественных структур. Фокусом внимания в настоящее время помимо других проблем является семья и образ жизни родителей и детей.

Институт семьи является самым важным, его влияние проявляется с рождения на протяжении всей жизни. Относительно детей общесемейная деятельность по охране здоровья должна ориентироваться на позитивные установки: формирование и сохранение физического и психического развития, соответствующего канонам возрастной периодизации на разных этапах их жизнедеятельности. Это интеллектуальное и нравственное воспитание, формирование адекватного отношения к жизненным ценностям. Последнее особенно актуально в настоящее время с учетом распространенности потребления психоактивных веществ детьми и подростками, которые приняло угрожающие масштабы.

Неадекватное поведение родителей (невнимание к детям, грубость, жестокость, пьянство, курение) может играть отрицательную роль для детей: детерминировать отклонения в состоянии здоровья, неблагоприятное развитие личности, провоцировать отклоняющееся поведение и приобщение к референтным и неформальным группировкам с отягощающими последствиями. В России в условиях развивающейся рыночной экономики, когда многие медицинские, оздоровительные и спортивные услуги для укрепления здоровья доступны не всем, первичная профилактика приобретает особо значительную роль. Разумное выполнение элементов ЗОЖ в условиях семьи часто может быть единственным и решающим способом сохранения здоровья, не требующим значительных материальных вложений. Это реально осуществимо при осознании родителями собственной роли и активной позиции в сохранении здоровья членов семьи и особенно детей [1, с. 56].

В оценке состояния здоровья населения особое место занимает изучение и анализ ведущих факторов, формирующих основные показатели здоровья. Наиболее значимыми для состояния здоровья являются факторы образа жизни, которые отражают особенности поведения человека, в том числе в отношении своего здоровья и здоровья окружающих. В понятие

образа жизни включаются различные виды деятельности, активности людей, обусловленные определенными условиями жизни. Образ жизни, в свою очередь, определяется окружающими человека условиями, среди которых существенное значение имеют демографические характеристики, социальное положение, профессиональный статус и др. Проблемы семьи и здорового образа жизни остаются крайне актуальными для управленческих и общественных структур. На современном этапе особое значение приобретает политика государства, рассчитанная на рост народонаселения, повышение его трудоспособности и укрепление здоровья. Охрана здоровья детей – это важная государственная задача.

Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» говорит о том, что приоритет профилактики в сфере охраны здоровья обеспечивается путем:

- 1) разработки и реализации программ формирования здорового образа жизни, в том числе программ снижения потребления алкоголя и табака, предупреждения и борьбы с немедицинским потреблением наркотических средств, и психотропных веществ;

- 2) осуществления санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий;

- 3) осуществления мероприятий по предупреждению и раннему выявлению заболеваний, в том числе предупреждению социально значимых заболеваний и борьбе с ними [3].

В Иркутской области создаются условия для сохранения и укрепления здоровья каждого человека, поддержания его долголетней активной жизни, предоставления ему медицинской помощи. Органы государственной власти Иркутской области и органы местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области в пределах своей компетенции принимают меры по развитию здравоохранения, профилактике заболеваний, по обеспечению граждан лекарственными препаратами и медицинскими изделиями, обеспечению благоприятной окружающей среды и санитарно-эпидемиологического благополучия, по защите населения от чрезвычайных ситуаций и иные меры [2].

При проведении пилотажного исследования было выявлено, что 60 % респондентов отмечают недостаточное количество учреждений в Иркутской области по профилактике образа жизни родителей. Так же 38,6 % считают, что особый подход государства и региональных властей не сформирован к профилактике образа жизни родителей. В ходе исследования экспертных оценок, 75 % экспертов считают, что в Иркутской области недостаточно специалистов по профилактике здорового образа жизни родителей.

Учитывая, что здоровый образ жизни – это основной параметр, определяющий состояние здоровья нации в целом и каждого человека в отдельности, было принято решение о создании центров здоровья. Всего в области 9 таких центров для взрослых и 8 – для детей. Основная цель работы центров – первичная медицинская профилактика, сохранение здоровья лю-

дей и формирование у них здорового образа жизни. Центры здоровья в Иркутске открыты на базе областного врачебно-физкультурного диспансера «Здоровье», городской клинической больницы № 8, клинической больницы № 1, поликлиники № 17. В Приангарье – на базе врачебно-физкультурных диспансеров Ангарска, Усолье-Сибирского, Братска, Саянской городской больницы, Тайшетской Центральной районной больницы. Созданы они в рамках начатой в 2009 г. федеральной программы «Здоровая Россия».

Депутаты Думы Иркутска обратились в Законодательное собрание Приангарья с просьбой поддержать законодательную инициативу мэра Дмитрия Бердникова. Законопроект предусматривает внесение изменений в статью 7 Закона Иркутской области «О социальной поддержке в Иркутской области семей, имеющих детей». Законопроект был внесен мэром Дмитрием Бердниковым на рассмотрение в областной парламент 13 февраля 2017 г. Документом предлагается законодательно закрепить размер стоимости бесплатного питания, набора продуктов питания, предоставляемых школьникам из многодетных и малоимущих семей, а также установить ее ежегодную индексацию с учетом индекса роста потребительских цен за предыдущий год. «Размер стоимости бесплатного питания является важным элементом меры социальной поддержки, который должен находиться под контролем депутатов Законодательного собрания, обеспечивающих законные интересы жителей региона. Хорошая организация питания ведет к улучшению показателей здоровья детей, так как большую часть своего времени они проводят в школах», – подчеркнула председатель Думы Иркутска Ирина Ежова.

Исходя из Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» следует отметить, что органы государственной власти Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления в соответствии со своими полномочиями разрабатывают и реализуют программы, направленные на профилактику, раннее выявление и лечение заболеваний, снижение материнской и младенческой смертности, формирование у детей и их родителей мотивации к здоровому образу жизни, и принимают соответствующие меры по организации обеспечения детей лекарственными препаратами, специализированными продуктами лечебного питания, медицинскими изделиями [3].

Органы государственной власти Российской Федерации и органы государственной власти субъектов Российской Федерации в соответствии со своими полномочиями создают и развивают медицинские организации, оказывающие медицинскую помощь детям, с учетом обеспечения благоприятных условий для пребывания в них детей, в том числе детей-инвалидов, и возможности пребывания с ними родителей и (или) иных членов семьи, а также социальную инфраструктуру, ориентированную на организованный отдых, оздоровление детей и восстановление их здоровья.

Резюмируя все вышесказанное следует отметить, что несмотря на все законы и уставы должно быть усилено внимание управленческих структур к здоровью семьи, профилактике образа жизни и расширению базы медицинских учреждений с профессиональными специалистами.

Литература

1. Маркова А. И., Ляхович А. В., Гутман М. Р. Образ жизни родителей как детерминанта здоровья детей // Гигиена и санитария. 2012. № 2. С. 55–61.
2. Устав Иркутской области [Электронный ресурс]. URL: <http://www.irk.gov.ru/about/basic/charter/> (дата обращения: 05.04.2017).
3. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 05.04.2017).

УДК 343.35(47)

Галкина А. В.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ДИНАМИКА ПРЕСТУПНОСТИ В СВЕТЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ В РОССИИ

Приводится анализ положения дел в структуре противодействия коррупции в России, что позволяет обнаружить рассогласованность между вектором государственной политики и системой ее реализации, которая наблюдается уже ни один год.

Ключевые слова: преступность, коррупция, гражданское общество.

Одним из показателей развитого гражданского общества является качество и уровень жизни населения, которое в свою очередь обусловлено социально-экономической ситуацией в стране. Такие показатели формируются в зависимости от многих факторов, таких как положение дел в экономике, политике, внешних связях государства и т. д. Одним из таких факторов является уровень преступности, который имманентно взаимосвязан с социально-экономическим развитием страны. По данным мониторинга «Индекс страхов»³, проводимого центром ВЦИОМ в 2016 г., в рамках которого социологи выясняли, чего россияне боятся больше всего, криминализация общества является одним из самых злободневных явлений и занимает третью строчку в данном рейтинге [4]. По данным аналитических материалов ГУ МВД России стоит отметить, что за 2016 г. роста преступности в стране не наблюдается, так, с января по декабрь прошедшего года подразделениями полиции зарегистрировано 2 160 тыс. преступлений, что примерно на 10 % меньше прошлогоднего уровня (2015 г.) [3]. Наоборот, в некоторых регионах (74) статистикой отмечено снижение данного показателя. Однако такие значения стоит рассматривать с другого ракурса, так,

³ Данные представлены на основании всероссийских опросов «Экспресс». В каждом опросе принимали участие 1600 человек в 146 населенных пунктах в 45 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,5 %.

определенное число видов правонарушений были декриминализованы в 2016 г., что значительно уменьшает показатели преступности. Но, несмотря на это, наблюдается рост числа противоправных действий по некоторым видам преступлений, среди которых уже на протяжении нескольких лет стабильно лидируют мошенничество, преступления, совершенные в состоянии алкогольного опьянения и преступления экономической направленности (в том числе коррупция, присвоение и растрата). Сегодня стоит уделить отдельное внимание коррупции, в частности государственных служащих и представителей власти, как явлению широко распространенному и всепоглощающему, порождающему различные негативные тенденции и настроения в обществе.

Сегодня много говорится об антикоррупционной политике в России, ее содержании, структуре, правовых основах, соотношении с иными антикоррупционными инструментами. Представляется, что мы находимся пока еще в самом начале как формирования, так и реализации названной политики в нашей стране [5]. Заходя на сайт каждого органа государственной власти России, мы непременно находим раздел «антикоррупционная деятельность», где размещены отчеты о проведенных профилактических мерах, направленных на борьбу со взяточничеством, также обязательным для государственных служащих является составление ежегодной декларации о доходах, которую мы можем увидеть в открытом доступе. В России среди криминологов, социологов, представителей юридической практики и политиков можно встретить различные суждения об эффективности противодействия коррупции и результатах, полученных на современном этапе.

Однако если подробнее изучить статистику правоохранительных органов по количеству регистрируемых и раскрываемых преступлений в области коррупции, то можно заметить весьма интересную тенденцию. Для криминологов, равно как и для работников системы правоохранительных органов не является секретом, что показатели противодействия преступности в России искажаются в угоду формирования благополучной картины. Однако показатели борьбы с коррупцией снижаются уже третий год подряд, в то время как эффективность работы правоохранительных органов на сегодняшний день взаимосвязана с количеством выявляемых и расследуемых преступлений коррупционной направленности. Иначе говоря, для формирования той самой благополучной картины эти показатели должны были увеличиваться, вместо наблюдаемой тенденции [1]. Таким образом, учитывая только раскрытые преступления, и, скрывая реальную картину, уважаемые представители правоохранительных органов показывают эффективность своей деятельности, давая расцвет латентной преступности. Доказательством этого выступает количество регистрируемых преступлений коррупционной направленности, распределенных по месяцам, где при сравнении диаграмм нескольких лет стабильно наблюдается снижение показателя к концу года, точнее, к отчетному периоду. Так, рассмотрев отчет генпрокуратуры за январь–июнь 2016 г., мы видим рост числа зарегистри-

рованных преступлений коррупционной направленности на 27,8 %, однако, если посмотреть тот же показатель на конец года (декабрь 2016 г.), то наблюдаем обратное явление, снижение числа преступлений на 23,7 % [2]. Такую же картину видим и за 2015 г. Таким образом, мы имеем не реальную ситуацию в стране, а систему формирования необходимых показателей к определенному периоду времени. По факту происходит имитации бурной деятельности, где высшие органы государственной власти требуют большей эффективности в вопросах противодействия коррупции, а контролирующие органы, пытаются пресечь недостоверность предоставляемых данных, где, в свою очередь, правоохранительные органы стремятся найти новые способы формального улучшения показателей своей работы. В итоге мы видим красивую, внушающую доверие оболочку антикоррупционной политики, но реальной «начинки» мы не ощущаем.

Изучая специализированные СМИ по освещению преступлений коррупционной направленности, можем наблюдать довольно частые новостные блоки про задержание тех или иных должностных лиц за дачу или получение взятки, злоупотребление полномочиями. В день количество таких статей может достигать 20–30, что говорит о том, что борьба с коррупцией со стороны властей ведется очень активная, и она приносит хорошие результаты. Несмотря на это среди населения страны увеличивается возможность развития протестных движений против произвола и несправедливых действий властей, а в частности, коррупционных действий. Одни из самых масштабных и резонансных митингов стали массовые антикоррупционные митинги, прошедшие 26 марта 2017 г. во многих крупных городах России, собравшие сотни тысяч недовольных россиян. По данным опроса «Левада-центра», о протестных акциях слышали 61 % респондентов и из их числа поддерживают прошедшие митинги 38 % россиян. По мнению того же количества опрошенных, причиной участия в протестных акциях граждан подтолкнуло «накопившееся недовольство положением дел в стране» [6]. Все это говорит о существующем социальном напряжении среди населения страны, которое продолжает расти, напоминая страшную картину революционного 1917 г.

В противовес прошедшим митингам, следует сказать, что скандальные задержания последних лет по подозрению во взяточничестве, хищениях стали событиями федерального масштаба и получили поддержку среди населения. Так, более половины россиян с одобрением относятся к арестам бывших губернаторов Гайзера (55 %), Белых (60 %), Хорошавина (62 %), а также бывшего полковника МВД Дмитрия Захарченко (66 %) и бывшего министра экономического развития Алексея Улюкаева (67 %). Доли неодобрения фактов этих арестов очень малы и составляют от 2 до 4 % [6]. Из этого следует вывод, что граждане страны требуют не переменного наказания за подобные преступления и общество уже не терпит произвола властей, призывая к действию и справедливости.

В целом проведенный анализ положения дел в структуре противодействия коррупции в России позволяет обнаружить рассогласованность между вектором государственной политики и системой ее реализации, которая наблюдается уже не один год. Результатом такой ситуации становится возрастающее социальное напряжение и уровень недовольства населения реальной ситуацией с коррупцией. В этой связи, крайне важно изменять систему противодействия коррупции. Как минимум, для получения удовлетворительных результатов борьбы с этим правонарушением в России требуется наладить системные связи между разными субъектами формирования и реализации антикоррупционной политики, а также определиться с непростым вопросом о расстановке приоритетов в противодействии преступлениям коррупционной направленности.

Литература

1. Гаврилов Б. Я. Латентная преступность: понятие, структура, факторы латентности и меры по обеспечению достоверности уголовной статистики : монография. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, ВНИИ МВД России, 2007. С. 14–16, 39–40.
2. Генеральная прокуратура Российской Федерации [Электронный ресурс] : офиц. сайт. URL: <http://genproc.gov.ru> (дата обращения: 06.04.2017).
3. Главное управление МВД России [Электронный ресурс] : офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 06.04.2017).
4. Индекс страхов [Электронный ресурс] // ВЦИОМ : сайт. URL: https://wciom.ru/news/ratings/indeks_straxov/ (дата обращения: 06.04.2017).
5. Королёва М. В. К вопросу о правосознании сотрудников правоохранительных органов // Актуальные проблемы правосознания в современной России : сб. науч. тр. Ч. 2 / под ред. Г. Х. Ефремовой. М., 2005. С. 44.
6. Протестные акции наполовину одобрены [Электронный ресурс] // Левада-центр : сайт. URL: <http://www.levada.ru/2017/04/06/protestnye-aktsii-napolovinu-odobreny/> (дата обращения: 06.04.2017).

УДК 316.647.5+316.66

Огнева И. Е.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ТОЛЕРАНТНОСТЬ К ЛИЦАМ, ОСВОБОЖДЕННЫМ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ КАК ИНДИКАТОР КОНСЕНСУСНОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

Статья посвящена проблеме отношения общества к лицам, освобожденным из мест лишения свободы, а также проблемам формирования толерантности к данной группе лиц. Автор статьи рассматривает проблемы социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, а также их влияние на формирование в обществе толерантного отношения к бывшим заключенным. Также в статье освещается вопрос об областях исключения бывших заключенных из общественной жизни.

Ключевые слова: толерантность, ресоциализация, исправительное учреждение, общество, государство, консенсус.

В XXI в. мировое сообщество вошло с Декларацией принципов терпимости, утвержденной резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО 16 ноября 1995 г. В Декларации тысячелетия толерантность характеризуется как одна из фундаментальных ценностей XXI в. и трактуется как «...уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений» [4].

Однако формирование толерантности к таким группам лиц, как бывшие заключенные, связано с большими трудностями как морального, так и правового характера. Социальная группа бывших заключенных, а также людей, находящихся в местах лишения свободы, является одной из наиболее отвергаемых в обществе групп. Система ценностей, поведение, манеры, стиль речи и многое другое отталкивает людей, заставляет их испытывать страх и недоверие по отношению к бывшим осужденным. И для общества вопрос защиты прав и свобод бывших осужденных не является приоритетным.

Но мы должны понимать, что человек, совершивший преступление, не перестает быть гражданином государства и членом общества, поэтому, перед государством и обществом встает задача его социализации и формирования правопослушной личности.

«Нельзя ставить знак равенства между преступностью как социальным злом и преступником как носителем этого социального зла. Человек способен меняться к лучшему, исправляться, но без помощи государства и общественности этот процесс никогда не станет эффективным» [1, с. 438], – пишет в своей работе «Тюрьма и общество» Ветошкин Сергей Александрович, доктор педагогических наук, начальник ИК-2, полковник внутренней службы, г. Екатеринбург.

В 2003–2004 гг. в Уральском межрегиональном институте общественных наук при Уральском госуниверситете был реализован проект «Тюрьма и общество: толерантность взаимовосприятия», в рамках проекта было проведено социологическое исследование – анкетный опрос 884 осужденных, отбывающих наказание в колонии общего режима ФБУ ИК-2 г. Екатеринбурга, а также опрос городского населения г. Нижнего Новгорода и г. Омска. В каждом городе было опрошено по 400 респондентов. Цель проведенного в рамках проекта социологического исследования – выяснение основных стереотипов взаимовосприятия лиц, осужденных к лишению свободы, и городского населения, препятствующих успешной адаптации бывших осужденных в современном российском обществе. Представим некоторые результаты данного исследования.

Респонденты из двух крупных российских городов отмечают, что осужденные – это особая группа людей, имеющих проблемы из-за нарушения закона (59 %). Хотя эта точка зрения не демонстрирует явного противопоставления общества и осужденных, но в то же время она подчеркивает, что осужденных не считают полноправными членами общества. Полно-

правными гражданами, за исключением ограничений, связанных с изоляцией, осужденных назвали 27 % опрошенных.

Самым распространенным ответом на вопрос: «Если бы в вашем окружении появился человек, отбывший за срок за преступление, как бы Вы стали себя с ним вести?», является ответ: «Относился бы нейтрально» (27,5 %). Почти 18 % полагают, что отнеслись бы к такому человеку с пониманием, 16,6 % могли бы помочь ему, поддержать его. Довольно незначительное число опрошенных, а именно 9,2 %, попытались бы узнать такого человека поближе.

По данным исследования, 30 % опрошенных заключенных повторно находятся в местах лишения свободы. Для многих экс-заключенных рецидив не является результатом влечения к криминальному образу жизни, но он есть прямое следствие разочарования и неспособности обеспечить себе положение в нормальной общественной жизни. Созданию новой жизненной модели мешают социальные ярлыки и стойкие механизмы социального исключения.

Можно выделить следующие области исключения бывших заключенных из общественной жизни:

Во-первых, это экономическая изоляция. Бывшим заключенным трудно устроиться на работу, чтобы обеспечить себя средствами существования. Также имеется жилищная проблема – многие заключенные не имеют жилья и в связи с отсутствием постоянной работы не могут снимать жилье. Плюс элементарное отсутствие денег, одежды по сезону и т. д.

Вопрос о дискриминации права на труд ранее судимых, о проблемах «трудовой адаптации» лиц, которые вернулись с мест лишения свободы, является наиболее острой. Нужно отметить, что трудовые права осужденных и права осужденных, освобождаемых от отбывания наказания, указаны в Уголовно-исполнительном кодексе РФ. Но содержание этих норм для практического осуществления и использования права на труд в полной мере для соответствующих субъектов не достаточно.

МВД РФ располагает единой базой, в которую входит информация обо всех судимых страны. Эта информация доступна и работодателям, которые не стремятся принять к себе такого работника. Хотя судимость не может быть причиной для отказа работодателя, но именно пребывание в местах лишения свободы зачастую является истинной причиной отказа при приеме на работу. Работодатель может сформулировать причину отказа в несоответствии деловым качествам, к примеру, и таким образом обойти закон.

Одна из задач государства состоит в обеспечении комфортного проживания на одной территории всех граждан с различным статусом, социальным положением, что связано с удовлетворением нужд каждого человека, обеспечением защиты населения от внешнего и внутреннего насилия граждан. Для решения поставленной задачи, государство должно позаботиться о максимальном трудоустройстве бывших заключенных. Это нужно сделать и в целях предупреждения и предотвращения новых преступлений.

Во-вторых, это исключение из общества в связи с наличием социально опасных заболеваний – например, туберкулеза. Это очень важная проблема Иркутской области: из-за ненадлежащего медицинского обслуживания, отсутствия необходимого медицинского оборудования в пенитенциарных учреждениях существует высокая опасность заражения туберкулезом. Что впоследствии, т. е. после освобождения принесет еще много неудобств не только бывшему заключенному, но и его ближайшему окружению.

В-третьих, это исключение из политических организаций и представительства. Социальное отчуждение проявляется в виде отказа в доступе к политическим организациям и представительству на уровне государства, а также в виде отсутствия подлинного участия в процессе принятия решений о распределении ресурсов. Политическое исключение является продолжением экономического и социального исключения.

В-четвертых, это изоляция в семейных и общинных отношениях. Большинство людей не принимает бывших заключенных, относится к ним с недоверием. Если человек был в тюрьме, он считается испорченным навсегда. При таком восприятии возвращение лиц, освобожденных из мест лишения свободы, к нормальной жизни вряд ли будет успешным.

После возвращения из мест лишения свободы на человека «навешивают» пожизненный социальный ярлык, с которым он не может устроиться на работу, имеет сложности в создании семьи, подорванное здоровье, изломанную психику и прочие негативные последствия. Однако подобная дискриминация обществом бывших заключенных провоцирует еще большую криминализацию общества. Социальная адаптация бывших осужденных связана не только с практическими проблемами по их трудоустройству, материальному обеспечению (механизмы которых сегодня практически отсутствуют) и т. п., но, прежде всего, с изменением отношения общества к людям, отбывшим наказание. Социальная изоляция приводит к повторным правонарушениям. Так как человек не может адаптироваться в обществе, он не находит иного выхода как снова совершить преступление и оказаться в уже ставшей привычной среде – исправительном учреждении.

Мы приходим к выводу о том, что необходимо изменить отношение общества к оступившимся людям и отказаться от стереотипа, что осужденные – потерянные для социума люди. Формирование толерантного отношения к данной группе лиц является важной задачей для современной России, социальная поддержка осужденных, как во время отбывания наказания, так и после освобождения из мест лишения свободы имеет огромное значение для снижения уровня преступности в стране. Совместные усилия государства и общества в решении данной проблемы будут показателем достижения культуры консенсуса в России.

Литература

1. Ветошкин С. А. Тюрьма и общество // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд. РАН. 2005. № 6. С. 425–438.
2. Ветошкин С. А., Степанова Е. А. Тюрьма и общество: толерантность взаимовосприятия // Информ.-аналит. бюл. ГУИН по Свердлов. обл. Екатеринбург, 2004. С. 13–23.

3. Гарифуллина Э. Р. Некоторые вопросы о трудоустройстве лиц, освободившихся из мест лишения свободы // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки : сб. ст. XX Междунар. студ. науч.-практ. конф. № 5(20) [Электронный ресурс]. URL: [http://sibac.info/archive/guman/5\(20\).pdf](http://sibac.info/archive/guman/5(20).pdf) (дата обращения: 04.04.2017).

4. Декларация принципов терпимости [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml (дата обращения: 09.04.2017).

5. Степанова Е. А., Ефлова М. Ю. Социальная эксклюзия заключенных и эксзаключенных в России // Власть. 2012. С. 85–89.

УДК 340.11:32

Ковригина Г. Д.

Иркутский национальный исследовательский
технический университет, г. Иркутск

КУЛЬТУРА ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНСЕНСУСА: ПАТТЕРНЫ ВОСПРИЯТИЯ

Приводится анализ существующих в обществе паттернов восприятия политического консенсуса и идей гражданского общества, выявляется региональная специфика и общероссийская логика. Эмпирические данные опираются на исследование социальной активности и общественных стереотипов в массовом сознании.

Ключевые слова: гражданское общество, политический консенсус, общественные представления, общественное мнение, паттерны восприятия.

Политическая культура – составная часть общей культуры, совокупный показатель политического опыта, уровня политических знаний и чувств, образцов поведения и функционирования политических субъектов, интегральная характеристика политического образа жизни страны, класса, нации, социальной группы индивидов.

Особенность политической культуры заключается в том, что она составляет не саму политику или политический процесс, а их осознание, объяснение: в политической сфере зачастую значимость приобретают не только реальные действия и меры государства, но и то, как они оцениваются и воспринимаются, в каком контексте подаются. Политическую культуру можно рассматривать в качестве посредника между политическим миром и средой, обеспечивающим взаимодействие между областями социальных отношений, культурными нормами и стереотипами и политическими процессами [1].

Политическая культура – это часть духовной культуры народа и включает те элементы последней, которые связаны с общественно-политическими институтами и политическими процессами. Она оказывает влияние на формы, функционирование и развитие государственных и политических институтов, задает направление политическому процессу, обуславливает политическое поведение широких масс.

Политическая культура включает в себя следующие составные *элементы*, которые сформировались в течение многих сотен лет, десятилетий и поколений:

- *познавательный* – политические знания, политическая образованность, политическое сознание, способы политического мышления;
- *нравственно-оценочный* – политические чувства, традиции, ценности, идеалы, убеждения, общекультурные ориентации, отношение к власти, политическим явлениям;
- *поведенческий* – политические установки, типы, формы, стили, образцы общественно-политической деятельности, политическое поведение.

Эти элементы обусловлены социально-экономическими, национально-культурными, общественно-историческими и другими долговременными факторами. Они характеризуются относительной устойчивостью, живучестью и постоянством.

В 2017 г. нами было проведено исследование, нацеленное на изучение основных элементов культуры политического консенсуса, доминирующей в современном обществе. В исследовании приняли участие 1200 человек в возрасте от 18 до 75 лет, имеющие разное образование и социально-профессиональный статус, все проживают на территории Иркутской области.

В результате исследования выяснилось, что ключевой сферой развития политической культуры в Иркутской области является нравственно-оценочный уровень (65 %), поведенческий (20 %), познавательный (15 %). Эти данные говорят о том, что большинство населения живет «сложившимся мнением» о власти в целом, в существующих стереотипах и стандартах, где власть далекая и непонятная сфера и еще более непонятные люди ее представляющие. Например, *«да власть она как всегда, далекая и непонятная»* (М. Ю., муж., 40 лет), *«власть как была далека от народа, так и остается далекой»* (Е. Н., жен., 36 лет), *«в обществе есть делание – на власть и народ»* (А. В., жен., 57 лет). Или же восприятие политика как человека далекого от народа: *«политики живут своими делами, они говорят одно, а делают то совсем другое»* (С. С., муж., 29 лет), *«политики – это отдельная каста, в которую круто попасть, но это под силу не каждому»* (Н. Ю., муж., 26 лет).

Тут сказывается историческая традиция – восприятия *далекости* и *отчужденности* власти от народа. К сожалению, это является основой восприятия политических и правовых норм и ценностей, культурных ориентировал. Это ограничивает возможности, как самой власти, так и населения вовлекаться в ее решения, их регулировать и трансформировать. Благодаря данным стереотипам – население «ожидает» решений от власти, но не готово на них влиять, отстаивать свою позицию и т. д.

Второе место занимает поведенческий уровень, отражающий политические установки, типы, формы, стили, образцы общественно-политической деятельности, политическое поведение, которые опять же закладываются в стереотипах и традиционных формах восприятия власти и властных отношений. Например, *«да мы привыкли так жить, чтобы власть сама решала как нам лучше, поэтому и не стоит им мешать в этом, простой народ то все-равно в этом ничего не смыслит»* (А. В., жен., 46 лет), *«чем жестче руководитель, тем больше шансов у него иметь*

успех и привести страну к процветанию» (Б. А., муж., 59 лет), «в России иначе нельзя – только через кнут все принимается, вот так и правитель должен четко и жестко вести свою линию и наказывать неповинующихся» (Д. О., муж., 41 год), «какое может быть политическое поведение у молодежи, если старшие поколения не готовы отстаивать свои интересы, а все больше опираются на решения самой власти? Так и молодежь, смотря на них – перенимает такие же образцы поведения» (Т. А., жен., 25 лет).

К сожалению, познавательный уровень, отвечающий за опыт и знания, навыки и критичность восприятия политических событий и политической культуры в стране и в регионе, в муниципалитете и районе занимает меньше всего процентов. Это говорит о том, что население в целом не хочет и не может получать знания о политической культуре, о современной политической ситуации, понимать ее причины и последствия. Это повод задуматься, так как растет количество инфантильных и безучастных людей, которым все равно с кем, где и как жить. И эта группа растет не только в молодежной среде, но и во всех других возрастных когортах. Например, *«некогда мне изучать особенности современной политики, мне надо думать, чем детей накормить, а не о решениях Путина думать» (О. Л., жен., 37 лет), «как регулировать политические процессы мне просто не нужно знать, мне скажут – кто новый президент и кто глава правительства, кто депутаты, кто губернатор и кто мэр, а все остальное – зачем мне знать? На мою работу это не повлияет» (Д. Д., муж., 42 года), «зачем мне то, на что я никак не могу повлиять? Я могу только принять принятые за меня решения» (А. А., жен., 55 лет).*

Таким образом, результаты распределения базовых ориентиров населения Иркутской области раскрывают достаточно негативную картину, население не хочет получать знаний и реально ориентировать в политической обстановке, далеко от простых поступков в политическом пространстве. Население ориентируется на традиционные нравственно-оценочные категории, определяющие политическое пространство как далекую сферу жизни, никак не касающуюся в повседневном плане обывателя. Чем больше таких мнений будет, тем более инфантильное общество мы получим. Политическая культура формируется десятилетиями и столетиями. Она – результат познания объективных политических процессов и соответствующих выводов из них. Поэтому без исследования ее генезиса, становления, динамики внутренних различий и целостности анализ специфики политической культуры невозможен. Проведенное нами исследование, его результаты позволяют задуматься о форме и специфике развития политической культуры, ее особенностей и форм. Особое место в этом отводится культуре политического консенсуса, перспективах социальной солидарности и развития гражданского общества в целом.

Литература

1. Полюшкевич О. А. Социокультурная солидарность в трансформирующемся обществе. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. 160 с.

ОЦЕНКА РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В КУЛЬТУРЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНСЕНСУСА

Приводятся результаты исследования формы развития культуры политического консенсуса в гражданском обществе, показываются перекосы восприятия и перспективы изменения общественного сознания.

Ключевые слова: гражданское общество, политический консенсус, общественные представления, общественное мнение.

Развитие гражданского общества достаточно многомерная проблема. Конкретные модели гражданского общества могут различаться в соответствии со многими параметрами: направленностью интересов и целей, формально-организационными принципами, локальным или секторальным характером задач, масштабностью или узостью, массовостью или ограниченностью состава ассоциации и т. д.

Показателем зрелости гражданского общества является богатая и полноценная ассоциативная жизнь, которая измеряется по ряду параметров [1].

1. Широкое развитие гражданских организаций и их многоплановость, не знающая принципиального ограничения и лакун.

2. Не менее широкая вовлеченность населения в общественную деятельность и тем более, непосредственное членство в гражданских объединениях.

3. Интегрированность отдельных гражданских учреждений в целостную единую хорошо структурированную систему, в плотно сплетенную ткань институцированных гражданских отношений.

Слабая выраженность этих признаков (или хотя бы одного из них), свидетельствует о недостаточной развитости гражданского общества, о его незрелости, а в некоторых вариантах фактической мнимости.

В этой связи следует выделить еще один критерий зрелости гражданского общества – степень его способности выполнять исходно предназначенные ему функции, что определяется мерой наличия первых трех качеств и является практическим показателем реально достигнутого им уровня. Таким образом, степень гражданской активности в данном социуме детерминирует и уровень развитости здесь собственно гражданского общества и его основных институтов, к которым, на наш взгляд, относятся, прежде всего, гражданские движения и инициативы, и группы интересов, во всей комплексности данного феномена.

На пути человечества к достижению свободы от принуждения, зависимости, самореализации поставленных социальных целей, социальных и природных благ, возникают препятствия, которые оно может преодолеть в обществе с наличием социального порядка и при поддержке легитимной государственной власти. Таким порядком обладает гражданское общество.

Формы автономной гражданской активности, которые наблюдаются в современной России, слишком часто отражают неспособность разных групп общества к компромиссному улаживанию интересов и нежелание руководствоваться целями общественного согласия. В силу многообразия и подвижности человеческих интересов, и, соответственно, способности людей объединяться по самым разным поводам, гражданское общество не представляет собой какой либо четко очерченной, законченной конструкции.

Это обусловлено не готовностью населения участвовать в гражданских инициативах и иных формах социальной активности, зависит от неверия граждан в социальную справедливость и возможность что-то изменить на государственном уровне, отсутствия эмпатии и социальной защищенности и т. д.

В каждой сфере общественной жизни личность вырабатывает и реализует ту или иную стратегию гражданского участия. Наряду с этим, степень гражданской активности в данном социуме определяет и степень развитости здесь собственно гражданского общества и его основных институтов [6].

Целью нашего исследования было выявление включенности индивидов в различные институты гражданского общества, оценку индивидами своей роли в них и перспективы развития данной активности.

Исследование проводилось в 2017 г. в виде анкетирования во всех Федеральных округах РФ. В нем приняли участие 1600 человек возрасте от 18 до 75 лет, разного социально-экономического и культурно-политического статуса. 55 % женщин и 45 % мужчин. Также, было проведено 9 фокус-групп, участники для которых отбирались по ключевым социально-профессиональным и демографическим характеристикам. Целью фокус-групп было уточнение целей и форм гражданской активности и понимание разными социально-экономическими группами их личного вклада и роли в формировании институтов гражданского общества.

Анализ результатов исследования показал:

Свойственное российской ментальности понимание свободы весьма специфично. Оно несет на себе отпечаток правового нигилизма. В этих условиях активность (особенно неформальная) самодеятельных граждан в общественном развитии современной России зачастую оборачивается злоупотреблением автономией, нарушением баланса общественно-государственных и частных интересов, и усилением конфронтационных тенденций.

Отвечая на вопрос «Как вы оцениваете людей, занимающихся общественной работой, гражданскими инициативами и т. д.?» мы получили следующий результат: 23 % безусловно поддерживают и сами готовы присоединиться; 27 % поддерживают и восхищаются, но не готовы заниматься тем же; 35 % считают это пустым занятием; 15 % воспринимало резко негативно. Таким образом, респонденты разделились на две группы: поддерживающие (активно и пассивно) и не поддерживающие (из-за неверия или разочарования).

Но ответы респондентов резко менялись при ответе на вопрос, «Если бы деятельность общественной организации отстаивала в том числе и ваши интересы, как бы вы оценивали ее работу?». 82 % респондентов указали на то, что поддержали бы ее работу и приняли в ней непосредственное участие. Также бы поступили (76 %), если бы деятельность общественной организации отстаивала мои интересы, но нарушала действующие нормативные акты или ограничивала работу коммерческого предприятия. Т. е. люди готовы поступиться интересами крупных компаний и более того, соблюдения законов, в пользу получения личных выгод. В два раза меньше (33 %) было тех, кто готов был отстаивать общественные интересы, при условии нарушения законов или интересов других групп.

Современное российское общество в результате двойной деструкции – разрушения тоталитаризмом традиционных структур и разрушения или ослабления тоталитарных структур в постсоветский период, приобрело аморфный и в то же время недостаточно пластичный характер. Оно состоит в основном из атомизированных социально-инертных индивидов, где агрегированные, общие для больших групп населения социальные интересы мало осознаны и недостаточно оформлены. Общество засорено обломками прежних структур, и это так же затрудняет формирование подлинной, независимой социальности, необходимой основы гражданского общества.

Это проявляется в том, что представители старшего поколения, в своих представлениях живут прежней социальной активностью. Например, говоря о том, что «в молодости я активно работала в комсомоле, ездила по комсомольской линии с просветительскими лекциям по деревням, я внесла большой вклад в общественное устройство тех деревень» (М. Т., жен., 68 лет); «Я много делал на общественных началах на заводе, курировал молодежь, организовал кружок сварщиков и мы даже ездили на конкурсы резчиков по металлу в Москву» (А. Н., муж., 72 года). А молодые люди, в большинстве своем говорят о личной реализации и личных целях. Гражданская активность становится для них инструментом, достижения собственных целей. Тогда как для старшего поколения – она была одновременно и целью и процессом жизни. «Я вхожу в молодежную думу Иркутска с 1 курса, в школе был в городском школьном парламенте, мне это интересно, потому что понимаю, что смогу лучше построить собственную карьеру в политике, я многих действующих политиков уже знаю, многие знают меня, это хорошо и перспективно» (Р. А., муж., 22 года).

Также выяснилось, что в обществе достаточно низкий уровень доверия и социальной эмпатии (это подтверждается результатами исследований О. А. Кармадонова [2], О. А. Полюшкевич [3; 4]). Люди не готовы помогать тем, кто нуждается в помощи (лишь 10 % готовы помогать незнакомцам). Большую надежду на помощь имеют члены семьи (35 %) и друзья (25 %). «Мне самой нужна помощь, а всем все равно не поможешь» (О. Д., жен., 33 года); «Помогать должны те, кто имеет деньги и власть, у простых людей нечего брать» (А. М., жен., 40 лет); «Своей семье я всегда помогу, а чужим

людям – нет, на всех денег не хватит» (Н. Н., муж., 29 лет); «Мои друзья и семья могут всегда на меня рассчитывать, чем смогу – помогу, а все остальные – меня не касаются» (Д. Я., муж., 38 лет). Это все приводит к усилению индивидуализма и эгоцентризма в обществе, заинтересованности в личных, а не общественных целях, что, в свою очередь, осложняет процесс формирования гражданского общества.

Но, гражданское общество не может существовать лишь для достижения личных интересов и целей людей. Мы всегда вынуждены подстраиваться под других, только общие интересы приводят к социальным изменениям. Трагичность нашего исторического периода в том, что формируемые групповые интересы не консолидируют общество, как это было в XVI–XX в., а дефрагментируют его, консолидируя вокруг ресурсов (например, интересы представителей крупных компаний, интересы мигрантов в поиске новых мест адаптации, интересы бизнеса и проч.). Подстройка «под других» происходит в определенном круге, а не в целом в обществе. «Я знаю, что будет хорошо для меня и моего начальника – я буду этому способствовать по мере сил и даже вступлю в общественные движения, которые смогут нам помочь привлечь клиентов к страхованию (работает в страховой компании – авт. Л. Н. и Р. В.), но всему обществу я не помогу» (М. С., муж., 32 года). «Я иногда участвую в акциях БРСЖ Ангары, в поддержку женщин, но это не значит, что я готова помогать всем женщинам вокруг» (Я. О., жен., 33 года).

В современной России отсутствует общественное согласие по поводу функций и обязанностей государства. С одной стороны, государство пытается выполнить круг обязанностей, масштаб которых несоразмерен его возможностям. С другой – государство не способно выполнять часть своих неоспоримых обязанностей, в результате эффективность государственного управления остается невысокой. И только 30 % респондентов поддерживают деятельность представителей власти по выполнению функций и обязанностей государства. 70 % говорят о ее недостаточности и неэффективности. «Государство не создало условий для стабильного и безопасного развития» (Н. Е., муж., 36 лет); «Функции государства не выполняются полностью – это видно по тому, сколько людей не удовлетворены своей жизнью, своими возможностями и перспективами» (Н. Р., жен., 42 года); «Если бы государство выполняло все свои обязательства перед народом, то у нас не было бы такого оттока народа из страны» (Г. Г., жен., 39 лет).

В то же время, существует установка, что «государство должно» что-то давать, но нет установки, что общество также чем-то «обязано». «Государство должно обеспечивать все условия для комфортной жизни каждому гражданину, а отдельный человек особо ничего изменить не может» (Т. О., жен., 52 года); «Простой человек ничего не может изменить в системе, но государство может изменить многое в жизни отдельного человека и целых социальных групп, оно обязано это делать» (Н. К., муж., 46 лет).

Правовое государство призвано максимально удовлетворять интересы и потребности своих граждан. Эти интересы столь многочисленны и разнообразны, что практически государство не может иметь информацию обо всех этих интересах. Поэтому возникает необходимость информировать государство о конкретных интересах граждан, удовлетворить которые можно лишь силами и средствами самого государства. Это эффективно лишь при действии через организации существующего гражданского общества. «Общественные организации как раз и помогают обратить внимание общества и государства на те сферы, которые почему-то выпали из зоны внимания последних» (О. А., жен., 35 лет). «Общественные движения, социальные инициативы, НКО имеют одну цель – восполнить тот пробел, который не выполняет государство, подручными средствами» (С. А., муж., 31 год).

Для существования гражданского общества мало просто ходить на выборы и исправно платить налоги, важно иметь практическое подтверждение прямой связи между этими основными гражданскими действиями и реальной ситуацией в обществе. Если от результатов выборов ничего не зависит (ни состав правительства, ни характер проводимой им политики), а налоги тратятся без согласия налогоплательщиков, гражданское общество существовать не может. И никакая частная инициатива не заменит главной гражданской добродетели: быть не только в курсе происходящего в государстве и обществе, но и принимать в их судьбе посильное участие. «Я хожу на выборы, но считаю, что мой голос мало что изменит» (Н. Н., жен., 37 лет); «Я плачу налоги, соблюдаю законы, хожу на выборы, но жизнь моя от этого лучше не становится» (С. В., муж., 49 лет). «Ну скажите, как Я могу повлиять на политику? Только если буду бастовать – меня заметят, но навряд ли это улучшит мою жизнь» (Г. П., муж., 32 года).

Иными словами, граждане выполняют «правила игры» функционирования гражданского общества, но не всегда понимают, зачем им это надо и что от этого поменяется. Так называемое «сдержанное развитие гражданского общества» является современной чертой и определяется формами самоорганизации и социальными ожиданиями. «Я участвую в выборах в качестве наблюдателя от различных партий уже более пяти лет, сначала как студент, сейчас как работник завода» (Л. Д., муж., 26 лет). «Я полагаю, что участвовать в самоорганизации общества надо. Я работаю волонтером в приюте для собак» (А. А., жен., 37 лет). По сути дела все граждане России формируют активное духовно-нравственное поле гражданского общества.

Гражданское общество и государство можно рассматривать как относительно независимые сферы частных и общих интересов. В гражданском обществе (система отношений обмена), как в сфере свободной активности, индивидуальные и коллективные субъекты преследуют частные цели и интересы. В этом контексте государство выступает как сфера публично-властных отношений, в которых носители властных полномочий, составляющие аппараты государства, обязаны руководствоваться всеобщими интересами.

По нашему убеждению, духовная сфера гражданского общества обеспечивает свободу мысли, слова, реальную возможность публично высказать свое мнение, самостоятельность и независимость творческих объединений. Она непосредственно связана с образом жизни людей (их нравственностью, научным творчеством, духовным совершенствованием).

В силу многообразия и подвижности человеческих интересов и, соответственно, способности людей объединяться по самым разным поводам, можно отметить, что гражданское общество не представляет собой какой либо четко очерченной, законченной конструкции. Скорее, она есть бесконечная, развернутая в самых разных направлениях из неисчислимого количества ячеек как более или менее стабильных, так и вновь возникающих и отмирающих.

Однако такая типологизация состава гражданского общества пригодна лишь для суммарной его характеристики, но сама по себе и недостаточна, и просто не точна. Далеко не все гражданские организации размещаются в пределах одного типа социальных отношений и определяемого ими монопольного интереса. В наибольшей мере это наблюдается в сфере экономической и политической. Сюда же можно отнести ассоциации, созданные по разному поводу, например, для проведения праздника.

Литература

1. Батьянова Л. Н., Иванов Р. В. Социально-политические основы развития гражданского общества. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. 136 с.
2. Кармадонов О. А. Нормы и эмпатия как факторы социальных преобразований // Социол. исслед. 2012. № 4. С. 1–11.
3. Полюшкевич О. А. Социальная эмпатия: вопросы консолидации российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 6 (130). С. 3–18.
4. Полюшкевич О. А. Представления о социальной защищенности жителей России и Португалии // Социол. исслед. 2012. № 12. С. 66–71.
5. Скуденков В. А. Лидерство и социальное развитие // Соц.-гуманит. знания. 2013. № 2. С. 180–184.

РАЗДЕЛ 4. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ РАЗРАБОТКИ ИРКУТСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ «КОНСЕНСУСНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ» РАЗНЫХ ЛЕТ

УДК 32:008

Грабельных Т. И.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

КУЛЬТУРА ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНСЕНСУСА КАК ВАЖНЕЙШЕЕ УСЛОВИЕ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

(Публ. по: Грабельных Т. И. Культура политического консенсуса : дис. ... канд. социол. наук: 22.00.05 – политическая социология / Грабельных Татьяна Ивановна. – М. : Моск. пед. гос. ун-т имени В. И. Ленина, 1993. – 226 с.)

Фрагменты из введения

«...Быстрая смена политических ситуаций говорит сегодня не только о противоречивости периода, который переживает Россия, но и выдвигает проблему динамизма в политике.

За последние годы противостояние в обществе приобрело широкомасштабный характер. От единичных форм и способов выражения несогласия произошел переход к массовым открытым политическим действиям. Конфликт выступил крайней формой проявления несогласия. Отсутствие практики компромиссов и неразработанность правовой основы механизма по урегулированию конфликтов и согласованию интересов сказались на безрезультатных поисках путей выхода из сложившейся ситуации, что с неизбежностью грозит обществу цепной реакцией взрывов интересов различного уровня и форм.

Так называемый конституционный кризис получил свое полное отражение на съездах народных депутатов России. Произошел очередной парадокс в политической практике: участники политического решения в стремлении найти оптимальный выход лишь углубили кризис.

В 90-е гг. развитие политической ситуации вызвало многообразие форм проявления несогласия: от выражения недоверия президенту, правительству, съезду и т. д. до политической провокационности и политических спекуляций. Стало очевидно, что проблема согласия в политике отражает во всей глубине проблему политической власти.

С остротой ситуации и видением ее безисходности связывается и проведение референдумов, которые оказались лишь в состоянии в лучшем случае закрепить существующее несогласие, но не снять противостояние в обществе. Выборы и референдумы последних лет в России, включая

апрельский референдум 1993 г., выступили в качестве «приводных механизмов», потребность в которых всякий раз возникала в связи с проведением определенного политического курса или изменением расстановки политических сил. Съезды народных депутатов также не явились исключением и показали неспособность участников политического решения к согласованию интересов. Парадоксальность происходящего состоит в том, что стремление к единству и целостности неадекватно условиям его реализации, оно одновременно уживается со стремлением к противодействию и создает определенную атмосферу в обществе, которая прежде всего выражается на уровне чувств и эмоций. Чувства и эмоции как первые симптомы несогласия могут стать серьезным препятствием для конструктивного обсуждения и принятия ответственных политических решений.

В силу неразвитости политических отношений и структур гражданского общества, кризиса власти и прочих факторов произошло нарушение баланса между консенсусом и диссенсусом. Проблема согласия в политике, таким образом, выдвинулась на первый план.

Опыт западных демократий свидетельствует, что проблема политического консенсуса стоит всегда и остро. Как бы мы ни подошли к политическому процессу, какую бы ни взяли область политической жизни: проводимый политический курс, проблемы политических партий, элит или электората – консенсус, наряду с диссенсусом, отражает характер политических отношений. Он определяет состояние, в котором находится политическая система в данный момент.

Потребность управления конкретной политической ситуацией и реальная возможность достижения квазиконсенсуса обусловили необходимость постановки проблемы: как прийти к согласию в конкретной политической ситуации? Речь идет только о первой ступени в решении проблемы согласия в политике.

Постепенно в стране идет становление демократического политического режима и структур гражданского общества. На наш взгляд, от признания и принятия цивилизованных отношений в политике во многом зависит решение поставленной проблемы.

Проблема согласия в политике, требуя к себе целостного подхода с точки зрения реализации консенсуса: в контексте проблем политического конфликта и политической стабильности, компромисса и толерантности, ответственности за принимаемые решения и гибкости и т. д., предполагает рассмотрение консенсуса не только в динамике через адекватность конкретной политической ситуации, но и в динамике социокультурных процессов. Таким образом, ставится вопрос о роли культуры в политике...» (с. 3–5).

Фрагменты из раздела 1 «Консенсус как социологическая категория»

«...Основной вывод на этом этапе исследования заключается в том, что взаимопереход состояний консенсуса и конфликта является выражением важнейшей закономерности развития социума. Политический консенсус имеет силу для конкретной ситуации. Не сразу пришло понимание, что консенсус – требование определенной политической ситуации. Но так уж устроен человек, что для него легче недооценить или переоценить, чем выявить адекватность. Главное для консенсуса при оценке ситуации – соответствие природе вещей. Консенсус, отражая действительное состояние дел, отвечает на вопрос: Как (каким образом) управляется политическая ситуация? Именно в умении разумно (эффективно и ответственно) управлять политической ситуацией видится критерий политического консенсуса.

Проблема согласия в политике, как отмечалось, нашла свое выражение в двух идеях: идеи вынужденного согласия и идеи разумного взаимодействия, консенсуса, которые характеризуют механизм власти. Но если первая производна от проблемы власти с позиции силы, то вторая – от проблемы власти с позиции авторитета. Власть с позиции силы была и остается источником вынужденного согласия. Власть с позиции авторитета – источник консенсуса...» (с. 38–39).

«...Действительно, проблема политического консенсуса – следствие кризиса власти, но при определенных обстоятельствах то, что было следствием, выступает причиной, а то, что причиной – есть следствие.

Примером служит нынешняя политическая ситуация в России:

1. Конституционный кризис власти, за которым стоит изменение властных структур, потенциала, возможности власти. В этой связи актуален вопрос о поддержке проводимого политического курса, отвечающего интересам определенных политических сил. 2. В течение 90-х гг. наблюдается устойчивая тенденция – дробление, распыление власти. До сих пор не найден противовес. Хотя идет активный поиск формулы согласия. 3. Стало ясно: мы выйдем из маятникового состояния лишь при условии становления и развития структур гражданского общества. То состояние, которое переживали западные страны в 1950–1960-е гг., сегодня во многом характерно для нас. В 50-е гг., отмечает Р. Даль, для американских политических исследователей «как стабильность, так и консенсус стали разновидностью фетиша...» [134, р. 260, 261]. Глубокий внутренний конфликт стали воспринимать как угрозу основам демократии. Важно признать, что не следует идеализировать то, что на самом деле относительно. Нам тоже грозит опасность превратить консенсус в идол, абсолютизировать это понятие. Консенсус же относителен как состояние, как система, как образ, как стиль, ибо в разных ситуациях мы ведем себя по-разному. Как категория консенсус универсален благодаря своему предназначению нести мир и согласие. В силу этого считаем, что консенсус и культура по своей сути неотделимы.

Понимание – в основе консенсуса. В политике каждый преследует свой интерес. Консенсус предполагает включение, а не исключение (Речь идет об открытости границ консенсусного пространства, их мобильности). Понимание в политике формируется на основе общего в частных интересах. Но прежде всего оно базируется на своем интересе, возможно путем достижения своего интереса. Для консенсуса важно развитие интереса в других. Отсюда *критерий понимания в политике – умение осуществить свой интерес, развивая (не разрушая) интерес в других*. В силу этого, соглашая противоположное, консенсус несет в себе парадокс. Имея в себе рациональное начало, консенсус опирается на иррациональное. С этой точки зрения, политическое насилие выражает непонимание (отсутствие стремления к согласованию, взаимосвязи интересов): сила как неумение развить интерес в других. Власть, соответственно, предстает как «власть от понимания», и как «власть от непонимания»: к власти легче прийти посредством силы, но удержать ее трудно. Такая власть неустойчива, временна; «власть от понимания», трудно достижима, но прочна. На наш взгляд, ситуация управляема, если есть взаимопонимание, неуправляема – оно отсутствует. В любом случае, если есть ориентация на силу, понимания быть не может (примером служит динамика конфликта в Нагорном Карабахе). Сила олицетворяет собою, главным образом, бессилие и незнание: 1. Сила от бессилия. Распространенный тип ситуации: я – знаю, он – не знает, но я не владею и не управляю ситуацией, поэтому я вынужден применить силу. Ведущий фактор – внутренний; 2. Сила от незнания. Распространенный тип ситуации: я – не знаю, он – знает; я не владею и не управляю ситуацией, поэтому я вынужден подчиниться. Ведущий фактор – внешний. В первом случае, сила исходит от меня, во втором – сила применяется ко мне. В условиях нестабильности распространено и то, и другое. Именно от незнания и некомпетентности, с одной стороны, и бессилия – с другой, становятся возможны в нынешней политической ситуации в России извращенные, уродливые формы отношений между субъектами политики. В условиях распада ориентировать на понимание в политике равносильно крику о помощи на безлюдном пустыре. Требовать понимания нереально, но ориентация на него возможна, ибо для этого должна быть соответствующая база, определенный уровень культуры. И, конечно же, просвещение народа. Отличие русского народа – в его терпении: терпим, значит еще надеемся. Культура согласия присуща русскому народу, но плохо развита...» (с. 40–42).

«...Считаем целесообразным представить политический консенсус в целостности через стремление к единству, здравый смысл и политическое действие. Чтобы оценить значимость каждого из этих компонентов в структуре консенсуса, необходимо видеть консенсус в динамике как процесс, как состояние, как систему, как образ, как стиль и как метод, а именно: 1) консенсус как процесс достижения соглашений между субъектами политики, адекватных конкретным ситуациям; 2) консенсус как состояние политического соглашения внутри политического режима относительно

определенной проблемы, которое проявляется в доверии, в признании, в поддержке и т. д.; 3) консенсус как система определенных взглядов, убеждений, ценностей, целей, норм и т. д., ориентирующая на определенное политическое соглашение; 4) консенсус как образ единства. В этом смысле консенсус выражает стремление к единству, единению через соответствие интересам; 5) консенсус как стиль рационального мышления, как такой тип ментальности, который пропускается через конкретную политическую ситуацию и выражается во владении этой ситуацией. Проявление здравого смысла при принятии политических решений – результат такого мышления. Закрепление, оформление консенсуса в этом качестве дает возможность управлять политической ситуацией. Иными словами, консенсус становится той силой, которая способна управлять политической ситуацией; 6) консенсус как метод разработки и принятия решений, договоров и других документов, при котором обсуждаемое положение не ставится на голосование, а принимается согласованием интересов.

Консенсус как процесс, характеризуя те или иные ситуации, раскрывает их многовариантность. Консенсус как состояние отражает уникальность каждой конкретной ситуации. Консенсус как система, как образ, как стиль, обнажая характер ситуации, главным образом, через политический интерес, предопределяет политическое действие. Консенсус как метод, исходя из общей оценки ситуации, ориентирует на ее сохранение или изменение. В этой связи неизбежно встает вопрос о степени ответственности за последствия принимаемых политических решений. На наш взгляд, именно владение политической ситуацией и стремление к единству, выражаясь в политическом действии, ориентируют на достижение консенсуса. Сфера политического консенсуса – сфера политического действия. А это означает, что и культура политического консенсуса – составная часть политического действия...» (с. 47–48).

«...Определяя консенсус как всеобщую категорию для обозначения цивилизованных отношений между субъектами политики, адекватных конкретной ситуации, считаем, что основное значение категории консенсус состоит в том, что она показывает механизм развития общественных (политических) процессов путем установления согласованных действий в противоположность диссенсусу, с которым консенсус находится в диалектическом единстве. Это предполагает, что категория консенсус служит, во-первых, для понимания проблемы политической власти с точки зрения взаимоперехода состояний: политический конфликт, политический консенсус, а также для характеристики конкретной политической ситуации; во-вторых, для характеристики государства с точки зрения его целостности и единства: а) характеризует общество с точки зрения взаимозависимости и взаимосвязи отдельных его частей, т. е. интеграции; б) характеризует общество с точки зрения его стабильности и социального порядка; в-третьих, для характеристики состояния культуры в обществе: позволяет выделить два типа политической культуры: культуру согласия и культуру несогла-

сия; в-четвертых, для решения общечеловеческой проблемы войны и мира...» (с. 51).

Фрагменты из раздела 2 «Возможность и действительность консенсуса»

«...Каждая политическая формула выдерживает проверку временем. Изменения, которые произошли вокруг формулы 1991 г., всего лишь отражают подвижность и гибкость структур и границ консенсуса, его взаимосвязи с диссенсусом. Чтобы не потерпеть крах, политическая власть должна непрерывно подтверждать свою законность через эффективность. Консенсус обеспечивает жизнеспособность формулы при условии, если власть действенна. Смена политической ситуации не означает с необходимостью смены формулы, хотя чаще происходит именно это.

Итак, чтобы выявить законность и эффективность власти, необходимо видеть в динамике: 1) путь к власти основных политических сил; 2) последовательность в проведении политического курса; 3) степень доверия и поддержки у населения. Политическая ситуация в этом контексте своего рода «индикатор» политического процесса, который позволяет выявить ее законность и эффективность.

Кризис законности власти, с одной стороны, причина смены политической ситуации; а с другой стороны – ее следствие. В обоих случаях, кризис власти обуславливает решение проблемы согласия в политике...» (с. 88–89).

«...В условиях социальной нестабильности, особенно в переходные периоды, от умения разумно (эффективно и ответственно) управлять конкретной политической ситуацией зависит во многом дальнейший ход развития общества. В такие периоды, в первую очередь, требуется гибкая политика и продуманная тактика, ибо существует опасность достижения «одностороннего» (жесткого) консенсуса или «диссенсусного» консенсуса в силу: а) неосознанности своих политических интересов большинством населения; б) неспособности основных субъектов политики взять на себя ответственность в критический момент; в) незнания своих возможностей и потенциала (или неумения их использовать); г) поспешности в принятии политических решений.

Неразвитость политических отношений является причиной как самой постановки проблемы, так и необходимости ее решения. Первые попытки, предпринятые в Союзе ССР для реализации консенсуса, не увенчались успехом. Это объясняется, во-первых, самим подходом к проблеме: незнание с какой стороны подойти. Для нашей страны это было ново; во-вторых, осознанием ее глубины. Видение проблемы было зачастую поверхностным; в-третьих, не сразу пришло понимание необходимости ее своевременного решения. Момент был упущен.

Переход консенсуса из возможности в действительность осуществляется по-разному: каждое общество идет к согласию своим нелегким пу-

тем. Своеобразие, уникальность каждой конкретной ситуации диктует и свои правила «политической игры»...» (с. 96–97).

Фрагменты из заключения

«...В результате исследования материалов Съездов народных депутатов по методу контент-анализа было выявлено 10 тенденций развития политической культуры в современной политической ситуации:

1. Тенденция на «замораживание» (замкнутость границ) консенсусного пространства как следствие неадекватности стремления к согласию условиям его реализации.

2. Слабая реализация возможности выбора в процессе принятия политических решений.

3. Состояние ожидания тупиковой ситуации в процессе выработки и принятия политических решений как следствие неэффективного управления политической ситуацией.

4. Становление механизма сохранения интересов меньшинства. Причем, с одной стороны, возрастание роли Согласительных комиссий, консультаций, переговоров; с другой – соответствие политических решений интересам большинства как выражение взаимодополняемости двух принципов: принципа консенсуса и принципа большинства.

5. Сосуществование двух стремлений: стремления к профессионализму и стремления к противодействию в процессе принятия политических решений как форма взаимоперехода рационального и иррационального в политике.

6. Несоответствие поиска согласия в рамках Конституции стремлению участников политического решения к противодействию.

7. «Самопроизвольное снятие» политического решения в момент кульминации эмоциональной напряженности, главным образом, в форме «отгораживания» участников политического решения от принимаемых в принятых решений.

8. Реализация консенсуса через отторжение как парадокс диссенсусного консенсуса.

9. Повышение эмоциональной напряженности при выработке и принятии ответственных политических решений, главным образом, решений, связанных с социально-экономическим и политическим положением в России.

10. Формирование культуры несогласия в процессе принятия политических решений.

Выявленные тенденции послужили основой для вывода: Съезд как согласительный орган несостоятелен; в обществе неизбежен взрыв интересов...» (с. 196–198).

СОЦИАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО КАК ДОМИНАНТА СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА: ИНТЕГРАТИВНЫЙ АСПЕКТ

(Публ. по: Лесниковская Е. В. Интегративные взаимодействия в формировании гражданского общества в России : монография / Е. В. Лесниковская, Т. И. Грабельных. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. – 139 с.)

Фрагмент Главы 1. Социальное творчество как доминанта социального развития региона: интегративный аспект

«...Гражданское общество как сложная саморегулирующаяся социальная система, атрибутом которой выступает многоуровневый характер интегративных взаимодействий между ведущими субъектами социального развития, в наибольшей степени испытывает противоречивость современных процессов трансформации. Уникальные для современного периода условия развертывания социальных процессов, их направленность и содержание привели к изменению вектора видения проблем гражданского общества, как в России, так и во многих других регионах мира: произошел переход от концептуального определения ценностно-нормативных основ и структурных различий гражданского общества к методологическому пониманию самой логики трансформационных изменений в развитии гражданского общества. Реалии современного мира служат импульсом к рассмотрению трансформирующегося под влиянием доминантных факторов гражданского общества в пространственной перспективе. Макроуровневые тенденции, лежащие в поле дихотомии «глобализация-локализация» и включающие в себя процессы противодействия глобализационных и локализационных сил, преломляясь через национально-региональную специфику, проявляются на микроуровне в моделях гражданской идентичности и типах интегративного взаимодействия населения регионов. Это позволяет говорить о взаимовлиянии парадигм регионального развития и траекторий трансформации гражданского общества.

С 2000-х гг. в России повышенное внимание уделяется вопросам распределения потенциала гражданского общества в регионах. С одной стороны, оценивается гражданский потенциал региона с точки зрения выбора стратегии его накопления и реализации, с другой, оценивается потенциальный вклад гражданского общества в социально-экономическое развитие региона. Так, в 2011 г. исследовательской группой Циркон было проведено социологическое исследование, по результатам которого оказалось возможным разработать классификацию российских регионов по уровню накопленного в них гражданского потенциала. Было выделено 6 типов регионов в соответствии с уровнем жизни населения, уровнем развития экономики, уровнем гражданской активности и институциональной общественной активности [82]. По результатам исследования отчетливо видно,

что в одних регионах России препятствием для развития потенциала гражданского общества является высокая институциональная плотность (Центральный ФО), а в других – пассивность населения (например, Хакасия, Тува). Выделяется и ряд регионов, обладающих оптимальными с точки зрения институциональных условий и гражданской активности населения возможностями повышения потенциала гражданского общества (к таковым относится, например, Иркутская область). Становится необходимым учет регионального аспекта при стратегическом планировании в вопросах формирования и развития гражданского общества в России.

Определяя социальное творчество как интегративный фактор социального развития региона, признаем важность актуализации концептуального поля ключевых категорий, отражающих современные пути и стратегии управления региональным развитием. Речь идет о таких опорных понятиях, доминирующих в современных концепциях и программах социально-экономического и инновационного развития стран, как «пространственное развитие территорий», «инновационные территориальные кластеры» и др. Введение новых понятий и подходов задает интегративные траектории рассмотрения трансформаций гражданского общества в их взаимосвязи с региональными концепциями и стратегиями социального развития.

В связи с этим, видится перспективным рассмотрение векторов трансформации социального развития региона, формируемых во многом глобализационно-фрагментационными процессами. Дуальный, противоречивый характер глобализационных процессов активизирует процессы локализации. Как верно отмечает З. Бауман, вследствие глобализационных процессов «...идет и процесс «локализации», закрепления пространства» [13, с. 10]. Актуализируется значимость локального пространства в социальном развитии, в связи с чем возрастает интерес к эндогенному потенциалу региона, в том числе к его интегративно-творческому потенциалу. В рамках современной парадигмы регионального развития с характерным для нее обращением к эндогенному потенциалу человека, региона, страны, социальное творчество рассматривается в качестве перспективного и важного ресурса социального развития. Как развитая форма социально-преобразующей деятельности, социальное творчество, прежде всего, направлено на конструирование «социального».

Одним из признаков стратегического регионального развития и факторов трансформации гражданского общества является способность регионов к обновлению конкурентных преимуществ, что является сегодня одной из основных предпосылок к институционализации практик социального творчества. Важно отметить, что конкурентные преимущества не предстают лишь как сложившаяся исторически данность, но как объект, поддающийся целенаправленному конструированию, а также обновлению [211]. Известный теоретик регионального развития Р. Камани подчеркивает, что в современной мировой парадигме регионального развития, конкурентные преимущества региона рассматриваются как сознательно конструируемые:

«...все они (региональные конкурентные преимущества) – искусственные или созданные...»⁴ [215]. Учитывая динамику социальных изменений, основные траектории регионального развития уже не базируются только на конкурентных преимуществах региона, но формируются, создаются, конструируются путем активного освоения интегрированных социальных практик и технологий. Поскольку конкурентные преимущества должны постоянно подтверждаться через обновление, адаптируясь к новым условиям и специфике контекста, востребуются определенные свойства эндогенного потенциала региона. Таким образом, развитие способности к обновлению конкурентных преимуществ посредством эффективного использования внутреннего регионального потенциала, включающего в себя гражданский потенциал, становится одной из определяющих черт регионов-лидеров. Как справедливо отмечает в этой связи Дж. Бэчтлер, «...регионы-лидеры отличаются тем, что обладают способностью реструктурировать и обновлять производственные структуры для продвижения инновационных комплексов и создавать новые кластеры вокруг своего конкурентного преимущества» [211]. Логично предположить, что существуют интегративные факторы, воздействующие на способность регионов к обновлению конкурентных преимуществ и к развитию своего эндогенного потенциала в целом.

Ряд зарубежных исследователей в качестве одного из ведущих факторов, способствующих обновлению конкурентного преимущества, выделяют коллективное (социальное) обучение [232]. К ведущим факторам, как уже упоминалось, относятся и практики социального творчества. Как и коллективное (социальное) обучение, они, с одной стороны, обеспечивают закрепление общих норм и образцов поведения, усиливающих доверие в обществе, с другой стороны, способствуют трансферу неявного, неcodифицированного знания. В этой связи, прослеживается неразрывная связь практик социального творчества и диффузии знания.

Практики социального творчества, таким образом, представляют важный ресурс как для создания институциональной среды для развития инновационной деятельности в регионе, так и для формирования активного восприятия населением инноваций, формирования спроса на инновации, так называемого demand-size подхода в конструировании инновационной деятельности, определяемой в целом запросами населения и власти на инновационные технологии, а также их восприимчивостью к инновациям.

В свою очередь, развитие, освоение и эффективная реализация эндогенного потенциала гражданского общества в региональном пространстве посредством социального творчества само по себе выступает стратегической целью, способной обеспечить сплочение гражданского общества.

В ракурсе социального развития региона мы выделяем ряд особенностей, связанных с реализацией практик интегративного взаимодействия, при этом, наиболее важным видится инновационное развитие России.

⁴ «...they are all artificial or created advantages...» – авт. пер.

Практики социального творчества, организуясь посредством выдвигаемых социальных инициатив, актуализируются по заявленному вектору социально-ориентированного инновационного развития России. Согласно Итоговому докладу о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. «Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика», актуальными мерами социального развития России признаются поддержка и развитие творческого потенциала населения и «повышение степени вовлеченности населения в инновационный процесс» [73, с. 72]. Новая инновационная социально-ориентированная модель развития, предложенная в указанном докладе, отражает необходимость формирования институциональной среды для развития человеческого потенциала и эффективных интегративных взаимодействий. Современный этап стратегического регулирования развития инновационного потенциала России характеризуется ориентацией на активное конструирование национальной инновационной системы, что, в свою очередь, требует активизации механизмов интегративного взаимодействия. В аспекте исследования роли интегративного взаимодействия в современном социальном развитии России представляются важными задачи формирования национальной инновационной системы, заявленные в «Основах политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 г. и дальнейшую перспективу». В частности, согласно этому документу, формирование национальной инновационной системы требует совершенствования «механизмов взаимодействия между участниками инновационного процесса» [264].

Современному пониманию национальной инновационной системы соответствует рамочное определение, предложенное в Руководстве по сбору и анализу данных по инновациям (Руководству Осло), согласно которому национальная инновационная система базируется на «...взаимодействии социальных институтов и интерактивных процессах» в рамках производства и распространения и эффективного внедрения знаний [150]. Следовательно, и в международной практике признается важность интегративных взаимодействий для социально-ориентированного инновационного развития.

Проведенный статистический анализ данных Росстата по темпам инновационного развития в России позволил говорить об ускоренном инновационном развитии [273]. За трехлетний период – с 2009 по 2011 г. – наблюдается резкий рост объема инновационных товаров и услуг, произведенных/выполненных в Российской Федерации: более чем в два раза в сфере промышленного производства и более чем в 4,5 раза в сфере услуг. Приведенные статистические данные свидетельствуют и о более быстром, по сравнению с технологическими инновациями, ростом нетехнологических инноваций. Число созданных в Российской Федерации передовых производственных технологий за 11-летний период (с 2000 по 2011 г.) возросло более чем в полтора раза, в то время как число используемых передовых технологий за тот же период времени возросло более чем в 2,5 раза, что

позволяет констатировать быстро растущую потребность в инновационных технологиях (см. рис. 1 и 2) [273].

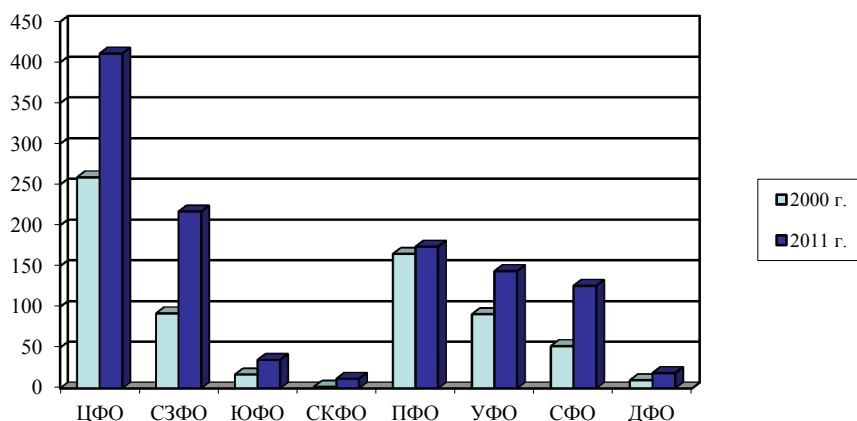

Рис. 1. Динамика числа созданных новейших передовых технологий (в ед.) в федеральных округах РФ, по данным Росстата

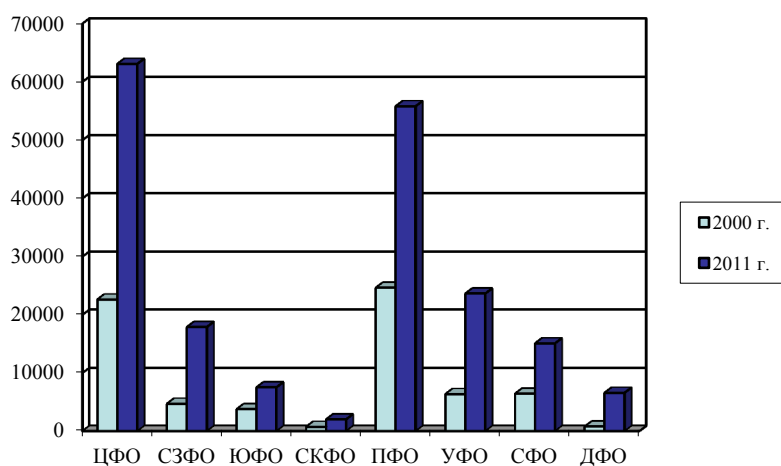

Рис. 2. Динамика числа используемых передовых производственных технологий (в ед.) в федеральных округах РФ, по данным Росстата

Согласно анализу динамики объема инновационных товаров и услуг за период с 2000 по 2011 г., существует глубокая дифференциация в темпах инновационного развития между различными регионами России. При этом, регионы с изначально меньшим инновационным потенциалом (например, Дальневосточный федеральный округ) испытывают наиболее резкое увеличение роста производства инновационных товаров и услуг.

Обозначенные тенденции позволили заключить, что формирование институциональной среды для развития человеческого потенциала и эффективных сетевых взаимодействий, а также вовлечение населения в инновационную деятельность рассматриваются в рамках программно-целевого регулирования как факторы развития и реализации инновационного потенциала страны.

Следуя устоявшейся в российской научной традиции логике понимания социального творчества как ресурса социального развития, выделим два основных канала влияния социального творчества на формирование

национальной исследовательской системы и развитие инновационного потенциала России:

1. Социальное творчество призвано служить открытой «методологической» платформой, способствующей производству и внедрению инноваций. Согласно проведенному нами экспертному опросу, значительная доля респондентов (46,5 % от общего числа полученных ответов) считают, что социальное творчество выступает инновационной площадкой для развития социальных и гражданских инициатив. Таким образом, ответы респондентов в целом совпадают с распространенной точкой зрения, рассматривающей инновации как производное от социального творчества. Социальное творчество служит платформой для инноваций, как через организованные практики, так и посредством внесения лепты в создание институциональной среды, способствующей развитию и проявлению человеческого потенциала, организуя интегрированное эффективное взаимодействие. Интеграция выступает ключевым элементом инновационного процесса на нескольких уровнях, прежде всего, на уровне сетевых взаимодействий. Сетевые взаимодействия представляют собой организованные взаимодействия акторов инновационного процесса – производственных компаний, бизнеса, НИР, вузовского образования, гражданского общества, индивидуумов – через ряд организованных моделей, таких как бизнес-инкубаторы и технопарки. Эффективная концентрация сетевых взаимодействий способствует образованию инновационных кластеров; интеграции компетенций; интеграции технологий и организационных моделей; интеграции населения в инновационную деятельность.

2. Социальное творчество, играя ключевую роль в создании и распространении нового знания, участвует в создании национальной инновационной системы. Практики социального творчества предполагают обмен прежде всего неcodифицированным, «неявным знанием» [143]. Именно этот вид знания имеет преимущества перед codифицированным, поскольку последнее получает слишком быстрое распространение и становится широко доступным [236], а, следовательно, уязвимым с точки зрения нелегитимного трансфера технологий. В то же время, практики социального творчества позволяют передавать в первую очередь неcodифицированное знание, способствуя тем самым созданию благоприятной среды для инновационной деятельности и условий развития человеческого капитала.

Оформленность и востребованность практик социального творчества в России, способствующих распространению «неявного» знания как в сфере технологических инноваций, так и в области социальных инноваций, обусловлена в первую очередь необходимостью создания национальной инновационной системы в новых условиях протекания мировых процессов. Практики социального творчества призваны выступить одним из основных инструментов формирования благоприятной институциональной среды. Как справедливо отмечает Ф. Мулэр, социо-организационная динамика оказывается помещенной в инновационный технологический контекст [237]. В со-

временных стратегиях долгосрочного социально-экономического развития и инновационного развития России подчеркивается повышение роли институциональной среды в реализации приоритетных направлений социального развития [73]. Обозначенная тенденция прослеживается и в других регионах мира [276].

Одной из современных тенденций конструирования инновационной системы является активизация практик социального творчества (социальных инициатив) и интеграция их в инновационную деятельность. В ходе интеграции практик социального творчества в активную инновационную деятельность (конструирование национальной инновационной системы) решаются две комплексные задачи. Во-первых, задействуется потенциал населения как ресурс инновационного развития. В проведенном нами опросе, менее трети (30,2 %) ответов относились к ресурсному аспекту: «социальное творчество выступает одним из идейных, интеллектуальных, организационных ресурсов для развития социальных и гражданских инициатив». Во-вторых, активизация социальных инициатив способна оказать влияние на формирование инновационной культуры, повышая восприимчивость граждан к инновациям, формируя спрос на потребление инноваций. Логико-аналитический подход, примененный при обзоре комплексных инновационных стратегий ряда стран, таких как инновационная стратегия Евросоюза, национальная инновационная стратегия Великобритании и инновационная стратегия США, позволил сделать следующие, общие для всех рассмотренных стратегий, заключения.

Анализ стратегических документов, определяющих развитие национальной инновационной политики, позволяет сделать вывод, что гражданское общество выступает как ресурс, способный «запустить» инновационную активность населения (интегрировать население в инновационную активность). В подтверждение этого отметим, что в Европейской Концепции социально-экономического развития на период до 2020 г., в которой в качестве одной из семи стратегических инициатив заявлена инициатива по развитию развернутой инновационной системы Innovation Union, гражданское общество, наряду с бизнесом, определено как полноценный исполнитель вышеуказанных приоритетов. В Broad-based Innovation Strategy Евросоюза одним из целеориентиров заявлено конструирование общества, активно и позитивно воспринимающего инновации («innovation-friendly society»). В таком обществе инновации являются одной из «основных социальных ценностей». Анализ ряда стратегических документов Европейской Комиссии⁵ показал, что среди основных путей продвижения инновационной деятельности выделяются улучшение образования в аспекте развития креативности и развитие интегрированных сетевых взаимодействий. Эффективная концентрация сетевых взаимодействий способствует: образова-

⁵«Putting knowledge into practice: A broad-based innovation strategy for the EU, Common Actions for Growth and Employment: The Community Lisbon Programme», «More Research and Innovation – Investing for growth and employment. A Common Approach», «EUROPE 2020. A strategy for smart, sustainable and inclusive growth».

нию инновационных кластеров; интеграции компетенций; интеграции технологий и организационных моделей; интеграции населения в инновационную деятельность. Важнейшим принципом, согласно Стратегии широкомасштабных инноваций Европы «Broad Based Innovation Strategy», принятой в 2009 г., становится обмен знанием, включая неформальные знания, между различными акторами общества – научно-исследовательскими организациями, промышленностью и организациями гражданского общества [276].

В этом контексте, важна выявленная в процессе исследования особенность практик социального творчества, которые, проявляясь через социальные инициативы, в том числе через инициативы по обмену неформальным, некодированным знанием, играют важную роль в создании институциональной среды, способствующей развитию инноваций.

Траектории формирования принципов, определяющих инновационное развитие США, позволяют определить, что одним из ключевых факторов, инновационной успешности заявлена интеграция социальных инноваций и ресурсов гражданского общества посредством гражданского участия. В декабре 2009 г. при Правительстве США был создан Департамент социальных инноваций и гражданского участия (Office of Social Innovation and Civic Participation), а в декабре 2010 г. был утвержден Совет при Правительстве по местным инициативам, сферу компетенции которых можно определить как интегрированное пространство социальных инициатив, социальных инноваций, гражданского участия и межсекторного партнерства. В целях активизации социальных инициатив и социальных инноваций вышеуказанными подразделениями Правительства США проводятся проекты по обозначенным целевым приоритетам, при этом реализация проекта доступна для он-лайн мониторинга широкому сообществу граждан (в качестве примера назовем проект Presidential Innovation Fellows). Для участия в проектах, направленных на создание «открытых инноваций» предоставляется доступ к электронным данным и инструментам (Open Innovator's Toolkit). Анализ существующих программ участия населения в разработке инициатив⁶ показал, что характерной является привязка нетехнологических, социальных и системных инноваций к местным сообществам. Таким образом, на уровне государственной стратегии предпринимается попытка комплексного подхода к практической реализации инициативного и социально-инновационного потенциала населения. Данный подход иллюстрирует стратегию «перевода» энергии гражданского общества в конструктивное русло посредством интеграции населения в регулируемую деятельность по выдвижению и реализации социальных инициатив и инноваций. Причем, для социальных инициатив выдвинут фильтрующий критерий результативности: «innovative community solutions that demonstrate results» [277].

Вышеуказанные новейшие тенденции в планировании и реализации стратегий инновационного развития в целом характерны и для России. В контексте вступления России во Всемирную Торговую Организацию и ак-

⁶ Анализ официального сайта Office of Social Innovation and Civic Participation <http://www.whitehouse.gov/administration/eop/sicp>.

тивной политики по участию в стратегических партнерствах особенно актуализируется необходимость интеграции России в мировой инновационный процесс. Согласно Итоговому докладу по Стратегии-2020, содержащему целевые ориентиры инновационной политики России, в качестве одного из механизмов повышения инновационной активности заявлено «повышение степени вовлеченности общества в инновационный процесс» [73, с. 72]. В свою очередь, такая задача требует разработки эффективных механизмов реализации. Проведенный нами экспертный опрос показал, что главной функцией социального творчества значительная часть экспертов (46,5 %) считают именно способность выступать инновационной площадкой для развития социальных и гражданских инициатив. «Генерация социальных инноваций», согласно опросу, занимает вторую позицию по распространенности как социальная практика, испытывающая наибольшее позитивное воздействие социального творчества – 13,7 % (после социальной активности с результатом 19,5 %).

В ходе исследования социального творчества как фактора социального развития региона обнаружилось, что современные требования к социальному творчеству как ресурсу инновационного социально-ориентированного развития требуют технологизации практик социального творчества. Под технологизацией практик социального творчества мы понимаем процесс активного освоения технологий социального творчества. Выдвигая в качестве научной гипотезы тезис о том, что социальное творчество является тем интегративным фактором, который прямо или косвенно воздействует на структуру гражданского общества и его функциональные характеристики, мы не можем не учитывать тот факт, что без соответствующего технологического потенциала невозможно успешное интегрирование практик социального творчества в стратегическое поле социального развития региона.

Учитывая, что существуют разные формы и стратегии освоения, в своей работе мы используем понятие «освоение технологий социального творчества». Современные дискуссии о содержании данной категории позволяют сделать вывод о взаимосвязи понятий «освоение» и «деятельность». Так, по мнению Г. С. Батищева, «...предметная деятельность есть строительство культуры как единство и тождество освоения и творчества» [12, с. 82]. Понимая под освоением процесс реализации сущностных сил человека, многие ученые сходятся в том мнении, что эта методологическая процедура должна быть применима и для выделения его основных форм (материально-практическая (практическая); практически-духовная (ценностно-ориентационная); духовно-теоретическая (познавательная) [95, с. 98–100]. Осваивая внешнее – природное пространство, человек создает собственное – культурное, которое есть не что иное, как освоенное человеком пространство [94, с. 7]. Обозначенная идея видится продуктивной, поскольку активизация практик социального творчества в развитии граждан-

ского общества отражает новые формы взаимодействия и актуализирует деятельностный аспект.

Мы целенаправленно используем данное понятие касательно не только различных видов деятельности, но и реализации социальных технологий, чтобы подчеркнуть его многомерность. Отметим, что в английском языке эквивалентами понятия «освоение» выступают: «adoption», одно из значений которого «выбор»; «mastering», в контексте данного исследования ценными коннотациями которого выделим «обучение», «преодоление», «трансформация», «управление»; «development», основным значением данного понятия является «развитие»; во французском языке сильным элементом значения среди прочих является техническая направленность, техническое совершенство (с франц. «maîtrise»).

Проведенный анализ специфических коннотаций иноязычных эквивалентных понятий показал, что «социальное освоение» следует рассматривать как социологическую категорию, предназначенную для обозначения социальных процессов выбора, трансформации и управления в их взаимосвязи в условиях технологизации социального пространства, определяющих эффективность механизмов социального взаимодействия. В этой связи правомерно выделить три уровня социального освоения: 1) освоение места в социальном пространстве; 2) освоение социальных практик; 3) освоение социальных технологий. Именно они во многом определяют общеметодологический контекст поставленной научной проблемы [47].

Постановка вопроса об освоении технологий социального творчества в свете заявленного пути инновационного развития российских регионов является закономерным шагом в осмыслении и анализе процессов активизации социальных практик. Если еще пять лет назад нами ставилась проблема поиска социальных и управленческих технологий в контексте повышения гражданской активности населения, то сегодня речь идет об их освоении как сложном социальном процессе выбора, трансформации и управления в их взаимосвязи, а также преодолении социальных и технологических вызовов и организации информационно-коммуникационных потоков, в том числе в процессе преодоления «когнитивных барьеров» [210].

Так, по результатам комплексного социологического исследования, проведенного нами в Иркутской области в 2008 г., было выявлено, что в этот период под социальными и управленческими технологиями повышения гражданской активности населения эксперты от некоммерческого сектора понимают: 1) развитие института гражданского образования; 2) участие в конкурсах инновационных проектов по развитию гражданского общества; 3) принятие нового закона «О развитии гражданских инициатив»; 4) развитие социального института связей с общественностью (повышение эффективности работы Служб, Департаментов по связям с общественностью на предприятии, в организациях различного профиля и собственности); 5) активизацию сотрудничества муниципальных образований с Обще-

ственной палатой Иркутской области (на основе договоров, соглашений по разным предметам сотрудничества) [132, с. 37].

Как мы видим, по мнению руководителей НКО, активизация гражданской активности в большей степени протекает в рамках формальных структур и институций. Не сильно отличаются и мнения по данному вопросу среди населения и экспертов от органов государственной власти (в основу положен также критерий формализации). Таким образом, постепенно создаются предпосылки для внедрения социальных и управленческих технологий повышения гражданской активности населения в практику социально-экономического развития региона, идет процесс активного формирования структур гражданского общества. Факторы, влияющие на данный процесс, достаточно многообразны, причем их действие может носить как ситуационный характер, так и прямо воздействовать и определять направленность и содержание всего процесса. Как показало исследование, субъектами данного процесса выступают как отдельные социальные группы, главным образом, наиболее влиятельные, так и население в целом [132, с. 35].

Об этом свидетельствуют данные исследования, проведенного Фондом «Общественное мнение» в 2011 г. с учетом региональной специфики [48]. Выявлено, что в решении местных проблем наибольшее влияние имеют органы местного самоуправления и региональные органы власти. Подтверждается, что население российских регионов постепенно становится субъектом социальных преобразований.

По мнению участников Байкальского Гражданского Форума, социальное творчество, проявляющееся через различного рода инициативы, является интегративным фактором формирования гражданского общества, позволяющим вовлечь население в активные созидательные социальные практики (табл. 3).

В современных условиях развития гражданского общества интегрирование практик социального творчества вышло на новый уровень: произошёл переход от активного освоения собственно социальных практик к освоению социальных технологий. Между тем, одним из классификационных признаков освоения практик и технологий по-прежнему выступает степень их «формализации». Новый этап развития в освоении социального пространства требует введения своего рода фильтров – ряда критериев, определяющих качество и эффективность практик социального творчества, в качестве таковых мы выделяем: адекватность; легитимацию; результативность; управляемость и креативность. Полагаем, что применение указанных фильтров в вариативных моделях интегративного взаимодействия входит в процесс освоения технологий социального творчества. В более узком смысле социальное освоение представляет собой процесс производства и воспроизводства креативных социальных практик, что предполагает учет параметров готовности населения и социальных структур к принятию инновационных идей и технологий.

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Разделяете ли Вы мнение о том, что социальное творчество, проявляющееся через различного рода инициативы, является интегративным фактором формирования гражданского общества, позволяющим вовлечь население в активные созидательные социальные практики?»

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля чел. в %
1	Да, разделяю	88	85,4
2	Нет, не разделяю	4	3,9
3	Затрудняюсь ответить	11	10,7
	Всего	103	100,0

Освоение технологий социального творчества в новых условиях развития гражданского общества – это сложный социальный процесс, отражающий общие закономерности социального освоения и включающий в себя совокупность фильтров, востребованных гражданским обществом на современном этапе его развития.

Согласно данным, полученным нами в результате опроса (Иркутск, 2012 г.), прослеживается тенденция к объективации и легитимации социальных (общественных) инициатив.

Очевидно, что следует различать процессы формализации и легитимации. Увеличение числа формальных структур, конструирующих практики социального творчества, не снимает острых вопросов общественной легитимации, а лишь свидетельствует о процессах институционализации практик социального творчества. Однако такая институционализация фрагментирована и дезинтегрирована, что доказывает и состав участников такой формальной структуры, как Гражданский форум. Именно легитимация, согласно П. Бергеру и Т. Лукману, выступает как «интеграция разрозненных процессов институционализированного поведения» [20, с. 158]. Кроме того, отмечают П. Бергер и Т. Лукман, «...проблема легитимации неизбежно возникает, когда объективации (теперь исторические) институционального порядка нужно передавать новому поколению» [20, с. 153]. В связи с тем, что именно молодежь составляет большой процент неорганизованной части гражданского общества, иными словами, не состоящей в юридически зарегистрированных общественных организациях, но активно осваивающей новые формы самоорганизации посредством социальных медиа и проч., проблемы легитимации социального творчества представляются нам особенно актуальными.

В начале XXI в. траектории объективных процессов интеграции гражданского общества в России пролегают в контексте развития феномена социальных инициатив, представляющим собой легитимизированное проявление практик социального творчества в конструктивном русле. Активно развивается процесс освоения социального творчества в новых условиях развития гражданского общества, отражающий общие закономерности социального освоения и включающий в себя совокупность фильтров, востре-

бованных гражданским обществом на современном этапе его развития, ведущим из которых выступает легитимация.

Согласно результатам исследования⁷, на данный момент не сформирована единая информационная площадка для освоения технологий социального творчества в новых условиях развития гражданского общества, социально-инициативная деятельность по-прежнему является фрагментированной. Именно поэтому мы ставим вопрос о координации поля данного вида деятельности и определении его рамочных условий. Рассматриваемые процессы находят свое отражение в общемировых тенденциях в части включения механизмов активизации практик и технологий социального творчества в стратегическое поле социально-экономического развития ряда стран (например, европейской стратегии экономического развития Europe 2020, а также ряда инновационных проектов, таких как британский проект Big Society). Однако успех таких проектов, как показывает практика, напрямую зависит от параметров готовности населения к их восприятию, что подтверждают некоторые зарубежные эмпирические исследования⁸.

Кроме того, социальное творчество выступает составляющей и устойчивого развития. Как известно, парадигма устойчивого развития предполагает обращение не к экзогенному, а к эндогенному, творческому потенциалу социума. Так, В. В. Мантатов отмечает, что «...необходимым условием устойчивого развития общества является наличие пассионарного, творческого потенциала людей» [106]. Развитые практики социального творчества, неизбежно влияющие на состояние согласованности и конструктивного взаимодействия в регионе смело можно отнести к социальным факторам устойчивого развития региона [189, с. 62–63]. Таким образом, феномен социального творчества во многих аспектах неразрывно связан с парадигмами регионального развития XXI в.

С учетом вышесказанного, социальное творчество занимает важнейшее место среди новых социальных практик, инициируя социальные процессы интеграции на современном этапе развития гражданского общества в России.

⁷ Социологическое исследование «Социальные инициативы как атрибутивный признак социального творчества в интеграционных процессах гражданского общества» было проведено социологической лабораторией региональных проблем и инноваций Института социальных наук и НИЧ ИГУ в июне 2012 г. методом опроса (анкетирование). Респондентами выступили участники Байкальского гражданского форума (28–30 июня 2012 г.). Выборка по опросу составила 103 чел. (проводился сплошной опрос по факту очной регистрации и при согласии участвовать в исследовании), 96,1 % из которых – представители Сибирского федерального округа, 3,9 % – Центрального федерального округа. Подавляющее большинство респондентов проживают в городе (90,3 %). Участники опроса представляли пять типов организаций: 1) некоммерческие организации (объединения) – 64,1 %; 2) научно-образовательные учреждения (организации, структуры) – 14,6 %; 3) органы государственной власти – 8,7 %; 4) бизнес организации (структуры) – 8,7 %; 5) органы местного самоуправления – 3,9 %.

⁸ Среди недавних можно выделить исследование компании Yougove по восприятию британским населением инициативы Big Society, более подробно см.: URL: http://cdn.yougov.com/today_uk_import/YG-Archives-Life-Sun-BigSociety-210111.pdf.

В заключение главы, отметим, что социальное творчество в силу своей внутренней природы направлено на производство и воспроизводство, конструирование «социального» – созидание и преобразование новых типов и форм социальных взаимосвязей, социальных взаимоотношений, интегративных взаимодействий, обуславливающих направленность и содержание процессов социального развития. Одним из признаков стратегического регионального развития и факторов трансформации гражданского общества является способность регионов к обновлению конкурентных преимуществ, что является сегодня одной из основных предпосылок к институционализации практик социального творчества. Выявлено, что практики социального творчества представляют важный ресурс как для создания институциональной среды для развития инновационной деятельности в регионе, так и для формирования активного восприятия населением инноваций, формирования на них спроса. В ходе исследования социального творчества как фактора социального развития региона обнаружилось, что современные требования к социальному творчеству как ресурсу инновационного социально-ориентированного развития требуют технологизации практик социального творчества...» (с. 60–76).

УДК 316.356.2

Саблина Н. А.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ОСОБЕННОСТИ ВНУТРИСЕМЕЙНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ КАК СПОСОБА ГАРМОНИЗАЦИИ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

(Публ. по: Саблина Н. А. Толерантность как способ гармонизации семейных отношений в России : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / Саблина Н. А.; Иркут. гос. ун-т. – Иркутск :, 2006. – С. 90–140.)

Фрагмент из § 2.1 «Особенности внутрисемейной толерантности как способа гармонизации семейных отношений в России» главы 2 «Внутрисемейная толерантность как социальный феномен и ее значение для гармонизации семейных отношений в России»

«...В условиях трансформации социально-структурных отношений в России на рубеже XX–XXI вв. заметно возрастает значение толерантности в межличностных отношениях как основного способа достижения согласия и взаимопонимания и ориентации на бесконфликтный способ взаимодействия.

Важное теоретическое значение в рассматриваемом контексте приобретает изучение толерантности как социального феномена, рассмотрение специфики ее восприятия и проявления в российском обществе с рыночной экономикой.

Проведенный анализ научной литературы показал, что понятие толерантности входит в различные научные парадигмы и имеет разные толкования.

В идеологическом ракурсе, как отмечает М. С. Мацковский в своей работе «Толерантность как объект социологического исследования» [115], толерантность является системой ценностей и норм, которые присутствуют во многих современных цивилизационных концепциях, таких как «Декларация глобальной этики», «Всеобщая Декларация прав человека», «Декларация Культуры Мира» и т. д. [216, 5, 7].

Представляется, что среди основных составляющих данной системы ценностей и норм, выделенных М. С. Мацковским, к сфере семейных отношений можно отнести следующие:

- ориентация на терпимость к недостаткам, слабостям и ошибкам других людей, если они не противоречат нормам морали и права;
- ценность согласия и ненасильственного разрешения конфликтов;
- ценность человеческой жизни и отсутствия физических страданий;
- ценность следования нормам права;
- ценность сострадания, сопереживания, сочувствия [115].

Результаты проведенного нами исследования, которые будут представлены ниже, подтверждают, что именно ценности, выражающие терпимость к индивидуальным особенностям, мнению и поведению других людей, и ценности согласия и стремления к компромиссу являются наиболее значимыми в структуре толерантности в семейных отношениях.

Более глубокому пониманию сущности толерантности, на наш взгляд, способствует философское осмысление данного термина. Сегодня в России и за рубежом наметилась тенденция к рассмотрению толерантности как одной из форм социального, предусматривающей сочетание общего и индивидуального интересов в контексте полисубъектной социальности. В рамках концепции полисубъектной социальности В. Е. Кемеровым проблема толерантности рассматривается как проблема социальной формы, в которой толерантность выступает «... своего рода «исчезающим» элементом социальной формы, без которого последняя не может ни сохраняться, ни возникать» [90, с. 12]. В. А. Лекторский основную сущность толерантности видит в проявлении уважения к чужой позиции в сочетании с установкой на взаимное изменение позиций в результате критического диалога [103, с. 11]. Как утверждает С. И. Голенков, именно ориентация на ценность чужого, иного, другого составляет существо толерантности как ценности, иными словами, толерантность имеет своим основанием интенцию Другого [45, с. 30].

Для анализа семейных отношений также интерес представляет определение П. Николсона, рассматривающего толерантность как добродетель воздержания от употребления силы для вмешательства во мнение или действие другого, даже если они и отклоняются в чем-то важном от мнения или действия субъекта толерантности и если последний не одобряет их [126].

Думается, что такое толкование толерантности является вполне оправданным. В то же время, как отмечает М. С. Мацковский, анализ важных в теоретическом и практическом плане вопросов, таких как: в какой степени ценности толерантности разделяются и декларируются социальными институтами, группами и отдельными индивидами; каким образом ценности толерантности проявляются в различных сферах жизнедеятельности людей, в том числе и в семейной сфере; почему социальные институты, группы, индивиды интолерантны к тем или иным объектам, каким образом можно сформировать толерантные установки у субъектов и готовность к соответствующему поведению, возможен в рамках социологической парадигмы, которая рассматривает толерантность как систему ценностей, норм и образцов поведения, объединенных вокруг готовности принять других такими, какие они есть, и взаимодействовать с ними на основе согласия [115].

М. С. Мацковский в своей работе указывает на то обстоятельство, что в рамках социологической парадигмы толерантности можно выделить три основных предмета исследования:

Во-первых, толерантность можно изучать как систему ценностей, входящую в структуру общественного сознания.

Во-вторых, толерантность может рассматриваться в рамках функционирования какого-либо конкретного института, особо значимого для исследования идеологии толерантности, например, семьи. Анализируя этот процесс функционирования в рамках какой-либо социологической теории, можно анализировать особенности влияния толерантных (интолерантных) ценностей, норм и образцов поведения на установки и поведение отдельных индивидов или групп. Одновременно с этим, исследованию будут подвергаться функции толерантных или интолерантных ценностей и норм и их воздействие на выполнение институтом своих основных функций.

В-третьих, предметом исследования может быть система межгрупповых взаимодействий (межнациональных, межэтнических, межконфессиональных и т. д.) [115].

Среди выделенных М. С. Мацковским предметов исследования, нашим целям отвечает рассмотрение толерантности с позиции функционирования семьи как социального института и малой социальной группы. В связи с этим, полагаем, что можно выделить еще один предмет исследования в рамках социологической парадигмы толерантности – это система межличностных взаимодействий отдельных индивидов в рамках малой социальной группы.

Для социологического анализа толерантности, по мнению М. С. Мацковского, большое значение имеет анализ ее функций, который также необходимо осуществлять применительно к субъектам толерантности [115]. Для семьи как социального института в качестве таких функций могут выступить:

- социально-экономическая стабильность общества и предотвращение социальных конфликтов;
- обеспечение ценностно-нормативной основы, необходимой для социализации подрастающего поколения;
- положительное направление в экономическом развитии семейных форм организации труда;
- содействие становлению и развитию структур гражданского общества.

Для семьи как малой социальной группы в качестве основных функций толерантного взаимодействия можно выделить: предотвращение внутрисемейных конфликтов, формирование и поддержание стабильности семьи как социальной системы.

Для личности, как основного действующего элемента в структуре семейных отношений, функции толерантности связаны:

- с изменением числа, объема и характера конфликтных ситуаций в различных сферах семейной жизни, формированием позитивного отношения к жизни (что может служить также психофизиологической терапией, позволяющей сокращать стрессы);
- с влиянием толерантных установок на внешние формы поведения, предотвращающие агрессивные формы взаимодействия, в том числе и противоправного характера [115].

Бесспорно, что научный анализ предмета исследования толерантности на любом ее уровне предполагает разработку и использование теории. При этом нужно учитывать, что понятие толерантности многозначно и многоаспектно и поэтому для его адекватного описания необходимо опираться на различные социологические теории. Выделим наиболее важные из них, отвечающие целям рассмотрения феномена толерантности в контексте гармонизации семейных отношений: теория символического интеракционизма, теория конфликта, гендерный подход.

Для анализа проблем толерантности в процессе межличностного взаимодействия, как отмечает М. С. Мацковский в своей работе, наиболее адекватной является теория символического интеракционизма, созданная Дж. Мидом и развитая Г. Блумером [115]. Одним из основных ее положений является тезис о том, что личность и социальные действия формируются с помощью символов, которые приобретаются в процессе социализации и взаимно подтверждаются и изменяются в социальном взаимодействии (интеракции) его участниками [19]. Согласимся с утверждением М. С. Мацкого о том, что создание символов, основанных на общечеловеческих ценностях, включающих в себя идеи прав человека, демократии и т. д., может явиться одним из направлений формирования толерантных установок, и с помощью теории символического интеракционизма можно сделать эти попытки более направленными [115].

В целях исследования толерантности в рамках внутрисемейных отношений, полагаем, что правомерно также использовать подход, основан-

ный на теории конфликта, в котором особое значение для нас представляет анализ противостояний и особенностей конфликтных ситуаций на мисосоциологическом уровне. В рамках данного подхода большое внимание уделяется особенностям и условиям бесконфликтного межличностного взаимодействия членов семьи как малой социальной группы.

Большое значение в исследовании приобретает ориентация на гендерный подход в социологическом анализе особенностей внутрисемейной толерантности. Это объясняется тем, что основу семьи традиционно составляет брачная или совместно проживающая пара. Отношения между супругами во многом строятся на основе их гендерных ролей. Проявление толерантности в межличностных взаимодействиях супругов составляет важную основу внутрисемейной толерантности, влияющей на благополучие всей семьи в целом.

Основу исследования вопросов толерантности с позиции гармонизации внутрисемейных отношений составил семейно-ориентированный подход в его позитивной направленности.

Для осуществления эмпирического анализа толерантности в семейных отношениях на уровне института и группы необходимо определить и само содержание этого понятия, выделить его основные особенности, сферы и уровни проявления толерантных и интолерантных установок и поведения, дать их общую классификацию.

Традиционно в научной литературе понятие толерантности употребляется для определения отношения к национальным, религиозным и культурным различиям индивидов. В то же время понятие толерантности можно использовать для обозначения терпимого и уважительного отношения к индивидуальным особенностям других людей, позволяющее обеспечить адекватное и эффективное взаимодействие на основе взаимопонимания и диалога. Использование понятия толерантности в последнем случае приобретает большую значимость при изучении внутрисемейных отношений.

Одной из особенностей использования понятия толерантности является рассмотрение его основных значений в социокультурном аспекте. В этой связи, характерное для западноевропейской культуры понятие толерантности основано на исторически сложившемся ярко выраженном индивидуализме в межличностных и социальных отношениях. Общеизвестно, что индивидуализм положил основу возникновению глубоких исторических традиций урегулирования конфликтов в западноевропейской культуре. Толерантность здесь рассматривается с позиций рациональности, как способ взаимовыгодного и бесконфликтного сосуществования различных индивидуальностей.

Для российского общества, наоборот, характерна исторически сложившаяся деиндивидуализация и деперсонализация системы социальных связей и отношений, что накладывает свой отпечаток на содержание понятия толерантности [100]. Полагаем, что коллективизм советского периода российской истории не способствовал развитию и поощрению толерантно-

го отношения к ярко выраженным индивидуальным различиям и формам самовыражения людей. Особенность российского менталитета проявляется в специфике поведения русского человека в конфликтных ситуациях. Такое поведение характеризуется тем, что русский человек в ситуации назревшего конфликта стремится к максимально продолжительному уклонению от его разрешения, а в критический период конфликта прибегает к спонтанным, зачастую необдуманным действиям.

Рассматривая проблему толерантности в контексте изучения вопросов ментальности, отметим, что по мере развития общества меняется ментальность, трансформируются ценности. Большое значение при анализе процессов, происходящих в современном российском обществе, приобретает положение Ж. Ле Гоффа о чувстве неуверенности, которое влияет на сознание людей и определяет их поведение. Речь идет о неуверенности в материальной обеспеченности, и неуверенности духовной. Ментальность, эмоции, поведение формируются, в первую очередь, в связи с потребностью в самоуспокоении [48, с. 80–81]. В подходе Ж. Ле Гоффа сама ментальность определяется как способ мышления, связывается с эмоциональностью, установками поведения и др. Категория «ментальности» раскрывается здесь через проблему «повседневного человека», коллективных представлений и «массового» сознания.

Характерной особенностью современных исследований данной проблемы является утверждение, что ментальность формируется в зависимости от традиций, культуры, социальных структур и всей среды обитания человека и сама, в свою очередь, их формирует [48, с. 86]. В настоящее время большое развитие получил социально-психологический подход к изучению проблемы ментальности, активно утверждается дифференциально-психологическая парадигма в изучении человека. Категория ментальности раскрывается здесь через призму индивидуального сознания, сознания больших групп, общественного сознания. Понятие «ментальности» сегодня вбирает в себя опыт осмысления (и проблемность) всего, что происходит в обществе. Здесь большое внимание заслуживает тезис о трансформации ментальности и факторах, которые могут привести к ее деформации.

В рамках изучения ментальности в условиях меняющегося сознания, социально-структурных трансформаций, мобильности и динамизма можно выделить работу «Ментальность россиян (Специфика сознания больших групп населения России)» [118]. Проблема ментальности здесь предстает в контексте психологии больших групп. Авторы считают менталитетом психологическую специфику сознания изучаемой общности, исходя из понятия и проблемы «коллективного менталитета» (а не индивидуального). Индивидуальный менталитет в данном ракурсе рассматривается как присвоенные конкретным индивидом специфические для данной культуры способы восприятия и особенности образа мыслей, выражающиеся в специфических для данной общности формах поведения и видах деятельности [118, с. 10]. В целом, менталитет предстает как интегральная характеристика

психологических особенностей людей, принадлежащих к определенной культуре. Как специфика психологической жизни людей, менталитет раскрывается через систему взглядов, оценок, норм, умонастроений, основывающуюся на имеющихся в данном обществе знаниях и верованиях и задающуюся вместе с доминирующими потребностями и архетипами коллективного бессознательного иерархию ценностей, а значит и характерные для представителей данной общности убеждения, идеалы, склонности, интересы и другие социальные установки, отличающие указанную общность от других [118, с. 14]. С позиции рассмотрения ценностей, идеалов, убеждений и, в целом, социальных установок, можно утверждать, что в сфере общественного и индивидуального сознания проблема ментальности и толерантности взаимосвязаны.

Большое значение в данном контексте приобретает современная трансформация ценностей, норм и идеалов в российском обществе, связанная с развитием структур гражданского общества. Как отмечает в своей работе Н. И. Миронова [119, с. 3], гражданский социум воздействует на изменение качества взаимодействий и структур, формирует новые социальные практики. Здесь большая роль видится в формировании и развитии нового качества взаимодействий на основе ценностей толерантности.

Гражданский социум сегодня становится носителем базовых гуманистических ценностей, таких как, безопасность человека, его благосостояние и возможности развития. Значение этого усиливается на фоне качественных изменений самого общества, связанных, в первую очередь, с ростом активности и самоорганизации, информативности знаний, гуманистической социокультурной составляющей [119, с. 3–4].

В настоящее время содержание понятия толерантности в российском обществе расширяется и наполняется новым смыслом. Наблюдение показывает, что довольно часто определение толерантности, включающее в себя такую характеристику, как терпимость в отношениях с окружающими, некоторые люди ассоциируют с терпением. Терпение является характеристикой объекта, испытывающего на себе какое-либо негативное воздействие или давление, и предполагает в большинстве случаев вынужденную или благоразумную покорность слабого и беспомощного в его отношениях с сильным [28, с. 61]. Подобное заблуждение в отношении содержания понятия толерантности вызывает негативное отношение к самому явлению со стороны людей, не осознающих истинного смысла толерантных отношений. Б. Х. Бгажноков утверждает, что в действительности, в противоположность данному заблуждению, толерантность имеет место лишь в том случае, когда субъект терпимого, снисходительного отношения и поведения хорошо сознает устойчивость, неуязвимость своей позиции и сохраняет чувство собственного достоинства, когда источником такого поведения являются воспитанность и широта ума, интеллектуальная смелость и гражданское мужество [28, с. 61].

Наиболее яркой особенностью российской толерантности является тот факт, что она опирается не на рациональный подход во взаимоотношениях, характерный для западноевропейской культуры, а на чувственное начало личности. Для русской культурной традиции всегда было характерным проявление сочувственного, сострадательного, понимающего отношения к окружающим. Основу российской толерантности в межличностных отношениях составляет чувственное единение субъекта и объекта взаимодействия по принципу понимающего сопереживания [136].

Специфика российского отношения к феномену толерантности имеет большое значение при изучении сущности толерантных взаимоотношений в российской семье.

В научной литературе существуют различные подходы к определению природы толерантности. С одной стороны, изучение толерантности и содействие в ее достижении является самоцелью исследователя. Основной задачей в данном подходе является разработка методов для трансформации острого конфликта, сопровождающегося насилием, в фазу мирных переговоров. С другой стороны, толерантность рассматривается как переходный процесс от конфликтного состояния, перерастающего в насильственные действия, к достижению взаимопонимания и сотрудничества. В рамках данного подхода толерантность рассматривается как позиция неустойчивого равновесия [135].

Представляется, что основное значение толерантности заключается не в обеспечении процесса перехода от конфликта с применением насилия к сотрудничеству, а в предотвращении подобного рода конфликтов как таковых и поддержании согласия и взаимопонимания. В данном контексте толерантность рассматривается не в качестве переходного процесса, а наоборот, как неотъемлемое качество личности, определяющее ее отношение к окружающей действительности. Именно это обстоятельство обусловило смещение фокуса научного интереса в рассмотрении семейных отношений с позиции их гармонизации на основе проявления толерантности вместо углубленного централизованного изучения негативных процессов, в том числе внутрисемейного насилия.

Толерантность в таком понимании несет значение определенной жизненной позиции субъекта и особенностей его мировосприятия, т. е. особого свойства личности, позволяющего с терпимостью, пониманием и уважением относиться к индивидуальным особенностям других людей, признавать право на существование иного мнения, отличного от своего собственного.

Толерантность правомерно рассматривать и как социально значимое качество личности. Сторонами и проявлениями этого качества могут выступать: эмпатия, альтруизм, миролюбие, сотрудничество, стремление к диалогу, согласию и компромиссу.

Г. В. Безюлева, Г. М. Шеламова в своей работе отмечают, что основными психологическими составляющими толерантности являются эмпатия, коммуникативная компетентность, принятие себя и других [26].

На наш взгляд, эмпатия может не только являться одним из аспектов проявления толерантности, но и служить ее основой. Сущность процесса эмпатии отражает сопереживание. Человек способный к сопереживанию чаще проявляет толерантность в отношениях. Благодаря эмпатии не только достигается более глубокое понимание субъектом чувств и действий объекта, но и возникает определенная степень согласия с его мотивами, внутреннее оправдание и объяснение его чувств и действий. В этой связи, человек с установкой на эмпатию и толерантность в отношениях с окружающими является более успешным в коммуникативной сфере. В контексте гармонизации семейных отношений, отметим, что эмпатия, выступая основой толерантности, создает определенное поле взаимопонимания, сотрудничества и безопасности, необходимое для самосохранения и развития семьи как социальной системы [28, с. 56–57].

На формирование и развитие толерантности в структуре личности влияет множество различных факторов, в результате чего толерантность выступает интегральной характеристикой личности, как с позиции ее содержательного анализа, так и с точки зрения ее генезиса [172]. Среди данных факторов следует отметить следующие: различные индивидуально-психологические характеристики, особенности воспитания, атмосфера в семье, личный опыт межличностного взаимодействия, различные социальные и культурные факторы. В числе индивидуально-психологических характеристик личности ярко выделяется темперамент. В зависимости от типа темперамента для каждого человека характерен различный уровень проявления толерантности в отношениях, в том числе и между членами семьи. Так, например, некоторые исследователи полагают, что люди с флегматичным типом темперамента проявляют большую склонность к бесконфликтному взаимодействию с окружающими по сравнению с другими типами. Холерик, наоборот, в силу своей природной агрессивности и нетерпимости, менее всех остальных типов темперамента склонен к проявлению толерантности в отношениях с другими людьми [31].

Среди ведущих характеристик межличностной толерантности, в том числе и во внутрисемейных отношениях, большое значение приобретает воля, которая обеспечивает способность личности изменить себя, преодолеть негативные эмоции, направить свои переживания и действия в эмпатическое русло [28, с. 61].

Понятие толерантности с позиции гармонизации внутрисемейных отношений может также включать в себя осмысление своего собственного поведения и поведения других людей. Такое значение толерантности не менее важно, поскольку ложные или неточные предположения о причинах собственного поведения и поведения других людей, поспешные выводы и оценки могут расстроить отношения и привести к возникновению конфликтных ситуаций [28, с. 58]. Есть основания сделать вывод, что относиться к другому человеку толерантно – значит адекватно его воспринимать и правильно его понимать.

Логика рассмотрения понятия толерантности предполагает обращение к основным характеристикам толерантной личности и их анализ. Восприимчивость человеком толерантности и поиск или создание вокруг себя толерантных отношений является характеристикой зрелой самодостаточной личности. Толерантная личность в своих действиях реализует позитивный взгляд на мир, активную жизненную позицию, мировоззренческую и психологическую открытость, осознание собственной уникальности и необходимости единения с другими людьми, понимание и принятие многообразия и взаимообусловленности окружающего мира, стремление к избавлению от предрассудков и постоянному самосовершенствованию [82, 172].

По мнению ряда исследователей, в частности Г. В. Безюлевой и Г. М. Шеламовой в основе развития толерантности лежит изменение личностных, в том числе и глубинных установок личности [26]. Как отмечает в своей работе Б. Х. Бгажноков, эмпатия, как и толерантность в целом, является в своих высших проявлениях актом доброй воли и самопожертвования со стороны субъекта [28, с. 62]. Проявления эмпатии как ценностной установки требует от личности приложения больших усилий. Для этого человеку необходимо обладать большой внутренней силой, активностью, ответственностью, оставаясь в то же время тонким, чутким, снисходительным и деликатным [28, с. 62]. В подтверждение данной мысли можно сделать ссылку на ряд исследований, в которых обосновывается идея необходимости толерантного отношения к Другому или другим. Солидарны, что необходимым условием толерантного отношения человека к другим людям и доброжелательного отношения к миру без насилия и подавления выступает чувство собственного достоинства, способность человека к самопознанию, и, в целом, позитивное отношение к самому себе [172].

Далее обратим внимание на тот факт, что в своих развитых формах, по утверждению Г. У. Солдатовой, толерантность предполагает не пассивное и безразличное отношение, а активное взаимопризнание оппонентов уникальных систем ценностей друг друга [172]. Также особое значение толерантности заключается в том, что она может рассматриваться как определенная социальная технология, существующая для успешной социализации субъекта в системе общественных отношений и содействия свободному и открытому диалогу [82].

Способность человека к бесконфликтному сосуществованию с другими людьми, которым присущи иные мировоззрение, менталитет и образ жизни, понимаемая как толерантность, формируется у каждого человека с детства в процессе социализации. Семья, являясь основным носителем социальных норм и ценностей, передаваемых из поколения в поколение, представляет собой первостепенное и необходимое условие социализации личности. Именно в семье человек осваивает социальные роли, получает основные навыки поведения и задатки толерантного отношения к окружающей действительности. Иными словами, формирование, развитие и становление толерантности начинается в семье. В связи с этим правомерно

встает вопрос об определении понятия внутрисемейной толерантности и выявлении ее основных особенностей.

Внутрисемейную толерантность следует рассматривать как определенную систему ценностей, норм и образцов поведения субъекта, направленных на уважение и признание индивидуальных особенностей других членов семьи, и стремление взаимодействовать с ними на основе согласия и взаимопонимания. Представляется, что внутрисемейная толерантность предполагает определенные грани терпимости в отношениях между членами семьи к особенностям мировосприятия, ценностным установкам и ориентациям, образу жизни, поведению, мнениям и чувствам друг друга. Кроме этого, установка на толерантное взаимодействие между членами семьи включает в себя проявление сочувствия и сострадания друг к другу, стремление к согласию в семейных взаимоотношениях и ненасильственным способам разрешения конфликтных ситуаций.

В семейных отношениях толерантность выступает одним из необходимых и жизненно важных компонентов. Для развития благополучных семейных отношений большое значение имеет обеспечение взаимодействия всех членов семьи на основе взаимного признания и ненасилия. Поддержание полноценного мирного сосуществования и сотрудничества всех членов семьи требует соблюдения каждым из них коммуникативных прав друг друга. К ним относятся: право на собственную систему ценностей, право на достоинство и его уважение, право на личную индивидуальность, на отличие от собеседника, право на индивидуальную точку зрения и другие [30]. Признание каждым участником семейных отношений основных коммуникативных прав личности (как своих, так и собеседника) и следование им в реальном общении могут выступать важными критериями межличностной внутрисемейной толерантности.

При анализе феномена толерантности в системе семейных отношений можно выделить как коммуникативный, так и деятельностный ее аспекты. Коммуникативный аспект толерантности, по утверждению Л. А. Шкатовой, представляет собой способность индивида к бесконфликтному, гармонизирующему общению. Деятельностный ее аспект находит воплощение в умении выслушивать и уважать мнение собеседника, сохранять спокойствие в споре и конфликте, корректно вести межличностный спор и дискуссию [207]. Полагаем, что выделенные аспекты толерантности являются взаимодополняющими, и находятся в непосредственной взаимосвязи с индивидуальными установками личности каждого члена семьи на позитивное общение. При рассмотрении толерантности как гармонизирующего фактора в семейных отношениях, полагаем, важное значение имеет развитие у всех членов семьи как коммуникативного, так и деятельностного аспекта толерантности в равной степени.

Одним из важных аспектов толерантных отношений в семье является фактор, так называемой взаимной полезности сторон, выделяемый В. М. Золотухиным. Он предполагает взаимную заинтересованность сторон в до-

стижении согласия, уважение и учет интересов каждой стороны, а также способность жертвовать частью собственных интересов ради достижения общих целей [82]. Существенную роль в толерантных внутрисемейных отношениях играют принципы доверия, уважения, доброжелательности, равенства, свободы выбора. Участники таких отношений равноправны в выборе путей и средств достижения общих целей, придерживаясь принципа невмешательства и сохраняя самостоятельность [82].

Толерантные внутрисемейные отношения предполагают наличие взаимной ответственности каждой стороны за сохранение семейного благополучия, что способствует проявлению солидарности между членами семьи в принятии решений. Проявление толерантности невозможно без доверительных отношений между субъектами взаимодействия, а в особенности между членами семьи. Полагаем, что доверительные отношения и стремление к достижению взаимопонимания способствуют проявлению более высокого уровня толерантности во внутрисемейных отношениях, и следовательно, сохранению и поддержанию семейного благополучия.

Уровень толерантности каждого члена семьи во взаимоотношениях с окружающими во многом характеризует их личные качества, нравственную зрелость и культуру, определяет эффективность их взаимодействия с другими участниками семейных отношений. Реализация каждым членом семьи личной установки на толерантные взаимоотношения способствует резкому изменению числа и характера конфликтных ситуаций в семейных отношениях с тенденцией к их снижению, предотвращению агрессивных форм взаимодействия. Следует отметить, что во многом уровень толерантности в сфере культуры межличностных семейных отношений выступает в качестве важнейшего критерия духовно-нравственного развития личности каждого участника отношений, и, в целом, является показателем эффективности функционирования семьи как социальной системы и социального института.

В рамках выявления сущности и основных особенностей внутрисемейной толерантности как социального феномена считаем необходимым затронуть проблему определения ее границ. Проблема выявления границ толерантности в семейных отношениях связана с тем, что личность ради снятия напряженности, предотвращения или разрешения конфликта не должна вступать во внутреннее противоречие с собой, своими собственными ценностями и смыслами [166]. Пределы толерантности у каждого отдельного человека должны определяться его нравственными нормами и принципами морали, соответствующими, в определенной степени, общепринятым социальным нормам.

Рассмотрение множества ситуаций показывает, что между толерантностью и интолерантностью нет четкой границы. Представляется важным в целях нашего исследования рассмотреть основные характеристики как интолерантного, так и толерантного поведения, и их значение с точки зрения гармонизации семейных отношений. Анализ научной литературы позволяет

нам выделить два типа интолерантных взаимоотношений, имеющие, на наш взгляд, важное значение при исследовании внутрисемейной толерантности.

Первый тип интолерантных взаимоотношений основан на том, что ощущение субъектом семейных отношений своей безнаказанности, невинности и правоты не редко создает почву для усиления его агрессии. Доказано, как отмечает Б. Х. Бгажноков, что люди со стойкими предубеждениями, реагируют на сигналы о боли со стороны объекта их нетерпимости проявлением по отношению к ним еще большей жестокости [28, с. 59]. В таком типе интолерантных семейных отношений нет установки на диалог, механизмы позитивного внимания и элементарной обратной связи ограничены или бездействуют. Есть лишь некое общее убеждение (предубеждение) в целесообразности совершаемых акций и столь же общая, плохо осмысленная негативная установка, которая блокирует эмпатию, санкционирует жестокое, бесчеловечное обращение с людьми [28, с. 59].

Со своей стороны отметим, что подобный тип интолерантного поведения характерен для неблагополучных семейных отношений, отличающихся использованием насилия во взаимоотношениях между членами семьи. Как мы отмечали ранее, чаще всего субъектом насилия в семье выступает мужчина, а объектом зачастую становится женщина. При этом среди субъектов насилия достаточно распространенным является предубеждение, суть которого заключается в том, что мужчина всегда прав, а вина за все возлагается только на женщину. Полагаем, что механизм формирования описанного типа интолерантного поведения объясняет, отмеченную многими исследователями, повышенную жестокость внутрисемейного насилия.

Второй тип интолерантных взаимоотношений характеризуется тем, что, несмотря на наличие элементов нетерпимости между участниками семейных отношений, восприятие объекта еще не отягощено стойким предубеждением. Такой тип взаимоотношений предполагает общение, в ходе которого возможно изменение позиций сторон. Поэтому у субъекта такого типа интолерантного поведения в ответ на поступающие со стороны жертвы сигналы о боли чаще всего возникает эмпатия, способствующая снижению уровня агрессии [28, с. 59]. Представляется, что описанный тип взаимоотношений хотя и не способствует поддержанию благополучия в семейных отношениях, но, тем не менее, может препятствовать трансформации конфликтных ситуаций в насилие над личностью.

Проблема определения границ между толерантным и интолерантным поведением человека в семейных отношениях тесно связана с понятием конструктивной и деструктивной толерантности. Думается, что проявление чрезмерной толерантности во взаимоотношениях с окружающими, часто вступающей в противоречие с собственными предпочтениями субъекта, оказывает деструктивное воздействие не только на личность самого индивида, но и, в целом, на эффективность межличностного внутрисемейного взаимодействия. Такой тип толерантности в семейных отношениях можно определить как деструктивный.

Конструктивная внутрисемейная толерантность – это основанная на взаимном уважении, доверительных отношениях, эмпатии активная жизненная позиция членов семьи, обеспечивающая их эффективное бесконфликтное взаимодействие, способствующая развитию и совершенствованию личности каждого участника внутрисемейных отношений и, в целом, семьи как социальной системы и социального института.

Проявление конструктивной или деструктивной формы толерантности в семейных отношениях непосредственно зависит от психологических особенностей и установок конкретной личности. Известно, что в межличностных отношениях, в том числе и между членами семьи, большую роль играют социальные ожидания, и, в первую очередь, ожидание позитивного, понимающего отношения со стороны окружающих, а в особенности со стороны близких людей [28, с. 59]. Названные социальные ожидания и соответствующие им модели поведения вырабатываются у человека в процессе его социализации, закрепляясь в качестве одной из его основных социальных потребностей. Если ожидания не подкрепляются, не находят адекватной встречной активности, субъект отношений, как отмечает Б. Х. Бгажноков в своей работе, начинает испытывать разочарование, обиду, гнев. Последствием такого состояния для субъекта выступает возникновение неприязненного, подозрительного отношения к окружающим, в результате чего со временем у него вырабатываются различные формы агрессивного поведения [28, с. 60]. Интолерантные семейные взаимоотношения с низкой культурой эмпатии способствуют поощрению и развитию в личности каждого члена семьи таких свойств и склонностей, как жестокость, враждебность, неблагодарность, преобладание эгоистических интересов личности над интересами семьи, расчет на грубую силу, порождающий ощущение превосходства и вседозволенности [28, с. 65]. Выходом из сложившейся ситуации становится развитие культуры толерантного отношения к окружающим, которая позволяет смягчить напряженность в отношениях между членами семьи, поддержать высокий уровень доброжелательности, открытости, доверия, взаимного признания и уважения, и, в целом, способствовать гармонизации семейных отношений.

Правомерно утверждать, что в России внутрисемейная толерантность как способ гармонизации семейных отношений имеет свои социокультурные особенности. Кроме названных нами ранее национальных особенностей российского восприятия и проявления межличностной толерантности в широком смысле, на развитие и формирование ее специфических проявлений в семейных отношениях, влияют также исторически сложившиеся традиционные особенности семейного уклада. Как мы уже отмечали, для России традиционным является патриархальный тип семейных отношений, который по своей сути представляется авторитарным, где власть и главенство во всех сферах семейных отношений принадлежит одному человеку. Патриархальность семейных отношений способствовала установлению традиции односторонней толерантности, которая предполагает проявление

терпимости только со стороны одного из субъектов взаимодействий. Традиционно терпимость в семейных отношениях входила в обязанность женщины, она должна была строить линию своего поведения в соответствии с требованиями и желаниями супруга. Ее полная экономическая зависимость не позволяла ей свободно выражать свое мнение.

В рамках изучения феномена внутрисемейной толерантности как способа гармонизации семейных отношений в феврале – марте 2006 г. нами было проведено конкретное социологическое исследование на тему «Природа и особенности проявления толерантности в благополучных семьях г. Иркутска». В ходе анкетирования было опрошено 800 человек – оба супруга из 400 полных семей г. Иркутска, отобранных по критерию благополучности в результате квотной выборки.

В основу квотной выборки был положен возрастной показатель респондентов, согласно распределению возрастных групп населения г. Иркутска среди людей, состоящих в браке, по данным Всероссийской переписи населения. С учетом соблюдения требований выборки и допустимой погрешности, возрастные группы респондентов распределились следующим образом: 1) до 24 лет – 5,4 %; 2) 25–34 лет – 25,0 %; 3) 35–54 лет – 47,3 %; 4) 55 лет и старше – 22,4 % (см. прил. 3.18).

В качестве основного критерия благополучности семей был выбран показатель образования. Полагаем, что возможность получения высшего и среднего специального образования может выступать определением благополучности семьи. Исходя из этого параметра, мы получили следующее распределение респондентов по уровню образования: высшее – 61,8 %; среднее специальное – 28,3 %; среднее – 8,6 %; незаконченное среднее – 1,4 % (см. прил. 3.19).

По результатам анкетирования распределение семей респондентов по уровню материального благополучия было следующим (в % от общего числа опрошенных): 13,6 % респондентов отметили, что размер среднемесячного дохода на одного человека в их семье доходит только до 3000 руб.; у большей части респондентов – 40,0 %, размер дохода на одного человека в семье составляет от 3001 до 6000 руб.; также значительная часть респондентов – 28,5 %, указали, что в их семье размер среднемесячного дохода на одного человека находится в пределах от 6001 до 9000 руб.; 10,8 % – от 9001 до 12 000 руб.; 4,1 % – от 12 001 до 15 000 руб.; размер дохода – выше 15 000 руб. указали только 2,6 % опрошенных (см. прил. 3.21). Полученные данные отражают современное социально-экономическое положение большей части населения г. Иркутска, как крупного российского города, свидетельствующее, в целом, о достаточно низком уровне материального благополучия семей.

По составу семьи респонденты распределились следующим образом (в % от общего числа опрошенных): 24,1 % составили супружеские пары; 30,5 % – родительские пары с одним ребенком; 35,6 % – родительские пары с двумя детьми; 9,8 % – родительские пары с тремя и более детьми (см.

прил. 3.1). Из полученных данных четко прослеживается общая тенденция к однодетности и бездетности, и резкому сокращению семей с тремя и более детьми, характерная для современных процессов трансформации института семьи, что отмечается, в частности, и авторами работы «Семья в кризисном обществе» [161].

Данные проведенного исследования позволяют также выявить новые тенденции в формировании семейного уклада. Есть основания утверждать, что современная ситуация в развитии семейных отношений в России характеризуется постепенным переходом от патриархальной модели к эгалитарным взаимоотношениям. По данным анкетирования, большинство из опрошенных нами семей г. Иркутска можно отнести к числу эгалитарных – 41,6 % респондентов отметили, что главой в их семье являются оба супруга; 37,8 % опрошенных указали мужа в качестве главы семьи, при этом 13,1 % определили в качестве главы семьи жену; 7,1 % затруднились ответить на данный вопрос; другое – 0,4 % (см. прил. 3.2).

В этой связи показательным является тот факт, что в большинстве опрошенных нами семей, как указали респонденты – 49,1 %, решения принимаются супругами совместно в результате обсуждения и взаимного согласия, а не единолично главой семьи. Также значительная доля опрошенных – 20,0 %, отметили, что в их семье каждый супруг имеет полную свободу в принятии собственных решений. Только 13,5 % респондентов указали, что в их семье все ответственные решения принимает муж; 6,8 % опрошенных отметили, что именно жена в их семье принимает все ответственные решения. Незначительная доля респондентов – 6,6 % определили, что в их семье решения принимаются супругами совместно в результате обсуждения, часто переходящего в конфликт; 3,9 % – затруднились ответить; другое – 0,1 % (см. прил. 3.11).

Результаты дифференцированного анализа данных исследования по возрастным группам показывают тенденцию к значительному увеличению с возрастом респондентов доли мужа в принятии всех ответственных решений в семье и к снижению конфликтности при принятии решений. Так, в молодых семьях возрастной группы до 24 лет только 9,3 % респондентов отметили, что в их семьях все ответственные решения принимает муж; в возрастной группе от 25 до 34 лет на это указали 10,5 %; в возрасте от 35 до 54 лет – 13,8 %; в возрастной группе от 55 лет и старше – 17,3 % (наибольший показатель среди всех возрастных групп) (см. прил. 6.5). В то же время с увеличением возраста респондентов и соответственно стажа супружества снижается проявление конфликтности при принятии решений. Из всех возрастных групп чаще всего в молодых семьях до 24 лет решения принимаются супругами совместно в результате обсуждения, часто переходящего в конфликт – 11,6 %; в возрастной группе респондентов от 25 до 34 лет этот показатель ниже и составляет – 7,0 %; в возрасте от 35 до 54 лет – приблизительно столько же – 6,9 %; в возрастной группе от 55 лет и старше показатель конфликтности в принятии решений самый низкий –

4,5 % (см. прил. 6.5). Результаты исследования свидетельствуют о том, что в старших возрастных группах более характерна установка на традиционные патриархальные отношения, закрепляющие право в принятии всех ответственных решений в семье за мужем как главой семьи.

Среди молодых семей (возраст супругов до 24 лет), по результатам проведенного анкетирования, меньшее количество супругов (34,9 %), придерживается однозначных патриархальных установок на семейные взаимоотношения, чем среди всех остальных более старших возрастных групп: 25–34 года – 39,5 % опрошенных супругов из данной категории указали мужа в качестве главы семьи; 35–54 года – 38,4 %; 55 лет и старше – 35,2 % (в % от числа опрошенных по каждой возрастной группе). Интересно также отметить, что в возрастной группе до 24 лет значительно выше доля опрошенных, отметивших жену в качестве главы семьи – 20,9 % (см. прил. 6.1). Полученные данные позволяют сделать вывод, о том, что тенденция перехода от патриархальной модели семейных отношений к эгалитарной сложилась сравнительно недавно, поэтому ей более подвержены молодые семьи. Полагаем, что на супругов из зрелых семей еще достаточно сильно влияние традиционных установок в семейных взаимоотношениях, ориентированных на патриархальность.

Интерес представляет распределение результатов анкетирования по данному вопросу в зависимости от пола респондентов. Мужчины преимущественно указали мужа в качестве главы семьи – 45,3 %, при этом меньшее количество мужской половины респондентов придерживаются эгалитарных установок на семейные отношения – только 39,3 % отметили, что в их семье главой выступают оба супруга; и всего 8,8 % опрошенных мужчин определили жену в качестве главы семьи (в % от общего числа опрошенных мужчин). Важно отметить, что среди женщин прослеживается противоположная ситуация (в % от общего числа опрошенных женщин): только 30,3 % женщин отдали право главы семьи мужу, значительно большее количество опрошенных женщин склонны к созданию эгалитарной модели семейных отношений – 44,0 %, себя в качестве главы семьи указали 17,5 % женщин (см. прил. 5.1). Следовательно, данные исследования подтверждают, что женщины более склонны к установлению в семье эгалитарных отношений. В целом, тенденция перехода к эгалитарным семейным взаимоотношениям рассматривается нами как позитивная. Представляется, что эгалитарная модель семейных отношений является более эффективной с позиции установления и поддержания взаимной конструктивной толерантности между членами семьи.

Тем не менее, как показал проведенный опрос, процесс изменения модели семейных отношений в сторону эгалитарности, на сегодняшний день не способствует устранению экономической зависимости большинства женщин в семье. Так, в 59,6 % опрошенных нами семейных пар мужья имеют преимущество над женами по размерам стабильно поступающих доходов. Равное экономическое положение супругов в семье характерно

лишь для 29,1 % опрошенных пар. Только 11,3 % респондентов указали, что жены в их семье имеют преимущество по размерам стабильно поступающих доходов (см. прил. 3.20).

Интересно отметить, что женщины чаще отмечали, что в их семье именно они имеют преимущество по размерам стабильно поступающих доходов – 14,5 %, однако среди мужчин с ними согласились только 8,0 % респондентов; при этом большая доля мужчин посчитали, что в их семьях супруги занимают равное экономическое положение – 31,0 %, из женщин на это указали только 27,3 % (см. прил. 5.4). Полагаем, что такая картина связана с тем, что мужчинам, в большинстве своем, сложно смириться с утратой преимущества на традиционную роль кормильца в семье, характерную для патриархального семейного уклада.

Таким образом, можно заключить, что с точки зрения экономических характеристик трансформации социально-структурных отношений института семьи отмечается сохранение патриархальной модели семейных отношений, при этом экономическое равенство супругов в семье не выступает распространенным явлением в настоящее время. Экономическая зависимость является одной из причин того, что женщины, как подтверждено нашими исследованиями, проявляют более высокий уровень толерантности во внутрисемейных отношениях по сравнению с мужчинами. Так, 32,1 % опрошенных супругов указали на то, что наибольшую терпимость в семейных отношениях проявляет жена, именно она стремится избегать возникновения конфликтных ситуаций. У 34,5 % респондентов в ходе проведения анкетирования выяснилось, что в их семье терпимость характерна для каждого из супругов относительно в равной степени. Меньшая часть респондентов – 22,9 %, считают мужа в своей семье наиболее толерантным в отношениях между супругами. Оставшиеся 10,0 % опрошенных затруднились ответить; 0,5 % указали другое (см. прил. 3.8). Прослеживается определенная взаимосвязь между экономической зависимостью одного из супругов и уровнем его толерантности в семейных отношениях. Сравнительный анализ данных по шкалам внутрисемейной толерантности позволяет заключить, что в большинстве случаев экономически зависимый член семьи склонен к более толерантному поведению в семейных отношениях, чем остальные.

В качестве еще одной причины, определяющей более высокий уровень толерантности женщины в семье, по нашему мнению, можно указать следование традициям патриархального семейного уклада, основанным на покорности и терпимости со стороны женщины в семейных отношениях. Также, нельзя не отметить характерные психологические особенности женщин, способствующие большему проявлению толерантности с их стороны. Одной из таких особенностей является эмпатия, т. е. способность к сопереживанию и чувственному единению с собеседником, которая, по мнению многих исследователей, более характерна для женщин, чем для мужчин.

Проведенное нами исследование позволило выделить некоторые различия в особенностях и уровне проявления толерантности в семейных от-

ношениях в зависимости от стажа супружеской жизни. Так, для молодых семей, в возрасте до 24 лет, характерно проявление терпимости в отношениях со стороны каждого из супругов относительно в равной степени (наибольший процент среди всех возрастных групп – 39,5 %). При этом, в этой же возрастной группе наблюдается самый низкий показатель проявления терпимости со стороны жены в семейных отношениях – 16,3 %, наравне с наибольшей долей респондентов, указавших мужа – 34,9 % в сравнении с остальными возрастными группами (см. прил. 6.3). По истечению определенного времени фокус толерантности в семейных отношениях нередко смещается в сторону одного из супругов. В названном процессе, как показали результаты исследования, прослеживается тенденция к значительному увеличению уровня толерантности со стороны жены в семейных отношениях и его явному снижению со стороны мужа. Так, для возрастной группы респондентов от 25 до 34 лет проявление терпимости в отношениях со стороны каждого из супругов относительно в равной степени уже снижено до 35,0 %, со стороны мужа – до 28,0 %, в то же время возрос показатель уровня проявления толерантности со стороны жены до 27,5 %. В третьей возрастной группе респондентов – от 35 до 54 лет уровень проявления толерантности в семейных отношениях со стороны мужа еще более снижается и составляет 20,1 %, при этом значительно возрастает и достигает максимума среди всех возрастных групп степень проявления толерантности в семье со стороны жены – 36,5 % (см. прил. 6.3).

Как мы уже отмечали, причиной данного явления может выступать приобретенная со временем экономическая зависимость одного из супругов, в подавляющем большинстве – женщины. Полагаем, объяснением этому служит то, что появление в семье одного или нескольких детей практически всегда приводит к экономической зависимости женщины, исполняющей роль матери.

Считаем, что члены семьи, проявляющие наибольшую толерантность в семейных взаимоотношениях, более остальных стремятся к сохранению и поддержанию семейного благополучия, поэтому в случае возникшего конфликта, чаще берут на себя инициативу к примирению. По полученным в ходе анкетирования данным, в случае возникновения конфликта между супругами в семье чаще всего берет на себя инициативу к примирению тот, кто был инициатором конфликта, на это указали 25,0 % респондентов. Приблизительно столько же опрошенных супругов – 24,8 %, отметили, что в случае возникновения конфликтной ситуации каждая из конфликтующих сторон обычно проходит свою половину пути к примирению. В то же время значительная доля респондентов определили жену в качестве инициатора примирения в конфликтной ситуации – 22,9 %. Мужа в этом качестве указали – 18,9 %; затруднились ответить – 7,9 %, другое – 0,6 % (см. прил. 3.10).

Заметим, что на роль жены как инициатора примирения в случае возникновения конфликта в семье между супругами указали как мужчины, так и женщины приблизительно в равной степени, при этом преимуще-

ственно – мужчины – 23,0 %, чем женщины – 22,8 %. Также с большим преобладанием над женщинами, мужчины указали себя в качестве инициаторов примирения – 22,5 %, в то время как с этим согласилось лишь 15,5 % женщин. При этом женщины в большей доли, чем мужчины указали, что чаще всего в случае возникновения конфликтной ситуации инициативу к примирению берет на себя тот, кто был инициатором конфликта – 28,5 %, а также то, что каждая из конфликтующих сторон обычно проходит свою половину пути к примирению – 25,5 % (см. прил. 5.2). Как видно из результатов исследования, роль гармонизирующего элемента в социально-структурных отношениях в семье преимущественно принадлежит женщине, как более толерантному члену семьи, стремящемуся к сохранению и поддержанию семейного благополучия.

Результаты дифференцированного анализа данных анкетирования позволили сделать вывод о том, что с увеличением возраста респондентов и соответственно стажа супружеской жизни роль жены как гармонизирующего элемента семейных взаимоотношений значительно возрастает. Так, в молодых семьях (возрастная группа до 24 лет) только 9,3 % опрошенных отметили, что в случае конфликта между супругами в их семье, жена чаще всего берет на себя инициативу к примирению, в возрастной группе респондентов от 25 до 34 лет этот показатель возрастает до 21,0 %; в группе от 35 до 54 лет – 21,4 %; в самых старших семьях возрастной группы старше 55 лет доля респондентов, указавших жену, достигает наибольшего значения, как по данной группе, так и среди всех остальных возрастных групп, и составляет 24,6 %. При этом, с увеличением возраста респондентов и стажа супружества соответственно увеличению роли жены как инициатора примирения в конфликтных ситуациях снижается роль мужа. Так, в возрастной группе до 24 лет мужа указало наибольшее количество респондентов в сравнении со всеми остальными возрастными группами – 25,6 %; в возрастной группе от 25 до 34 лет этот показатель снижается и становится равным количеству респондентов, указавших жену – 21,0 %; в возрастной группе от 35 до 54 лет мужа отметили 17,7 %; наименьший показатель из всех возрастных групп наблюдается у респондентов в возрасте 55 лет и старше – 17,3 % (см. прил. 6.4).

Более высокий уровень образования способствует установлению эгалитарных семейных взаимоотношений и развитию проявления толерантности со стороны обоих супругов приблизительно в равной степени. При этом низкий уровень образования соответствует закреплению традиционных патриархальных установок, при которых инициатива к примирению в конфликтных ситуациях, в подавляющем большинстве, принадлежит женщине. Этому свидетельствуют полученные в ходе проведения исследования данные. Подавляющее большинство респондентов с незаконченным средним образованием – 54,5 % считают, что жена в случае конфликта между супругами чаще всего берет на себя инициативу к примирению (самый высокий показатель из всех групп респондентов, различающихся по

уровню образования), и только 9,1 % указали в этой роли мужа (самый низкий показатель из всех групп респондентов, различающихся по уровню образования). При этом ответы респондентов с высшим образованием представляют собой в целом средние значения по всем вариантам: 27,7 % респондентов из этой группы отметили, что инициативу к примирению в случае конфликта чаще всего берет на себя тот, кто был его инициатором; каждая из конфликтующих сторон обычно проходит свою половину пути к примирению – 23,5 %; приблизительно в равной доле респонденты с высшим образованием указали жену – 20,6 % и мужа – 19,4 % (см. прил. 7.2).

Переход к эгалитарности в семейных отношениях в контексте культурно-исторического развития российского общества способствовал возникновению необходимости создания новой модели отношений между супругами, важное значение в которой приобретает развитие двусторонней (обоюдной или взаимной) толерантности. Изучение специфики современных российских семей в контексте данного вопроса посредством включенного наблюдения выявляет следующую проблему. Нередко встречаются случаи, когда семейное благополучие сохраняется только путем постоянного проявления толерантности со стороны одного из ее членов по отношению к другим. Однако такое благополучие можно назвать мнимым, поскольку, в действительности, такие внутрисемейные отношения характеризуются скрытой конфликтностью, постоянно подавляемым внутренним напряжением. Истинное благополучие в семейных отношениях может быть достигнуто только при взаимной активной толерантной позиции членов семьи по отношению друг к другу.

На прочность брака и семейное благополучие влияет множество различных факторов. По результатам ранжирования данных, полученных в ходе проведения анкетирования, наиболее значимым фактором, по мнению респондентов, является «взаимная любовь, общность взглядов и интересов, духовная близость членов семьи» – 32,2 % (в % от общего числа респондентов, указавших 1 место по значимости, 1290 принято за 100 %). На втором месте по значимости располагается фактор супружеской верности и ответственности – 22,4 % (в % от общего числа респондентов, указавших 2 место по значимости, 787 принято за 100 %). Интересующий нас фактор внутрисемейной межличностной толерантности, который можно обозначить как «терпимость и уважение к иным взглядам, оценкам, поведенческим нормам и религиозным убеждениям членов своей семьи» по результатам ранжирования данных попадает на третье место по значимости для благополучия семейных отношений – 22,7 % (в % от общего числа респондентов, указавших 3 место по значимости, 810 принято за 100 %). На четвертом месте по значимости выступает фактор равноправного положения супругов в семье, включающего равное распределение обязанностей и ответственности – 24,9 % (в % от общего числа респондентов, указавших 4 место по значимости, 706 принято за 100 %). Хорошую материальную обеспеченность в качестве основного условия для сохранения прочности

брака в среднем респонденты определили на пятое место по значимости среди всех остальных факторов – 27,2 % (в % от общего числа респондентов, указавших 5 место по значимости, 596 принято за 100 %). 56,0 % всех отмеченных шестых мест по значимости среди всех представленных факторов респонденты отдали фактору социально-экономической стабильности в обществе (в % от общего числа респондентов, указавших 6 место по значимости, 611 принято за 100 %) (см. прил. 3.6).

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что создание и развитие семейных отношений на основе толерантного взаимодействия, доверия, взаимной ответственности и равноправия обоих супругов является важным фактором сохранения и поддержания семейного благополучия. Семейное благополучие, в свою очередь, является необходимым аспектом развития социально-структурных отношений в перспективах формирования института семьи как экономически и профессионально ориентированного института.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что толерантность является неотъемлемым компонентом внутрисемейных взаимоотношений. Данное положение подтверждается данными анкетирования о частоте проявления толерантности респондентами. Всем опрошенным супругам приходилось в той или иной мере проявлять толерантность в семейных отношениях. Так, 15,6 % респондентов отметили, что в семейных отношениях им очень часто (практически каждый день) приходится проявлять толерантность, понимаемую как терпимость, понимание, уважение к мнению, поступкам, индивидуальным особенностям супруга, которые отличаются от их собственного предпочтения. Большая часть опрошенных – 31,1 % указали, что часто (несколько раз в неделю) проявляют толерантность; иногда (один раз в 1-2 недели) – 27,4 %. Значительно меньшая часть респондентов – 14,5 % определили, что им приходится проявлять толерантность в семейных отношениях достаточно редко (один раз в месяц); крайне редко (один раз в несколько месяцев) – 7,1 %; никогда – 1,3 %; затруднились ответить – 3,0 % (см. прил. 3.4).

Интересно отметить, что по результатам дифференцированного анализа данных анкетирования в семьях с высоким уровнем материального благополучия наблюдается выше частота проявления респондентами толерантности. Так, например, в сравнении с остальными, большее количество респондентов – 30,3 %, из семей с размером среднемесячного дохода на одного человека – от 12 001 до 15 000 руб., отметили, что толерантность им приходится проявлять очень часто (практически каждый день). Наибольшая доля опрошенных супругов, указавших, что толерантность в семейных отношениях им приходится проявлять часто (несколько раз в неделю) – 47,6 % оказалась из семей с уровнем среднемесячного дохода на одного человека свыше 15 000 руб. (см. прил. 8.1). Исходя из этого, можно сделать вывод, что с возрастанием материального благополучия семьи значительно возрастает и необходимость в более частом проявлении толерантности во внутрисемейных отношениях.

Результаты исследования также показали, что частота проявления респондентами терпимости, понимания, уважения к мнению, поступкам, индивидуальным особенностям супруга, которые отличаются от их собственного предпочтения выше в семьях, где жена имеет преимущество по размерам стабильно поступающих доходов, 31,1 % респондентов из таких семей указали, что приходится очень часто (практически каждый день) проявлять толерантность в семейных отношениях. В семьях, где преимущество по размерам стабильно поступающих доходов принадлежит мужу, большинство респондентов проявляют толерантность часто (несколько раз в неделю) – 33,5 %. В семьях же с равным положением по размерам стабильно поступающих доходов респонденты преимущественно указали, что им приходится иногда (один раз в 1–2 недели) проявлять толерантность – 29,2 % (см. прил. 9.1).

Показательными выступают результаты анкетирования относительно частоты возникновения ситуаций нетерпимости между супругами в семьях респондентов по тем или иным вопросам. Большинство респондентов считают, что ситуаций нетерпимости между супругами в их семье возникают лишь иногда (один раз в 1–2 недели) – 32,1 % и редко (один раз в месяц) – 24,9 %. Приблизительно равное количество опрошенных указали, что ситуации нетерпимости возникают как крайне редко (один раз в несколько месяцев) – 16,9 %, так и часто (несколько раз в неделю) – 16,3 %; 3,6 % респондентов отметили вариант ответа – «очень часто» (практически каждый день); 3,4 % напротив – «никогда»; 2,9 % – затруднились ответить на данный вопрос (см. прил. 3.5). Полагаем, данные показатели являются характерными в целом для категории благополучных семей в крупном российском городе.

В контексте большего значения толерантности для семей с более высоким уровнем материального благополучия следует заметить, что значительная доля респондентов из семей с уровнем среднемесячного дохода – от 12 001 до 15 000 рублей на одного человека, отметили, что возникновение ситуаций нетерпимости между супругами в их семьях проявляется часто (несколько раз в неделю) – 30,3 %, и иногда (один раз в 1–2 недели) – 39,4 % опрошенных данной группы. При этом в остальных выделенных по признаку материального благополучия группах семей ситуации нетерпимости возникают в соответствии с общими показателями – иногда (один раз в 1–2 недели) и редко (один раз в месяц) (см. прил. 8.2).

Проявление нетерпимости со стороны одного из супругов может приводить к возникновению какой-либо конфликтной ситуации в семейных отношениях. При этом частота возникновения конфликтов в результате проявления нетерпимости, по данным анкетирования, в целом соответствует частоте возникновения ситуаций нетерпимости между супругами в семьях респондентов по тем или иным вопросам. Также в большинстве опрошенных семей – 32,9 %, как указали респонденты, проявление нетерпимости со стороны одного из супругов иногда (один раз в 1–2 недели)

приводит к возникновению какой-либо конфликтной ситуации, и в 21,3 % семей – редко (один раз в месяц); крайне редко (один раз в несколько месяцев) – 15,9 %. Незначительно больше доля респондентов, определивших, что нетерпимость достаточно часто (несколько раз в неделю) выступает причиной конфликтных ситуаций в семье – 16,3 % и очень часто (практически каждый день) – 5,9 %. В то же время доля респондентов, указавших вариант ответа – «никогда», осталась прежней – 3,4 %; как и затруднившихся ответить – 2,3 % (см. прил. 3.7).

По результатам дифференцированного анализа данных анкетирования обнаружилось, что с увеличением возраста респондентов и стажа супружества прослеживается тенденция к снижению частоты, с которой проявление нетерпимости со стороны одного из супругов приводит к возникновению какой-либо конфликтной ситуации. Так, в молодых семьях в возрасте до 24 лет отмечается достаточно большая доля варианта ответа – «очень часто», среди респондентов по данной возрастной группе составила 9,3 % и «часто» – 25,6 %; в то же время ниже процент респондентов, указавших вариант ответа – «иногда» – 27,9 %. В зрелых семьях самой старшей возрастной группы – от 55 лет и старше прослеживается обратная тенденция: самые низкие показатели из всех возрастных групп по вариантам ответа – «очень часто» – 3,4 % и «часто» – 16,8 %; и самый высокий – по варианту ответа «иногда» – 39,1 % (см. прил. 6.2).

Частота возникновения конфликтов (ссор, разногласий) между супругами в семьях респондентов по какому-либо поводу соответствует процентному распределению частоты случаев проявления нетерпимости, приводящей к возникновению конфликтной ситуации, представленных выше. Также наибольшее количество респондентов указали, что в их семьях конфликты между супругами возникают иногда (один раз в 1–2 недели) – 32,9 % и редко (один раз в месяц) – 27,3 %. Выше доля респондентов, определивших, что конфликты в их семьях происходят крайне редко (один раз в несколько месяцев) – 19,9 %, в то же время, наоборот, чуть ниже доля тех, кто указал, что возникновение конфликтов бывает достаточно часто (несколько раз в неделю) – 12,6 %; очень часто (практически каждый день) – отметили 4,0 % респондентов. 2,1 % опрошенных заявили, что в их семьях никогда не происходят конфликты; 1,3 % респондентов затруднились ответить (см. прил. 3.9).

Представляют научный интерес результаты дифференцированного анализа данных анкетирования относительно частоты возникновения конфликтных ситуаций между супругами по какому-либо поводу в семьях респондентов в зависимости от уровня их образования. У группы опрошенных людей с незаконченным средним образованием все ответы распределились в диапазоне: иногда (27,3 %) – редко (54,5 %) – крайне редко (18,2 %), при этом никто из данной группы респондентов не указал, что конфликты в их семье происходят «очень часто» и «часто», равно как никто из них не отметил вариант ответа – «никогда». Меньшее количество

респондентов с высшим образованием – 2,8 %, в сравнении с респондентами со средним и средним специальным образованием определили, что в их семье конфликты происходят очень часто (практически каждый день) (см. прил. 7.1).

Конфликтные ситуации между супругами, как подтверждено результатами проведенного анкетирования, сравнительно чаще возникают в семьях, где жена имеет преимущество по размерам стабильно поступающих доходов – наибольшие показатели среди остальных групп по вариантам ответа: «очень часто» – 6,7 %, «часто» – 17,8 % и «иногда» – 34,4 %; а также наименьшие показатели по вариантам: «редко» – 27,8 % и «крайне редко» – 10,0 % (см. прил. 9.2). Полагаем, данная ситуация может быть связана с противоречием, возникающим при столкновении традиционных стереотипов, присущих патриархальной культуре, с существующей необходимостью достижения материального благополучия семьи. В таких условиях мужчина теряет привычную роль кормильца семьи, что создает предпосылки для возникновения конфликтных ситуаций.

При этом важно отметить, что в семьях с равным положением супругов по размерам стабильно поступающих доходов конфликты возникают реже – наименьшие показатели по вариантам ответа: «часто» – 10,3 % и «иногда» – 32,2 %; наибольшие показатели по вариантам: «крайне редко» – 22,7 % и «никогда» – 2,6 % (см. прил. 9.2). Как видно из результатов исследования, равенство в доходах супругов способствует поддержанию и сохранению благополучия в семейных отношениях. Считаем, что достижение экономического равенства супругов возможно только на основе формирования и поддержания эгалитарной формы организации социально-структурных отношений в семье. Полученные данные подтверждают положение о том, что формирование и развитие семьи как нового экономически и профессионально ориентированного института способствует гармонизации семейных отношений через достижение экономического равенства супругов.

Представляется необходимым рассмотреть характерного типа поведения респондентов в ситуации, когда они не согласны с каким-либо решением партнера, выявляющего скрытые предпосылки для толерантного/интолерантного поведения в семье. Так, в ситуации несогласия с каким-либо решением партнера, респонденты указали, что проявляют тип поведения, выражающийся в открытом выражении партнеру своего недовольства и попытках воздействия на него с целью изменения его решения: часто – 32,3 %; иногда – 34 %; редко – 25,5 %; затруднились ответить – 7,9 % (см. прил. 3.12.1.1). Модель поведения в ситуации, когда респонденты не согласны с каким-либо решением партнера, определяемую как – «я сказал бы партнеру о своем несогласии, но не стал бы сопротивляться принятому им решению», часто проявляет меньшее количество респондентов (по сравнению с предыдущим типом поведения) – 19,4 %; иногда – 48,1 %; редко – 24,8 %; затруднились ответить – 7,8 % (см. прил. 3.12.1.2). Еще реже ре-

спонденты в ситуации, когда они не согласны с каким-либо решением партнера, промолчали бы и не выдали бы своего несогласия с решением партнера. Такое поведение проявляют часто только 10,1 % опрошенных; иногда – 18,3 %; и подавляющее большинство респондентов указали, что такое поведение является для них редким – 45,8 %; значительная доля опрошенных затруднилась ответить – 25,9 % (см. прил. 3.12.1.3).

Распределение названных моделей поведения в зависимости от частоты их проявления респондентами в ситуации, когда они не согласны с каким-либо решением партнера, представляет собой следующую картину. Чаще всего респонденты проявляют первый из представленных типов поведения, характеризуемый как – «я бы открыто выразил партнеру свое недовольство и попытался бы воздействовать на него с целью изменения его решения», (в % от общего числа респондентов, указавших вариант ответа «часто», 494 принято за 100 %) – 52,2 % (см. прил. 3.12.2.1). Из трех названных моделей поведения, вторую, более толерантную модель – «я сказал бы партнеру о своем несогласии, но не стал бы сопротивляться принятому им решению», большее количество респондентов проявляют иногда, ее указали 47,8 % опрошенных (в % от общего числа респондентов, указавших вариант ответа «иногда», 806 принято за 100 %), (см. прил. 3.12.2.2). Реже всего респонденты в ситуации несогласия с партнером действуют на основании наиболее толерантной модели поведения, определяемой как – «я промолчал бы и не выдал своего несогласия с решением партнера», (в % от общего числа респондентов, указавших вариант ответа «редко», 768 принято за 100 %) – 47,7 % (см. прил. 3.12.2.3). Определение частоты проявления именно данной модели поведения в ситуации несогласия у респондентов вызвало наибольшие затруднения. Так, затруднились ответить относительно данного типа поведения (в % от общего числа респондентов, затруднившихся ответить, 332 принято за 100 %) – 62,3 % опрошенных (см. прил. 3.12.2.4). Полученные данные, на наш взгляд, свидетельствуют о недостаточной сформированности у населения крупных российских городов навыков толерантного взаимодействия во внутрисемейных отношениях.

Интересно отметить, что первый тип поведения в ситуации несогласия с каким-либо решением партнера, выражающий, как правило, установку на интолерантное взаимодействие, характерен в большей степени поведению мужчин. Большая часть респондентов мужского пола – 37,3 % часто ведут себя подобным образом; среди женщин этот показатель составил – 27,3 %. Представленная модель поведения иногда проявляется у 31,0 % опрошенных мужчин; редко – у 22,3 %. В то же время женщины подобным образом ведут себя преимущественно иногда – 37,8 % и редко – 28,8 % опрошенных женщин (см. прил. 5.3.1). Женщинам в сравнении с мужчинами свойственно проявление более толерантной модели поведения в ситуации, когда они не согласны с каким-либо решением партнера, выражающейся в том, что они бы сказали партнеру о своем несогласии, но не стали

бы сопротивляться принятому им решению. Часто такой тип поведения проявляют 21,3 % опрошенных женщин; иногда – 49,3 %; редко – 23,0 %. Показатели для мужчин по данному типу поведения составили соответственно: 17,5 % – часто; 47,0 % – иногда; и больше показатель, чем у женщин – 26,5 %, составил вариант ответа – «редко» (см. прил. 5.3.2). Также женщины чаще мужчин в случае, когда они не согласны с каким-либо решением партнера, проявляют наиболее толерантную из всех моделей поведения, при которой они бы промолчали и не выдали своего несогласия с решением партнера. Часто подобную модель поведения проявляют 11,8 % опрошенных женщин и, в сравнении, всего 8,5 % мужчин; иногда – 19,3 % женщин и 17,3 % мужчин (см. прил. 5.3.3). Таким образом, полученные данные в очередной раз подтверждают склонность женщин к более толерантному поведению во внутрисемейных отношениях по сравнению с мужчинами. У мужчин же, напротив, зачастую прослеживается склонность к проявлению интолерантных установок в межличностном взаимодействии с членами семьи.

В контексте выявления особенностей толерантного/интолерантного поведения в семье рассмотрим влияние возраста респондентов. Относительно поведения, отражающего интолерантные установки респондентов на внутрисемейное взаимодействие, можно отметить, что частота проявления такого поведения более характерна для первых двух возрастных групп: до 24 лет – 37,2 %; с наибольшим показателем среди всех остальных – во второй возрастной группе (от 25 до 34 лет) – 43,0 %. В возрастной группе респондентов от 25 до 34 лет также наблюдается наименьший из всех показатель, определяющий количество респондентов, редко проявляющих данный тип поведения, – 18,5 %. Среди всех возрастных групп наибольшая доля респондентов – 37,0 %, указавших, что рассматриваемая модель поведения иногда является для них характерной, приходится на третью возрастную группу – от 35 до 54 лет. В последней возрастной группе – от 55 лет и старше показатели частоты проявления респондентами типа поведения, определенного нами как интолерантного, находятся приблизительно на одном уровне, при этом в сравнении с остальными возрастными группами большее количество респондентов – 29,1 % проявляют данный тип поведения достаточно редко (см. прил. 6.6.1). Исходя из полученных результатов, можно сделать вывод, что с увеличением возраста респондентов до 54 лет и, соответственно, стажа супружеской жизни возрастает частота проявления ими поведения, характеризующегося интолерантными установками на внутрисемейное межличностное взаимодействие. В супружеских парах в возрасте после 55 лет частота проявления интолерантного поведения снижается. Полагаем, что данная тенденция может быть связана с увеличением числа конфликтогенных факторов внутрисемейных отношений в возрастных группах от 25 до 34 лет и от 35 до 54 лет, и снижением их количества в возрастной группе от 55 лет и старше.

Относительно второй модели поведения в ситуации, когда респонденты не согласны с каким-либо решением партнера, определенной нами как толерантная форма взаимодействия можно выделить тенденцию постепенного увеличения с возрастом числа респондентов проявляющих иногда данный тип поведения: в возрастной группе до 24 лет – 32,6 %; от 25 до 34 лет – 47,0 %; от 35 до 55 лет – 48,4 %; наибольший показатель среди всех возрастных групп наблюдается в группе от 55 лет и старше – 52,5 % (см. прил. 6.6.2).

Частота проявления наиболее толерантного из всех представленных типов поведения в ситуации несогласия с каким-либо решением партнера повышается в соответствии с увеличением возраста респондентов. В возрастной группе респондентов до 24 лет частота проявления данного типа поведения самая низкая – всего 2,3 %; в возрасте от 25 до 34 лет она значительно повышается и составляет – 8,5 %; от 35 до 54 лет – 11,1 %; в последней возрастной группе от 55 лет и старше данный тип поведения встречается чаще всего – у 11,7 % респондентов. Также соответственно возрасту возрастает и количество респондентов, которые в ситуации, когда они не согласны с каким-либо решением партнера, иногда могут промолчать и не выдать своего несогласия: так, в возрасте до 24 лет таких респондентов оказалось только 11,6 %; а в возрастной группе старше 55 лет – уже 23,5 %. При этом прослеживается четкая тенденция к снижению доли респондентов, редко проявляющих данный, наиболее толерантный из всех, тип поведения во внутрисемейном взаимодействии. Наибольшее количество респондентов – 65,1 %, редко использующих данную модель поведения, соответствует возрастной группе до 24 лет; в возрасте от 25 до 34 лет их доля снижается до 53,0 %; от 35 до 54 лет – 43,1 %; в последней возрастной группе от 55 лет и старше – самая низкая доля респондентов – 38,5 % (см. прил. 6.6.3).

По мере увеличения возраста респондентов и, соответственно, стажа супружества может возрастать число конфликтных ситуаций, и проявление толерантности в отношениях между супругами начинает приобретать все большее значение для гармонизации семейных отношений.

С точки зрения научно-практической значимости, на наш взгляд, представляют интерес результаты исследования степени толерантности супругов в отношении различных аспектов внутрисемейных взаимоотношений.

По данным исследования, самый высокий уровень толерантности в межличностных семейных взаимодействиях проявляется по вопросу отношения к профессиональной ориентации, карьерному росту и доходам каждого из супругов. Как выяснилось в ходе проведения анкетирования, у 33,0 % респондентов, семейные конфликты по этому поводу не возникают, они указали очень высокую степень толерантности. Особенно данная тенденция является характерной для молодых семей – 48,8 % опрошенных в возрасте до 24 лет указали наивысшую степень толерантности в отношении данного аспекта семейных взаимоотношений (см. прил. 6.7.3). По вопросам

отношения к профессиональной ориентации, карьерному росту и доходам каждого из супругов 33,9 % респондентов отмечают достаточно высокий уровень толерантности (см. прил. 3.13.9), как и по вопросу распределения семейного бюджета – 33,9 % (см. прил. 3.13.2), что соответствует наибольшему показателю среди всех представленных факторов. Отметим, что относительно такого параметра, как отношение к профессиональной ориентации, карьерному росту и доходам каждого из супругов, наименьшее количество респондентов указали низкую степень внутрисемейной толерантности – 1,6 % (см. прил. 3.13.9). Думается, что это может быть связано с тем обстоятельством, что основу нашей выборки составили полные благополучные семьи, где в большинстве своем оба супруга имеют высшее образование. Представляется, что конфликты в семейных отношениях по данному вопросу могут возникать в случае острых различий в социальном и профессиональном статусе супругов.

В молодых семьях в возрасте до 24 лет наблюдается наибольший показатель высокого уровня толерантности по вопросу распределения семейного бюджета среди всех возрастных групп и составляет – 39,5 %; в более старших возрастных группах примерно в равной доле отмечается как высокий, так и средний уровень толерантности по данному вопросу (см. прил. 6.7.1). Полученные результаты, на наш взгляд, подтверждают наличие тенденции в развитии института семьи как нового экономически и профессионально ориентированного института, поскольку большое внимание в современных отношениях приобретает экономический и профессиональные аспекты. Развитие толерантных установок на взаимодействие членов семьи в отношении данных аспектов семейных отношений должно способствовать формированию института семьи в его новом качестве.

В целях нашего исследования значительный интерес представляют результаты дифференцированного анализа данных анкетирования по вопросу определения степени толерантности супругов в отношении аспектов внутрисемейных взаимоотношений, связанных с экономическими и профессиональными параметрами. Так, при изучении степени толерантного отношения к различиям во взглядах по вопросу отношения к профессиональной ориентации, карьерному росту и доходам каждого из супругов в семьях респондентов в зависимости от уровня образования был выявлен ряд моментов. У супругов с более низким уровнем образования отмечается ниже степень толерантности в отношении данного аспекта семейных взаимоотношений по сравнению с респондентами, имеющими более высокий уровень образования. Так, большинство респондентов с незаконченным средним образованием отмечают среднюю степень толерантности по данному вопросу – 36,4 %; со средним – 31,9 %. Также в этих группах респондентов ниже, чем в остальных группах с более высоким образованием, доля высокой степени толерантности по данному вопросу – 27,3 % и 29,0 % соответственно; и еще более низкие показатели очень высокой степени толерантности – 18,2 % и 24,6 % соответственно (см. прил. 7.3). Полагаем, это

связано с тем, что у супругов с низким уровнем образования достаточно остро стоит проблема материального благополучия семьи и необходимости профессионального роста.

Наибольший уровень толерантности по вопросу отношения к профессиональной ориентации, карьерному росту и доходам каждого из супругов проявляют респонденты со средним специальным образованием – 38,5 %; 32,7 % опрошенных из данной группы указали высокую степень толерантности; 19,5 % – среднюю. При этом обнаружилось, что среди респондентов с высшим образованием только 32,0 % отметили очень высокую степень толерантности по данному вопросу; наибольшая часть респондентов данной группы указали высокую степень толерантности – 35,2 %; 22,3 % – среднюю (см. прил. 7.3). Думается, данная ситуация выступает результатом того, что супруги со средним специальным образованием ощущают себя, в большинстве своем, реализованными в экономическом и профессиональном аспектах. Представляется, что достаточно часто именно люди со средним специальным образованием основывают собственное дело и занимаются индивидуальным предпринимательством. В то же время супруги с высшим образованием стремятся к повышению своего профессионального статуса, материального благополучия, стремятся к карьерному росту, в связи с чем, в их семье могут возникать конфликтные ситуации, как результат столкновения различных интересов супругов.

В отношении определения степени толерантности к различиям во взглядах супругов в семьях респондентов, по вопросу распределения семейного бюджета, в зависимости от размера среднемесячного дохода на одного человека в их семье, можно отметить определенную тенденцию. Для семей с низким материальным благополучием (первые 2 группы), с размером дохода до 3000 рублей и от 3000 до 6000 рублей характерно проявление толерантности по вопросу распределения семейного бюджета в средней степени – 32,1 % и 36,5 % соответственно. Высокая степень проявления толерантности в отношениях между супругами по данному вопросу наблюдается в семьях со средним уровнем размера среднемесячного дохода на одного человека (следующие 2 группы), от 6001 до 9000 руб. и от 9001 до 12 000 руб. – 43,9 % и 34,9 % соответственно. Члены семей с высоким материальным благополучием проявляют наибольшую толерантность в вопросах распределения семейного бюджета. Так, для респондентов из семей с размером дохода от 12 001 до 15 000 руб. в равной степени характерно проявление толерантности как высокой степени – 33,3 %, так и очень высокой – 33,3 %. Для супругов из семей с уровнем размера среднемесячного дохода на одного человека свыше 15000 рублей свойственно проявление очень высокой степени толерантности по данному вопросу – 42,9 %; при этом ни один из респондентов данной группы не указал очень низкую и низкую степень толерантности (см. прил. 8.3). Степень проявления толерантности в семейных отношениях по вопросу распределения семейного бюджета непосредственно связана с уровнем материального благополучия

семьи, что нашло подтверждение в полученных нами данных. Чем ниже материальное благосостояние семьи, тем чаще возникают конфликты между супругами в отношении распределения семейного бюджета. Полагаем, что формирование и развитие семьи как экономически и профессионально ориентированного института призвано способствовать повышению материального благополучия семей и, соответственно, повышению уровня внутрисемейной толерантности.

Достаточно высокая степень толерантности отмечается в отношении следующих аспектов внутрисемейных взаимодействий: взаимоотношения с родственниками, друзьями и знакомыми каждого из супругов – 33,4 % (см. прил. 3.13.5); соблюдение тех или иных семейных традиций – 30,8 % (см. прил. 3.13.3); особенности в воспитании детей (как воспитывать детей, какие ценности им прививать) – 28,3 % (см. прил. 3.13.10).

Наиболее высокая степень толерантности в отношении соблюдения тех или иных семейных традиций ярче выражена в молодых семьях. 32,6 % респондентов в возрасте до 24 лет указали наличие очень высокой степени толерантности по данному вопросу. При этом с увеличением возраста этот показатель проявляет тенденцию к снижению: в возрастной группе от 25 до 34 лет – 30,0 %; от 35 до 54 лет – 27,8 %; в возрасте от 55 лет и старше очень высокую степень толерантности в отношении соблюдения тех или иных семейных традиций указали только 20,7 % респондентов (см. прил. 6.7.2). Возможно, это связано с тем обстоятельством, что ввиду большей эмоциональной активности молодых супругов им легче соблюдать те или иные семейные традиции, кроме того, некоторые традиции могут находиться еще в процессе формирования, а уже существующие традиции еще недостаточно жестко закреплены по сравнению со зрелыми семьями.

Средний уровень толерантности, как показало исследование, является характерным для таких параметров внутрисемейных отношений, как использование свободного времени семьи – так определили 36,0 % респондентов (см. прил. 3.13.6); распределение семейных обязанностей – 35,6 % (см. прил. 3.13.1); то, как оцениваются в семье те или иные события, люди, жизненные ситуации – 35,0 % (см. прил. 3.13.7); отношение к индивидуальным особенностям характера, темперамента, привычкам каждого из супругов – 33,4 % (см. прил. 3.13.8); отношение к увлечениям, хобби, личным интересам каждого из супругов – 28,8 % (см. прил. 3.13.4).

Наиболее низкий уровень толерантности из всех выделенных параметров семейных отношений можно указать по вопросу отношения к увлечениям, хобби, личным интересам каждого из супругов – 4,9 % респондентов указали очень низкую степень проявления толерантности (наибольший показатель по низкому уровню толерантности среди всех параметров семейных отношений) (см. прил. 3.13.4); по вопросу распределения семейных обязанностей – 4,8 % (см. прил. 3.13.1). Также можно отметить в данном контексте такой параметр, как взаимоотношения с родственниками, друзьями и знакомыми каждого из супругов – 4,5 % всех опрошенных указали,

что в их семье между супругами по этому поводу часто проявляется нетерпимость, иногда возникают конфликты (см. прил. 3.13.5).

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о том, что степень и особенности проявления толерантности между членами семьи со временем меняются. Молодая семья на начальном этапе своих отношений находится на одной ступени толерантности, а по мере развития взаимоотношений, под влиянием различных факторов, по прошествии определенного времени супруги переходят на другую ее ступень. Переход этот может происходить как к конструктивной, так и к деструктивной толерантности, в результате чего семья может либо еще больше укрепиться, либо полностью разрушиться. Супруги из полных благополучных семей осознают ценность и необходимость толерантности для укрепления, полноценного функционирования и дальнейшего развития семьи как сложной социальной системы межличностных связей и отношений.

В целях нашего исследования представляется необходимым рассмотрение вопроса о взаимосвязи степени внутрисемейной толерантности с уровнем благополучия в семейных отношениях. Формы проявления внутрисемейной толерантности различаются в зависимости от характера и природы внутрисемейных отношений, их типа. Очевидно, что для каждого типа внутрисемейных отношений характерна определенная грань (или степень) толерантности. Степень толерантности в межличностном внутрисемейном общении, на наш взгляд, показывает, с какой долей терпения один член семьи относится к нежелательным и/или неприемлемым для него индивидуальным особенностям других ее членов. Речь идет о конкретных поступках членов семьи, их привычках, стиле поведения, стереотипах мышления и т. п. Таким образом, уровень благополучия во внутрисемейных отношениях мы связываем с той или иной степенью толерантности членов семьи в отношениях друг с другом.

Проведенные нами исследования позволили выделить основные параметры внутрисемейных отношений, характерные для них признаки толерантности и соответствующую им ее степень. Выявление признаков толерантности, характерных для каждого типа внутрисемейных отношений, в свою очередь, позволяет проследить четкую взаимозависимость между степенью межличностной толерантности членов семьи и уровнем благополучия семейных отношений. Согласно такому подходу при прогрессирующем снижении терпимости членов семьи в отношении друг друга наблюдается тенденция к возрастанию дисгармонии и конфликтности во взаимоотношениях. Дефицит взаимной толерантности между членами семьи в большинстве случаев приводит к разрушению гармоничной основы семейных отношений и, в конечном итоге, к проявлению внутрисемейного насилия. На основе полученных данных мы сделали заключение, что чем меньше проявляется толерантность между членами семьи, тем выше вероятность возникновения насилия в семейных отношениях и распада семьи. Основные зависимости между параметрами внутрисемейных отношений, признаками и степенью толерантности отразим в таблице (табл. 6).

Основные признаки и степень толерантности в зависимости от типа внутрисемейных отношений

№ п/п	Внутрисемейные отношения, их параметры	Признаки толерантности	Степень толерантности
1	<i>Гармоничные</i> (атмосфера полного согласия)	Полное взаимопонимание, глубоко доверительные отношения, взаимоуважение, высокая солидарность, вопросы решаются по принципу консенсуса и компромисса	Высокая степень толерантности
2	<i>Благополучные</i> (атмосфера согласия с крайне редкими элементами конфликтности в отношениях)	Взаимопонимание, часто доверительные отношения, взаимоуважение, солидарность, большинство вопросов решается по принципу консенсуса и компромисса	Толерантность выражена в достаточной степени
3	<i>Стабильные</i> (преобладание атмосферы согласия над конфликтными ситуациями в отношениях)	Частичное взаимопонимание, иногда доверительные отношения, взаимоуважение в ряде случаев, частичная солидарность, часть вопросов решается по принципу консенсуса и компромисса	Толерантность выражена в определенной степени
4	<i>Неустойчивые</i> (атмосфера согласия и конфликтности в отношениях присутствуют в приблизительно равной степени)	Редкое взаимопонимание, крайне редкие доверительные отношения, редко проявляется взаимоуважение, крайне редкое наличие солидарности, вопросы редко решаются по принципу консенсуса и компромисса	Толерантность выражена в некоторой степени
5	<i>Конфликтные</i> (преобладание конфликтных взаимоотношений над атмосферой согласия)	Взаимопонимания достигнуть сложно, доверительные отношения практически отсутствуют, крайне редко проявляется взаимоуважение, различие индивидуальных позиций в решении вопросов, консенсуса и компромисса достигнуть сложно	Толерантность слабо выражена
6	<i>Неблагополучные отношения с применением насилия</i> (наличие постоянных конфликтов во взаимоотношениях, применение насилия с целью их разрешения)	Отсутствие взаимопонимания, полное отсутствие доверительных отношений, отсутствие взаимоуважения, резко выражено различие индивидуальных позиций в решении вопросов, вопросы решаются по принципу использования силы	Толерантность не выражена
7	<i>Распад семьи</i> (разрыв семейных связей, неразрешенный конфликт)	Жесткая конфликтность, резко дистанцированные отношения, прямая конфронтация сторон	Ярко выраженная нетерпимость

Вторая часть исследования, которая была проведена с целью определения зависимости признаков внутрисемейной толерантности и благополучия в семейных отношениях посредством анкетирования, позволила выявить следующие результаты.

Большинство респондентов (38,3 %) на вопрос о том, как бы они могли охарактеризовать свои семейные отношения, отметили, что для их семьи в большей степени характерна атмосфера согласия с крайне редкими

элементами конфликтности в отношениях. Значительная доля опрошенных супругов – 31,0 % определили, что в их семейных отношениях преобладает атмосфера согласия над конфликтными ситуациями; 18,1 % респондентов признали, что атмосфера согласия и конфликтность в их семейных отношениях присутствуют приблизительно в равной степени. На полное благополучие в семейных отношениях, выражающееся в том, что в семье царит атмосфера полного согласия и взаимопонимания, конфликтные ситуации не возникают, указали 6,5 % опрошенных супругов. В то же время 4,5 % респондентов отмечают недостаточное благополучие своей семьи, когда в семейных отношениях отмечается, в основном, преобладание конфликтных взаимоотношений над атмосферой согласия. Только 1,3 % опрошенных определили свои семейные отношения как неблагополучные, характеризующиеся наличием постоянных конфликтов между членами семьи, проявлением случаев применения насилия со стороны одного из супругов с целью их разрешения; другое – 0,4 % (см. прил. 3.14).

При попытке определения степени взаимопонимания и доверия между супругами выяснилось следующее. В большинстве опрошенных семей между супругами преобладает взаимопонимание, часто доверительные отношения, на это указали 49,1 % респондентов (см. прил. 3.15). 25,5 % опрошенных супругов отметили, что для их семьи характерным является полное взаимопонимание и глубоко доверительные отношения между супругами, при этом большинство из них относятся к категории молодых семей, на это указали – 32,6 % респондентов из возрастной группы до 24 лет (см. прил. 6.8) Данное явление представляется вполне естественным. Также значительная доля респондентов – 18,5 %, указали частичное взаимопонимание между супругами, иногда доверительные отношения. Негативную тенденцию в своих семейных отношениях, когда между супругами редко проявляется взаимопонимание, крайне редкие доверительные отношения, заметили 4,3 % опрошенных супругов. Еще 1,3 % респондентов считают, что в их семейных отношениях сложно достигнуть взаимопонимания, доверительные отношения между супругами практически отсутствуют. Отсутствие взаимопонимания между супругами, полное отсутствие доверительных отношений встречается в 1,0 % опрошенных семейных пар; другое – 0,4 % (см. прил. 3.15).

Представляют интерес результаты анкетирования относительно особенностей решения тех или иных вопросов в семьях респондентов. При этом следует заметить, что большинство респондентов (49,1 %) отмечают достаточно выраженную солидарность и сотрудничество между членами семьи при решении семейных вопросов, большая часть которых в их семьях решается по принципу консенсуса и компромисса. Значительная часть опрошенных супругов (28,1 %) указала наличие частичной солидарности и сотрудничества членов семьи при решении семейных вопросов, при этом часть вопросов в их семьях решается по принципу консенсуса и компромисса. 13,9 % респондентов определили, что в их семьях при решении се-

мейных вопросов отмечается высокая солидарность и сотрудничество членов семьи, все вопросы при этом решаются по принципу консенсуса и компромисса, т. е. указали наиболее гармоничную модель семейных взаимоотношений. В 4,8 % семей отмечается крайне редкое наличие солидарности в решении семейных вопросов, которые редко решаются по принципу консенсуса и компромисса. 3,3 % семейных отношений характеризуются различием индивидуальных позиций членов семьи в решении вопросов, при этом членам семьи сложно достигнуть консенсуса и компромисса. 0,4 % опрошенных семей можно отнести к числу неблагополучных по признакам резко выраженных различий индивидуальных позиций в решении вопросов, иногда вопросы решаются по принципу использования силы; 0,5 % – другое (см. прил. 3.16).

Исходя из полученных в ходе исследования данных, можно сделать вывод, что большинство опрошенных семей можно отнести к категории благополучных в результате соответствия обозначенным нами ранее признакам толерантности в отношениях между супругами.

Обобщая полученные результаты, мы делаем вывод, что одним из условий создания благополучной и крепкой семьи, характеризующейся гармоничными семейными отношениями, является проявление и развитие качеств толерантности со стороны всех членов семьи по отношению друг к другу. Устойчивость толерантности в межличностных отношениях, как отмечает А. В. Перцев, может обеспечиваться только постоянными, вошедшими в привычку, т. е. уже не требующими осмысления и постоянного морального выбора, действиями [135]. Следовательно, основной задачей в развитии культуры толерантности во внутрисемейных отношениях является содействие в формировании и развитии активной жизненной позиции, основанной на признании индивидуальных особенностей каждого члена семьи. Формирование активной толерантности должно способствовать становлению особого образа жизни индивида, при котором предпочтение отдается бесконфликтным способам взаимодействия с окружающими.

Конструктивный диалог, способствующий достижению консенсуса и компромисса, вместо агрессии и насилия, выступает как форма проявления толерантности во внутрисемейных отношениях. Диалог предполагает взаимодействие субъектов общения на принципе равных прав и возможностей. Использование принципов толерантности в общении предполагает наличие чувства ответственности участников за принимаемые решения. Осознание своей ответственности за возможные поступки способствует снижению риска трансформации конфликтной ситуации в насилие над личностью.

Взаимная толерантность членов семьи в отношении друг друга позволяет избегать конфликтных ситуаций или урегулировать конфликты на ранних стадиях их развития, что способствует полноценному развитию семьи как социальной системы и благополучному функционированию ее как социального института. Полагаем, что наилучшим способом развития

культуры толерантности является воспитание толерантного сознания в семье. Большое значение здесь играет воспитание толерантности у детей. Родители должны служить примером толерантных взаимоотношений для ребенка в семье. Известно, что основные базовые ценности, человеку прививаются в семье, в процессе общения и взаимодействия.

Существует мнение, что благополучие в семейных отношениях зависит от опыта межличностного взаимодействия, полученного в детстве в родительской семье. Благополучный или неблагополучный опыт семейных отношений может передаваться из поколения в поколение. Как было выявлено, проявление толерантности в семье между супругами играет важную роль в благополучии семейных отношений. Развитие толерантного сознания личности, становление и закрепление толерантности как первостепенной ценности в межличностном общении должно способствовать поддержанию благополучия в семейных отношениях. Мы считаем, что воспитание детей в духе толерантности и ее формирование у взрослых может значительно сгладить современные внутрисемейные противоречия, приводящие к проявлению насилия в отношении родственников. Проявление и закрепление в качестве нормы жизни внутрисемейной толерантности, ее воспитание у подрастающего поколения способствуют развитию культуры толерантного сознания в обществе. Чем больше людей придерживается стандартов взаимоуважения и терпимости, тем выше социальное влияние толерантности на весь социум. Культура толерантности призвана закрепить в современном обществе систему ценностей – свободы, равенства, уважения к человеческой личности, ее индивидуальности.

В этой связи заслуживающими внимания представляются результаты исследования относительно степени влияния государства на проявление толерантности в семье как в социальном институте, по мнению респондентов. По полученным в ходе анкетирования данным мнение респондентов о степени влияния государства представляется достаточно противоречивым. Большинство опрошенных супругов – 30,4 %, определили, что государство влияет в определенной степени, но в основном все зависит от самой семьи. При этом 20,1 % респондентов, наоборот, уверены, что государство не влияет на проявление толерантности в семье. Чуть меньше опрошенных супругов – 19,1 % считают, что государство влияет лишь в некоторой степени. Однако практически в равном соотношении респонденты разделились на тех, кто указал, что государство влияет в значительной степени и от него зависит благополучие в семье – 10,1 %, и тех, кто утверждает, что оно ни в коей мере не влияет на семью – 10,0 %; затруднились ответить – 9,8 %; другое – 0,5 % (см. прил. 3.17).

В целом респонденты утверждают, что государство в той или иной степени влияет на проявление толерантности в семье как в социальном институте – в общей сумме 59,6 % опрошенных супругов с этим согласились. При этом 30,1 % респондентов в сумме отрицают возможность влияние государства на семейные взаимоотношения.

Толерантность между членами семьи, в их межличностном взаимодействии, имеет большое значение для полноценного функционирования и развития социального института семьи для поддержания реализации им общественно значимых функций. Ориентация на толерантные взаимоотношения в процессе социально-структурной трансформации института семьи является важной проблемой в контексте преодоления проявления конфликтности и насилия в семейных отношениях, достижения их гармонизации и благополучия.

Дальнейшее изучение внутрисемейной толерантности как социального феномена, осмысление и анализ взаимозависимостей между гранями (показателями) толерантности и параметрами благополучия в семейных отношениях должны способствовать их гармонизации, повышению эффективности использования средств в преодолении конфликтности и насилия в семье, реализации целенаправленного комплексного подхода в решении проблемы. Представляется, что сегодня одна из главных задач, стоящих перед научным сообществом – это задача более глубокого изучения основных форм и особенностей проявления внутрисемейной толерантности. Требуется конкретизация и обобщение существующих и новых взаимосвязей между уровнями семейного благополучия и степенью терпимости членов семьи в отношении друг друга. Выделенный нами подход позволяет определить те социальные срезы, на которые необходимо воздействовать с целью повышения внутрисемейной толерантности и гармонизации семейных отношений.

Важным фактором формирования и полноценного функционирования семьи как экономически и профессионально ориентированного социального института выступает благополучие внутрисемейных отношений. Толерантность как способ гармонизации семейных отношений выступает основной качественной характеристикой института семьи в его новом качестве...».

УДК 177.72

Башкатова Т. Б.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИТАРИАНИЗМА

(Публ. по: Башкатова Т. Б. Гуманизм как регулятивный принцип деятельности социально-гуманитарных организаций в России : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / Башкатова Татьяна Борисовна ; Иркут. гос. ун-т. – Иркутск , 2007. – С. 37–66.)

Фрагмент из § 1.2 «Сущность и особенности проявления современного гуманитаризма» главы 1 «Гуманизм и гуманитаризм: проблема концептуального определения»

«...Как мы отметили ранее, движение гуманитаризма нельзя назвать принципиально новым, его истоки прослеживаются с давних вре-

мен. Структуризация и институционализация изучаемого движения явились результатом активной гуманитарной деятельности целого ряда организаций конца XX в. Анализ проблем с позиции глобализации показывает, что она оказывает решающее влияние на все сферы человеческой жизни, способствует формированию новой государственной идеологии. При неизменных морально-нравственных установках модернизируется и расширяется содержание современного гуманизма, проявляются его особенности.

Анализ научной литературы показал, что гуманизм получил широкое распространение на Западе. К началу XXI в. уже насчитывалось 43 тыс. неправительственных организаций по всему миру [151, с. 882]. В России же даже сам термин «гуманизм» пока не вошел в лексику деятелей науки и общественности. Россия, имея большое количество общественных, благотворительных, неправительственных организаций до сих пор формально не примкнула к данному движению. Между тем, прошло уже полвека с того времени, когда президентом Труманом была произнесена речь «Пункт четыре», где он затронул распространенный по всему миру феномен, известный как иностранная помощь [175, с. 229] и более тридцати лет с утверждения ООН целевого уровня отчислений стран – доноров на поддержку развития бедных стран в размере 0,7 % от ВВП [139]. Одновременно со второй половины XX в. интеграционные процессы принимают глобальный характер. В социальной эволюции прослеживается процесс объединения (глобализации) всех типов обществ в сверхобщество. В основе процессов глобализации лежит множество причин геополитического, экономического, демографического, экологического, конфессионального, профессионального и нравственного порядков. Рост производства, увеличение плотности населения на Земле ведут к дефициту природных ресурсов, усложняя и усиливая тенденции интеграции и глобализации. Глобализация представляет собой социальный процесс, в ходе которого стираются географические границы социальных и экономических систем, происходит превращение мира в единое целое. Сегодня неправительственные организации выступают не только как распространители информации или источники услуг, но и все заметнее претендуют на роль активных участников разработки политики и подготовки многосторонних соглашений и деклараций в самых разных областях человеческой деятельности.

Обращаясь к истории вопроса, мы обнаружили, что первые предпосылки гуманизма наблюдались уже в XVII в. Вспомним действия Святого Винсента де Поля по борьбе с бедностью во Франции. Позднее его действия будут названы «пионерным гуманитарным опытом». XVII–XIX вв. характеризуются также идеями западных ученых о социальном равенстве мужчины и женщины, что является основой гуманного отношения и зарождения теории прав человека как базовой идейной основы гуманизма. В это же время произошли и крупные гуманитарные операции: в 1793 г. осуществлена спасительная операция французской аристократии в Санто-Доминго во время восстания; в 1812 г. произошло землетрясение в

Каракас, и США оказали помощь; в 1821 г. оказана помощь Греции во время войны с Турцией.

В век глобализации и технологического прогресса, отличительной чертой которого выступает всеобщее равнодушие, отсутствие желания помочь ближнему, особое внимание заслуживают люди, которые выбрали человечность и милосердие своей профессией. Мы говорим о работниках гуманитарных организаций как особой социально-профессиональной группе. Спектр их деятельности очень широк – это помощь всем страждущим и угнетенным, раненым и военнопленным, оперативное развертывание госпиталей, ортопедические программы для инвалидов, эвакуация сотрудников посольств и мирного населения, сопровождение автоколонн и воздушных судов с грузами гуманитарной помощи и вынужденными переселенцами, эвакуация населения из затопленных районов, доставка продовольствия пострадавшим жителям и др. Следует отметить тот факт, что гуманитарные организации несут просветительскую роль – напоминают государству и военным о пропорциональном применении оружия, в соответствии с военной необходимостью согласно Женевской конвенции. К самим гуманитарным организациям также предъявляются жесткие требования в беспристрастности и независимости. Нельзя помогать жертвам конфликта, будучи врагом одной из сторон, гуманность и милосердие должны проявляться в равной степени ко всем. Существует очень сложная проблема нейтральности в вопросе о правах человека. Так, во время Второй мировой войны Красный Крест знал о нацистских лагерях смерти, но не предпринял радикальных мер. В 1996 г., в ответ на общественное давление по этому вопросу представители Красного Креста заявили, что их организация придерживается принципа нейтральности, а нацисты отвергли присутствие Красного Креста в своих лагерях. Противоположная точка зрения свидетельствует о том, что правительства Швейцарии и Германии тесно сотрудничали во время Второй мировой войны и здесь уже приходится говорить о политизации гуманитарного движения [168, с. 580]. Между тем международная финансовая помощь необходима для множества целей, подразделяющихся на два направления: производство общественных благ в глобальном масштабе и обеспечение экономического, социального и политического прогресса в отдельно взятых странах [140].

В последние годы резко возросло антигуманное отношение к представителям гуманитарных миссий. Насилие и значительное повышение степени опасности для их сотрудников стало причиной сокращения гуманитарных миссий ООН более чем в 20 странах мира. Но, по словам Ж. Эгеланда: «... ООН, несмотря на высокую активность террористов и большие жертвы среди миротворческих сил, продолжает проведение гуманитарных операций в Ираке, охватывая более 80 % населения этой страны» [89]. Удручающая особенность конфликтных ситуаций заключается в том, что для достижения политических и иных преимуществ стало использоваться гуманитарное присутствие. Прямой мишенью все чаще становится граж-

данское население, а сотрудники гуманитарной помощи подвергаются домогательствам, угрозам взятия в заложники, изнасилованию и даже убийствам, как отмечал Генеральный секретарь ООН К. Аннан в своем ежегодном докладе на 53-й сессии Генеральной Ассамблеи в 1998 г., что впервые гражданский персонал ООН потерял убитыми больше, чем ее военный персонал [151]. Похожую ситуацию мы наблюдали и во время Чернобыльской катастрофы – оказываемая гуманитарная помощь носила роковой характер для ее организаторов.

На сегодняшний день положение гуманитарных организаций в России также нельзя назвать спокойным. Это связано с тем обстоятельством, что в начале декабря 2005 г. прошел первое чтение законопроект, ограничивающий деятельность неправительственных организаций (далее НПО). Согласно данному законопроекту, все существующие НПО должны перерегистрироваться в государственном агентстве, которое примет решение о целесообразности их существования. Это ограничивает способность российских неправительственных организаций принимать гранты из-за рубежа, или принимать к себе на работу иностранцев, иметь представительства в Москве. Данный законопроект вызвал бурную реакцию со стороны США. Госсекретарь Кондолиза Райс выступила с резкой критикой российского законопроекта, который ограничивает деятельность правозащитных, демократических и других независимых организаций: «...мы надеемся, что российское правительство понимает необходимость неправительственных организаций для стабильного демократического климата» [146]. К. Райс поддерживает и Томас Бернс, заместитель госсекретаря США. Одновременно повсеместно озвучивались сомнения высокопоставленных американцев о целесообразности членства РФ в «большой восьмерке». В этой связи директор Службы внешней разведки РФ Сергей Лебедев дал следующий комментарий: «... гуманитарные миссии, неправительственные организации привлекательны для всех разведок мира. Разведчику необходимо прикрытие, маска, ширма. И у нас есть данные, что в НПО работают кадровые сотрудники иностранных спецслужб» [68]. Особенностью деятельности неправительственных организаций является то, что не все они преследуют благие намерения, нередко занимаются противозаконной деятельностью, связанной, в частности, с торговлей людьми, производством и оборотом наркотиков, терроризмом, «отмыванием» денег, коррупцией и организованной преступностью. Достаточно твердой позиции по данному вопросу придерживается В. В. Путин: «... если иностранные организации, иностранные государства – государства! – выделяют деньги, они преследуют свои цели, и часто далекие от заявленных публично. Поэтому государство должно найти внутренние резервы, внутренние источники финансирования» [117].

По официальным данным в России существует 65 тысяч НПО, почти четверть из которых финансируется непосредственно госдепартаментом США. В то же время в самой Америке работает всего 26 подобных организаций, и ни одна из них не финансируется правительством России [68].

Несмотря на временное непонимание между США и Россией по данному вопросу, приведем аргументы из статьи Майкла Барнетта, профессора американского университета (Миннесота) как символ того, что истинный гуманизм должен быть выше политических игр и исходить из сердца, независимо от национальности и расы [170, с. 723]. В своей статье «Трансформированный гуманитаризм» М. Барнетт рассматривает положение гуманитарных организаций, их краткую предысторию, выявляет основные проблемы, показывает уровень политизации и ее влияние на гуманитарные организации и гуманитарное движение в целом.

Он аргументирует, что значение и масштабность распространения гуманитарных миссий увеличилась во второй половине 80-х гг. XX в. Возросший интерес к гуманитарным миссиям стал причиной их раздвоения. Во-первых, это привело к политизации, несмотря на старание быть изолированными от политики. Во-вторых, сфера гуманитарных миссий стала более институционализированной. Полагаем, что данный процесс произошел в 90-х гг. XX в. и связан с возросшим профессионализмом сотрудников и более рациональным подходом.

Так, например, после Цунами 26 декабря 2004 г. в течение нескольких часов неправительственные гуманитарные миссии были уже на месте с медицинскими препаратами, питьевой водой, готовые оказать приют. Американские миссионеры (U.S.S. Lincoln) были посланы на побережье Индонезии с целью поисковых и спасательных мероприятий. С помощью Интернет был организован сбор финансовых средств как от крупных бизнесменов, так и от простых граждан.

Такое глобальное движение стало возможным после холодной войны, так как сформировалась мощная система по организации гуманитарной помощи. Многие государства развивают гуманитарное направление одновременно с внешней и военной политикой (специально подготавливаются люди, способные мгновенно отреагировать на вызов). Так, компания *Medicines sans Frontiers* в 1970-х гг. занимала две комнаты, на сегодняшний день она работает по 19 направлениям, осуществляются программы в 70 странах, ежегодный бюджет составляет 500 млн долл., штат 17 тыс. сотрудников. Основное направление компании: «... обеспечение медицинской помощью в тех местах, где она не доступна» [176, с. 437]. *Medicines sans Frontiers* является единственной гуманитарной организацией, которая была удостоена Нобелевской премии в 1999 г.

Изначально гуманитарные организации определяли себя как оппозиционеры политики, хотя осознавали, что являются продолжателями политики и их деятельность носит политический характер. Многие виды деятельности гуманитарных организаций направлены на улучшение условий жизни, защиту прав человека, улучшение экономического положения, а некоторые виды способствуют изменению устоявшегося социального положения и, следовательно, являются политическими. Гуманитарные миссии придерживаются принципа нейтральности и независимости (что и отделяет

их от политики) и согласны осуществлять свою работу по спасению жизней, только если они будут действовать без вмешательства государства и разведчиков. Принципы беспристрастности, гуманности, нейтральности и независимости призваны деполитизировать гуманитарные акции и создать гуманитарное пространство независимое от политики.

В течение 90-х гг. прошлого века представители гуманитарных обществ пришли к согласию в том, что могут освещать причины конфликтов и разный уровень риска граждан. Такая ситуация стала причиной их объединения и политизации. Роль государства постепенно увеличивалась за счет огромного влияния в дипломатической и военной сферах. Понятно растущее желание гуманистических организаций работать с государством взаимно, хотя оно влияет на независимость и нейтралитет гуманитарных миссий. Гуманистические принципы были полностью разрушены в таких местах как Косово, Афганистан, Ирак, где многие гуманитарные общества финансировались государствами, что повлекло за собой их вмешательство в ситуацию. Такое слияние политики и принципов гуманизма является основой для того, чтобы считать, что гуманитаризм переживает кризис. Это обстоятельство повлекло за собой следующие отзывы на ситуацию – «в постели с врагом», «сотрудничество с дьяволом», или «питье из отравленного кубка».

Другой подход к определению места и роли гуманитарных организаций проявляется на фоне институционализации. До 90-х гг. XX в. общественность не могла предположить, что функционирование гуманитарных организаций должно осуществляться на регламентированных нормах поведения, профессиональных стандартах. Миссии организовывались людьми без опыта, которые «бросались в бой» с благими намерениями, веря в то, что они нужны. В конце 90-х гг. прошлого века гуманитарность сформировалась в широкомасштабную отрасль, со своими донорами, спонсорами, управленцами. Отрасль стала бюрократизированной, были разработаны правила для различных ситуаций, появились профессионалы, готовые к любым обстоятельствам.

Революционный сдвиг произошел после холодной войны. В 1992 г. Главный консул Генеральной Ассамблеи принял резолюцию о том, что ООН назначена главным координатором гуманитарных миссий. Государства стали рассматривать гуманитарные миссии как инструмент для достижения своих целей в иностранной политике.

Соотнесение политических интересов с целями гуманитарных организаций в рамках гуманитаризма проявилось в «комплексной гуманитарной помощи». Эта помощь распространялась по всему миру и выразилась в соединении провальных действий со стороны государства, военных, беженцев, населения, находившегося в критическом положении, а также испытывающего болезни и голод. Такая ситуация потребовала выработки нового подхода к гуманитарному движению. Гуманитарные организации старались распространять воду, еду, медицинские препараты в зонах воен-

ных конфликтов, но наталкивались на непонимание и препятствие со стороны военных. В экстремальных ситуациях насилия и беззакония было сделано обращение к ООН и многим государствам с целью разграничить роль миротворцев и дистрибьюторов гуманитарной помощи. Это требование затрагивало и интересы НПО. Данное движение приобрело громадные масштабы и повлекло за собой признание себя как целостной структуры с расширенным кругом обязанностей и полномочий.

Роль политики при этом не ушла на второй план. Между 1990 и 2000 гг. помощь государств гуманитарным организациям выросла с 2,1 до 5,9 млрд долл. Лидером среди государств, спонсирующих гуманитарные организации, являются США. С 1995–1997 гг. Соединенные Штаты спонсировали 20 % гуманитарных проектов, а за последующие 3 года стали занимать сектор в 30 %. Вторым по важности мировым спонсором по праву следует назвать Гуманитарную Организацию Европейского Сообщества, затем Англия, некоторые Европейские страны, Канада, Япония [170, с. 727]. Сайт Инфоблаго.ру, посвященный году благотворительности в России (2006), приводит следующую статистику по ежегодному объему помощи другим странам: США – 11,43 млрд долл., Япония (9,85 млрд), Германия (4,99 млрд), Великобритания (4,5 млрд) и Франция (4,2 млрд) [84].

По отношению к политике и особенностям институционализации гуманитарные организации могут быть разделены по двум направлениям, названным в честь своих руководителей – Дунантисты и Вилсонiane. Генри Дунант – патриарх современного гуманитаризма, считает, что гуманитарные миссии должны основываться на помощи страждущим и пострадавшим и не иметь ничего общего с политикой. По его мнению, ослабление базовых принципов распахнет ворота для политики и навредит гуманитаризму. Вудроу Вильсон, напротив, уверен, что возможно трансформировать политику, экономику, культуру, направить их в русло мира и прогресса. Он отвергает первопричину событий, которые создают риск жизни населения. Организации, заинтересованные финансовой стороной, являются сторонниками Вилсона. Вилсонiane имеют определенную политическую ориентацию в противоположность Дунантистам, которые поддержали трансформацию и отождествляют себя с аполитическими организациями, которые действуют согласно общепринятым человеческим ценностям и избегают политических сторонников.

В 1992 г. Международная организация Красный Крест Red Cross – Red Crescent (Red Crescent – в мусульманских странах) [168, с. 580] разработала кодекс поведения, состоящий из 10 пунктов. Этот документ стал базовым для всех гуманитарных обществ в зонах военных действий. Другим рационализаторским фактором в системе институционализации стала система бухгалтерского учета, основанная в 80-х гг. XX в. по инициативе спонсоров, принявших принципы «нового общественного менеджмента», и желающих прозрачности и правильности распределения финансовых средств. Одной из основных целей системы было уменьшить роль государства и

сделать ставку на коммерческие и волонтерские организации, которые окажутся более эффективными. До 90-х гг. гуманитарные организации уклонялись от принятия идеологии социального управления, поэтому гуманитарная помощь занимала наименьшую часть в бюджете иностранной помощи. Государства не воспринимали на тот момент гуманизм как средство достижения определенных целей в мировой политике, но надеялись, что гуманитарные общества будут более эффективными. Однако с возросшим финансированием, гуманизм стал более значимым, что повысило уровень заинтересованности государств в результатах деятельности гуманитарных организаций. Государства разработали новые требования, новые виды контрактов, требующие очевидных результатов. Организации ответили пересмотром своей структуры: теперь у них был штат сотрудников, с основным местом работы, с зарплатой, социальным пакетом, возможностью сделать карьеру в данной области.

На сегодняшний день в деятельность НПО включена: гуманитарная, благотворительная и социальная работа, действия по защите окружающей среды, борьба за права человека, поиск и распределение финансовых средств [187, с. 485].

Проведенный анализ деятельности НПО показал негативное отношение гуманитарных обществ к любым контролирующим органам. Очевидно, что любая организация будет возражать против вторжения в ее автономность. Гуманистические организации напуганы ограничением свободы и редуцированием гуманистических принципов. Государства видят себя в роли начальствующих органов, которые дают временную власть гуманитарным организациям, гуманитарным обществам. Гуманитарные организации, напротив, не видят себя в роли агентов государств, они отождествляют себя с агентами гуманности, базирующимися на моральных принципах. Государства стараются проследить и отрегулировать деятельность гуманитарных организаций, определяя их цели и принципы. Если государство финансирует гуманитарную организацию с целью решения проблем в иностранной политике, тогда оно оправданно заинтересовано в деятельности гуманитарного общества.

В последнее десятилетие минувшего века система гуманитарных миссий была трансформирована вследствие изменений в глобальной политике. Увеличение количества гуманитарных миссий создало почву для новых возможностей и позволило помогать большему количеству людей. Действия, которые изменили гуманитарные миссии, предполагали новые функции международной политики. Гуманитарные организации одновременно с помощью распространяют развитие, демократию, права человека, выступают за мир во всем мире, стабильность, эффективность и легитимность государств. Они придерживаются социальных целей, таких как распространение либеральных ценностей в борьбе за спокойный мир, более гуманный и более справедливый. Из всего этого следует вывод, что гуманизм сегодня – достаточно актуальное направление в политике.

Джанис Стейн, профессор университета (Торонто, Канада), в своей статье «Гуманитаризм как политический сплав», являющейся анализом на статью Майкла Барнетта, высоко отозвалась о его работе [201, с. 741]. Однако с ее точки зрения, политизация не всегда оказывает негативное воздействие на гуманитаризм, зачастую она дает дополнительные возможности. Политический сплав, состоящий из солидарности и управления, может быть новым лицом гуманитаризма. И знакомые ранее принципы нейтралитета и беспристрастности использовались прежде как защита от политического внимания. По мнению Джанис Стейн, будущее гуманитаризма за теми гуманитарными организациями, которые открыто признают свою политическую роль и найдут возможности для переосмысления гуманитаризма как политической составляющей. «Иностранная помощь является составляющей гуманитаризма», – пишет Джанис Стейн [175, с. 229]. Буквальный перевод «иностранной помощи» с зарубежных источников дает значение «могущественный подарок», что определяет и подтверждает связь с политикой.

В нашей личной переписке Майкл Барнетт, профессор политических наук из Университета Миннеаполиса (Миннесота, США), дал следующую оценку современного состояния гуманитаризма: гуманитаризм – это просто спасение жизней, но зачастую этот смысл теряется в коммерциализации и политизации гуманитаризма. М. Барнетт высказывает опасение, что существует устойчивая тенденция к отягощению гуманитаризма властью и привилегиями, а солидарность, которая является его неотъемлемой частью, может быть потеряна.

Отвечая на вопрос о присутствии и участии России в движении гуманитаризма, М. Барнетт высказал неосведомленность в данном вопросе и отметил, что сегодня единственная точка соприкосновения между Россией и гуманитаризмом – это Чечня. Однако, по его мнению, Советский Союз оказывал огромное влияние на мировое развитие, что выражалось в гуманитарной помощи Третьему Миру и было отчетливо видно странам Запада. Давая прогноз на развитие гуманитаризма в будущем, американский ученый высказал точку зрения, что на данный момент мы являемся свидетелями напряженных отношений между различными направлениями гуманитаризма: по облегчению участи нуждающихся и тех, кто хочет построить демократические государства. Следовательно, большинство процессов, которые мы наблюдаем сегодня, происходят под влиянием напряжения между универсальными ценностями гуманитаризма и общественно-специфическими традициями. М. Барнетт также предполагает, что движение гуманитаризма будет очень востребованным, так как проекты, нацеленные на будущее, подразумевают под собой определенную конфликтность.

Вопросы о современном состоянии гуманитаризма, участии в изучаемом движении России, и о прогнозах на будущее были нами разосланы в гуманитарные организации и фонды Австралии, Белоруссии,

Ватикана, Великобритании, Германии, Испании, Индии, Италии, Канады, США, Франции, Швейцарии (Всего обращений 37) и лично И. Абдерхалден (Синий Крест, Швейцария), Дж. Стейн (Канада) (см. прил. 6, 7, 8). Но ответа не последовало, что свидетельствует о закрытости подобных организаций для России, о низком уровне заинтересованности западных стран участия России в движении гуманитаризма. Россия не проявила себя на данный момент как полноценный партнер, а деятельность российско-зарубежных гуманитарных организаций весьма локальна и ограничена.

Тем не менее, гуманитаризм следует рассматривать как принцип, принятый многими государствами, основанный на ликвидации нужд, бедности и дискриминации. Цель гуманитаризма – «...направить общественное развитие на самые необходимые человеческие нужды как в военное, так и в мирное время» [191]. Соблюдение норм гуманитаризма подчинено Международному гуманитарному праву и зависит от «инициативы и доброй воли государств» [82] и сторон, участников обоюдного процесса. Межправительственная группа экспертов рекомендует: «... чтобы государства при поддержке национальных обществ, если это необходимо, способствовали лучшей осведомленности гражданского населения о положениях МГП, внося тем самым вклад в дело распространения культуры, основанной на уважении личности и жизни человека» [83, с. 221]. На основе этого Международному комитету Красного Креста было рекомендовано: «... продолжить свой диалог с государствами в целях содействия их присоединению к документам Международного гуманитарного права, а также оказывать им помощь в разрешении проблем, возникающих в связи с этим» [83, с. 93]. Интересны результаты исследования Пола Коллира, показывающие, что эффективность иностранной помощи выше, если ее предоставлять в середине десятилетия, следующего за разрешением конфликта или сменой режима, а не сразу после конфликта и не в то время, когда он в разгаре [136]. На практике же «... помощь обычно поспешно предоставляется в течение первых двух лет мира, а затем прекращается» [139, с. 136].

На сегодняшний день деятельность организаций основывается на двух направлениях: гуманистической философии, или религиозных и духовных ценностях [187, с. 486]. Гуманитаризм поднимает важные вопросы: должны ли те, кто совершает геноцид и другие подобные злодеяния принимать гуманитарную помощь в том же размере что и их жертвы? Некоторые критики настаивают на том, что присутствие гуманитарных миссий увеличивает срок конфликта. Критическое положение, известное как «гуманитарная интервенция», влечет за собой военную интервенцию мирового сообщества. Альянс гуманитарных и военных организаций видится некоторыми учеными как лучший способ сохранения стабильной политической системы [191, с. 332]. Однако, несмотря на все вышеизложенное, мы считаем, что гуманитаризм в современных условиях становится и мощным научным направлением, образуя гуманистическую область знания. Свидетельством этому является работа Центра международного здо-

ровья и сотрудничества – общественного фонда, основанного дипломатами и физическими лицами в помощь людям, пострадавшим от военных действий, общественных конфликтов и этнического насилия. Центр имеет консультативный статус в ООН и активно занимается благотворительной деятельностью. Более того, спонсирует научные симпозиумы, издание книг, посвященных проблемам гуманитаризма. Особого внимания заслуживают следующие издания: «Молчание свидетелей», «Основа выживания: здоровье, права человека и гуманитарное присутствие в конфликтных и бедственных ситуациях», «Справочник для работников в Сомали» и пр. В содружестве с Институтом международных гуманитарных дел (Фордхэм, Нью-Йорк) издана новая серия книг по движению гуманитаризма – «Основа международных гуманитарных миссий»; «Технология гуманитарных миссий», «Операции по спасению»; «Традиции, Ценности и гуманитарное присутствие», «Человеческая безопасность для всех». В книгах поднимаются вопросы смертельной опасности, сложности выбора гуманитарных работников, необходимости изменения технологий, финансирования, гуманистической идеологии, нецелесообразности огромных трат на новые военные технологии, разработку новых военных машин, оружия и пр. В них также рассматривается идея о том, что глобализирующееся общество должно изменить направление своего развития и модернизировать военные технологии в сторону гуманитаризма. Так, в частности, в книге «Технология гуманитарных миссий» говорится о том, что «... в будущем существует огромный потенциал для разработки и воплощения в жизнь новых гуманитарных технологий, но не стоит думать о том, что они будут внедрены в жизнь автоматически без политического и экономического вмешательства» [203, с. 19]. Такое утверждение является свидетельством того, что гуманитаризм в будущем будет иметь большую связь и взаимозависимость с политикой.

Институционализация международного гуманитарного движения в конце прошлого века выявила дефицит профессиональных работников в исследуемой области. Положение усложнялось тем обстоятельством, что не существовало наработок и определенных стандартов для «новых» гуманитарных работников. Начало XXI в. ознаменовалось разработкой программы для широкого круга специалистов гуманитарного присутствия с вручением Международного диплома гуманитарной деятельности (International Diploma in Humanitarian Assistance (IDHA)). Подготовка по данному направлению осуществляется в университетах Фордхэма (Нью-Йорк), Женевы (Швейцария) и Королевским хирургическим колледжем в Ирландии [192]. Образовательная программа получила высокую оценку в ООН, Международном обществе Красного Креста и большинстве неправительственных организаций.

Поставленные вопросы нашли свое отражение в трудах Майкла Лукаса. Рассматривая НПО, он выделяет термин «супранациональные организации», т. е. те, которые работают в нескольких странах одновременно. Также он рассматривает несколько типов НПО: квази-НПО (quasi-NGO,

QUANGO)- получающих финансирование от физических и юридических лиц, например, Красный Крест; донорские организации (donor-organized NGO, DONGO), например, Совет Европы, НАТО и т. п.; гибрид НПО объединяет правительственные и неправительственные организации [188].

Горденкер и Вэйсс аргументируют, что «...термин “НПО” тесно связан и можно сказать синонимичен с такими терминами как независимый сектор, волонтерский сектор, гражданское общество, благотворительные организации, частные волонтерские организации, транснациональные общественные движения» [188, с. 811]. Президент крупной американской донорской организации National Endowment for Democracy Карл Гершман считает, что сегодняшние НПО являются вертикально организованными, элитными, часто внутренне недемократичными, обосновавшимися в столице, со слабыми корнями в обществе и слабо связанные с реальными интересами общества [39]. Питер Увин разделяет НПО на два типа: первый тип, – организация состоит из бедных людей, стремящихся удовлетворить свои интересы, это общественные организации, нацеленные на помощь самим себе, или благотворительные организации, количество которых исчисляется миллионами; второй тип – это посреднические организации, пытающиеся расширить свой штат путем привлечения новых организаций и занимающиеся удовлетворением их нужд. Количество организаций второго типа от 10 000 до 30 000 и большинство из них работают в Индии, Бангладеш, Бразилии и Южной Африке [188, с. 812]. Несмотря на то что в условиях глобализации стало возможным столь богатое разнообразие видов организаций, создается впечатление о ее сугубо положительной роли в развитии человечества. Однако практически все саммиты сопровождаются бурным участием антиглобалистов, борющихся с транснациональными корпорациями, выкачивающими из стран третьего мира природные ресурсы и уничтожающими их экологию. Следует заметить, что антиглобальное движение возникло сравнительно недавно, в связи с чем отсутствует четко выстроенная идеология. Анархисты, левые либералы, изоляционисты, бывшие коммунисты, радикальные экологи, хиппующие студенты, – по сути, социальные группы, которые сегодня составляют костяк данного движения. Радикальное изменение привычных устоев, сложившейся системы, слияние культур, языков, традиций, строгое подчинение «новому мировому порядку» – вот некоторые негативные черты глобализации. И здесь основным лозунгом, выдвигаемым глобалистами является прекращение глобализации экономики, которая превратилась в очевидный инструмент подчинения всего мира интересам транснациональных корпораций и отдельных государств.

Кроме различных видов НПО, работающих в системе гуманитаризма, считаем необходимым рассмотреть деятельность фондов. Фонд – это одна из правовых форм существования некоммерческой или правовой организации. На сегодняшний день в мире насчитывается несколько десят-

ков тысяч фондов, совокупный капитал которых составляет более 100 млрд долларов [164, с. 5].

В России первые фонды появились в конце 80-х гг. XX в. Это были детский фонд им. Ленина, Советский фонд культуры, Фонд милосердия и здоровья и проч. В России международные благотворительные фонды активно осуществляли свою деятельность в конце 90-х г. XX в., и ими было вложено около 10 млрд долл. в программы развития нашей страны [39, с. 112]. Наиболее известная подобная международная благотворительная форма в России – Фонд Джорджа Сороса, активно функционировавший в стране в 90-х гг. прошлого века и оказавший поддержку преимущественно научному сообществу. Кроме России, Фонд работал на Балканах, Кавказе, в Молдове, Словакии, Югославии, Южной и Западной Африке. Главная задача Фонда Джорджа Сороса – оказание поддержки в переходе от закрытого общества к открытому, финансирование инициатив, которые вместе образуют фундамент строящегося общества [139]. До сих пор Джордж Сорос считает, что Западу следовало бы помогать России по «Плану Маршалла» [10], как США помогали послевоенной Европе.

Будучи много лет приверженцем гуманизма, Джордж Сорос в своих работах большое внимание уделяет социальному предпринимательству, которое по стандартам бизнеса неэффективно, но «... должно играть большую роль в процессе распределения и предоставления международной помощи, дополнять собой межправительственные программы» [140, с. 92]. Большое внимание, уделяемое проблемам финансирования благотворительной деятельности, послужило основанием для выдвижения Джорджем Соросом выпуска СПЗ (специальные права заимствования), которые богатые страны будут использовать для предоставления международной помощи. СПЗ должны составлять часть официального государственного валютного фонда и могут быть использованы как расчетная единица. Страны – члены МВФ и иные держатели могут покупать и продавать СПЗ за иную иностранную валюту, брать и давать в долг, закладывать, использовать для торговых и форвардных контрактов и подтверждения финансовых обязательств, а также получать СПЗ в качестве донорской помощи и предоставлять подобную помощь в СПЗ. Представлялось, что «... СПЗ исправит и множество других недостатков международной помощи, особенно в ее сегодняшней форме как предоставляемой и распределяемой через правительственные организации» [140, с. 98]. Данная инициатива может принести значительный прирост средств на производство общественных благ почти немедленно, равно как и обеспечить необходимый экономический, социальный и политический прогресс в государствах, которым предлагается оказывать поддержку. Джордж Сорос предлагает создать своего рода рынок, на котором различные социальные программы будут конкурировать между собой за донорские деньги [140, с. 102]. Это найдет свое отражение в бирже социальных инвестиций, где будет происходить распределение СПЗ. По мнению Джорджа Сороса, данное предложение изменит международную помощь в сторону большей эффективности, что

найдет отражение в следующих аспектах: возможности доноров использовать международную помощь для удовлетворения собственных потребностей значительно сократятся; удастся разорвать круговую поруку межправительственных соглашений; улучшится координация действий доноров, поскольку программы будут подлежать одобрению органа, квалифицированно распределяющего СПЗ; произойдет осознание рискованности международной помощи и что проекты в дальнейшем будут признаваться скорее бизнес-проектами [140]. Подтверждение данной тенденции мы находим в решении Билла Гейтса, создавшего совместно с женой Мелиндой благотворительный фонд Bill&Melinda Gates Foundation, решившего оставить руководство корпорацией Microsoft в 2008 г. и заняться благотворительностью. Деятельность Б. Гейтса в основном посвящена борьбе с малярией, от которой ежедневно умирают тысячи детей в Африке, созданию вакцин, не нуждающихся в охлаждении, выращиванию более урожайных сортов растительных культур, решению проблемы нехватки провизии в развивающихся странах и пр. Тенденция развития фонда такова, что в ближайшем будущем Bill & Melinda Gates Foundation будет разделен на две структуры: трастовый фонд по управлению всеми ресурсами, в том числе ежегодными взносами, и фонд специальных программ, который будет отвечать за основные направления деятельности и предоставление грантов.

Вслед за самыми богатыми людьми планеты Биллом Гейтсом и Уорреном Баффетом (главой инвестиционного холдинга Berkshire Hathaway), недавно объединившими свои капиталы и усилия в борьбе со СПИДом, третий богатейший человек мира – мексиканский телекоммуникационный магнат Карлос Слим решил пустить значительную часть своего многомиллиардного состояния на благотворительность.

Благотворительность в глобальных масштабах в Западных странах находит отражение в рейтинге филантропов, ежегодно подводимым журналом «Business Week». Первенство принадлежит Биллу Гейтсу, Гордону Муру (одному из основателей корпорации Intel), Джорджу Соросу, Майклу Блумбергу (мэру Нью-Йорка), Теду Тернеру (основателю телекомпании CNN) и Опре Уинфри (телеведущей), что свидетельствует о благотворительности как неотъемлемой стороне жизни богатейших людей мира, институционализации филантропии, огромной финансовой поддержке гуманизма. Отличительной чертой западных филантропов является тщательный отбор и вложение финансовых средств в самые удачные и перспективные проекты, которые могут дать ощутимые результаты. Помимо частных филантропов «Business Week» оценивает и вклад компаний в благотворительность. За последние годы наибольшую известность, посредством благотворительности, приобрели сеть супермаркетов Wal-Mart, Johnson & Johnson и Altria Group.

Однако анализ научной литературы по проблемам гуманизма позволил выявить ряд недостатков изучаемого движения: иностранная помощь зачастую обслуживает интересы доноров, а не получателей; получатели очень редко имеют какие-либо права на проекты развития, которые

разрабатываются и осуществляются внешними организациями; при предоставлении помощи на уровне правительства оно действует как куратор и направляет средства на свои собственные нужды [139]. Таким образом, в настоящее время иностранная помощь обслуживает интересы стран-доноров, в то время как она должна служить интересам людей стран-получателей. В мировой практике признано, что государства несут полную ответственность за программы развития и что национальные правительства должны интересоваться мнением собственных граждан при разработке этих программ.

Исследование показало, что практика миротворческих операций привлекает все большее внимание как в российской, так и в международной научной литературе. Следует отметить, что миротворческие операции обрели свою современную форму и явились самостоятельным систематизированным предметом исследований в 80–90-х гг. XX в., а до тех пор рассматривались в качестве второстепенного компонента политико-дипломатической деятельности ООН. Особо следует отметить опыт Великобритании в этом вопросе, издающей журнал «Международное миротворчество», и канадского Международного центра по миротворческой подготовке им. Лестера Пирсона, также издающего специализированный журнал «Поддержание мира и международные отношения», посвященного проблемам миротворческой деятельности. Интенсивно занимается изучением миротворческих операций Институт ООН по исследованию проблем разоружения и международных отношений. По результатам работы опубликована серия книг по различным аспектам миротворчества. Говоря о гуманитаризме, считаем необходимым затронуть деятельность американского исследовательского Центра им. Генри Л. Симсона, занимающегося рассмотрением взаимосвязей миротворческих операций ООН с политическими интересами США, что нашло отношение в двух работах: «Хрестоматия по операциям ООН во имя мира» и «Эволюция миротворчества ООН: конкретные операции и их сравнительный анализ» [111].

В своем исследовании, анализируя положение и проблемы гуманитаризма, считаем необходимым рассмотреть деятельность ООН, в контексте нашей работы. Данная организация является своего рода проводником гуманитарных миссий и организаций, задает определенный тон их работе. Именно она вырабатывает общую стратегию: 1999 г. объявлен ООН «Годом пожилого человека»; 2001 г. – «Международным годом добровольцев» и пр. Нельзя не отметить, что в ООН функционирует Департамент по гуманитарным вопросам, координирующий гуманитарную деятельность в системе ООН. Данный Департамент имеет тесные контакты с оперативными учреждениями ООН, правительствами, региональными организациями, неправительственными и межправительственными гуманитарными организациями [115]. Деятельность Департамента осуществляется во взаимосвязи с Центральным чрезвычайным оборотным фондом при ООН, при оперативных гуманитарных акциях в чрезвычайных ситуациях, в то время как сообщество доноров собирает необходимые средства. Управление по коор-

динации гуманитарной деятельности работает в круглосуточном режиме в целях немедленного реагирования и распространения информации. Так, ООН в сотрудничестве с международными органами и НПО оказывала помощь в развертывании программ, направленных на повышение готовности к стихийным бедствиям более чем в 70 странах [114, с. 303]. ООН также организует ряд учебных программ по организации борьбы со стихийными бедствиями, которые прошли 5 тыс. человек из 65 стран [114, с. 303]. В центральном реестре средств для ликвидации последствий стихийных бедствий содержатся данные об аварийных запасах, находящихся в распоряжении гуманитарных организаций, об оценках ущерба и об активах военных ведомств и сил гражданской обороны, которые могут быть использованы для оказания гуманитарной помощи.

Состоявшийся в мае 2000 г. в Нью-Йорке Форум тысячелетия рассмотрел весьма широкую тему «ООН в XXI в.» [151, с. 892] и продемонстрировал цель всемирного расширения потенциала гражданского общества и НПО на систему ООН. Большинство фондов, учреждений и программ системы ООН получили от своих руководящих органов четкий мандат работать с НПО, что явилось основой для разработки инновационных механизмов сотрудничества.

Бесспорно, гуманитаризм – это не только научно-практическая деятельность, находящаяся под давлением политики, но и реклама гуманизма. Важно отметить тот факт, что США стали первой страной мира, которая сделала благотворительность выгодной: в 1921 г. в налоговое законодательство были впервые внесены поправки, предусматривающие уменьшение налога на суммы, пожертвованные на благотворительные нужды. С 1998 г. объем пожертвований на благотворительность в этой стране стабильно превышает 2 % ВВП. В год американская семья тратит на благотворительные цели в среднем 1623 доллара. В 2001 г. в Америке было 83,9 миллионов взрослых волонтеров, занимавшихся добровольческой работой. Среднее количество часов в неделю на одного волонтера – 3,6 часа. Средняя стоимость часа работы волонтеров в США – 15,4 доллара [84]. В России на данный момент только в Московской и Саратовской областях существуют льготы для компаний, занимающихся благотворительностью. Данные по количеству волонтеров и семейных финансовых отчислений в благотворительные фонды отсутствуют.

Считаем необходимым отметить тот факт, что 2006 г. в России объявлен годом благотворительности. В связи с этим проводилось множество мероприятий по привлечению общественности к данной проблеме: организовывались семинары с привлечением представителей бизнеса, политической элиты, СМИ. В целом наблюдается возросший интерес со стороны бизнеса, готовность предпринимателей делать отчисления на социально-благотворительный сектор. Выход России на мировые финансовые рынки и предстоящее вступление в ВТО ставит вопрос не только об усилении прозрачности и конкурентоспособности отечественного бизнеса, но и о повы-

шении эффективности его социальных и благотворительных программ. Переход от разовой помощи нуждающимся к выработке и реализации целенаправленных и долгосрочных проектов требует четкой определенности приоритетов и критериев эффективности этой деятельности и создания соответствующих механизмов сотрудничества бизнеса, некоммерческих организаций, государства и местного самоуправления [167]. Лишь немногие гуманитарные организации в России серьезно осознают, что маркетинговый подход является одним из важнейших факторов их эффективной работы. Продвижение проектов, формирование репутации, привлечение источников финансирования являются актуальными задачами деятельности исследуемых организаций в контексте сегодняшнего дня. Маркетинг в благотворительной сфере определяется как «... совокупность мер, направленных на эффективное решение социально значимых проблем и получение внешней поддержки» [162, с. 114]. В качестве главных особенностей следует выделить незначительную роль ценовой политики благотворительных организаций и активное применение пропаганды как инструмента продвижения.

Общие расходы бизнеса на благотворительность в России в 2005 г. достигли \$1,5 млрд. При этом, если западные компании, как правило, тратят на соответствующие цели до 1–2 % своей чистой прибыли, то расходы отечественных превышают 20 % [95]. Однако большинство населения по-прежнему считает социальный вклад бизнеса не достаточным. На наш взгляд, это является следствием малой информированности и недостаточности осуществляемых затрат. Несомненным является тот факт, что торгово-промышленная группа предприятий начинает осознавать необходимость поддержки благотворительного сектора, что является первым и важным шагом на пути к глобальному гуманитаризму. Перспективы вступления во всемирную торговую организацию, озвученные Президентом в 2005 г., и его же решение объявить 2006 г. годом благотворительности, заставило российский крупный бизнес по-новому взглянуть на социальные проблемы и начать искать более эффективные механизмы их реализации. Это явилось следствием того, что на сегодняшний день некоторые предприятия тратят от 8 до 36 % собственной прибыли на социальный налог [95]. То что касается финансирования НКО со стороны бизнеса, то здесь, прежде всего, по мнению В. В. Путина, речь должна идти о том, чтобы стимулировать бизнес к поддержке неправительственных организаций, но из своих собственных доходов, из своих собственных средств, а не за счет государства [117].

Говоря о тенденции зарождения гуманитаризма в России, считаем необходимым уделить внимание проблеме, которая до настоящего момента не получила должного внимания – это права человека.

Идея прав человека в гуманистическом аспекте понимается многогранно, – как нечто объективно существующее, базирующееся на заложенном в самой природе человека и требующее общего признания и уважения, чувства справедливости. Очевидно, что фундаментальные права человека носят транснациональный, транскультурный и трансисторический характер

и имеют общечеловеческий и универсальный статус. Они реализуются в социуме, имеют регулятивный характер, нормативную и процессуальную природу, функциональны и конкретны. По своей сути они гуманны, так как утверждают основополагающие качества человека, его свободу, жизнестойкость, тотальность, абсолютность. «Права человека, – по мнению И. М. Борзенко, В. А. Кувакина, А. А. Кудишиной, – это моральная совесть мирового сообщества, их уважение и соблюдение стало одним из важнейших показателей культуры человека и цивилизованности общества» [39, с. 284]. По словам П. Куртца, признание прав человека является достижением ревизионистской этики, постоянно ищущей новые нравственные принципы и ценности, которая «... предполагает обновление традиционной морали, с помощью критического этического исследования, и обращена к новой всемирной этике» [100, с. 156]. Долгое время под правами человека понимались «...общественные идеи, основанные на политическом и социальном контексте, культуралистический анализ выявил, что данные направления и их эффект растворяются во времени и вливаются в международную систему» [186, с. 561]. С развитием глобализации соблюдение прав человека является моральной совестью человечества. Уважение доктрины прав человека оказывает глубокое воздействие на человеческое сознание и те общества, которые признают их, в наибольшей степени позволяют раскрыться моральным качествам и реализовать индивидуальные и общественные особенности и общие этические ценности [100]. В течение последних двух десятилетий яркой чертой глобализации стал стремительный рост неправительственных организаций и глобальных социальных движений. И именно борьба за права человека сыграла решающую роль в данном прорыве.

Важно отметить, что идеи Международной Декларации Человеческих прав, отраженные в Билле 1948 г., до сих пор остаются незыблемыми. Для нас представляют интерес права, основанные на гуманистических аспектах: свобода от дискриминации, насилия, наказания, рабства, нечеловеческого обращения, право на жизнь, свобода мысли, вероисповедания, религии и т. п. В настоящее время концепция прав человека подвергается изменениям в связи с глобальным производством, торговлей, миграцией и эпидемиями. Так реализация прав человека в области здравоохранения на сегодняшний день наиболее актуальна в связи с такими глобальными эпидемиями, как СПИД: «На подписании Парижской декларации в 1994 г. 42 политических лидера постановили использовать все необходимые экономические, юридические и социальные ресурсы для борьбы со СПИДом» [190, с. 330]. Заметим, что в ООН также работает Центр по правам человека, целью которого является защита прав человека, научно-исследовательская деятельность и распространение информации по данным вопросам.

Проведенный анализ документальных источников показал, что «человечивание» в международном масштабе наблюдается после событий Второй мировой войны: массовых расстрелов, функционирования лагерей смерти, сброса атомной бомбы на Хиросиму и Нагасаки, использования людей в качестве материала для опытов и исследований. Все это послужи-

ло основанием того, что начиная с 1948 г. были приняты: Всеобщая декларация прав и свобод человека; Конвенция о защите прав человека и основных свобод; Международная Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации; Конвенция о правах ребенка; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах; Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации; Конвенция о предупреждении преступлений геноцида и наказания за него; Женевские конвенции [1, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9]. В России приняты: Российская Декларация прав и свобод человека и гражданина, Конституция РФ [12; 13]. Анализ вышеуказанных документов показал, что все они гуманистически ориентированы, имеют четкую целевую направленность, приняты в соответствии со своим временем, как реакция на определенно сложившуюся ситуацию, т. е. по своему содержанию контекстуальны. Рассматриваемые документы в большинстве своем приняты с 1948 по 1970 г. Несмотря на всплеск гуманизма, подобные конвенции и декларации в настоящее время не принимаются. Это является бесспорным доказательством того, что с изменением особенностей проявления гуманизма его идейное основание остается непоколебимым.

Следует признать, что реализация прав человека в России находится на достаточно низком уровне. Мы солидарны с мнением И. И. Шайхисламовой, что это связано с правовой неграмотностью российского населения, так как «... в стране отсутствует система просвещения по правам человека» [161, с. 308]. Если в России существует уровень прожиточного минимума, то в развитых странах существует Уровень человеческого развития (Human Development Index HDI), отражающий степень государственного развития [173, с. 325]. Каждая цивилизованная страна использует различные показатели для выявления объективной тенденции развития. Но, когда мы говорим о России, то видим минимум в показателях, необходимых для выживания. В зарубежной литературе существует понятие «индикатора человеческих прав», отражающего степень выполнения прав человека разными странами. Некоторые социальные аспекты понимаются как индикаторы, они приняты и ратифицированы международными соглашениями по правам человека и внедрены во внутреннюю жизнь стран [191, с. 330]. В нашей стране, к сожалению, этого пока нет.

В России за последние годы движение по правам человека стремительно набирает обороты. Так, в частности, при губернаторе Иркутской области создана комиссия по правам человека. Статистические данные из Отчета о ее деятельности за 6 месяцев 2006 г. твердо убеждают нас в необходимости создания и функционирования подобных комиссий. Только за первое полугодие 2006 г. в Комиссию обратились 984 иркутянина и 307 жителей области [116]. Для сравнения приведем данные Европейской комиссии по правам человека, где ежегодное количество полученных заявлений, как от индивидуальных граждан, так и от НПО составляет около 4 тыс. [177]. Так как данное движение в Сибирском регионе еще не получило

должного распространения, считаем полученные данные весьма положительными. Большая часть обращений в Комиссию по правам человека при губернаторе Иркутской области поступает от родственников подозреваемых и обвиняемых в процессуальных нарушениях на досудебной стадии уголовного процесса. Данные сведения послужили причиной для тесного сотрудничества между Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Сибирскому Федеральному округу и председателем Комиссии по правам человека при губернаторе Иркутской области Г. К. Хороших. Исходя из общего стремления сторон обеспечить гарантии государственной защиты, соблюдение и уважение прав человека в местах лишения свободы, было заключено Соглашение, устанавливающее общие принципы взаимодействия [116].

Из всего вышеизложенного мы делаем вывод, что гуманизм подразумевает под собой не только гуманную помощь ближнему, но и защиту его прав и интересов.

В результате проведенных исследований мы пришли к выводу, что с позиции глобализации российское гуманитарное движение значительно отстает в своем развитии от международного. Обострению проблемы способствует недооценка важности социальной политики в пределах страны. Слабое развитие «гуманитарного» направления в деятельности крупных и средних предприятий, отсутствие упорядоченной институционализации благотворительных организаций на федеральном и региональных уровнях – все это вместе сдерживает прогрессивное развитие России на пути к гуманизму. Те благотворительные организации, которые работают в современной России, не отличаются масштабностью, поэтому их деятельность локальна, практически незаметна. Зачастую работа данных организаций основана лишь на энтузиазме, человеколюбии и роль гуманизма как социального и идейного основания здесь бесспорна.

Особенностью подготовки данной главы было обращение к широкому спектру идей и исследований представителей как классической социологической мысли, так и ученых, государственных и общественных деятелей, философов, посвященных обоснованию идейных и социальных оснований современного гуманизма. В процессе исследования выявлено, что растущая глобализация и институционализация экономики, управления, политики, других сфер социальной жизни, приверженность указанных институтов принципу гуманизма в значительной степени обуславливают институционализацию самого гуманизма. Современный гуманизм выступает как реальное социальное движение, имеющее определенную структуру, идеологию, целевую направленность действий. Обращение к опыту функционирования гуманитарных организаций показало, что они в большей степени распространены на Западе. В России их влияние и значение незаметно. Между тем в настоящее время появляются публикации о гуманизме в глобальном аспекте. Гуманизм определяется и

как система, и как движение, и как идеология. Категориальный анализ с учетом вышеперечисленных значений показал, что гуманизм – это международное общественное движение, объединяющее гуманитарные организации по всему миру в единую систему в условиях глобализации. Исследование гуманизма позволило нам определить его особенности. Одна из них выражается в значительной политизированности деятельности гуманитарных организаций и концептуальности их работы. Среди основных показателей современного гуманизма выступает эффективность реализации прав человека, которая, в свою очередь, рассматривается как индикатор уровня жизни здорового цивилизованного общества.

Представляется, что изучение сущности и особенности проявления современного гуманизма, должно идти через рассмотрение путей институционализации гуманизма в более широком глобальном аспекте. Изучение же вопросов дифференциации и функционирования социально-гуманитарных организаций с необходимостью предполагает осмысление и проведение более глубокого анализа опыта функционирования таких организаций не только на Западе, но и в России. Полагаем, что адекватная социологическая интерпретация изучаемых проблем возможна с позиции институционально-гуманистического подхода. Именно институционально-гуманистический подход междисциплинарного характера открывает более широкие возможности для проведения концептуального анализа целей, функций, приоритетных направлений деятельности социально-гуманитарных организаций в современной России и, соответственно, расширяет границы исследуемого феномена в рамках социологии социальной структуры, социальных институтов и процессов...».

УДК 316.3/4

Грабельных Т. И.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск,

Широбокова А. А.

Иркутский национальный исследовательский
технический университет, г. Иркутск

О СОСТОЯНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ. 2008 г.

(Публ. по: О состоянии гражданского общества в Иркутской области. 2008 г. : докл. Обществ. палаты Иркут. обл. / Т. И. Грабельных, А. А. Широбокова ; рабочая группа по подгот. докл.: И. М. Головных [и др.] ; исслед. коллектив: Т. И. Грабельных [и др.]. – Иркутск : Обществ. палата Иркут. обл., 2009. – 212 с.)

Фрагмент из раздела 1 «Гражданское общество, гражданская активность, гражданские инициативы в Иркутской области» пункта 2 «Реальная гражданская активность: основные показатели»

«...Существуют различные индикаторы определения *гражданской активности населения*. Одним из них является отношение к допустимым и желательным способам защиты своих интересов. В этой связи, респонден-

там был задан вопрос относительно наиболее эффективных способов их защиты. Обнаружилось, что *значительная часть респондентов эффективным способом защиты своих интересов выбирает механизм самозащиты, иными словами, предпочитает «полагаться на свои силы, искать дополнительные источники заработка» (41,8 %)*. Показательным является и тот факт, что 26,3 % респондентов указали на «обращение в суд» с целью защиты своих интересов. На третьей позиции – «жалоба в органы власти» (12,3 %). По полученным показателям также видно, что «участие в деятельности некоммерческих общественных организаций и объединений», «участие в деятельности политических партий и движений», как и «участие в акциях протеста» – не воспринимаются на уровне общественного сознания как эффективные способы защиты своих интересов. *Проявление гражданской активности на правовой основе, безусловно, существенный позитивный фактор в структурировании позиций по формированию гражданского общества.* Категория «другое» в этой связи также показательна: среди выделенных ответов – профсоюз, «силовое управство (в том числе, оружие, физическая сила)», знание законов, дружеские связи, финансовая стабильность, использование СМИ, обращение к Богу, обращение к криминальным структурам, активная гражданская позиция, «занимать высокий пост или иметь знакомых», «к сожалению, меня никто не может защитить», «отстаивание своих интересов на всех условиях», по обстоятельствам, незаконные и др.

Известно, что *гражданская активность* различается по видам (политическая, экономическая, благотворительная, «неформальная» и проч.) и по формам («конструктивная» («консенсусная») и «протестная»). В каких формах и на уровне каких показателей она проявляется в Иркутской области? Об этом свидетельствуют следующие выводы.

Политическая активность среди населения

Проведенное исследование показало, что *население Иркутской области и основные группы экспертов фактически не реализуют свой политический потенциал в рамках существующей партийной системы.* Из 1100 опрошенных среди населения Иркутской области указали на свою принадлежность к политической партии («да, являюсь членом политической партии») лишь 5,4 % респондентов. 69,1 % опрошенных отметили, что «нет, не являюсь членом политической партии»; 17,0 % – «нет, не являюсь членом политической партии, но не исключаю возможности вступления»; 8,5 % – затруднились ответить. Из полученных ответов хорошо видно, что политическая активность среди населения по партийному признаку низкая. По принадлежности к политической партии: 49,2 % ответили, что являются членами «Единой России»; 13,1 % – КПРФ; 9,8 % – «Справедливая Россия»; 4,9 % – ЛДПР; 3,3 % – «Патриоты России»; 1,6 % – «Яблоко»; 1,6 % – «Союз правых сил».

Аналогичную картину мы наблюдаем и по экспертам от некоммерческого сектора: 74,9 % – не являются членами политической партии; 11,2 % – не являются, но не исключают возможности вступления в нее; и

только 9,3 % указали на принадлежность к политической партии. Причем, 61,9 % из них также указали на свою принадлежность к «Единой России». «Справедливая Россия», ЛДПР и др. – существенно уступают позиции.

Иначе выглядит распределение позиций по руководителям органов государственной власти и др. группам экспертов – здесь показатель принадлежности к политической партии значительно выше (37,3 %). Из них фактически все являются членами «Единой России». Между тем, и в этом случае, 53,7 % экспертов отметили, что не являются членами политической партии.

Добровольная безвозмездная работа в интересах других людей

В числе других респондентам был задан вопрос: сколько времени в среднем за месяц они тратили на добровольную безвозмездную работу в интересах других людей в течение последнего года? 58,8 % опрошенных среди населения не дали ответа на данный вопрос; 42,4 % респондентов, от числа тех, кто дал ответ, указали на нулевой показатель; что касается остальных, палитра мнений различна – от 0 часа до 3000 часов (прил. 2, рис. 1.5).

По *некоммерческому сектору* 27,4 % опрошенных не дали ответа на поставленный вопрос; только 13,5 % указали на нулевой показатель; что касается остальных, палитра мнений здесь также различна – от 0 часа до 480 часов. По-видимому, есть основание предположить, что среди представителей некоммерческого сектора в той или иной степени развита ориентация на добровольную безвозмездную работу в интересах других людей.

Показательно, что на следующий вопрос: *«Через какие именно организации Вы осуществляли эту деятельность, или Вы действовали в одиночку?»*, по населению Иркутской области открылась следующая картина: 34,2 % – указали, что по месту своей работы; 17,5 % – через организации по месту жительства; 10,4 % – инициативные группы, движения. В одиночку отметили 8,0 % опрошенных. Через другие государственные или муниципальные учреждения также указали 8,0 %. Остальные показатели выражены еще слабее (прил. 2, рис. 1.6).

Показатели по некоммерческому сектору заметно отличаются: если на первом месте – сохраняется позиция «по месту своей работы» (24,6 %); то далее – «инициативные группы, движения» (15,2 %), «российские общественные и другие некоммерческие организации, кроме фондов» (12,5 %), «организации по месту жительства» (11,3 %) и т. д. В одиночку отметили 5,9 % респондентов. Таким образом, *специфика некоммерческого сектора дает о себе знать, проявляясь в различных сферах деятельности и уровнях активности.*

Благотворительная деятельность среди населения и экспертов

Аналогичные ответы были получены и относительно участия респондентов в благотворительной деятельности (прил. 2, рис. 1.7). По населению лишь 6,8 % опрошенных указали, что в данном виде деятельности принимают участие и регулярно; 40,7 % – принимают участие, но не регулярно; 36,5 % – никогда не принимали участие; 15,9 % отметили, что затрудняются ответить на поставленный вопрос. Таким образом, *благотворительная деятельность широко не распространена среди населения об-*

ласти. В тоже самое время значительная часть экспертов (41,8 %) со стороны органов государственной власти и др. групп экспертов указывают, что в этом виде деятельности принимают участие и регулярно; 38,8 % отмечают, что «принимаю участие, но не регулярно». Отличие позиций очевидно. *Благотворительность имеет место в Иркутской области, но исходит со стороны отдельных социальных групп.* Эта точка зрения подтверждается и показателями по некоммерческому сектору: 42,8 % опрошенных признали, что принимают участие в благотворительной деятельности, но не регулярно; 24,2 % – принимают участие и регулярно и 20,9 % ответили, что «нет, никогда не принимали участие».

Участие населения и экспертов в неформальных объединениях граждан с целью решения конкретных социальных проблем

Входят ли респонденты в неформальные объединения граждан с целью решения конкретных социальных проблем? Подавляющее большинство опрошенных среди населения (80,0 %) указали, что нет; положительно ответили лишь 6,9 % опрошенных; на «затрудняюсь ответить» указали 13,1 %. Что касается мнения экспертов, значительная часть из них (67,2 %) со стороны органов государственной власти и др. групп экспертов ответили «нет». Примечательно, что 20,9 % опрошенных именно данной группы дали положительный ответ. 11,9 % – затруднились дать ответ. По некоммерческому сектору, выявлено, что большинство опрошенных (67,0 %) также не входят в неформальные объединения граждан с целью решения конкретных социальных проблем. Лишь 22,8 % ответили утвердительно. Таким образом, обнаружилось, что *в 2008 г. для граждан Иркутской области было не характерно участие в неформальных объединениях.* С другой стороны, потребность в таких объединениях существует, о чем свидетельствуют показатели специфики сферы активности неформальных объединений граждан в Иркутской области (прил. 2, рис. 1.8).

Специфика сферы активности неформальных объединений граждан, в которые входят респонденты с целью решения конкретных социальных проблем, в основном касается «опеки над детьми-сиротами и детьми из неблагополучных семей» (29,9 %); «помощи одиноким пожилым людям» (17,8 %); «жилищной сферы» (12,7 %); «экологии» (12,1 %). *Мнение экспертов со стороны органов государственной власти и др. групп экспертов по основным позициям совпадает с мнением населения.* Обращает на себя внимание по первой группе экспертов категория «другое». Здесь акцентируется внимание на «профсоюзах»; «помощи ветеранам по службе»; «предотвращении социальных угроз» и проч.

По некоммерческому сектору также привлекает внимание категория «другое» (здесь самый высокий показатель – 32,8 %). На других приоритетных позициях – помощь одиноким пожилым людям, защита прав инвалидов, жилищная сфера, экология, опека над детьми-сиротами и детьми из неблагополучных семей. В числе других ответов: помощь, работа с молодежью, защита прав трудящихся, «любые социальные проблемы, решение которых возможно с помощью поддержки СМИ», «повышение социально-

го статуса народного мастера Иркутской области», «предпринимательские инициативы женщин для развития экономики», «сохранение бурятского языка и культуры», «работа с сельским населением по повышению гражданской активности», «работа с потребителями», «работа с осужденными и теми, кто освобожден из мест лишения свободы» и др. На основании полученных данных следует сделать вывод, что *сфера активности неформальных объединений граждан, созданных с целью решения конкретных социальных проблем, достаточно широка. Определенный потенциал неформальных объединений граждан в решении конкретных социальных проблем существует, но в достаточной мере не реализуется.*

Гражданская активность: «конструктивная» («консенсусная») и «протестная» формы

В анкетах был поставлен вопрос: принимают ли респонденты участие в митингах, пикетированиях, шествиях и если да, то насколько регулярно? Ответы распределились следующим образом (прил. 2, рис. 1.9).

Прослеживается, что подавляющее большинство опрошенных со стороны населения (60,8 %) не участвуют в данном виде деятельности, также как и представители некоммерческого сектора (60,9 %). Эксперты же со стороны органов государственной власти отличаются заметной активностью и в этом виде деятельности. Возможно, в этом случае мы должны говорить о «конструктивной» («консенсусной») гражданской активности и ее природе на уровне различных социальных групп. Что касается граждан и экспертов, принимающих участие в митингах, цель последних, как правило, носит демонстративный характер (прил. 2, рис. 1.10).

Иркутская область характеризуется как относительно спокойный регион в аспекте протестной активности. Об этом свидетельствуют и результаты проведенных исследований (прил. 2, рис. 1.11). И население, и основные социальные группы, участвующие в опросах и заинтересованные в формировании гражданского общества в Иркутской области, так или иначе проявляют заинтересованность к данной форме активности, но в основном не участвуют.

Относительно *личного участия респондентов в акциях протеста*, выявлено, что 16,2 % от числа опрошенных по населению принимали участие, тогда как этот показатель у экспертов со стороны органов государственной власти и других групп экспертов составляет 22,4 %; 74,9 % отметили, что не принимали, по экспертам – 70,1 %; затруднились ответить 8,9 % и 7,5 %, соответственно. Выявлено, что участие в акциях протеста не является распространенной практикой и некоммерческого сектора (только 25,1 % дали положительный ответ).

Также был задан вопрос на предмет допустимых форм протеста. В преддверии экономического кризиса данный вопрос имел особое звучание. Распределение ответов дает возможность сделать вывод о том, что *возможная протестная активность будет протекать в допустимых рамках, носить легальный характер* (прил. 2, рис. 1.12). В числе другого по опросу населения было названо – СМИ (формирование общественного мнения че-

рез СМИ, подключение и взаимодействие со СМИ), забастовка, голодовка, «в зависимости от реальной обстановки и собственной оценки поведения властей», «любая форма протеста бесполезна» и др. Представители со стороны органов государственной власти и др. групп экспертов отметили: «в рамках закона», «это зависит от обстоятельств», «все зависит от того, были ли услышаны проблемы и требования протестующих».

Намерены ли респонденты в дальнейшем принимать участие в акциях протеста? 13,7 % опрошенных среди населения и 9,0 % среди экспертов со стороны органов государственной власти и др. групп экспертов ответили положительно; 48,4 % и 52,2 %, по группам опрашиваемых, соответственно, – отметили «не намерены»; 37,9 % и 38,8 % – затруднились ответить. *Показатель по некоммерческому сектору на предмет участия в акциях протеста существенно выше (16,3 %).* О том, что не намерены, указали 46,0 %.

Что касается ближайшего окружения респондентов, им был задан конкретный вопрос о том, есть ли среди людей, с которыми они общаются, те, кто за последние два года принимал участие в акциях протеста, или таких людей нет? Интересно, что достаточно большой процент опрошенных, – и среди населения, и среди органов государственной власти и др. групп экспертов, – (32,2 % и 46,3 %) – ответили утвердительно, что «такие знакомые есть»; почти половина опрошенных (49,5 % и 43,3 %) указали, что «таких знакомых нет», и 18,3 % и 10,4 % – затруднились ответить. По некоммерческому сектору аналогичная ситуация: у одних такие знакомые есть (44,7 %), у других нет (43,7 %).

Между тем, на вопрос «Помогают ли акции протеста решать проблемы?», значительная часть всех категорий опрошенных указала, что да (38,7 %; 46,3 %; 40,5 %); по мнению 20,5 %, 20,9 % и 35,3 %, соответственно по группам опрошенных, – «акции протеста не помогают решать проблемы»; 40,7 %, 32,8 % и 22,3 % – затруднились ответить на данный вопрос. 46,3 % – серьезный показатель по опросу экспертов со стороны органов государственной власти и др. групп. И именно они признали, что акции протеста помогают решать проблемы. *Налицо признание властью, что акции протеста помогают решать социальные проблемы в Иркутской области.*

Таким образом, есть основания сделать вывод, что в Иркутской области ярче выражена «конструктивная» гражданская активность. «Протестная» активность проявляется в той или иной форме, но не имеет «разрушительного» характера. Очевидно, что в период проведения опроса накануне мирового экономического кризиса по вопросам протестной активности население проявило осторожность, что и нашло отражение в варианте ответа – «затрудняюсь ответить». Эксперты со стороны органов государственной власти и др. группы экспертов характеризуются как активная, мобильная социальная группа, быстро адаптирующаяся к постоянно меняющимся условиям. Представители некоммерческого сектора также занимают достаточно активную позицию в аспекте решения социальных проблем...» (с. 12–16).

Фрагмент из раздела 1 «Гражданское общество, гражданская активность, гражданские инициативы в Иркутской области» пункта 3 «Потенциал взаимодействия социальных групп населения и социальная ответственность»

«...Потенциал взаимодействия (объединения, консолидации, кооперации) населения Иркутской области видится достаточно большим. Об этом свидетельствуют ответы респондентов относительно возможности объединения с другими людьми для каких-либо совместных действий. Так, на вопрос «Есть люди, готовые объединяться с другими людьми для каких-либо совместных действий, если их идеи и интересы совпадают. И есть люди, не готовые объединяться с другими для каких-либо совместных действий, даже если их идеи и интересы совпадают. К какой категории Вы себя относите?» 64,5 % опрошенных среди населения указали, что к первой; 16,5 % – ко второй; затрудняюсь ответить – 19,0 %.

Также респондентам был задан вопрос: «С какими людьми Вы готовы объединяться в первую очередь, чтобы решать общие проблемы, отстаивать общие интересы? В этой связи, какое сходство для Вас важно?». На первую позицию вышли «дружеские связи» (26,3 %), на вторую – «общее место работы» (19,5 %), и далее, по убыванию, – «соседство по дому», «одинаковая профессия», «проживание в одном городе (селе, поселке)», «участие в общественной жизни, общественная работа» и т. д. (прил. 2, рис. 1.13). В числе других вариантов – общность проблемы, совпадение интересов, сходство во взглядах на жизнь, родственные отношения, стремление помочь другим, личный опыт и др.

Очевидно, что в настоящее время *потенциал взаимодействия (в виде объединений, консолидации, кооперации) населения реализуется в наибольшей степени через символические («дружеские») связи и социально-профессиональный фактор (принадлежность)*. «Участие в общественной жизни, общественная работа» – не выступают интегрирующим фактором. Также примечательно, что такие факторы, как политический, образовательный, религиозный и национальный, – не выделяются как наиболее важные и требующие объединения людей. Существует некоторое отличие во взглядах городского и сельского населения: в сельской местности общее место работы имеет приоритетное значение, в особенности, для женщин (у женщин городской местности также этот показатель выше, чем у мужчин); большое значение имеет и проживание в одном селе; дружеские связи играют более существенную роль для мужчин – причем, и городской, и сельской местности...» (с. 16–17).

Фрагмент из раздела 6 «Легитимность и эффективность механизмов и форм взаимодействия институтов гражданского общества с государством и бизнесом в Иркутской области» пункта 1 «Особенности взаимодействия институтов гражданского общества с государством и бизнесом»

«...За последние годы в Иркутской области, так же как и в России в целом, сформировалось общественное устройство, представленное тремя

секторами: государственным, коммерческим и некоммерческим. Каждый из них имеет свою миссию, область деятельности, технологии работы, организационные структуры, системы управления, ресурсную и нормативную базу, сферы использования продукции, рынки товаров и услуг. Специфика каждого из них и определяет механизмы и формы взаимодействия институтов гражданского общества с государством и бизнесом, называемого также межсекторальным партнерством. Особенностью формирования этих механизмов и форм взаимодействия в Иркутской области является тот факт, что именно здесь прошел один из первых семинаров в России, заложивших основу его осмысления и развития. Это был семинар, который проводился в 1994–1995 гг. в Иркутске и Томске группой специалистов во главе с известным сегодня в России специалистом теории и практики межсекторального партнерства, профессором Государственного университета управления Якимцом В. Н. Лидеры сектора НКО Иркутской области с тех пор принимают активное участие в развитии механизмов взаимодействия не только в Иркутской области, но и России в целом. Именно поэтому значительная часть механизмов, отработанных за эти годы в России, в той или иной степени задействованы в Иркутской области.

Особое место среди механизмов взаимодействия власти и бизнеса имеют различного рода *конкурсные механизмы*, когда гражданская инициатива поддерживается финансированием на конкурсной основе. С разной степенью активности задействованы механизмы социального заказа уровня субъекта РФ, муниципального социального заказа, муниципального социального гранта, муниципального заказа, гранта субъекта РФ, конкурса социальных проектов, конкурса для гражданских инициатив и НКО по различным номинациям, конкурса авторских вариативных программ и др. Практика взаимодействия подкрепляется правовыми документами, представленными в разд. 3. Многолетнюю практику участия в российских конкурсах и организации собственных инициатив имеют Министерство культуры и архивов Иркутской области и Министерство по физической культуре, спорту и молодежной политике Иркутской области. Уже в 1998 г. в Министерстве культуры и архивов Иркутской области был принят специалист, в обязанности которого среди прочих входило развитие эффективных механизмов взаимодействия с сектором некоммерческих организаций. При этом специалист имел практический опыт работы в качестве руководителя эффективно работающей организации. Стали регулярно проводиться образовательные программы по менеджменту НКО для профильных некоммерческих организаций и специалистов Министерства (фандрайзинг, работа с Фондами, подготовка проектов, опыт социального партнерства и пр.). Началось участие в российских, международных конкурсах, организация собственных конкурсных программ. В 2008 г. некоммерческие организации, реализующие свою деятельность в сфере культуры приняли участие в конкурсе гранта Президента Российской Федерации и других российских конкурсах, а также в следующих областных: конкурсе социокультурных проектов на предоставление субсидий из областного бюджета в 2008 г.;

конкурсе «Культура и искусство Приангарья»; конкурсе на поощрение лучших сельских учреждений культуры Иркутской области; конкурсе творческих проектов муниципальных учреждений культуры Иркутской области; конкурсе на открытие базовых центров народных ремесел Иркутской области «Сибирь мастеровая»; конкурсе на звание «Народный мастер Иркутской области». Всего на конкурсной основе было распределено 34 465 тыс. руб. По итогам работы проектов открыто 12 центров народных ремесел в городах и поселках Иркутской области, укреплена материально-культурная база культурных учреждений, реализовано значительное количество проектов, направленных на сохранение и развитие культуры.

На территории города Иркутска действует конкурс общественно полезных проектов и программ на соискание грантов органов городского самоуправления г. Иркутска, утверждаемый Постановлением мэра. Только в 2007 г. на конкурс поступила 41 заявка от общественных организаций, инициативных групп жителей, органов территориального общественного самоуправления. Общая сумма конкурса составила 2 592 тыс. руб. Направлениями заявленных проектов стали: благоустройство придомовых территорий, профилактика негативных явлений среди подростков и молодежи по месту жительства; культура и спорт по месту жительства, иные направления в рамках решения вопросов местного значения.

В тоже время в последние годы отмечается спад возможностей конкурсной поддержки гражданских инициатив. Так, одним из примеров плодотворного сотрудничества можно назвать конкурс общественно значимых проектов «Губернское собрание общественности Иркутской области», которое возникло в 2000 г. по инициативе общественных организаций области, получило поддержку в Комитете по связям с общественностью и национальным отношениям Администрации Иркутской области. Этот проект стал новой формой выявления и поддержки общественных инициатив, новых социальных и гражданских идей в области общественной деятельности. Более того, он был результатом конкретного взаимодействия власти и сектора НКО по разработке идеологии его создания и обеспечения и это был первый опыт в России. В рамках этого проекта нашли финансовую поддержку 399 социально значимых проектов на сумму 13 938 468 руб. Наиболее социально активными заявителями на получение грантов были педагоги, работники библиотек, работники культуры, пенсионеры, молодежь. Ежегодная плановая, организационная и аналитическая работа по проведению конкурса, проводимая Советом НКО и Комитетом по связям с общественностью и национальным отношениям Иркутской области обеспечивала преемственность и развитие гражданских инициатив, формировала заказ на гражданское образование и выявленные проблемы общественного развития. Конкурс общественно значимых проектов «Губернское собрание общественности Иркутской области», до 2007 г. оставался единственным в стране конкурсом, где могли принимать участие не только организации, имеющие юридический статус, но и физические лица. Это уникальный опыт реализации Закона «Об общественных объединениях» в ча-

сти осуществления государственной поддержки общественно полезных инициатив граждан.

Главное, что удалось достичь за годы проведения конкурса – это повысить активность граждан, проживающих в отдаленных уголках области. И в этом общая заслуга администрации и общественников региона. Десятки семинаров на всей территории области провели за эти годы сотрудники администрации области и представители общественных объединений, сотни консультаций, изданы и распространены по области методические рекомендации по проектной деятельности и технологии написания заявок на конкурс «Губернское собрание общественности Иркутской области». Согласно программе социально-экономического развития Иркутской области на 2007–2010 гг. развитие местных сообществ определяет не только уровень развития гражданского общества, но становится ключевым фактором развития территорий. В связи с этим конкурс общественно значимых проектов «Губернское собрание общественности Иркутской области» в 2006 г. выделил номинацию «Создание центров поддержки гражданской активности на базе библиотек». В 2007 г. финансовую поддержку из областного бюджета получили 10 муниципальных учреждений культуры из 9 районов Иркутской области. Реализация проектов по созданию Центров гражданской активности на базе муниципальных библиотек области дало возможность распространить опыт проведения областного конкурса «Губернское собрание общественности Иркутской области» на муниципальное образование и активизировать работу по социальному проектированию на местах. В результате создания Центров была установлена связь между НКО, органами местного самоуправления и бизнесом, что в конечном итоге способствовало формированию гражданской активности.

Однако с 2007 г. этот конкурс не проводится. Вступившие в силу поправки к Бюджетному Кодексу России, не запретили финансирование деятельности некоммерческих организаций из бюджетов разных уровней, а лишь исключили понятие гранта для бюджетов уровня субъекта Российской Федерации и для муниципалитета. Тем не менее, многие органы государственной власти и местного самоуправления, которые ранее практиковали выдачу грантов некоммерческим организациям, пересмотрели систему поддержки социально полезной деятельности НКО из своих бюджетов. Однако на территории Иркутской области структуры, ответственные за взаимодействие с гражданским обществом, не смогли найти достойный выход из сложившейся ситуации. Можно сказать, что система государственной поддержки социально полезной деятельности структур гражданского общества в Иркутской области продемонстрировала свою неустойчивость. Стабильно работающим остался только «президентский грант», который вот уже четвертый год подряд распределяется через шесть общероссийских организаций-операторов. К сожалению, количество поддержанных заявок, представленных сектором НКО Иркутской области на конкурсы не велико. И это несмотря на увеличение сумм грантового пула. Однако надо отметить, что это касается не только Иркутской области, но всех

территорий России в целом. Если сравнивать по федеральным округам, то количество поддержанных проектов в 2008 г. увеличилась только в ЦФО и ДФО. В Иркутской области в 2007 г. было поддержано 8 проектов, в 2008 г. 10. Сумма выделенных средств составила 4 224 178 руб.

Широкую практику применения получили и социально-технологические механизмы взаимодействия власти и общества. К формам сотрудничества власти и сектора НКО, использующихся на территории Иркутской области относятся также:

- участие в разработке областных и городских целевых программ и программ социально-экономического развития;

- формирование механизмов общественного мониторинга, включая общественный контроль и общественный мониторинг хода реализации и результатов социальных и административных реформ, национальных проектов и программ, бюджетного процесса, выборов, и проч.;

- дискуссии, общественные слушания, переговорные площадки, «горячие линии», общественные приемные и иные формы диалога и обмена мнениями между властью и обществом по широкому спектру вопросов общественного и социально-экономического развития; расширение практики подготовки и проведения совместных социально значимых акций и мероприятий (ярмарки вакансий, ярмарки социальных проектов и т. д.), общественные советы при различных органах власти и проч.

Одним из организаторов развития механизмов взаимодействия власти, бизнеса и общества выступает Объединенный Совет общественных и некоммерческих организаций г. Иркутска и Иркутской области (Совет НКО). Главной целью Совета является объединение усилий НКО по решению проблем, встающих перед ними, а также представление интересов некоммерческих организаций на разных уровнях. Сегодня Совет НКО – это сильная, постоянно действующая структура, известная не только в городе Иркутске, но и в области. На заседания Совета постоянно приходят представители Комитета по связям с общественностью администрации Иркутской области и города Иркутска, депутаты Городской Думы и представители аппарата Законодательного Собрания Иркутской области. Именно он, в социальном партнерстве с властью, явился инициатором создания многих механизмов и форм взаимодействия власти, бизнеса и общества.

Основываясь на Конституции Российской Федерации, и исходя из Послания Президента России, органами власти области и местного самоуправления принято ряд мер по повышению роли гражданского общества в решении предстоящих задач. В частности созданы и активно работают Общественная палата, институт Уполномоченного по правам человека в Иркутской области.

Важное место среди механизмов взаимодействия занимают *формы сотрудничества с бизнесом*. И в этом взаимодействии в Иркутской области в той или иной степени задействованы различные инструменты. В общем виде механизмы взаимодействия бизнеса, власти и общества предполагают как прямое финансирование различных акций, мероприятий, так и меха-

низмы социальных инвестиций, где коммерческая организация заранее разделяет взаимную ответственность за решение социально-значимых проблем совместно с НКО и органами власти. *Прямое финансирование, представленное как благотворительная деятельность* достаточно распространенная форма взаимодействия среди широкого круга предприятий коммерческого сектора. Характерной чертой такого взаимодействия является неуправляемый поток просителей, теневое финансирование, формирование иждивенческих позиций НКО и пренебрежительное отношение бизнес сообщества к гражданским инициативам. При этом количество просящих не уменьшается, а увеличивается. Детские дома, больницы, нуждающиеся люди получают некоторую материальную помощь, оборудование, подарки от предпринимателей или их организаций. Управление потоком средств, выделяемых бизнесом, призваны играть некоммерческие организации, взявшие на себя функции благотворительных фондов. Наиболее известным фондом в Иркутской области является Иркутское областное отделение общероссийского общественного фонда «Российский детский фонд». Именно ему принадлежит разработка различных методов привлечения частных пожертвований, как от отдельных граждан, так и представителей бизнес сообщества. Сегодня в практику работы этого направления прочно вошли такие формы как *проведение благотворительных акций, установка ящиков – копилки для сбора средств, сбор вещей, продуктов и иных средств для различных социально незащищенных групп населения и проч.* *Стали использоваться технологии SMS-акции и он-лайн пожертвования, социальная реклама, направленная на информирование о конкретных нуждающихся средствами СМИ и проч.* Практически не развиты такие формы взаимодействия бизнеса и НКО, как клиентские программы пожертвований и программы пожертвований сотрудников.

Важным фактором развития механизмов взаимодействия институтов власти, бизнеса и общества могут стать пока слабо *развивающиеся формы социальных инвестиций*. Механизм социальных инвестиций предполагает согласованный участниками процесса социального инвестирования набор взаимосвязанных правил, процедур, способов, технологий по осуществлению добровольных вложений бизнеса в определенную сферу или программу внутрикорпоративного развития и (или) развития внешней социальной среды. При этом используются действующие нормативно-правовые акты, международные стандарты социальной ответственности бизнеса, направленные на стратегические и тактические цели. К социальным инвестициям относятся такие, как: *конкурсный поиск лучших и продвижение перспективных социальных технологий, создание и поддержка эффективных институтов гражданского развития, поддержка территорий и социальной сферы и проч.* И хотя это слабые ростки нового взаимодействия трех секторов, именно они определяют эффективность и зрелость гражданского общества. На территории Иркутской области уже встречаются как механизмы прямой поддержки развития территории и ее социальной сферы, так и механизмы создания специализированных некоммерческих организаций.

Так, компания Русал во всех регионах присутствия поддерживает спортивные команды. Поддерживала она их и в Иркутске через фонд развития спорта. Женскую сборную команду по хоккею с мячом поддерживает ОАО «Саянскимпласт». Новейшие наработки в области технологий реализации социальной, территориальной и коммуникационной политики, корпоративного управления анализирует единая структура АНО «Институт корпоративного развития» «Ренова», имеющий головной офис в Москве и филиал в Иркутске. Стратегия института – укрепление диалога между бизнесом и ветвями власти, содействие внедрению стандартов корпоративного управления, в том числе стандартов социальной ответственности. «Ренова» участвовала в со-финансировании конкурса грантов «Губернское собрание общественности Иркутской области».

Имеет место и такая форма социального инвестирования, которая реализуется в форме *стратегической поддержки территорий через соглашения о межсекторном социальном партнерстве в интересах развития территорий*. Такие соглашения заключаются как на уровне областной администрации (с ОАО ГМК Норильский никель и пр.), так и на уровне территорий. В 2004 г. в городе Шелехово началась партнерская программа комплексного развития территории компании «СУАЛ – Холдинг» и Агентства США по международному развитию. Цель – повышение уровня жизни населения в регионах присутствия компании СУАЛ. В результате реализации программы муниципальные власти получили поддержку в сфере местного самоуправления, межбюджетных отношений, образования, охраны окружающей среды, развития малого и среднего бизнеса, улучшения качества медицинского обслуживания, развития гражданских инициатив и вовлечения граждан в процесс принятия решений. Для реализации программы местными властями созданы *координационные советы, группы поддержки, фонд местного сообщества*. Последняя форма взаимодействия власти, бизнеса и общества объединяет муниципальные средства, деньги частного бизнеса и некоммерческих организаций для финансирования тех направлений развития территорий, которые являются наиболее актуальными. В Иркутской области *создано несколько Фондов местных сообществ* – «Новый Ангарск» (г. Ангарск), Фонд имени Григория Шелехова (г. Шелехов), «Свирск» (г. Свирск). Несомненно, Фонды местных сообществ – тот комплексный, перспективный механизм социального партнерства власти, бизнеса и общества, который объединяет различные социальные практики, адаптирует их к местным условиям, обеспечивая их развитие. Значимым источником финансовой поддержки деятельности фондов местных сообществ являются средства федерального бюджета, направляемые на конкурсной основе в целях развития гражданского общества. Так, в 2007 г. из средств федерального бюджета в порядке, определенном распоряжением Президента Российской Федерации от 30 июня 2007 г. № 367-рп «Об обеспечении в 2007 г. государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества», по результатам конкурса по распределению гран-

тов из средств федерального бюджета, проводимого обществом «Знание», Байкальский региональный общественный благотворительный фонд местного сообщества выиграл 500 тыс. руб. на реализацию проекта «Маленькая Европа».

В Иркутской области *было создано три филиала благотворительной организации «Центр социальных программ» компании РУСАЛ – Братский, Шелеховский, Иркутский.* Они оказывали организационное сопровождение семи благотворительным программам «Сто классных проектов», «Сто спортивных проектов», «Зеленый дозор», «Школа социального проектирования», «Партнерские проекты», «Шагни за горизонт», «Вместе в будущее». Развитие форм социального партнерства в рамках этих фондов обеспечили возможность продвижения механизмов взаимодействия власти, бизнеса и общества на территориях Иркутской области. Так, Благотворительным фондом в Братске в 2008 г. был организован и прошел на высоком уровне конкурс «Крепкая семья – крепкая Россия», не один год проводился Благотворительный сезон, участниками которого были НКО, инициативные группы, представители бизнес сообщества. Более 100 представителей малого и среднего бизнеса было привлечено к проектам в Братске. К сожалению, с уходом компании РУСАЛ из Иркутской области Фонд прекратил свое существование. Все это свидетельствует о нестабильности новых форм социального инвестирования, развитие которых целиком и полностью определяются уровнем социальной ответственности бизнеса. Повысить этот уровень призван такой инструмент, как подготовка социального публичного отчета компании, организации, учреждения. В Иркутской области имеется практика подготовки публичных отчетов сектором НКО. Так, Байкальская экологическая волна уже три года готовит публичный отчет о своей деятельности и размещает его на сайте. Готовят публичные отчеты и крупные холдинги, однако публичных отчетов о деятельности их компаний, расположенных на территории Иркутской области пока нет. В лучшем случае некоторые предприятия располагают на своих сайтах отчеты о реализуемой ими социальной политике. Так, познакомиться с этой информацией возможно на сайте ОАО «Саянскхимпласт» и некоторых других предприятий коммерческого сектора.

Таким образом, отмечая достаточно разнообразные механизмы и формы взаимодействия институтов гражданского общества с государством и бизнесом, применяемые на территории Иркутской области следует отметить следующее: *1) значительно снизились возможности системы поддержки социально полезной деятельности НКО из областного бюджета; 2) сокращается общий объем социального инвестирования за счет смены игроков на поле бизнеса; 3) прослеживается профессиональная неготовность власти, бизнеса и общества активно осваивать и развивать формы социального партнерства, обеспечивающего объединение ресурсов всех участников, прозрачность и открытость их действий; 4) у крупных компаний, которым приходится финансировать местные социальные и инфраструктурные проекты, мало стимулов для того, чтобы вкладывать деньги в общественные гражданские инициативы; не обладая полной ин-*

формацией об объемах благотворительных пожертвований в Иркутской области и структуре источников поступлений средств в некоммерческий сектор, сложно оценить общую капитализацию поддержки сектора НКО со стороны бизнеса.

Подтверждают эти выводы и данные специально проведенного исследования. Относительно механизмов и форм взаимодействия институтов гражданского общества с государством и бизнесом в опросах предусматривался целый ряд вопросов. Данные вопросы были направлены не только на выявление принципиальных позиций главных участников процесса формирования гражданского общества, но и потенциала их сотрудничества и реализации долгосрочных перспектив.

Первый блок вопросов касался принципа взаимной поддержки, ее системной и функциональной направленности. Так, по мнению значительной части респондентов по опросу среди населения (31,1 %), выяснилось, что власти поддерживают общественные организации / гражданские инициативы, в которых респонденты принимают участие. Между тем, 24,6 % указали, что «не поддерживают», а 44,3 % – затруднились ответить. Аналогично распределились и позиции среди экспертов от некоммерческого сектора: 42,8 % опрошенных по данной группе признались, что власти поддерживают их общественные организации / гражданские инициативы; 22,3 % – не поддерживают; 28,8 % – затруднились ответить на поставленный вопрос. Очевидно, что *поддержка властями общественных организаций осуществляется, но не столь успешно и не в таком масштабе, как хотелось бы.*

Какую позицию по отношению к властям, по мнению респондентов и экспертов, занимает сейчас большинство общественных объединений и общественных организаций / гражданских инициатив?

По данному вопросу респонденты по опросу населения показали некоторую не осведомленность, о чем свидетельствует показатель «затрудняюсь ответить» (35,5 %). В целом же, совместные стратегии с властью достаточно разнообразны (прил. 2, рис. 6.1). Прежде всего, большинство общественных объединений и общественных организаций / гражданских инициатив «совместно с властью вырабатывают и реализуют общественно важные программы» (15,6 %); «защищают интересы граждан перед органами власти» (14,0 %); также «занимаются своим делом, стараясь не вступать в лишние контакты с властями» (13,9 %) и «используют власть для решения своих задач» (10,6 %).

По мнению самих экспертов от органов государственной власти и др. групп экспертов, большинство общественных объединений и общественных организаций / гражданских инициатив по отношению к властям сейчас занимает следующую позицию:

- 1) совместно с властью вырабатывают и реализуют общественно важные программы (35,1 %);
- 2) используют власть для решения своих задач (20,7 %);
- 3) защищают интересы граждан перед органами власти (17,1 %);

- 4) помогают власти в ее планах и начинаниях (12,6 %);
- 5) занимаются своим делом, стараясь не вступать в лишние контакты с властями (10,8 %).

Фактически все позиции здесь имеют позитивную направленность. Как и в случае с населением, позиция «препятствуют властям» – имеет единичные показатели.

Экспертный опрос по некоммерческому сектору также показал, что большинство общественных объединений и общественных организаций / гражданских инициатив по отношению к властям сегодня занимает конструктивную позицию:

- 1) защищают интересы граждан перед органами власти (19,3 %);
- 2) совместно с властью вырабатывают и реализуют общественно важные программы (19,0 %);
- 3) занимаются своим делом, стараясь не вступать в лишние контакты с властями (18,6 %);
- 4) используют власть для решения своих задач (18,0 %).

Позиция «препятствуют властям» по некоммерческому сектору имеет нулевой показатель. Таким образом, на этом этапе следует сделать вывод, что *принцип взаимозависимости и взаимной поддержки властей и общественных организаций / гражданских инициатив в Иркутской области в той или иной степени реализуется.*

Как сейчас государство в целом относится к общественным объединениям и другим некоммерческим организациям / гражданским инициативам? – вопрос, который позволяет также дифференцировать позиции всех заинтересованных участников (прил. 2, рис. 6.2). Полученные ответы на данный вопрос свидетельствуют о содержании проблемы и ее остроте. *Так, по мнению населения, обнаружилось, что государство «пытается установить контроль над ними» (12,6 %); «существует большой разрыв между провозглашаемой и фактической политикой государства в отношении гражданских инициатив» (11,1 %); «пытается помогать и сотрудничать, но делает это неумело» (11,0 %); «относится к ним равнодушно, игнорирует их» (7,4 %); «последовательной государственной политики в этой области не существует» (6,8 %) и др. К сожалению, такие позиции как «поощряет их развитие» (6,2 %) и «налаживает сотрудничество с ними как с равноправными партнерами» (4,0 %) имеют более низкие показатели. 37,8 % опрошенных вообще затруднились ответить на данный вопрос.*

Что думают эксперты со стороны органов государственной власти и др. групп экспертов? По приоритетности обозначились следующие позиции:

1. *Последовательной государственной политики в этой области не существует (21,9 %);*
2. *Существует большой разрыв между провозглашаемой и фактической политикой государства в отношении гражданских инициатив (21,0 %);*

3. Государство пытается помогать и сотрудничать, но делает это неумело (11,4 %); Пытается установить контроль над ними (11,4 %);
4. Налаживает сотрудничество с ними как с равноправными партнерами (10,5 %);
5. Поощряет их развитие (10,5 %) и др.

Мнение экспертов со стороны некоммерческого сектора:

1. *Существует большой разрыв между провозглашаемой и фактической политикой государства в отношении гражданских инициатив* (20,3 %);
2. *Государство пытается установить контроль над ними* (19,2 %);
3. Пытается помогать и сотрудничать, но делает это неумело (17,2 %);
4. Последовательной государственной политики в этой области не существует (15,4 %);
5. Относится к ним равнодушно, игнорирует их (10,5 %) и др.

Единодушие всех опрошенных сторон налицо – фактическая политика государства в отношении гражданских инициатив не достаточно конструктивна и требует пересмотра. Реализация гражданских инициатив является вопросом государственной важности.

Интересно, что на вопрос о том, для деятельности каких некоммерческих общественных организаций власти должны создавать благоприятные условия, ответы по приоритетности первых двух выделенных позиций всех опрошенных групп совпали. Главным образом, *речь идет о тех некоммерческих общественных организациях, которые призваны реально помогать людям, приносить им пользу, и которые участвуют в решении вопросов местной жизни в своем городе (селе, поселке)* (прил. 2, рис. 6.3). По третьей позиции мнения разошлись, если представители органов государственной власти и др. групп экспертов считают, что власти должны создавать благоприятные условия для тех некоммерческих общественных организаций, которые участвуют в выполнении задач, поставленных руководством страны, то, по мнению респондентов по опросу населения и представителей некоммерческого сектора, в качестве таких организаций выступают – организации, деятельность которых не наносит вреда обществу и стране. «По возможности всем без исключения» – данная позиция по всем опрошенным группам не имеет ярко выраженных показателей. Что позволяет еще раз сделать вывод о необходимости проведения дифференцированной политики в отношении некоммерческих общественных организаций на современном этапе. Кстати, позиция по общественным организациям, «вовремя предоставляющим отчетность о своей деятельности», – как показало исследование, в большей степени актуальна для самого некоммерческого сектора.

На предмет уточнения (раскрытия) своей позиции экспертам задавался вопрос о том, каким конкретно общественным объединениям и другим некоммерческим организациям / гражданским инициативам власти должны создавать благоприятные условия (оказывать финансовую под-

держку, предоставлять налоговые льготы, помещения, связь, доступ к информации и проч.). Эксперты первой группы – со стороны *органов государственной власти* и др. групп экспертов – в числе таких организаций выделили: ветеранские организации; объединения инвалидов; молодежные организации; женские организации; организации развития предпринимательства и бизнеса; организации по защите и сохранению истории и культуры; благотворительные организации; детские организации и др. (прил. 2, рис. 6.4). Только 3,5 % опрошенных отметили, что благоприятные условия должны быть созданы всем общественным объединениям, поскольку «все должны находиться в равных условиях», «не должно быть разделения», «все НКО должны иметь равные возможности». Среди других организаций были названы: экологические организации, Общественные палаты, Красный Крест, правозащитные организации и др. (в том числе, наиболее эффективные).

Со стороны *некоммерческого сектора* были отмечены: организации инвалидов; молодежные объединения; женские организации; объединения ветеранов. Озвучено, что власти должны создавать благоприятные условия также организациям, решающим социальные задачи; организациям, показывающим реальные результаты работы; фондам; детским организациям; правозащитным организациям; спортивным объединениям; творческим союзам; организациям по работе с семьей; национально-культурным объединениям; экологическим объединениям; организациям, связанным с образованием и др. 1,9 % экспертов данной группы ответили, что «все имеют право на поддержку».

Какие требования государство вправе предъявлять к общественным объединениям и другим некоммерческим организациям в обмен на свою поддержку? На взгляд респондентов и экспертов, *основных требований два*: 1) *строго выполнять законы*; 2) *не участвовать в коррупции, уклонении от налогов, прикрытии недобросовестного бизнеса* (прил. 2, рис. 6.5). Данные требования единодушно указали все группы опрошенных (по наибольшему показателю). По результатам исследования, рельефно проявляется социально-ориентированная направленность выдвигаемых требований к общественным объединениям и другим некоммерческим организациям. Если население подходит с позиции эффективности деятельности таких организаций, то, по заключению экспертов обеих групп, требуется в первую очередь «проявлять инициативность, вести активную деятельность». И опять, по некоммерческому сектору четко прозвучало, что в числе выдвигаемых требований со стороны государства должны быть: предоставление подробной и достоверной отчетности; ведение высокоэффективной деятельности; более строгое следование этическим нормам, чем в коммерческих организациях; согласование целей и задач деятельности организации с государственными органами.

В каких сферах проявляется наибольшее влияние самого некоммерческого сектора Иркутской области на принятие решений органов власти? Данный вопрос вызвал определенное затруднение у респондентов по опросу среди населения (27,6 %) и у экспертов по некоммерческому сектору

ру (12,5 %). В целом же, *представители всех опрошенных групп солидарны в том, что такой сферой в Иркутской области, в которой проявляется наибольшее влияние некоммерческого сектора на принятие решений органов власти, выступает сфера экологии и защиты природных ресурсов* (прил. 2, рис. 6.6). Среди других сфер выделяется экспертами обеих групп – сфера социальной защиты граждан, сфера защиты прав граждан и сфера молодежной политики. Те же позиции выделяются и различными категориями населения, правда имеют, в отличие от экспертов, меньшие показатели. Нельзя не выделить и те сферы, в которых практически не прослеживается влияние некоммерческого сектора: международные отношения; бюджетная политика; безопасность и оборона; судебная система; правоохранительная система; национальная политика; информационная политика; жилищная и градостроительная политика; наука и образование; здравоохранение и др., в том числе, экономическое развитие и предпринимательство. Если исходить из «порога» не более 6 % (признание влияния), то в это число попадает, по мнению населения и экспертов по некоммерческому сектору, и региональная политика. Даже в сфере культуры и трудовых отношений, влияние минимально.

Вопрос: в каких сферах проявляется наибольшее влияние самого некоммерческого сектора Иркутской области на принятие решений органов власти в зависимости от места проживания и пола респондентов по опросу населения показал следующее распределение позиций (прил. 2, рис. 6.7). Мы видим, что существенной разницы в понимании проблем городским и сельским населением нет. Единственный момент состоит в том, что население сельской местности более склонно считать, что влияние некоммерческого сектора ярче проявляется в сфере науки и образования и в сфере трудовых отношений.

Посредством каких форм и методов осуществляется диалог гражданского общества с органами власти и бизнесом на протяжении последних двух лет в Иркутской области? Исследование показало, что такой диалог осуществляется в основном через участие в семинарах и конференциях разного уровня (в том числе, через их организацию и проведение). Другой формой выступает публикация актуальных материалов в СМИ и обращение с письмами, петициями, сбор подписей (прил. 2, рис. 6.8). Последняя форма является более распространенной для некоммерческого сектора. На четвертой позиции по обеим группам экспертов – «участие в различных формах диалога представителей НКО и власти». Таковы четыре основные формы, посредством которых осуществляется диалог гражданского общества с органами власти и бизнесом на протяжении последних двух лет в Иркутской области. Из наиболее распространенных также выделяется «участие в обсуждении законодательных инициатив (в том числе, их организация)». По мнению экспертов со стороны органов государственной власти и др. групп экспертов, такие формы и методы, как – «обращение к органам власти путем протестных акций», «обращение к представителям власти посредством использования неформальных связей», «участие в коали-

циях (объединениях, ассоциациях), в том числе их организация», и др. – не входят в число основных. По некоммерческому сектору как не основные выделены: «обращение к представителям власти посредством использования неформальных связей», «участие в коалициях (объединениях, ассоциациях), в том числе их организация», «использование приемных органов и представителей власти», «обращение к органам власти путем протестных акций», «обращение в контрольные и правоохранительные органы». *Помимо основных и не основных форм и методов, с помощью которых осуществляется диалог гражданского общества с органами власти и бизнесом на протяжении последних двух лет в Иркутской области, целесообразно выделить те формы и методы, которые фактически не получили распространение в Иркутской области (гражданская практика как таковая в этом аспекте отсутствует): «Обращение в Европейский суд по правам человека Совета Европы»; «Обращение к правительственным международным организациям»; «Обращение к неправительственным международным организациям»; «Обращение к электронным и печатным СМИ зарубежных стран»; «Участие в программах по повышению квалификации власти»; «Инициирование и участие в судебных процессах»; «Продвижение во власть лиц, ориентированных на межсекторное партнерство»; «Использование избирательных компаний для косвенного влияния» и др. (имеют совсем низкие показатели).*

Таким образом, по данным проведенных исследований, в Иркутской области существуют и реализуются различные механизмы и формы взаимодействия институтов гражданского общества с государством и бизнесом. Другой вопрос: какие из них наиболее эффективны, требуют своего развития, или, наоборот, для Иркутской области не приемлемы? Есть основания сделать вывод, что потенциал *взаимодействия институтов гражданского общества с государством и бизнесом на текущий период не высокий: не идет системно его накопление, существует проблема в его сохранении, а также поиске ресурсов для его развития.*

Теперь конкретно о *поддержке государством и бизнесом институтов гражданского общества.*

Для реализации социальных, культурных и иных значимых для жизнеобеспечения сообщества проектов важной формой поддержки гражданских инициатив является ресурсное обеспечение. Оно касается самых разнообразных ресурсов – от помещений до финансовых ресурсов. Несмотря на наличие различных форм финансовой поддержки, вопрос усиления такой поддержки не только остается исключительно важным, но и усиливается. На территории Иркутской области многие социальные инициативы поддержки населения сформировали свою ресурсную базу за счет международных программ (проекты поддержки детей с ограниченными возможностями, создание специализированных территорий для их развития, образовательные программы, ресурсные центры, кризисные центры и т. д.).

Характерной чертой бизнеса в России в целом, и в Иркутской области, в частности, является его не высокая социальная ответственность. Это

проявляется не только в характеристике бизнеса со стороны населения и экспертов сектора НКО, но и со стороны экспертов органов власти.

В целом, исследование показало, что *население плохо осведомлено о наиболее значимых направлениях развития сотрудничества НКО с властными структурами и бизнесом*. Об этом свидетельствует тот факт, что 62,6 % респондентов не дали ответа на поставленный вопрос, а 29,9 % – затруднились ответить. Проявилось, что население имеет представление не столько о наиболее значимых направлениях развития сотрудничества НКО с властными структурами и бизнесом, сколько о принципах и формах сотрудничества. Были выделены: 1) проведение форумов, конференций, семинаров; 2) общественные центры (советы, общества, союзы); 3) принцип взаимовыгоды; 4) выражение общественного мнения; 5) проекты и программы; 6) благотворительность; 7) решение различных социальных проблем и др. Большинство ответов носило общий характер.

Эксперты со стороны органов власти и др. групп экспертов в качестве наиболее значимых направлений развития сотрудничества НКО с властными структурами и бизнесом назвали:

1. *Социальное направление, в рамках которого осуществляется совместная реализация социально-значимых проектов* (в том числе, совместная организация мероприятий, программ, проектов; совместная работа власти, бизнеса и НКО при стратегическом планировании; реализация социально значимых проектов; реализация национальных проектов и др.).

2. *Экологическое направление.*

3. *Наука и образование как предмет научных и общественных курсов.*

4. *Экономическое направление.*

5. *Организация различного рода конкурсов*

6. *Грантовая поддержка* (в том числе, получение грантов на интересные программы; заказы исследований и программ на конкретную тематику).

7. *Финансирование и поддержка* (а именно: бюджетное финансирование; поддержка общественно-значимых гражданских инициатив; создание фондов содействия).

8. *Советы, координационные совещания.*

Исследование также показало, что представители некоммерческого сектора, как и население, плохо осведомлены о наиболее значимых направлениях развития сотрудничества НКО с властными структурами и бизнесом. Об этом свидетельствует тот факт, что 43,6 % опрошенных не дали ответа на поставленный вопрос, а 23,5 % – затруднились ответить. Между тем, другой частью опрошенных из наиболее значимых направлений развития сотрудничества НКО с властными структурами и бизнесом были выделены: информационно-образовательное направление; социальное партнерство; совместные проекты и их поддержка; сотрудничество на базе Общественных палат и советов.

На вопрос: *каким образом можно охарактеризовать состояние бизнеса в Иркутской области*, – мнения населения и экспертов по ряду вопро-

сов разошлись (прил. 2, рис. 6.9). По мнению респондентов по опросу населения, как и экспертов со стороны некоммерческого сектора, «в области сложился недопустимо высокий уровень социального неравенства» (первая позиция). С этим согласны и эксперты со стороны органов государственной власти и др. групп экспертов (вторая позиция). Также отмечается, что «руководство области стремится поощрять развитие бизнеса, но эта политика неэффективна из-за некомпетентности, недобросовестности и коррумпированности чиновничества» (по населению и некоммерческому сектору – вторая позиция). Кстати, она же стоит на первой позиции у экспертов со стороны органов государственной власти и др. групп экспертов. По мнению населения, было бы правильно ввести прогрессивное налогообложение, чтобы сократить неравенство в доходах. «Большинство населения области осознает, что бизнесмены многое делают для развития гражданского общества» – данное суждение среди населения стоит на последнем месте (1,7 %).

С мнением населения о том, что «было бы правильно ввести прогрессивное налогообложение, чтобы сократить неравенство в доходах» согласны и эксперты со стороны органов государственной власти и др. групп экспертов (11,9 %). Также на этом уровне имеют место по приоритетности такие суждения о состоянии бизнеса в Иркутской области, как: «Среди политических партий в Законодательном собрании есть такие, позиция которых по ключевым вопросам отражает интересы бизнеса»; «Руководство области не проявляет серьезной заинтересованности в развитии бизнеса»; «Российский бизнес становится все более цивилизованным»; «Созданы благоприятные условия для развития крупного бизнеса, а условия для среднего и малого неблагоприятны». Из особого мнения выделяются две позиции:

1. «На сегодняшний день неблагоприятны условия для любого бизнеса, поддержки от руководства области никакой. Если брать состояние бизнеса до сегодняшнего кризиса, то конечно же его можно было бы назвать цивилизованным и развивающимся, сегодня же царит хаос, паника, неразбериха, как среди руководителей крупных, средних и малых предприятий, так и среди населения. Политические партии и органы власти лоббируют определенные направления бизнеса в своих интересах, так всегда и было»;

2. «Высокий уровень коррумпированности и ряд многих других препятствий для развития бизнеса делает его малоэффективным для развития Иркутской области».

Что думают эксперты от некоммерческого сектора? Они также считают, что в настоящее время в Иркутской области «созданы благоприятные условия для развития крупного бизнеса, а условия для среднего и малого неблагоприятны» (11,3 %). Проявляется тревожность относительно того, что «руководство области не проявляет серьезной заинтересованности в развитии бизнеса» и/или «руководство области проявляет серьезную заинтересованность в развитии только такого бизнеса, который тесно связан с государственной властью». Лишь 2,8 % опрошенных по данной экспертной группе отметили суждение о том, что «большинство населения области

осознает, что бизнесмены многое делают для развития гражданского общества». По данной группе экспертов есть и особое мнение:

1. В регионе сложился недопустимо высокий уровень коррупции.
2. В регионе имеет место добровольно-принудительное спонсорство.
3. О распределении средств и развитии бизнеса: «Скажем так: ни для кого секретом не было, что имела или имеет место схема «деньги разгонялись в регионы, а затем в чемоданах – в Москву». Учитывая, что Иркутская область осталась единственной по России территорией, на которой возможен прирост добычи сырья, становится понятным, что большинство населения здесь обречено на обнищание. Как показывает мировая история, это закономерно для «сырьевых» регионов. Из года в год все крепче рука Москвы в Иркутске. Сюда же обращены стратегические интересы Китая. Например, большинство объектов коммерческой недвижимости в центре куплено московскими компаниями. Бюджетные средства неравномерно перераспределены в сторону национального округа из расчета на душу населения, наверное, для политической корректности. Центр объявляет о поддержке малого и среднего бизнеса, но эффективного механизма проталкивания денег в этот бизнес нет. Кроме того, благодаря отсутствию централизованной власти, решения центра гасятся на местах, и мелкий и средний бизнес продолжают «доить» в своих интересах. И получается, что руководители вынуждены возвращаться к старым «теневым» схемам. Поэтому перспектив у государственной политики современного НЭПа нет. Нет и перспектив для бизнеса в Иркутской области, кроме сырьевого».

На фоне приведенных высказываний *сложно выстраивать аргументы относительно успешности формирования гражданского общества в Иркутской области на ближайшую перспективу*. Взаимосвязь с бизнес-структурами непосредственно прослеживается, но как и в случае с вновь созданными муниципальными образованиями, здесь целый комплекс сложных социально-экономических и других проблем. На сегодняшний день гражданское общество как «хрупкое» социальное образование находится на пересечении разнонаправленных интересов и капиталов: с одной стороны, важно учитывать интересы государственных структур и органов местного самоуправления; с другой стороны, – бизнес-структур и неформальной среды.

Возвращаясь к вопросу о влиянии бизнес-процессов и бизнес-объединений на формирование гражданского общества, было необходимо выяснить, о каких общественных бизнес-объединениях знают или хотя бы слышали респонденты. Исследование показало, что по всем группам опрошенных на первом месте стоит – Торгово-промышленная палата (прил. 2, рис. 6.10). Со стороны населения также выделяются профсоюз и Российский союз промышленников и предпринимателей. Они же выделяются и экспертами со стороны органов государственной власти и др. групп экспертов, и экспертами со стороны некоммерческого сектора (правда, с перераспределением позиций, профсоюз – на третьем месте). Знание о месте и роли других общественных бизнес-объединений не прослеживается.

Такой вывод подтверждается и данными по вопросу: какие общественные объединения деловых структур являются наиболее влиятельными? 13,3 % (наибольший показатель) респондентов указали на Торгово-промышленную палату; 8,9 % – отметили Российский союз промышленников и предпринимателей. Нельзя забывать и том обстоятельстве, что более половины опрошенных среди населения не дали ответа или затруднились на него ответить.

В качестве наиболее влиятельных общественных объединений деловых структур экспертами со стороны органов государственной власти названы: 1) Российский союз промышленников и предпринимателей (28,3 %); 2) Торгово-промышленная палата (27,2 %).

Со стороны *некоммерческого сектора* наиболее влиятельной названа Торгово-промышленная палата (23,1 %). 12,7 % опрошенных также указали Российский союз промышленников и предпринимателей. Треть опрошенных не дали ответа на поставленный вопрос. Примечательно, что 7,3 % указали профсоюзы, а 6,5 % – Ассоциация российских банков. Выделение всего двух структур из достаточно большого перечня существующих на сегодняшний день лишний раз свидетельствует о слабой целевой направленности бизнеса на формирование гражданского общества.

В заключение был задан вопрос: *какую роль играют профессиональные организации бизнесменов в развитии гражданского общества в России?* (прил. 2, рис. 6.11).

Из рис. 6.11 видно, что эта роль довольно незначительная. Многие по опрашиваемым группам затруднились ответить. Отрицательно оценивается и степень поддержки развития бизнеса, особенно малого в Иркутской области. Особое мнение участников опроса четко выражает две позиции: 1) «На сегодняшний день неблагоприятны условия для любого бизнеса, поддержки от руководства области никакой»; 2) «Высокий уровень коррумпированности и ряд многих других препятствий для развития бизнеса делает его малоэффективным для развития Иркутской области».

Одним из важнейших критериев гражданского общества является независимость его институтов. Слабое ресурсное обеспечение резко повышает зависимость институтов гражданского общества от региональных и местных властей. Без заинтересованного участия власти многие организации и инициативные группы вынуждены сворачивать свою деятельность, что создает условия формировать так называемые «карманные организации». Уменьшению такой зависимости может способствовать исключение не прозрачных, внеконкурсных процедур поддержки. Серьезным испытанием для развития гражданских инициатив и сектора НКО стала муниципальная реформа, в ходе которой так повысились требования к эффективному использованию муниципальной собственности, что многие НКО вынуждены были расстаться с помещениями, перейти работать в квартиры, или вообще свернуть свою деятельность. Об этом много говорилось и на совете НКО, и на площадках по развитию гражданского общества. Создание Дома общественных организаций, расширение практики партнерского взаимо-

действия с бизнесом и государственным сектором могут способствовать восстановлению утраченных позиций и масштабов развития социальной и гражданской активности.

К сожалению, приходится констатировать факт снижения поддержки государством и бизнесом институтов гражданского общества. Другой особенностью является то обстоятельство, что благотворительность в значительной степени происходит вне поля некоммерческого сектора, обеспечивая адресную помощь, а не системную поддержку эффективно работающих НКО. Также снизились возможности ресурсной поддержки со стороны органов власти муниципальных образований, сократилась возможность реализации совместных программ с областной властью.

Анализ ответов свидетельствует не только о серьезной проблеме взаимодействия органов власти и бизнеса с сектором НКО. Преобладание контрольных, а не партнерских отношений, высокий уровень декларативности в признании социального партнерства, отсутствие навыков сотрудничества со стороны органов власти единодушно признаваемые всеми участниками опроса делают очевидным вывод, что фактическая политика государства в отношении гражданских инициатив не достаточно конструктивна. Именно поэтому она требует пересмотра в сторону осознания важности развития гражданских инициатив и формирования государственной политики, ориентированной на признание сектора НКО как полноправного партнера государства...» (с. 94–107).

Фрагмент из раздела 6 «Легитимность и эффективность механизмов и форм взаимодействия институтов гражданского общества с государством и бизнесом в Иркутской области пункта 2 «Специфика механизмов и форм взаимодействия институтов гражданского общества с государством и органами местного самоуправления»

«...Местное самоуправление представляет собой один из элементов организации публичной власти, специфика которого заключается в его двойственной природе. В институциональном аспекте органы местного самоуправления интегрированы в единый государственный механизм управления страной. В функциональном же аспекте местное самоуправление является важным элементом гражданского общества, формой политической самоорганизации локальных сообществ.

Иркутская область приступила к реализации Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в полном объеме с 1 января 2006 г. Принято 117 законов Иркутской области при формировании регионального законодательства о местном самоуправлении. В 2008 г. полностью решали все вопросы местного значения, к большому сожалению, лишь 5 муниципальных образований (поселений). В остальных муниципальных образованиях Иркутской области отсутствуют реальные возможности решения отдельных вопросов местного значения на уровне поселений. В этой связи заключены соглашения с органами местного самоуправ-

ления муниципальных районов о передаче им осуществления части полномочий органов местного самоуправления.

Понимая, что становление гражданского общества – сложный социальный процесс, и что залогом его успешного формирования является активная работа с населением, Общественная палата Иркутской области с Комиссией Общественной палаты Российской Федерации по местному самоуправлению и жилищной политике провели 6 июня 2008 г. в г. Иркутске «круглый стол» на тему «Эффективное местное самоуправление – опора гражданского общества». В работе «круглого стола» активное участие приняли представители Администрации и Законодательного собрания области, представители органов местного самоуправления (МСУ) первого и второго уровней, представители территориальных органов самоуправления (ТОСов).

В ходе работы «круглого стола» стало очевидным, что опыт реализации муниципальных реформ по ФЗ-131 оказался противоречивым. Налицо необеспеченность полномочий МСУ необходимой финансовой базой; отсутствие подготовленных кадров и административный прессинг серьезно снизили эффект от реформ. В то же время, необходимые меры по организации конструктивного диалога между гражданами и органами власти по настоящему не были предприняты. Экономические проблемы вкупе с демографическими факторами вызвали к жизни тезис о том, что местное самоуправление является правом, а не обязанностью граждан, и о целесообразности его создания уместно говорить только там, где жители хотят и могут влиять на работу органов власти. Очевидны стали противоречия в связи с двухуровневой системой МСУ. Органы власти сельских поселений часто ставятся в заведомо невыгодное положение, не позволяющее эффективно обеспечить развитие поселений. Многие полномочия с поселенческого уровня стали передаваться на вышестоящий уровень – это снижает веру жителей в местную власть, снижает их гражданскую активность. Было отмечено, что СМИ почти не освещают проблематику МСУ, гражданские инициативы населения. Все выступающие на круглом столе отмечали необходимость поддержки местных инициатив, общественных обсуждений по схемам территориального планирования, рассмотрения генеральных планов территорий, публичного обсуждения бюджетов.

По итогам работы «круглого стола» была принята объемная содержательная резолюция, в которой сделан акцент на то, что органы власти субъектов Российской Федерации должны оказать организационно-методическую помощь в разработке программ социально-экономического развития на уровне городских и сельских поселений.

Законодательному собранию Иркутской области рекомендовано:

1. Принять дополнительные нормативные акты, регулирующие деятельность ТОС (территориальное общественное самоуправление) на территории Иркутской области:

- о поощрении актива органов ТОС;
- о взаимодействии органов ТОС и структурных подразделений администрации муниципальных образований;

– о финансовой деятельности органов ТОС.

2. Разработать и рассмотреть законопроект «О поддержке некоммерческих организаций (НКО)».

Совет Общественной палаты работает над практической реализацией принятых решений.

Проведенные социологические исследования в муниципальных образованиях показали правильность вскрытых недостатков, предложений и выводов, сделанных на круглом столе:

– 92 % опрошенных подтверждают необходимость поддержки государством МСУ и некоммерческих организаций (НКО);

– 51,5 % указывают на недостаточное финансирование МСУ и подтверждают, что авторитет МСУ невысок и что полномочия пока бумажные;

– 71 % готовы принимать участие в общественных организациях;

– население знает лишь о существовании женских, ветеранских, спортивных и охотничьих общественных организаций, и отмечается активность лишь женских организаций;

– более 30 % опрошенных участвуют в женских организациях. Это объясняется тем, что в Иркутской области более активно работают женщины в третьем секторе некоммерческих и общественных организаций, а значит и в развитии гражданского общества;

– по данным проведенных исследований 37,5 % экспертов из руководителей МСУ являются также и руководителями общественных организаций, что позволяет им использовать свою способность что-либо изменить в лучшую сторону;

– социологические исследования показали интересную картину: некоторые главы муниципальных образований отмечают, что реформа МСУ навязана «сверху» и поэтому вызывает отчуждение. У местного сообщества имеется возможность влияния на механизм реализации через скоординированную активную работу некоммерческих организаций, позволяющую уменьшить, либо вообще нейтрализовать административный волюнтаризм, позволяя местному сообществу добиваться учета собственных интересов при принятии решений органами местного самоуправления.

Поэтому важно систематизировать в Иркутской области опыт деятельности общественных объединений по организации общественного сопровождения реализации положений ФЗ-131. В частности, уже имеется некоторый опыт организации участия общественности в реализации ФЗ-131, накопленный в некоммерческом секторе Иркутской области. Он распределен по нескольким направлениям, в числе которых:

- организация общественного сопровождения муниципальных выборов. Политическая активность третьего сектора упала после муниципальных выборов в г. Иркутске, так как из 15 зарегистрированных кандидатов, представителей НКО, ни один не выиграл выборы;

- содействие реализации ТОС. ТОСы работают лишь в г. Иркутске. В 2007 г. их было 2, в 2008 стало 5. В г. Ангарске администрация отказалась регистрировать ТОСы;

- организация участия общественности в публичных слушаниях. Публичных слушаний проведено более 10;

- организация участия общественности в собраниях (конференциях) по актуальным вопросам;

- организация подготовки независимых общественных экспертных заключений по актуальным вопросам и продвижение этих заключений в органах местного самоуправления. Выполнено несколько экспертиз.

Таким образом, рассмотрев положение в сфере местного самоуправления, Общественная палата Иркутской области признает, что муниципальная реформа создала предпосылки для усиления воздействия граждан и общественных организаций на органы *публичной* власти.

В то же время, в ходе реформы возникли обстоятельства, которые затруднили, а в ряде случаев, извратили содержание преобразований по ряду причин: это и финансовая неполноценность МСУ, административное давление на МСУ, несовершенство системы подготовки и переподготовки кадров, слабая мотивация органов местного самоуправления к ведению диалога с гражданами и, особенно, пассивность населения.

Важным фактором развития местного самоуправления становится максимальное включение в процесс управления территорией непосредственно населения муниципальных образований. Побуждение жителей к участию в местном самоуправлении во многом лежит в плоскости организационного и экономического укрепления муниципалитетов.

Одним из приоритетов должно стать донесение до людей объективных сведений о возможностях местного самоуправления в рамках самых разных коммуникационных площадок – от образовательных учреждений до средств массовой информации. Необходимо подготовить и реализовать комплекс мер по муниципальному просвещению граждан. Только таким путем можно сформировать в обществе подлинную культуру самоуправления.

Насколько в Иркутской области в настоящее время развиты связи органов государственной власти и местного самоуправления с НКО? По результатам исследования обнаружилось, что такие связи развиты в некоторой или определенной степени (прил. 2, рис. 6.12). Мало кто из опрошенных признал, что они развиты в значительной степени. Значительная часть опрошенных по населению и некоммерческому сектору затруднились ответить на данный вопрос, в особенности, по населению (57,6 %).

Приходится ли экспертам лично и их организации взаимодействовать с федеральными и региональными органами власти, органами местного самоуправления, представителями НКО, бизнес-структурами? По первой группе экспертов ответы распределились таким образом, что им в той или иной степени приходилось взаимодействовать со всеми перечисленными структурами и органами: в большей степени – с региональными органами власти (23,9 %); с органами местного самоуправления (21,0 %); с представителями НКО (18,2 %); в меньшей степени – с бизнес-структурами (15,3 %) и с федеральными органами власти (13,6 %).

Что касается экспертов от НКО, их организации приходится взаимодействовать с органами местного самоуправления (43,2 %), с региональными органами власти (29,5 %) и, в меньшей степени, – с федеральными органами власти (11,7 %).

Респондентами первой экспертной группы выделяются *четыре наиболее эффективные формы взаимодействия государственных органов, органов местного самоуправления и общественности (НКО): прежде всего, речь идет о совместной реализации социальных программ (26,1 %); участии в работе Общественных (координационных, консультационных) советов (22,3 %); на третьей позиции – гранты (субсидии) (15,2 %) и информационная поддержка (15,2 %).*

В задачи исследования входило проведение по единой согласованной методике экспертного опроса Глав Муниципальных образований Иркутской области с целью изучения основных форм и типов взаимодействия институтов гражданского общества с государством и органами местного самоуправления (прил. 3.1).

Мнение глав муниципальных образований Иркутской области о состоянии гражданского общества, полученное по единой системе индикаторов и согласованной методике исследования со всей очевидностью показало, что мы живем в одном обществе, переживаем похожие проблемы, даем одинаковые оценки происходящим социальным изменениям. Фактически оценочная модель состояния гражданского общества и особенностей его формирования на примере отдельного сельского района Иркутской области во многом совпадает с общей оценочной моделью по области, а значит и с позициями основных влиятельных социальных групп и населения в целом. На примере Аларского района, как и другого района Иркутской области, можно проследить динамику формирования гражданского общества и его основных структур в региональном аспекте.

Также в этой связи встал вопрос *о формировании гражданского общества в условиях развития новых муниципальных образований Иркутской области.* Для оценки хода реформы во вновь образованных муниципальных образованиях Иркутской области, было проведено исследование, эмпирическим объектом которого стали главы вновь образованных МО Иркутской области (прил. 3.2). Исследование проходило в несколько этапов, благодаря чему была получена *оценка хода реформы главами вновь образованных МО на момент их вступления в должность и к моменту истечения срока их полномочий.* Прежде всего, исследование позволило выявить *социально-экономические проблемы вновь образованных муниципальных образований Иркутской области.*

Резюмируя его основные итоги, следует заметить, что: на момент начала реформы, местные бюджеты Северных территорий имели устойчивый дефицит, который накапливался в виде долгов; избранные главы новых муниципальных образований ко времени вступления в должность, не имея достаточных средств к исполнению своих полномочий, расценивали эти полномочия как «бумажные»; закрепленные законодательно источники

доходов муниципальных образований в виде налога на имущество физических лиц, земельного налога и части подоходного налога, не позволяют наполнить бюджеты сельских МО; к моменту истечения срока полномочий главы вновь образованных МО, не нашли выхода из финансового тупика, и оказались в полной зависимости от дотаций и субвенций; авторитет местной власти в глазах населения не высок в силу того, что власть в лице глав вновь образованных муниципальных образований не является «действующей» из-за отсутствия средств; реформа МСУ расценивается самими главами как навязанная «сверху», что порождает определенное отчуждение; наиболее актуальными для вновь образованных муниципальных образований являются экономические и социально-демографические проблемы. Среди положительных моментов в реформе главы МО выделяют то, что до вступления ФЗ-131 в силу был введен переходный период. Также как плюс расценивают возможность опереться на помощь района. К отрицательным аспектам реформы респонденты относят сложности с финансовым обеспечением полномочий и зависимость от района. Никто из участвовавших в опросе глав вновь образованных муниципальных образований на момент проведения исследования не верил в то, что в их поселениях с 1 января 2009 г. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» реально начнет работать в полном объеме.

Таковы особенности взаимодействия гражданского общества с органами местного самоуправления...» (с. 107–111).

Фрагменты из приложения 2 (с. 146–190)

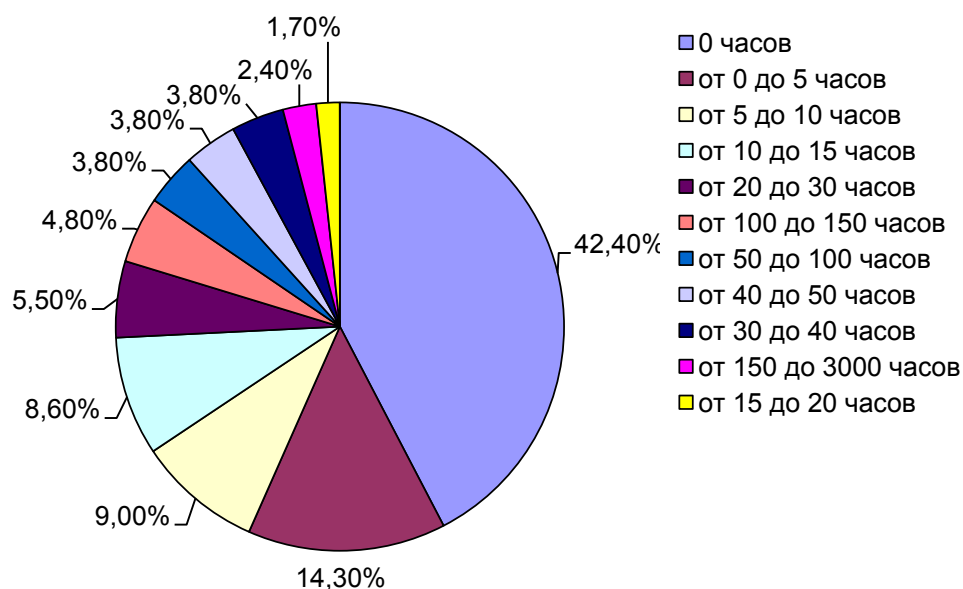

Рис. 1.5. Мнение населения о времени, потраченном ими в среднем за месяц на добровольную безвозмездную работу в интересах других людей в течение последнего года

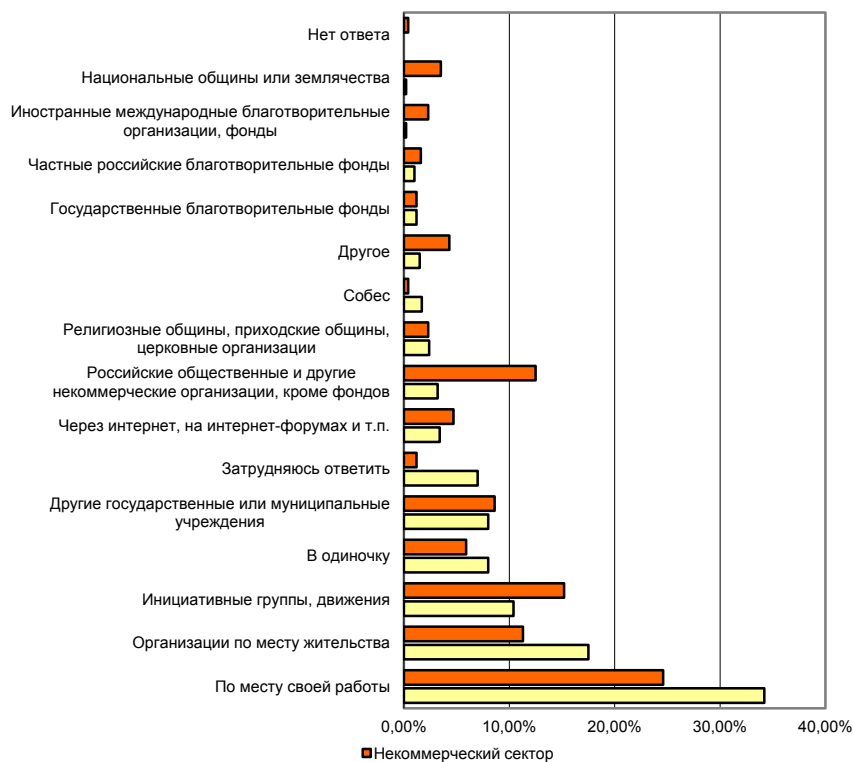

Рис. 1.6. Распределение ответов среди населения и экспертов от некоммерческого сектора относительно организаций, через которые респонденты осуществляли добровольную безвозмездную работу в интересах других людей, или они действовали в одиночку

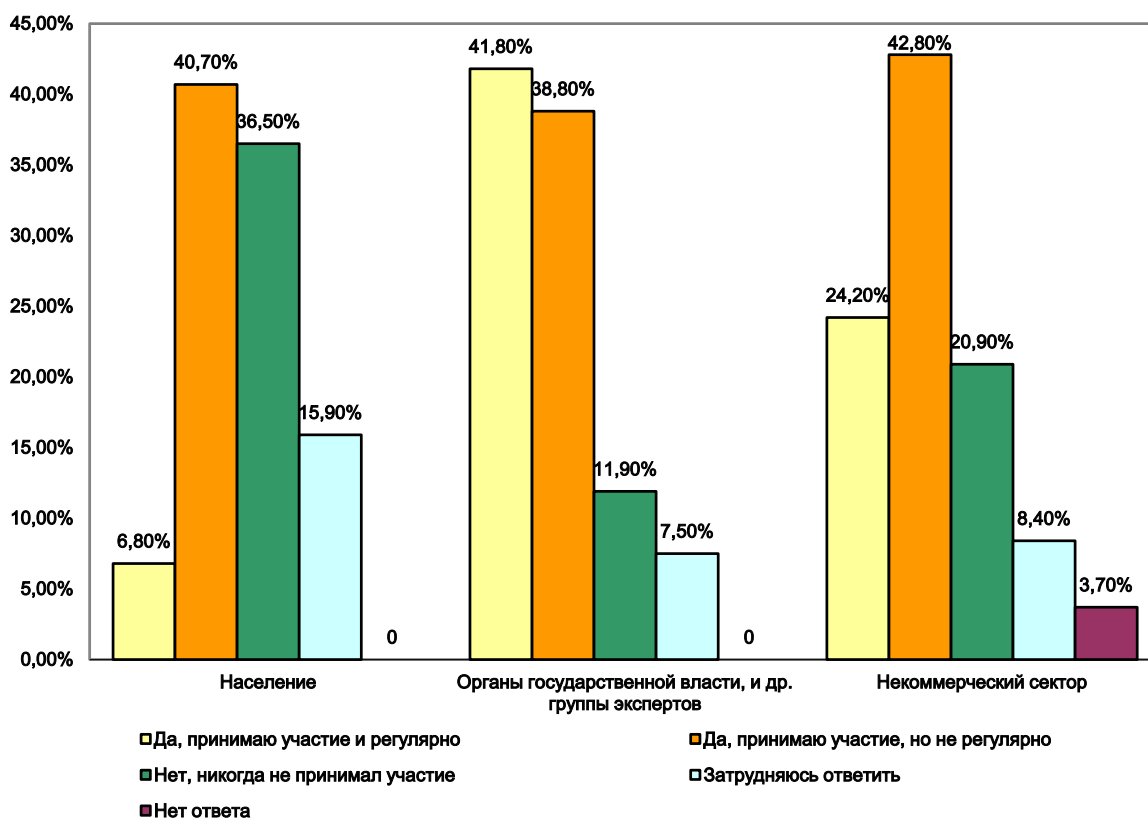

Рис. 1.7. Участие населения и экспертов в благотворительной деятельности

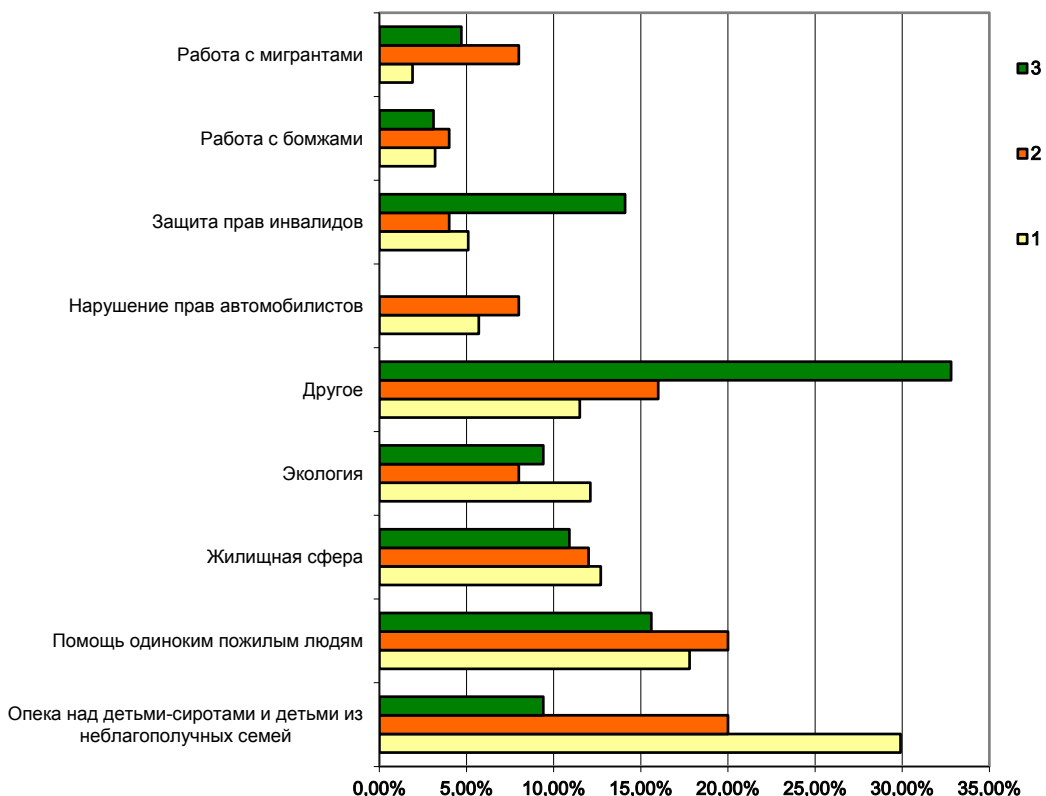

Рис. 1.8. Специфика сферы активности неформальных объединений граждан, в которые входят респонденты от населения и экспертов с целью решения конкретных социальных проблем. 1 – Население; 2 – Органы государственной власти, и др. группы экспертов; 3 – Некоммерческий сектор

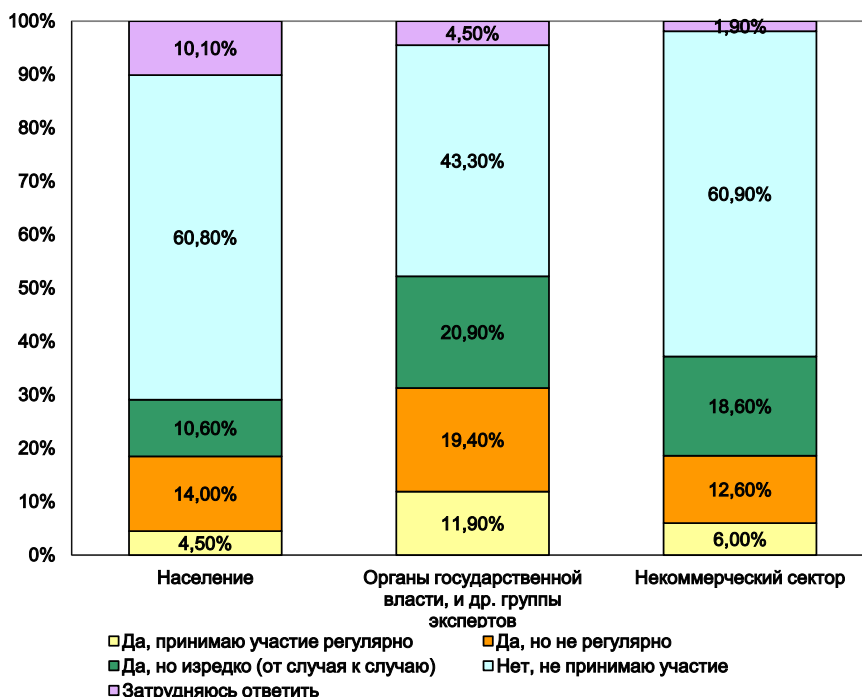

Рис. 1.9. Распределение ответов респондентов от населения и экспертов относительно участия в митингах, пикетированиях, шествиях и их регулярности

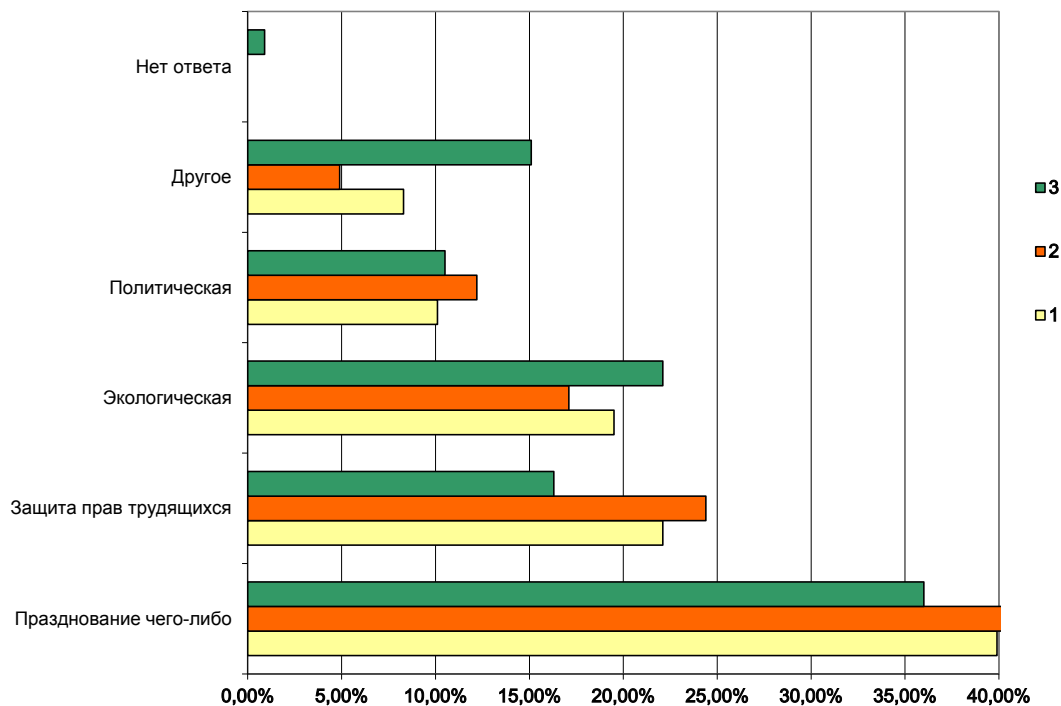

Рис. 1.10. Распределение ответов респондентов от населения и экспертов относительно цели последнего митинга, в котором они принимали участие. 1 – Население; 2 – Органы государственной власти, и др. группы экспертов; 3 – Некоммерческий сектор

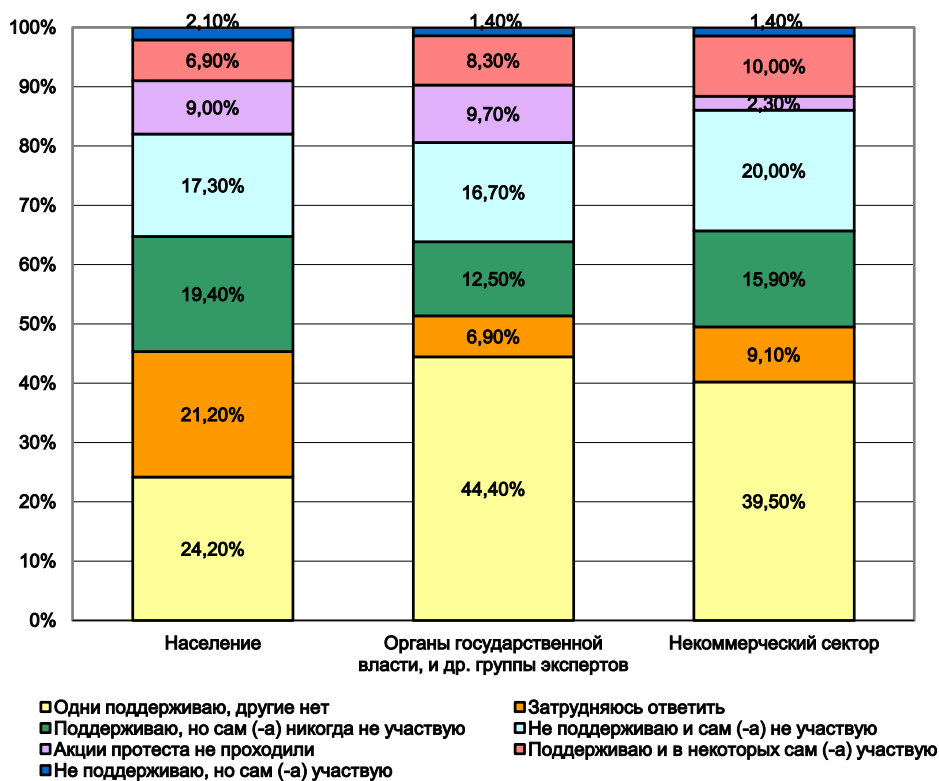

Рис. 1.11. Отношение респондентов от населения и экспертов к акциям протеста (пикетам, митингам, демонстрациям, забастовкам, «маршам несогласных» и т. п.), которые проходили в их городе (селе, поселке) за последние 5 лет

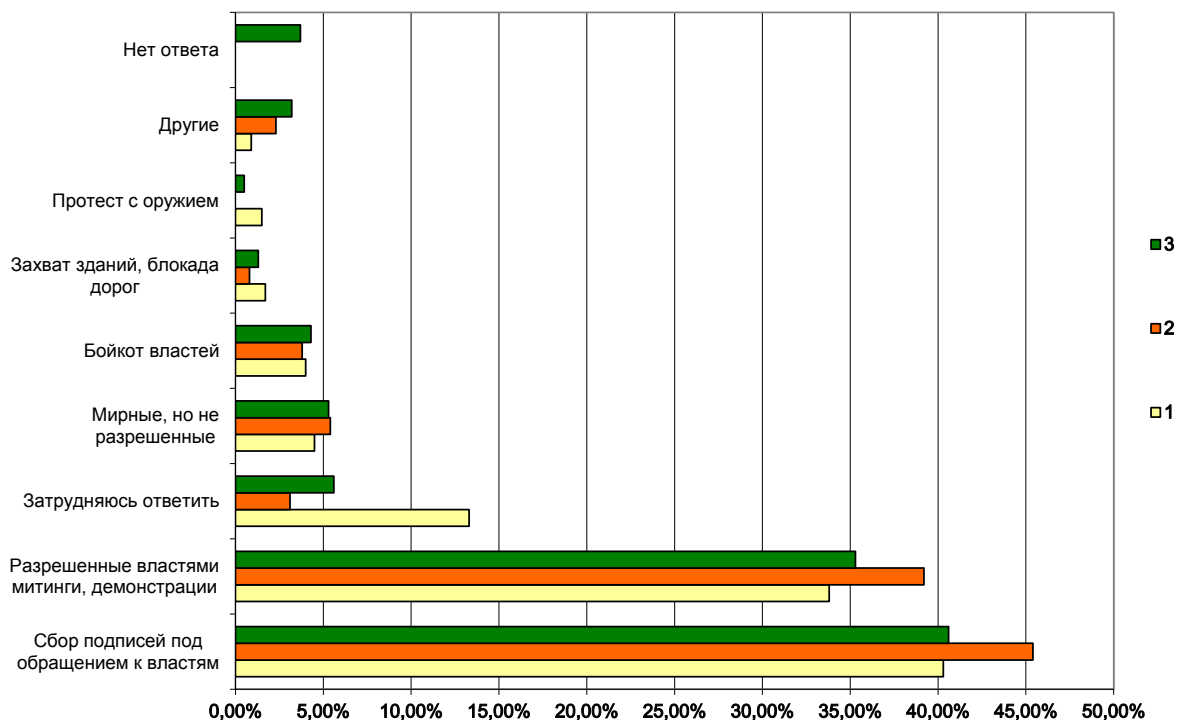

Рис. 1.12. Распределение ответов респондентов от населения и экспертов относительно допустимых форм протеста. 1 – Население; 2 – Органы государственной власти, и др. группы экспертов; 3 – Некоммерческий сектор

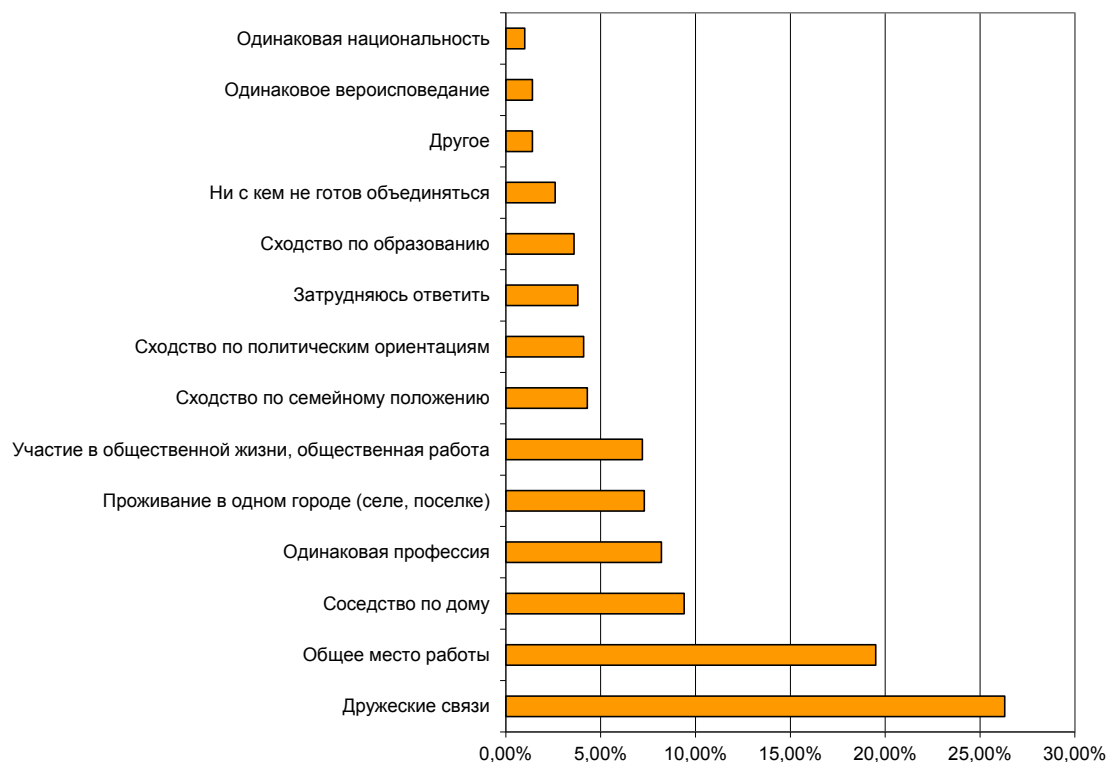

Рис. 1.13. С какими людьми респонденты готовы объединяться в первую очередь, чтобы решать общие проблемы, отстаивать общие интересы, в этой связи, какое сходство для респондентов важно

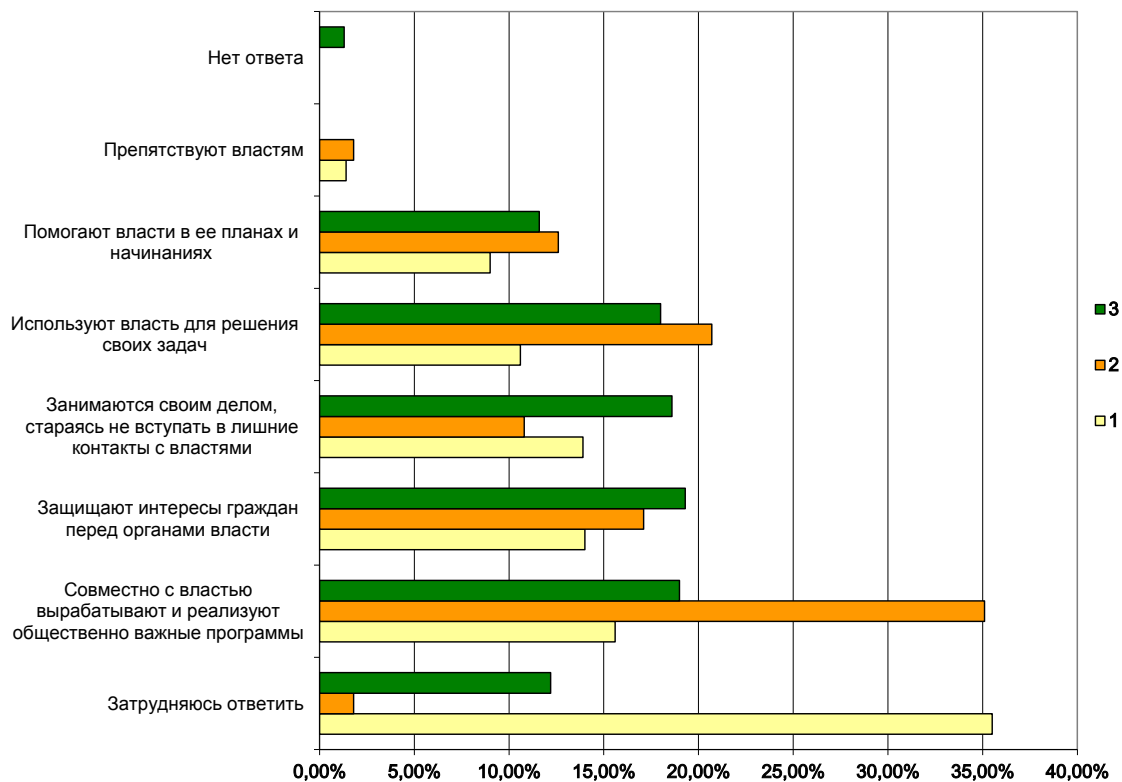

Рис. 6.1. Какую позицию по отношению к властям, по мнению респондентов и экспертов, занимает сейчас большинство общественных объединений и общественных организаций / гражданских инициатив. 1 – Население; 2 – Органы государственной власти, и др. группы экспертов; 3 – Некоммерческий сектор

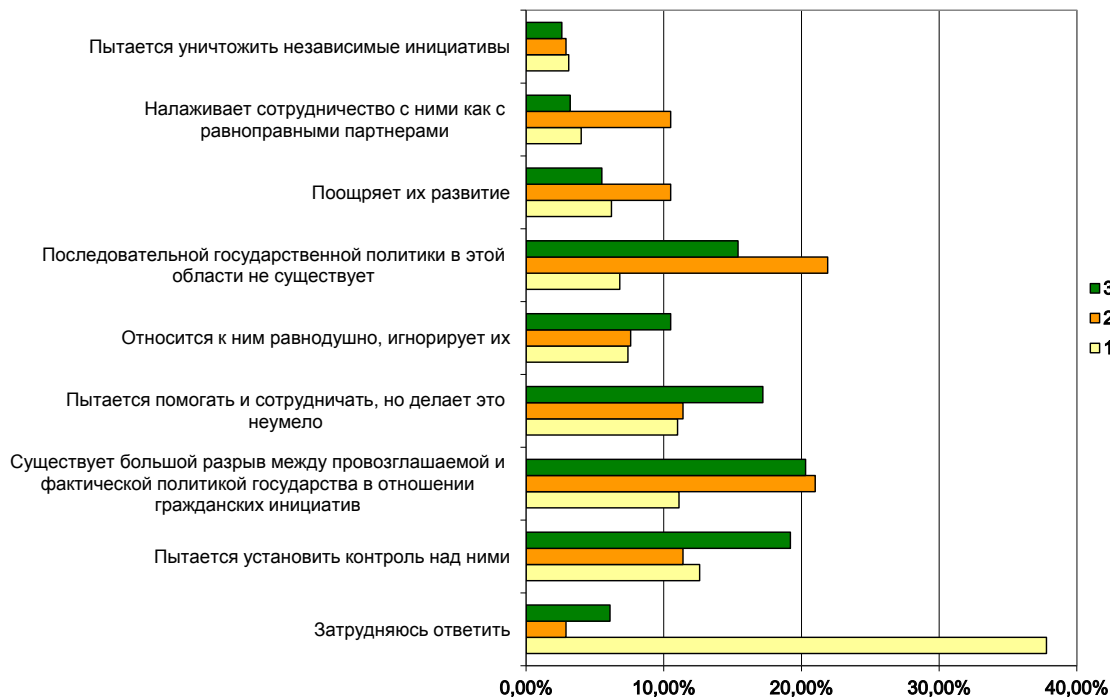

Рис. 6.2. Как сейчас государство в целом относится к общественным объединениям и другим некоммерческим организациям / гражданским инициативам, по мнению респондентов и экспертов. 1 – Население; 2 – Органы государственной власти, и др. группы экспертов; 3 – Некоммерческий сектор

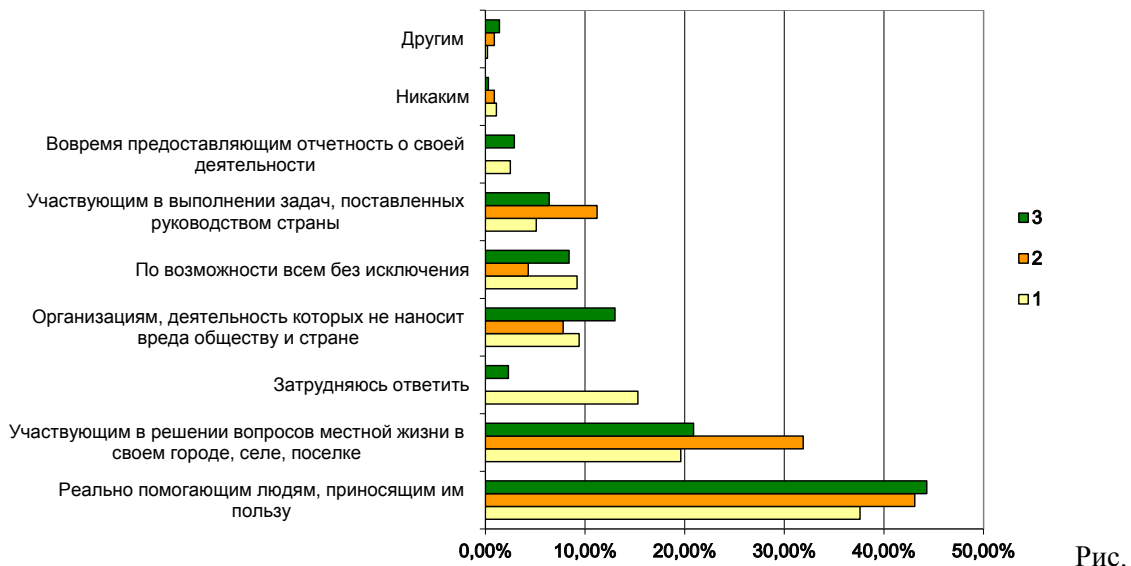

Рис. 6.3. По мнению респондентов и экспертов, для деятельности каких некоммерческих общественных организаций власти должны создавать благоприятные условия

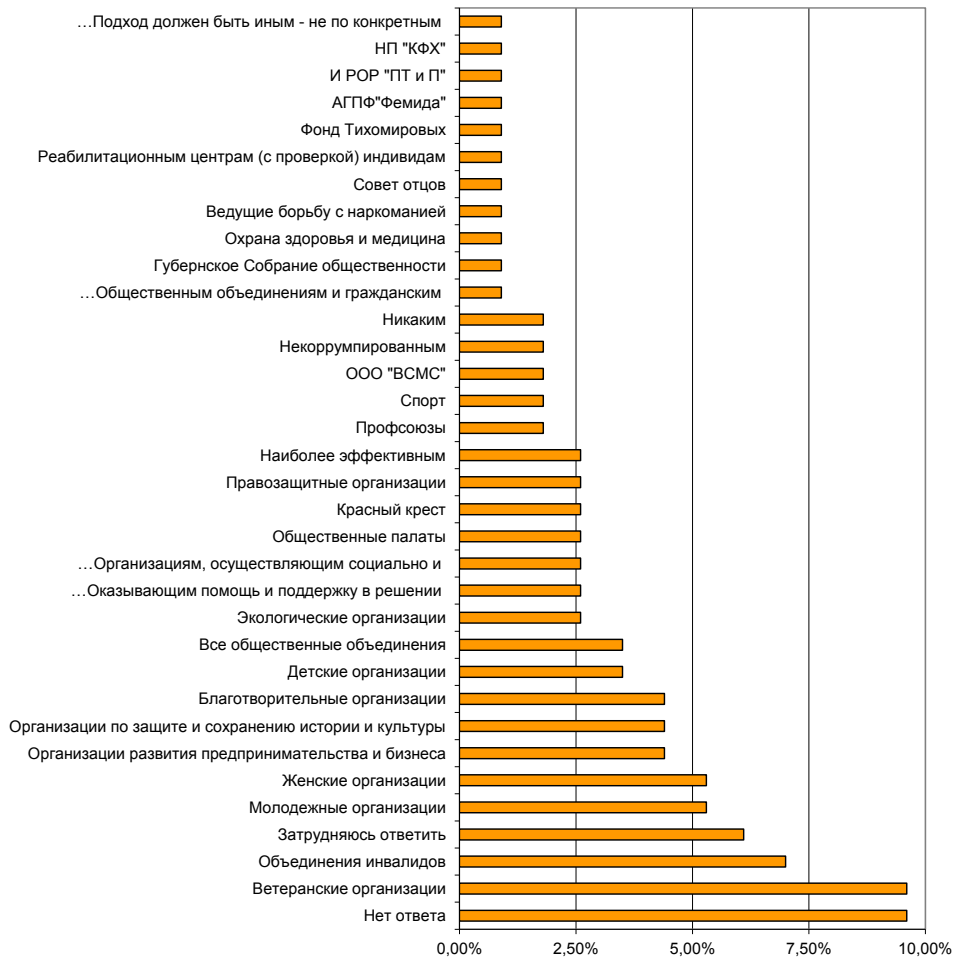

Рис. 6.4. Каким общественным объединениям и другим некоммерческим организациям / гражданским инициативам власти должны создавать благоприятные условия (оказывать финансовую поддержку, предоставлять налоговые льготы, помещения, связь, доступ к информации и проч.), по мнению экспертов первой группы

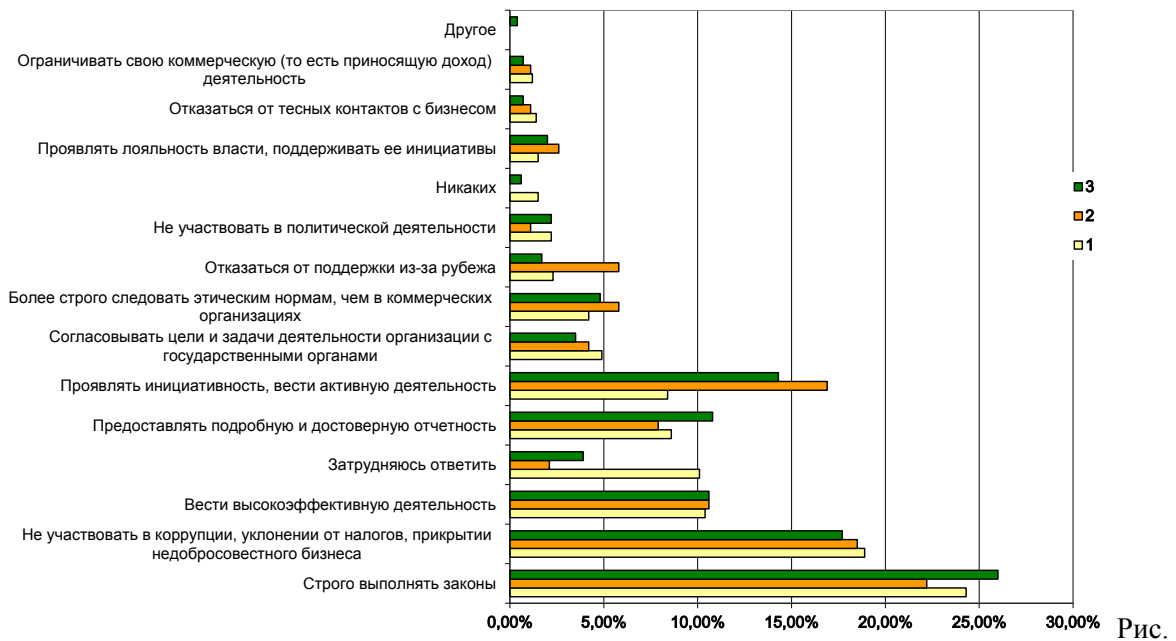

Рис. 6.5. Какие требования, на взгляд респондентов и экспертов, государство вправе предъявлять к общественным объединениям и другим некоммерческим организациям в обмен на свою поддержку. 1 – Население; 2 – Органы государственной власти, и др. группы экспертов; 3 – Некоммерческий сектор

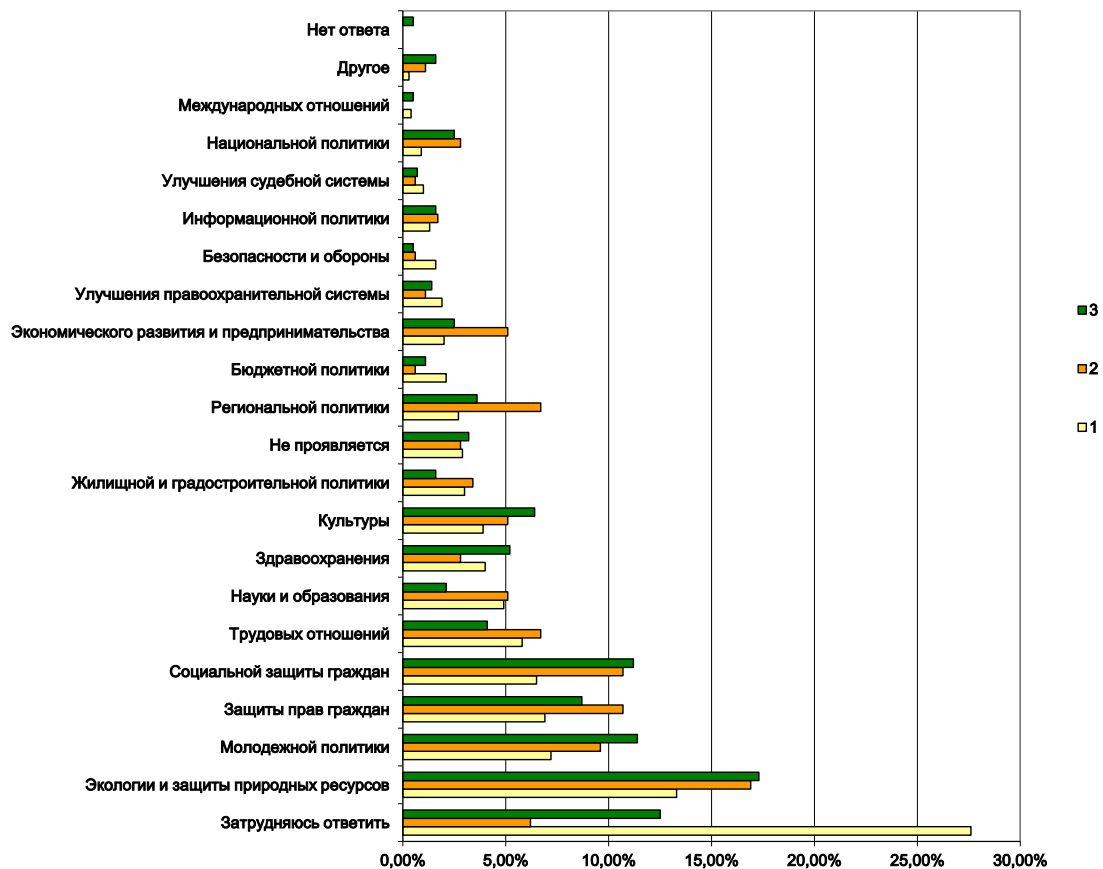

Рис. 6.6. По мнению респондентов и экспертов, в каких сферах проявляется наибольшее влияние самого некоммерческого сектора Иркутской области на принятие решений органов власти. 1 – Население; 2 – Органы государственной власти, и др. группы экспертов; 3 – Некоммерческий сектор

Городское население

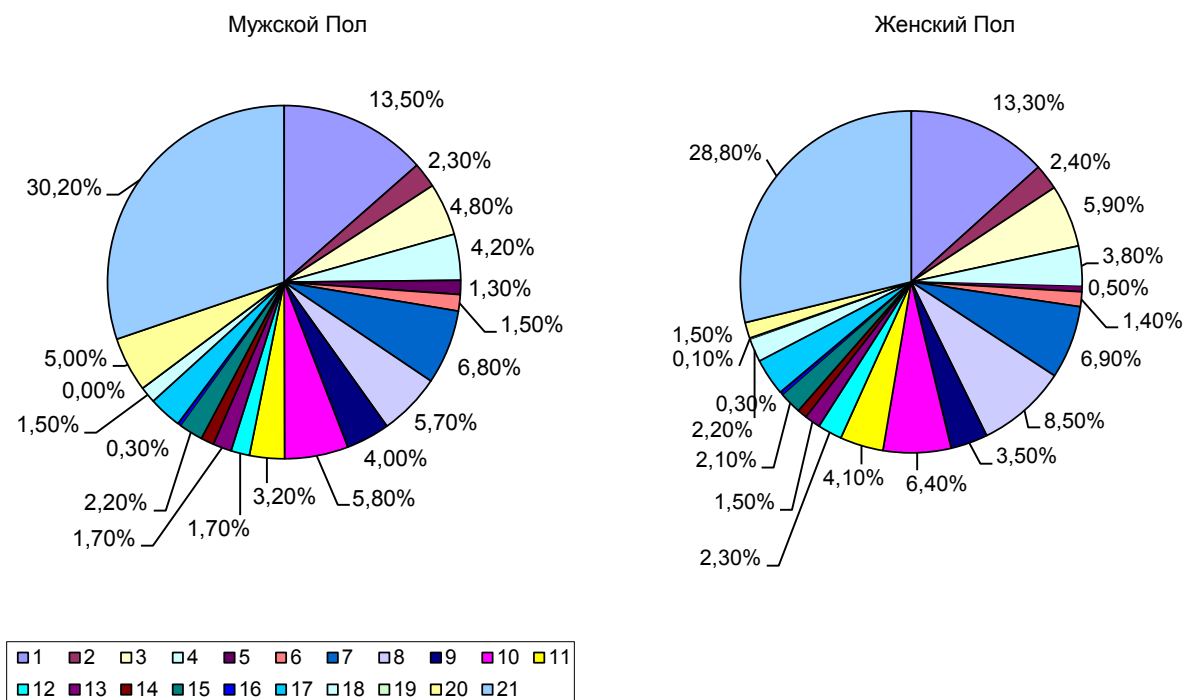

Рис. 6.7. В каких сферах проявляется наибольшее влияние самого некоммерческого сектора Иркутской области на принятие решений органов власти в зависимости от места проживания и пола респондентов по опросу населения. 1 – Экологии и защиты природных ресурсов; 2 – Региональной политики; 3 – Трудовых отношений; 4 – Науки и образования; 5 – Национальной политики; 6 – Информационной политики; 7 – Защиты прав граждан; 8 – Молодежной политики; 9 – Культуры; 10 – Социальной защиты граждан; 11 – Здравоохранения; 12 – Бюджетной политики; 13 – Безопасности и обороны; 14 – Улучшения судебной системы; 15 – Экономического развития и предпринимательства; 16 – Международных отношений; 17 – Жилищной и градостроительной политики; 18 – Улучшения правоохранительной системы; 19 – Другое; 20 – Не проявляется; 21 – Затрудняюсь ответить

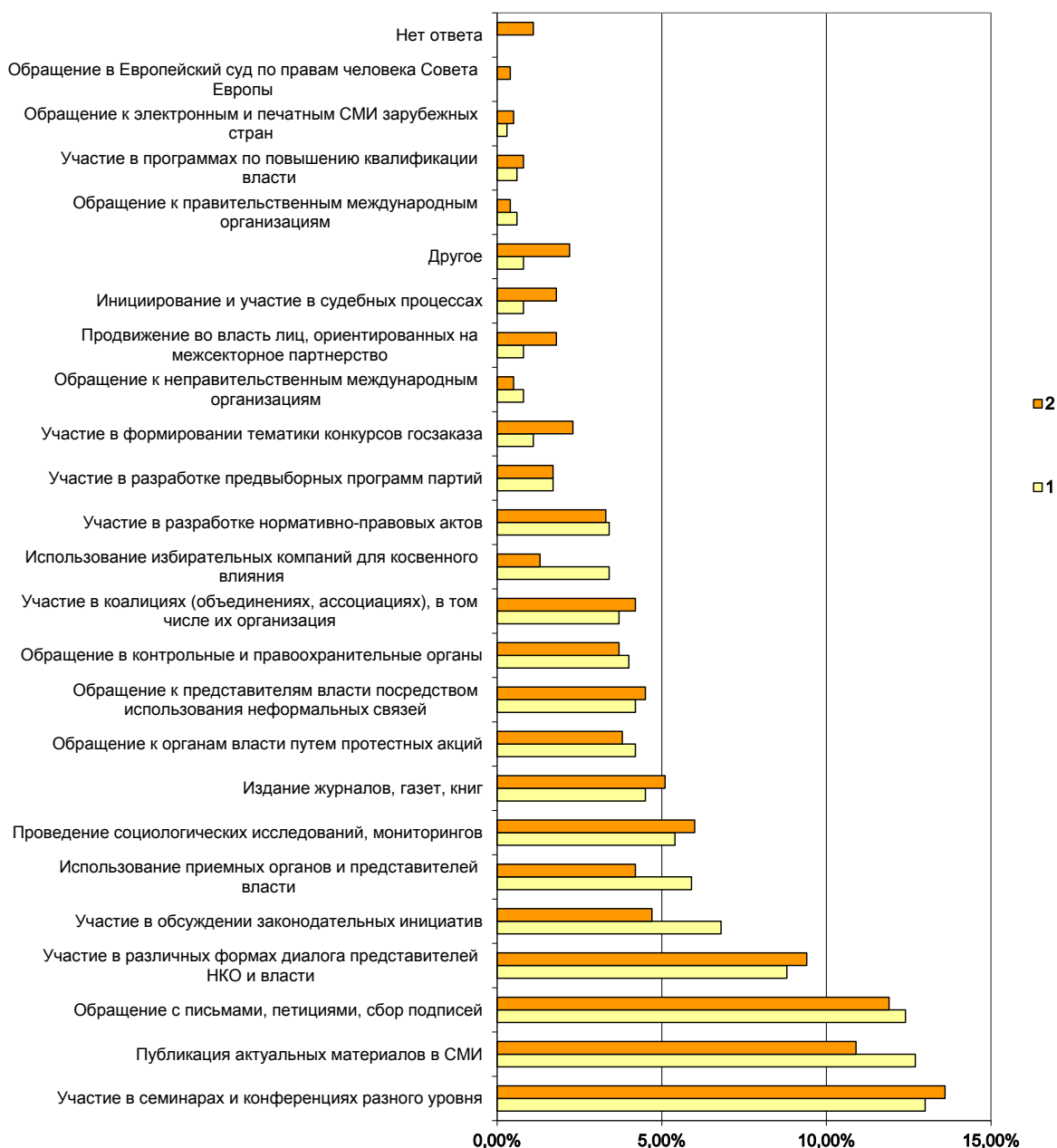

Рис. 6.8. Посредством каких форм и методов осуществляется диалог гражданского общества с органами власти и бизнесом на протяжении последних двух лет в Иркутской области, по мнению экспертов. 1 – Органы государственной власти и др. группы экспертов; 2 – Некоммерческий сектор

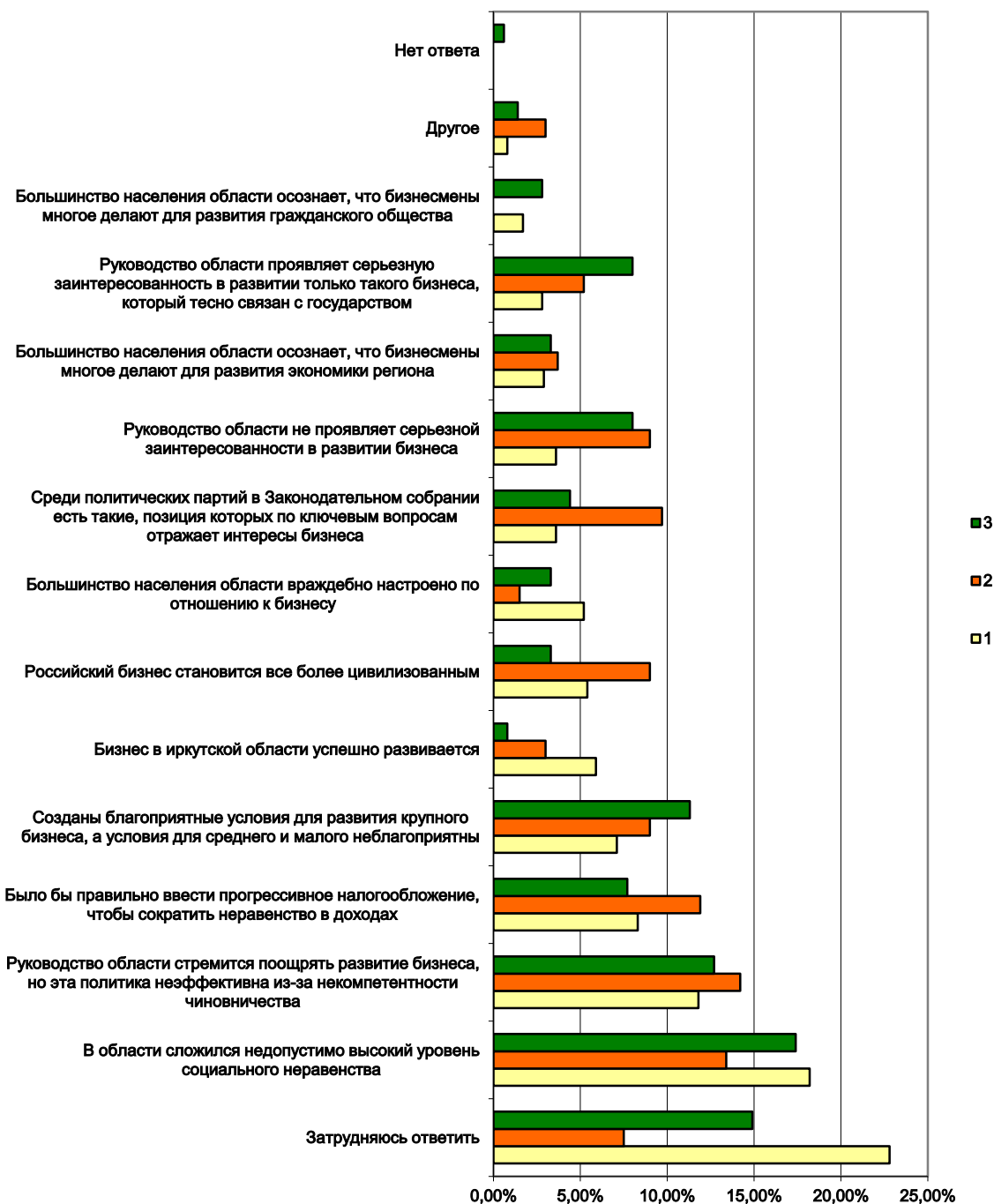

Рис. 6.9. Как, по мнению респондентов и экспертов, можно охарактеризовать состояние бизнеса в Иркутской области. 1 – Население; 2 – Органы государственной власти, и др. группы экспертов; 3 – Некоммерческий сектор

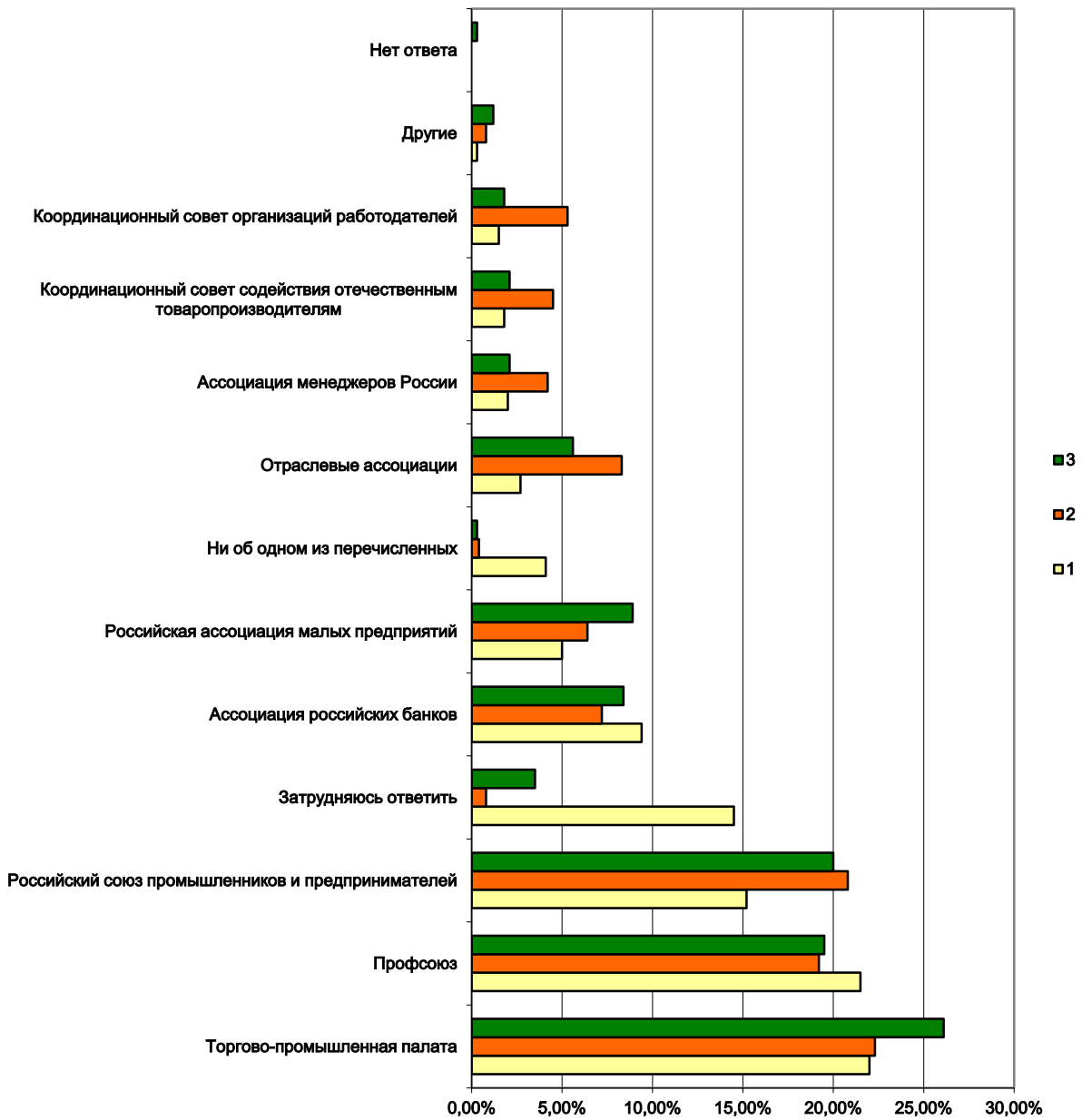

Рис. 6.10. О каких общественных бизнес-объединениях респонденты и эксперты знают или хотя бы слышали. 1 – Население; 2 – Органы государственной власти, и др. группы экспертов; 3 – Некоммерческий сектор

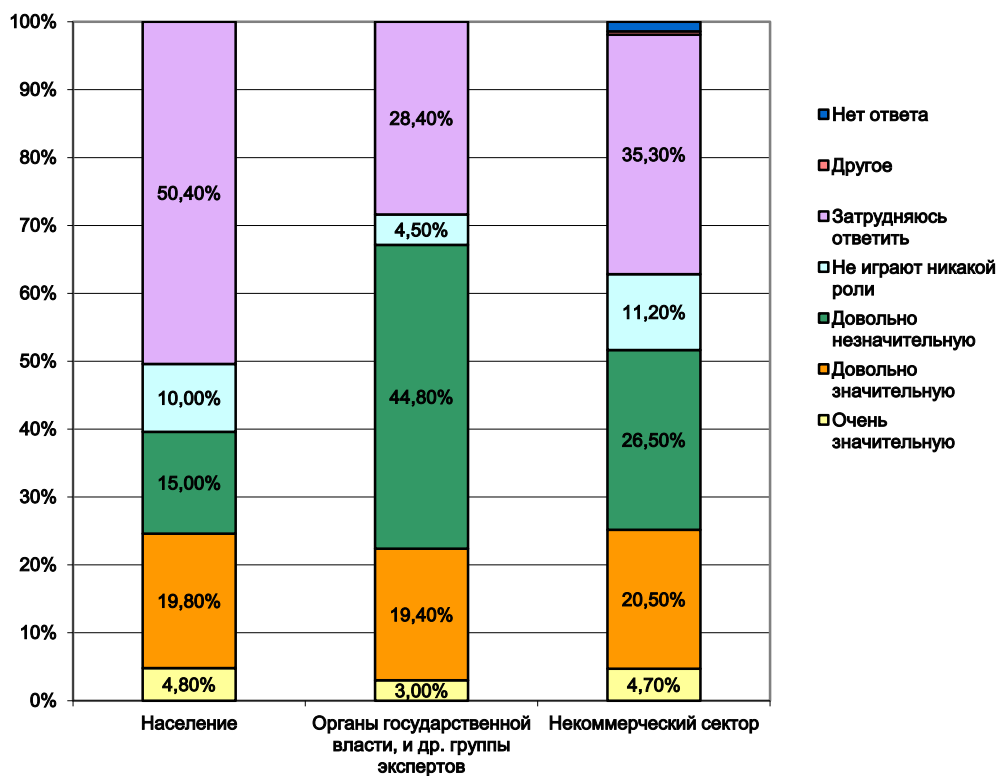

Рис. 6.11. По мнению респондентов и экспертов, какую роль играют профессиональные организации бизнесменов в развитии гражданского общества в России

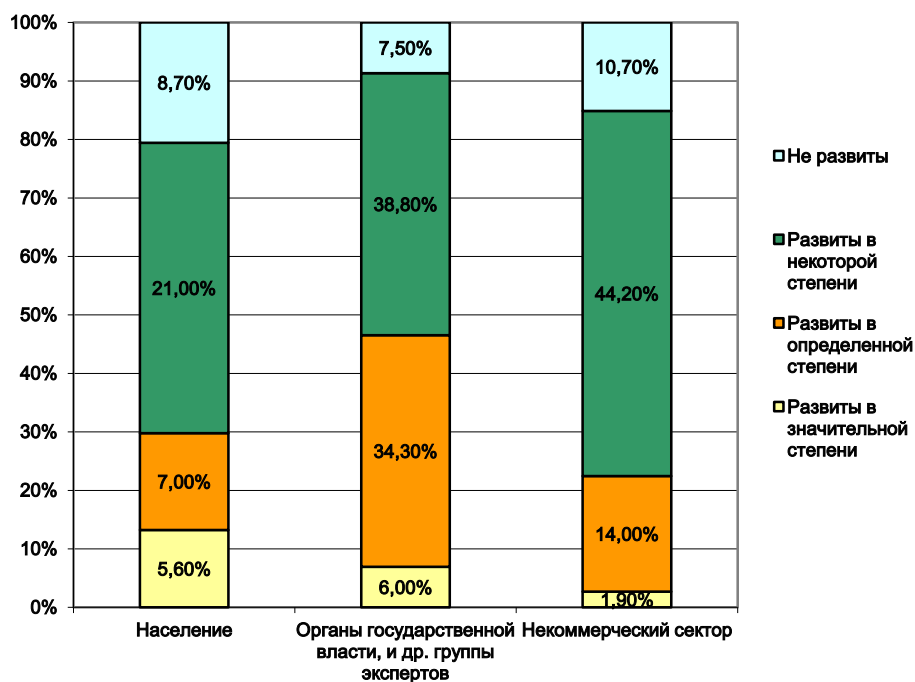

Рис. 6.12. По мнению респондентов и экспертов, насколько в Иркутской области в настоящее время развиты связи органов государственной власти и местного самоуправления с НКО

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Александрова Мария Валерьевна – студентка 3-го курса направления подготовки 39.03.01 Социология Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: Marija2010-13@yandex.ru

Аль-Мандиль Александра Мухаммед – студентка 2-го курса направления подготовки 39.03.01 Социология Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: nuraalmandil@gmail.com

Аносов Сергей Сергеевич – председатель первичной профсоюзной организации студентов ФГБОУ ВО «ИрНИТУ»; e-mail: ssanosov@mail.ru

Аскерова Виолетта Олеговна – студентка 3-го курса направления подготовки 39.03.01 Социология Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: sparkf@bk.ru

Батьянова Анастасия Ивановна – магистрант 2-го курса направления подготовки 38.04.04 Государственное и муниципальное управление ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: nastcor@mail.ru

Батьянова Екатерина Ивановна – кандидат медицинских наук, магистрант 1-го курса направления подготовки 38.04.04 Государственное и муниципальное управление ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: batyanova.ekaterina@mail.ru

Батьянова Людмила Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: batyanova.ekaterina@mail.ru

Бахтаиров Дмитрий Сергеевич – студент 4-го курса направления подготовки 38.03.04 Государственное и муниципальное управление Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: bahtair@mail.ru

Башкатова Татьяна Борисовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры иностранных языков для неязыковых направлений подготовки ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: tabadi@mail.ru

Беляева Екатерина Сергеевна – магистрант 1-го курса направления подготовки 38.04.04 Государственное и муниципальное управление ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: katrin.irkutsk@mail.ru

Бенчарова Юлия Павловна – студентка 3-го курса направления подготовки 39.03.01 Социология Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: brainstormulia@mail.ru

Бобков Александр Иванович – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социальной философии и социологии ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: iab71@inbox.ru

Бойченко Кристина Романовна – студентка 3-го курса направления подготовки 39.03.01 Социология Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: krisstina96@yandex.ru

Борисова Кристина Дмитриевна – студентка 4-го курса направления подготовки 39.03.01 Социология Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: kristymangoem.ru@mail.ru

Борисова Юлия Владимировна – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: julia661@mail.ru

Бояркина Валентина Витальевна – студентка 3-го курса направления подготовки 39.03.01 Социология Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: boyarkina.valentina@bk.ru

Васильев Михаил Александрович – преподаватель кафедры тактико-специальной и огневой подготовки ВСИ МВД России, майор полиции.

Васина Екатерина Сергеевна – студентка 4-го курса направления подготовки 39.03.01 Социология Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: vasina.katya-zima@yandex.ru

Галкина Анастасия Владимировна – студентка 4-го курса направления подготовки 39.03.01 Социология Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: 95_nastyia@list.ru

Гамерник Екатерина Вячеславовна – студентка 4-го курса направления подготовки 39.03.01 Социология Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: katty.gam@mail.ru

Годван Виктория Александровна – студентка 3-го курса направления подготовки 39.03.01 Социология Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: v.godvan@yandex.ru

Гольцова Евгения Викторовна – кандидат философских наук, доцент, декан социального факультета Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ», доцент кафедры социальной философии и социологии; e-mail: socioisu@mail.ru

Гончар Артем Сергеевич – студент 2-го курса направления подготовки 39.03.01 Социология Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: Rickoagsi@gmail.com

Горовая Арина Валерьевна – студентка 3-го курса направления подготовки 39.03.01 Социология Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: ternavskaia96@mail.ru

Грабельных Татьяна Ивановна – доктор социологических наук, профессор, заведующая социологической лабораторией региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ», профессор кафедры социальной философии и социологии; e-mail: tagr@bk.ru

Грицких Надежда Викторовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: anris@list.ru

Гуринович Людмила Анатольевна – старший преподаватель кафедры социальной работы Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: milgur@mail.ru

Гусельникова Татьяна Олеговна – студентка 4-го курса направления подготовки 39.03.01 Социология Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: Tanya.ignateva211195@mail.ru

Деренко Николай Васильевич – кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: derenko.n@gmail.com

Евстропьева Александра Григорьевна – студентка 4-го курса направления подготовки 39.03.01 Социология Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: leksigard@hotmail.com

Егорова Мария Александровна – студентка 3-го курса направления подготовки 39.03.01 Социология Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: rrrrrr.96@mail.ru

Заборская Алина Николаевна – студентка 2-го курса направления подготовки 39.03.01 Социология Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: alinokkazaborskaja@mail.ru

Заварзин Николай Сергеевич – студент 1-го курса направления подготовки 38.03.04 Государственное и муниципальное управление Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: zavarz@mail.ru

Заварзин Сергей Павлович – старший преподаватель кафедры электроэнергетики и электротехники Братского государственного университета; e-mail: s.cotelnik@yandex.ru

Загородний Валентин Дмитриевич – студент 2-го курса направления подготовки 39.03.01 Социология Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: Lic-kric97@mail.ru

Иванов Роман Викторович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: dorwardrw@list.ru

Ковригина Галина Дмитриевна – кандидат философских наук, доцент Института экономики, управления и права ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет»; e-mail: kovrigina_gd@mail.ru

Кожевников Николай Борисович – студент 2-го курса направления подготовки 39.03.01 Социология Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: n_kozhevnikov97@mail.ru

Кольчугина Марина Владиславовна – студентка 4-го курса направления подготовки 39.03.01 Социология Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: kolchugina.marina@mail.ru

Косолапова Юлия Андреевна – студентка 2-го курса направления подготовки 39.03.01 Социология Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: ykoos-irk@mail.ru

Костяева Мария Олеговна – студентка 2-го курса направления подготовки 39.03.01 Социология Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: marikost25@gmail.com

Крупенёва Ксения Андреевна – студентка 4-го курса направления подготовки 39.03.01 Социология Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: kseniya.krupeneva@mail.ru

Крюкова Ульяна Владимировна – студентка 3-го курса направления подготовки 39.03.01 Социология Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: kryukova.ulyana@mail.ru

Кушкова Анна Дмитриевна – студентка 2-го курса направления подготовки 39.03.01 Социология Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: anna-k1997@yandex.ru

Лесниковская Екатерина Викторовна – доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИГУ, кандидат социологических наук; e-mail: elesnikovskaya@gmail.com

Лукьянов Кирилл Юрьевич – студент 3-го курса направления подготовки 39.03.01 Социология Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: lku-15@mail.ru

Мамонова Анастасия Дмитриевна – студентка 4-го курса направления подготовки 39.03.01 Социология Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: stuffy957@mail.ru

Мамурков Евгений Викторович – студент гуманитарно-эстетического факультета Педагогического института ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: emamurkov@mail.ru

Морева Александра Артуровна – главный специалист-эксперт Службы ЗАГС Иркутской области, магистрант 2-го курса направления подготовки 39.04.01 Социология (направленность «Современная социологическая деятельность: аналитика, экспертиза, инжиниринг») Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: mor-15s@mail.ru

Мурашова Любовь Сергеевна – студентка 4-го курса направления подготовки 39.03.01 Социология Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: lyuba.m.95@mail.ru

Мясникова Анастасия Сергеевна – студентка 4-го курса направления подготовки 39.03.01 Социология Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: nymeria96@mail.ru

Николаева Екатерина Владимировна – студентка 3-го курса направления подготовки 39.03.01 Социология Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: ev.nikolaeva@list.ru

Огнева Ирина Евгеньевна – студентка 3 курса направления подготовки 39.03.01 Социология Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: ira-ogneva19@mail.ru

Пархоменко Анастасия Николаевна – аспирант 1-го курса направления подготовки 39.06.01 Социологические науки, направленность 22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: sawnast@yandex.ru

Петров Сергей Анатольевич – мэр Ангарского городского округа, магистрант 2-го курса, направления подготовки 38.04.04 Государственное и муниципальное управление Института социальных наук ИГУ; e-mail: re-trovsa@mail.ru

Пленкова Анастасия Олеговна – студентка 2-го курса направления подготовки 39.03.01 Социология Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: anastasia.plenkova10@gmail.com

Плюснина Татьяна Алексеевна – студентка 2-го курса направления подготовки 39.03.01 Социология Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: plusninatanya97@gmail.ru

Полюшкевич Александр Владимирович – преподаватель Ангарского промышленно-экономического техникума; e-mail: okwook@mail.ru

Полюшкевич Максим Александрович – главный специалист сектора инвестиционной деятельности отдела по стратегическому развитию территории администрации Ангарского городского округа Администрации г. Ангарск, магистрант 2-го курса направления подготовки 38.04.04 Государственное и муниципальное управление Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: PolushkevichMA@mail.angarsk-adm.ru

Полюшкевич Оксана Александровна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: okwook@mail.ru

Понятовская Евгения Анатольевна – советник мэра Ангарского городского округа, магистрант 2-го курса направления подготовки 38.04.04 Государственное и муниципальное управление Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: upoeif@angarsk-adm.ru

Попова Марина Владимировна – магистрант 2-го курса направления подготовки 38.04.04 Государственное и муниципальное управление Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: bobrovskaya_marina93@mail.ru

Прончина Дарья Константиновна – магистрант 2-го курса направления подготовки 39.04.01 Социология, направленность «Современная социологическая деятельность: аналитика, экспертиза, инжиниринг» Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: dasha_baik@mail.ru

Пружинин Александр Николаевич – студент 3-го курса направления подготовки 38.03.04 Государственное и муниципальное управление Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: mr.wasa80@mail.ru

Пустобаева Валерия Игоревна – лаборант-исследователь социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ИГУ, студентка 4-го курса направления подготовки 39.03.01 Социология Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: valeriya.pustobaeva@gmail.com

Путь Андрей Валентинович – старший преподаватель кафедры правового обеспечения национальной безопасности ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»

Раднаев Ян Джанцайевич – студент 2-го курса направления подготовки 39.03.01 Социология Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»

Решетников Владимир Алексеевич – доктор философских наук, профессор, директор Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ», заведующий кафедрой социальной философии и социологии; e-mail: eresh80@mail.ru

Родак Олеся Игоревна – студентка 4-го курса направления подготовки 39.03.01 Социология Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: rodak1995@rambler.ru

Романов Герман Иванович – кандидат исторических наук, доцент, писатель, учитель истории и обществознания МКОУ «Средняя общеобразовательная школа № 7» села Олха Шелеховского района Иркутской области

Саблина Наталья Александровна – старший научный сотрудник социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ИГУ, доцент кафедры социальной работы Института социальных наук ФГБОУ ВО «ИГУ», кандидат социологических наук; e-mail: nsablina@bk.ru

Скуденков Владимир Алексеевич – директор ООО Консультационный центр «Личность», магистрант 2-го курса направления подготовки «Психология управления» ФГБОУ ВО «Байкальского государственного университета»; e-mail: ug-ma@mail.ru

Скуденков Евгений Владимирович – магистрант 2-го курса направления подготовки 38.04.04 Государственное и муниципальное управление ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: ug-ma@mail.ru

Трескин Петр Андреевич – главный специалист отдела строительства Администрации г. Иркутска, соискатель кафедры социальной философии и социологии ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: treskin-ne@ya.ru

Тульцова Екатерина Валерьевна – главный специалист ОГКУ «Аппарат Общественной палаты Иркутской области», магистрант 1-го курса направления подготовки 39.04.01 Социология, направленность «Современная социологическая деятельность: аналитика, экспертиза, инжиниринг» Института социальных наук ИГУ; e-mail: katy44ka@inbox.ru

Ушаков Сергей Викторович – глава Администрации пос. Белореченский Иркутской области, аспирант кафедры социальной философии и социологии ФГБОУ ВО «ИГУ»; e-mail: ushakovsv@mail.ru

Широбокова Альбина Анатольевна – доцент кафедры социологии и психологии ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет», кандидат экономических наук, доцент, президент Байкальского регионального союза женщин «Ангара»; e-mail: womangara@irk.ru

Научное издание

**Политический консенсус в XXI веке:
противодействие идеологии терроризма
и обеспечение безопасности**

ISBN 978-5-9624-1535-2

*Тексты публикуются в авторской редакции.
Материалы цензуре не подвергались, мнение редакционной коллегии
может не совпадать с позицией авторов*

Дизайн обложки: П. О. Ершов

Темплан 2017. Поз. 119
Подписано в печать 21.11.2017. Формат 60×90 1/16
Уч.-изд. л. 24,0. Усл. печ. л. 23,0. Тираж 100 экз. Заказ 187

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК ИРКУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Созданный в 1998 г. Институт социальных наук сегодня – это ведущее учебное подразделение ИГУ, объединяющее специалистов четырех кафедр: социальной философии и социологии, социальной работы, культурологии и управления социальными процессами, государственного и муниципального управления.

В Институте ведется подготовка по четырем направлениям: «Социология», «Социальная работа», «Государственное и муниципальное управление», «Менеджмент организаций». Открыты магистратуры по социологии, государственному и муниципальному управлению. Действует аспирантура по двум специальностям: 22.00.04 – «Социальная структура, социальные институты и процессы»; 22.00.08 – «Социология управления».

В структуру Института входят социальный факультет, факультет дополнительного образования. Институт располагает собственной базой для прохождения производственных практик студентов-социологов, которой выступает социологическая лаборатория региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ». Также в Институте функционирует лаборатория психолого-экономических и кросс-культурных исследований.

В Институте реализуются три основных научных направления, утвержденных Ученым советом ИГУ на 2015-2019 гг.: 1) «Развитие социальных структур и социальных институтов в аспекте социальных взаимодействий России и современного мира» (руководитель – проф. Грабельных Т. И.); 2) «Социокультурное образование в системе социальных и межнациональных взаимодействий» (руководители: проф. Карнышев А. Д., проф. Решетников В. А.); 3) «Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества» (руководитель – проф. Кармадонов О. А.).

Результаты научной деятельности преподавателей и сотрудников широко внедряются в различные социальные практики. Институт активно сотрудничает со структурами Правительства Иркутской области и администрациями городов Иркутска, Ангарска, Шелехова, а также с муниципальными органами местного самоуправления, различными специализированными центрами и организациями. Профессорско-преподавательский состав Института проводит социологические исследования, осуществляет экспертизу и разработку социальных проектов и программ. На базе Института могут пройти переподготовку и повышение квалификации преподаватели российских вузов и ссузов, управленческий персонал социальной сферы.

Институт социальных наук приглашает к сотрудничеству руководителей и специалистов органов управления, коммерческих структур, общественных организаций и фондов.

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Почтовый адрес: 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, ИГУ

Адрес Института: 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 3, корпус 3, каб. 211

Тел./факс: (3952) 52-15-60, (3952) 20-02-05

Вебсайт: www.socio.isu.ru. **E-mail:** socioisu@mail.ru